ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 3

МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА—1925

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 3

МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА—1925

Главлит 34295. Москва. Тираж [illegible]

Типография „Правда“ и „Беднота“, Серебряническая наб., д. № [illegible]

СОДЕРЖАНИЕ.

Трибуна.

Библиография.

Сообщения и заметки.

Фихте и Великая Французская революция.

А. Деборин.

VII.

«Основные черты современной эпохи»—главное философско-историческое произведение Фихте—примыкает к «Назначению человека» и «Назначению ученого». «Основные черты современной эпохи» во многом предвосхищают философско-исторические идеи Гегеля. В нашу задачу не входит изложение развитых философом в этом произведении идей. Нас интересует главным образом метод, которым пользуется Фихте.

В названном сочинении Фихте поставил себе целью дать философскую картину современной эпохи». «Философским же,—говорит он,—может быть названо только такое воззрение, которое сводит наличное многообразие опыта к единству одного общего начала и затем исчерпывающим образом и выводить из единства все многообразие». Тут Фихте опять-таки поступает как идеалист, как спекулятивный философ, стремящийся вывести все многообразие явлений из априорно установленного принципа. Он пренебрегает опытом и наблюдением, рассматривая исторический процесс чисто умозрительно. Но этот подход все же не мешает Фихте высказать ряд чрезвычайно интересных мыслей, оказавших, между прочим, огромное влияние на такого человека, как Лассаль.

Всякая определенная историческая эпоха составляет лишь момент или звено в процессе развития всего человечества. Она может быть понята не из себя самой, а в связи со всей совокупностью эпох. История, как и природа, есть связное целое. Поэтому «во всякой части я постигаю целое, ибо всякая часть лишь благодаря целому есть то, что она есть». Для выяснения особенностей современной эпохи необходимо постигнуть целое, т.-е. понять смысл исторического развития в целом, «мировой план»,—цель земной жизни человечества и проч.

Фихте различает в жизни человеческого рода две главные эпохи: господства инстинкта и искусства. Между первой низшей ступенью — и второй — высшей ступенью — суще-

ствуют переходные ступени. В первую эпоху разум действует, как инстинкт, как закон природы, как естественная сила, т.-е. как смутное чувство. На высшей ступени развития разум действует через свободу. Таким образом, *исторический процесс есть осуществление свободы.* Между господством инстинкта и свободного разума существует третий промежуточный член — сознание или наука разума. Между эпохами инстинкта разума и науки разума выступают снова две переходные эпохи — господство авторитета разума и освобождение от этого господства авторитета. Следовательно, человечество в своем развитии начинает со ступени господства *слепого инстинкта* и поднимается на ступень *разумного искусства.* Освобождение от разумного инстинкта связано с возникновением *науки разума,* согласно «правилам которой должны быть устроены все отношения человеческого рода путем его свободных деяний». Человечество должно жить сознательной и свободной жизнью. Наука разума и есть сознание человечеством законов окружающего его мира. Однако для устроения жизни еще недостаточно знания, которое может быть дано только наукою; необходима еще особая *наука действия,* т.-е. искусство. Это *искусство устроения* всех отношений человечества сообразно заранее *научно познанному* разуму должно быть проведено через все отношения человечества. Эпоха разумного искусства есть в известном смысле возвращение к стадии инстинкта разума. Возвращение к исходному пункту,—говорит Фихте,—и есть цель всего процесса.

Каков же характер современной эпохи?—спрашивает Фихте. Ответ его сводится к следующему: современная эпоха есть эпоха *пустой свободы,* индивидуализма, личного благополучия, господства обыденного человеческого рассудка, голых абстракций и проч. «В таком положении необходимо оказывается эпоха, освобождающая себя от разумного инстинкта, первого принципа жизни рода, еще не обладающей наукой, вторым принципом этой жизни; у такой эпохи не может оставаться ничего, кроме одной голой индивидуальности. Род, единственное, что истинно существует, превращается для этой эпохи лишь в пустую абстракцию, которая существует только в понятии отдельного индивидуума, искусственно составленном его мыслительною способностью; и такая эпоха не имеет и не способна мыслить иного целого, кроме сложенного из частей, т.-е. отнюдь не завершенного в себе, не органического целого» [1]).

Современная эпоха освободилась от разума и, следовательно, предалась эгоизму, ибо разум, в какой бы форме он ни проявлялся,

[1]) *Фихте,* Основные черты современной эпохи, русский перевод 1906 г. 22 стр.

всегда имеет целью жизнь рода. С отрицанием разума остается лишь чисто-индивидуальная жизнь. Отличительная черта современной эпохи состоит в том, что каждый думает только о себе и о собственной пользе. Очевидно, что Фихте изображает этими чертами буржуазную эпоху. Средствами познания для этой эпохи являются опыт и рассудочные понятия, образующиеся чисто опытным путем. Это—эпоха формального знания. Понятию противостоит идея. Эпоха, лишенная идей, есть эпоха слабая, бессильная и безвольная; все, что она делает, бледно и хило. В научном отношении, стало быть, эпоха характеризуется неспособностью к идее. Четвертая эпоха, т.-е. эпоха разумной науки, следующая за современной и подготовляющая последнюю эпоху—есть эпоха истинной реальной науки. Наука разума современем станет достоянием всех, ибо законы разума должны быть осуществлены истинным искусством во всем человеческом роде.

Основные черты и характерные определения всякой эпохи обусловливаются и определяются ее общественным состоянием и особенно состоянием государства, государственное устройство современной эпохи должно быть понято из истории своей эпохи. Фихте в результате своих изысканий приходит к установлению так называемого абсолютного государства, сущность которого состоит в равенстве и в приоритете рода над интересами индивидуумов. «Равенство может существовать только там, где все без исключения обязаны отдавать государству все свои силы. В таком строе индивидуальность всех совершенно растворяется в роде всех; и каждый получает свой вклад в совокупность общих сил увеличенным общею силою всех остальных[1]). Цель изолированной личности—наслаждение; цель рода—культура, и, как условие последней, достойное материальное существование». В государстве каждый пользуется своими силами непосредственно вовсе не для собственного наслаждения, а в целях рода, но при этом получает обратно все культурное богатство рода, и, помимо того, еще достойное материальное существование.

Фихте различает три основные формы государства или общественного устройства, так как Фихте путает эти понятия, хотя сам же и оговаривает в одном месте, что общество есть экономическая организация, а государство—организация политическая, орган власти. Итак, первоначальная форма государства основана на «абсолютном неравенстве членов государства, разделяющихся на классы властителей и подвластных, которые не могут поменяться ролями, пока существует данный строй». Вторая форма государства покоится на формальном равенстве права всех. «Такое равенство права всех, как права, вовсе не есть еще равен-

[1]) Фихте, Основные черты современной эпохи, 132 стр.

ство прав, ибо обеспечиваемые за различными индивидуумами цели могут весьма различаться по об'ему; мерилом, устанавливающим последний, является по большей части то состояние владения, которое существовало во время установления государства законов». Таким образом, правовое государство наделяет каждого гражданина правами в меру их собственности. Фихте, как видит читатель, обнаруживает поразительную для его времени глубину понимания и дальнозоркость. К сожалению, все эти глубокие и правильные мысли затуманиваются его спекулятивными и подчас прямо-таки мистическими идеями, ничего общего с реальной действительностью не имеющими. Но очищенные от мистического и идеалистического хлама, основные идеи Фихте заключают в себе глубокое понимание эпохи.

Третья основная форма государства предполагает равенство прав. «Ясно,—говорит Фихте,—что в таком строе осуществляется не пользование всех сил всех граждан в интересах общей цели; ибо общая цель есть именно цель всех без исключения, взятых как род, следовательно, в таком строе выражается абсолютная форма государства и возникает всеобщее равенство прав и имущественного состояния»[1]. Конечно, неправильно было бы думать, что Фихте стал на почву современного социализма, ибо равенство имущественного состояния не предполагает еще наличие общественной собственности на средства и орудия производства. Даже в государстве разума Фихте продолжает существовать частная собственность, как мы это видели в предыдущей статье. Поэтому неправильно считать Фихте социалистом или коммунистом в современном смысле. Но его критика современного общества, несомненно, оказала огромное влияние на его современников и на развитие социалистических идей.

С другой стороны, Фихте иногда в своих абстрактных рассуждениях очень близко подходит к коммунизму. Говоря о цели соединения первоначальных семейств или родов путем договора, он указывает на то, что «целью такого соединения может быть только возможно лучшее обеспечение и сохранение своего физического существования посредством общего труда» и поэтому такое соединение не есть государство, а лишь экономическое общество, как выражается Фихте. Такой союз предполагает, что все члены общества обязываются употреблять все свои силы и труд на пользу целого, за то все имеют одинаковую долю в благах и наслаждениях целого. «В доме нет ничего, что не принадлежало бы всем и что, при наступлении известного условия, действительно не обращалось бы на нужды каждого». Именно такой союз Фихте считает абсолютной формой государства, т. е.

[1]) Фихте, там же, 137 стр.

государством, покоющимся на равенстве прав всех. Такая абсолютная форма государства характеризуется тем, что все силы общества направляются на достижение общей цели коллектива. «Это возможно лишь в том случае,—говорит справедливо Фихте,—если всею их работою руководит одна воля, определяющая порядок работ и степень их важности для целей общества, ставящая каждого на его место, где его работа не будет нарушать, но будет поддерживать работу других людей и, наконец, безусловно подчиняющая себе всякого индивидуума в отношении его деятельности на пользу общества». Для Фихте в данном случае важно лишь одно: чтобы «все без исключения имели равную долю во всех благах общества», а вовсе не формальная сторона вопроса. Речь идет не об источнике этой единой воли, руководящей волей всех, или, иначе говоря, о форме правления. Фихте допускает одинаково и демократическую форму правления, при которой правом голоса пользуются все совершеннолетние члены общества, и аристократический или олигархический порядок, когда все общество передает надзор и руководство общественными делами выборному учреждению из нескольких членов (или даже одному члену).

Следует в отношении общества различать момент формальный и момент материальный. Цель человеческого рода, его развития совпадает с целью государства. Она состоит в устроении всех отношений человечества сообразно разуму. Таким образом, в каждую данную эпоху государство является средоточием высшей культуры, достигнутой родом или человечеством. Государство, преследуя и осуществляя свои собственные цели, осуществляет, не ведая того, на самом деле, цели рода. Фихте мечтает о единой республике всех народов, обнимающей весь человеческий род, населяющий нашу планету. Стало быть, первая цель государства—это устроение самого человечества, распространение и развитие культуры и т. д. Вторая задача сводится к необходимости подчинения человеку природы. «Вторая необходимая цель человеческого рода состоит в том, чтобы окружающая его и воздействующая как на его существование, так и на его деятельность природа была совершенно подчинена власти понятия. У сил природы не должно быть власти препятствовать целям культуры или уничтожать ее результаты; все проявления их должны быть наперед вычисляемы, и против их вторжения в нашу жизнь должны существовать установленные наукою средства. Люди должны овладеть искусством всецело подчинять своей воле все пригодные для пользования силы природы и извлекать из них для себя выгоду. Собственная сила человека должна быть вооружена естествознанием и искусством, искусными орудиями и машинами, и, благодаря целесообразному разделению необходимых отраслей труда между многими людьми, каждый из которых

изучает лишь одну из них, но зато достигает вполне основательного ее знания, должна стать выше всех сил природы, так чтобы человек осуществлял все свои земные цели без большой затраты времени и силы и имел еще достаточно досуга для размышления о своем духе и сверхземном. Это—цель человеческого рода как такового[1]).

Если эти мысли Фихте перевести на современный язык, то он будет означать, что человечество стремится бессознательно осуществить великую цель освобождения от власти слепых сил природы. Развитие производительных сил приведет к тому, что человек при помощи науки, т.-е. знания законов и сил природы и искусства, т.-е. техники, покорит себе природу. Эти прекрасные мысли, свидетельствующие о глубоком понимании исторического процесса и о величии идеала самого Фихте, окутаны метафизическим туманом о «духе» и «сверхземном», о моральной цели человеческого рода и проч.

Разница между Фихте и Марксом та, что последний построил свой коммунизм не на моральных целях и вообще абсолютных идеях, а на исторических фактах. Государство, т.-е. правильнее было бы сказать, общество, стремится все больше сделать своих членов орудиями. Для этого оно должно, однако, заботиться об увеличении материальных средств общества путем повышения своей власти над природой, т.-е., выражаясь марксистским языком, путем развития производительных сил. «Следовательно,—заключает Фихте,—в собственных своих интересах оно должно сделать своими целями названные ранее цели рода. Поэтому оно будет заниматься оживлением промышленности, улучшением сельского хозяйства, усовершенствованием мануфактур, машинного производства и содействовать открытиям в механических искусствах и в естествознании»[2]). И тут, благодаря диалектике развития, происходит то, что государство или общество ставит себе сознательно одни цели, а осуществляет об'ективно совершенно другие цели. Государство вынуждено способствовать развитию промышленности, напр., в целях увеличения налогов или армии, а само это развитие промышленности приводит к противоположным результатам. Так, «правящие,—говорит Фихте,—не сознавали при этом никакой высшей цели, но, тем не менее, без собственного сознания государство осуществляет указанную цель человеческого рода, как такового».

Фихте смело поднимает вопрос об уравнении прав всех граждан. Он полагает, что для этого уже наступило время[3]). Известно, что восстание Бабефа и идеи последнего оказали на Фихте боль-

---

[1]) Фихте, там же, 147—148 стр.
[2]) Фихте, там же. 148 стр.
[3]) Лекции об основных чертах современной эпохи были читаны Фихте в 1804—1805 г.г.

шое влияние. Это влияние особенно сильно чувствуется в «Замкнутом торговом государстве».

Итак, **необходимость** делает целью государства в современной Европе «ни разу еще до сего дня не осуществлённое уравнение прав всех»,—говорит Фихте. «Необходимость приступить к уравнению прав возникает для государства следующим образом: вынужденное постоянно и систематически отнимать и поглощать все количество сил, какое только могут дать (при условии сохранения своей личной свободы и поддержания своего существования) его менее достаточные граждане, оно уже не может получить от них сколько-нибудь больше того, что они дают, в тех случаях, когда возникает потребность в еще большем напряжении сил. Поэтому у него не остается иного исхода, кроме обращения своих требований к привилегированным родам и сословиям». С другой стороны, и сами непривилегированные, если бы им не приходилось работать на привилегированных, могли бы уделять государству больше своих сил, рассуждает Фихте. «Поэтому государство, неустанно стремящееся к увеличению своей внутренней силы, вынуждено осуществлять постепенно уничтожение всех привилегий и совершенное уравнение прав всех граждан, при котором оно одно владело бы своим истинным правом, правом **распоряжаться в своих целях всем излишком сил своих граждан без каких бы то ни было исключений**» [1]). Этот процесс уравнения прав всех граждан Фихте называет **внутренним проникновением гражданина государственностью**. И именно это составляет задачу или, если угодно, принцип нашей эпохи. Необходимо еще раз подчеркнуть, что процесс перехода к высшему общественному состоянию и внутренние движущие силы этого процесса Фихте изложены неправильно, так как у него совершенно отсутствует классовая борьба. Получается впечатление, что государство есть некая особая надклассовая организация, которая только и заботится об интересах рода, т.-е. всего человечества. Все это, разумеется, крайне ошибочно. Но вместе с тем Фихте далеко опережает эпоху своей защитой коллективных интересов общества, как целого. У Фихте нет строгого разграничения между государственной организацией и гражданским обществом. От этого получается вообще большая путаница во взглядах Фихте, ибо часто там, где речь идет о государстве, на самом деле имеется в виду общественная организация. Во всяком случае важно одно: коллектив является собственником всех сил и имущества граждан. Накопленный отдельными гражданами капитал может быть насильственно отнят коллективом и обращен на пользу целого. Таким образом, мы здесь уже имеем у Фихте иную постановку вопроса, чем в рассуждении о Французской революции. Стало

[1]) Фихте, там же, 189 стр.

быть, Фихте в своем развитии подвинулся в сравнении с ... значительно вперед.

Фихте не разделяет того взгляда на государство, по которому оно существует только для того, чтобы стеречь для сильного накопленные им блага и мешать неимущим стать имущими. В этом отношении Фихте оказал влияние на Лассаля, который в согласии с своим учителем протестует против роли «ночного сторожа», навязываемой государству. Фихте считает, что истинное назначение государства есть уравнение прав, понимая право не формально, а материально. Каждая личность, как человек, имеет свое законное притязание на собственность; это законное притязание равно у всех; поэтому все наличное, подлежащее обращению в собственность, имущество по справедливости должно было быть поровну разделено между всеми, и к постепенному осуществлению этого равного раздела того, что неодинаково распределено природою и случаем, государство, руководимое тоже природой, побуждается нуждою и заботою о своем самосохранении»[1]).

Таким образом, ближайшая задача эпохи сводится к осуществлению равенства прав. Неравенство прав,—говорит правильно Фихте,—есть истинный источник дурных нравов, а догма, хотя и не высказываемая вслух, будто неравенство есть необходимое вечное состояние, сама принадлежит к дурным нравам.

Фихте стоит на космополитической точке зрения или точнее на точке зрения всемирного гражданства. Все человечество должно слиться в одну республиканскую семью, построенную на равенстве прав и имуществ. Фихте стремится, как видно из изложенного, к разделу имуществ и к установлению равенства материальных средств, равенства имуществ. Такой строй, разумеется, ничего общего не имеет с социализмом. Но поскольку Фихте требует, чтобы государство распоряжалось всем имуществом и всеми силами граждан, то он тем самым естественно выходит из рамок буржуазного индивидуализма. Всемирное гражданство, проповедуемое мыслителем, вытекает из всего его мировоззрения. Если цель развития человеческого рода—культура в изложенном выше понимании, то отечеством для истинно просвещенного европейца будет не та страна, в которой он случайно появился на свет, а то государство, которое в данную историческую эпоху стоит на высоте культуры. Государство, переставшее стоять на высоте культуры, перестает быть и отечеством просвещенного передового человека. «Пусть земнорожденные, полагающие свое отечество в глыбах земли, реках, горах, продолжают и после этого оставаться гражданами павшего государства; при них остается то, чего желают и что делает их счастливыми; родственный солнцу дух непреодолимо влечется и устремляется ту-

[1]) Фихте, там же, 190 стр.

да, где свет и право. И, проникшись таким всемирно-гражданским чувством, мы можем спокойно и без страха за себя и за своих потомков взирать на действия и судьбы государств до конца времен» [1]).

VIII.

Фихте очень хорошо говорит в одном месте об истории, что она не может и не должна быть ни чем иным, как генетическим ответом на вопрос о том, каким образом возникло современное состояние вещей и какие причины заставили мир сложиться как раз таким, каким мы его видим перед собою. В другом месте и в другой связи он указывает на то, что современное государство должно быть представлено, понято в постепенном становлении государства разума. Государство разума имеет своей конечной целью нравственное самоопределение рода или, выражаясь иначе, проникновение действительности свободой. На-ряду с генетическим пониманием действительности, Фихте выдвигает, однако, идею «нормального народа», который как бы от века является носителем всех высших ценностей—языка, религии и нравственности.

Если цель истории есть господство разума в форме свободы, то отсюда вытекает, что разум должен существовать в каком-то виде с самого начала. Но так как, с другой стороны, цель истории может осуществиться лишь в результате развития, то разум существует изначала в форме инстинкта. Однако это райское состояние присуще не всему человечеству, а лишь избранному «нормальному народу», обладающему изначала культурой, которая сообщается другим менее счастливым народам. Все остальные народы на земле, в сравнении с нормальным народом, являются дикими. История человечества начинается лишь с того момента, как эти оба народа—нормальный и дикий—сталкиваются. Из конфликта между культурой и дикостью, из борьбы нормального народа с диким, рождается вообще исторический процесс, постепенное совершенствование человечества. Нормальный народ является носителем абсолютной культуры, дикий народ—абсолютной некультурности. Так как из о т с у т с т в и я культуры не может возникнуть культура и так как с другой стороны культура не может быть дана в готовом виде всем народам, то Фихте конструирует противоположность между избранным народом и дикими народами, между абсолютной культурностью и абсолютной некультурностью. Это построение фантастично и ничего общего с действительными фактами истории не имеет.

В понятии «нормального народа» заложена основа национализма Фихте, получившего широкое развитие в его «Речах

---

[1]) Фихте, там же, 192 стр.

к немецкому народу». Фихте искренно верил, что именно немцы являются этим современным «нормальным народом», избранной нацией, самой благородной и культурной. Немцы представляют собою особую духовную расу; они являются носителями истинной философии, народом мыслителей; от них исходит прогресс человечества. Все остальные народы отличаются поверхностностью; они лишены того, что присуще, по мнению Фихте, только немцам и что он называет «метафизической самостью». Естественно, что провиденциальное назначение немцев, их особая миссия в этом мире—весь этот комплекс идей, сыгравших такую огромную роль и в последней войне, должен был будить национальное сознание немцев в их борьбе против французов в начале XIX в.

Если немцы являются единственными носителями всякой культуры, то вместе с их уничтожением или потерей их национальной самостоятельности терпит ущерб весь мир, который духовно живет за счет немцев. Поэтому в их сохранении заинтересованы все нации. Эта своеобразная идеология, которая, впрочем, присуща чуть ли не всем нациям на определенной ступени развития, являлась выражением стремлений немецкой буржуазии создать единый национальный организм в интересах развития производительных сил. В жизни же Фихте этот «национальный» его период означает шаг назад против космополитических настроений, вызванных Французской революцией. Таким образом, деятельность Фихте распадается на два больших периода: на космополитический и националистический, на революционный и «соглашательский». Революционный период в мировоззрении Фихте характеризуется всеми теми чертами, что и просвещение революционной эпохи вообще. Энтузиазм, вызванный Французской революцией, все перипетии ее борьбы как внутри страны, так и с внешними врагами—все это служило источником тех новых взглядов, которые сложились у Фихте, на право, государство, историю и проч. Но особенно сильно было влияние просветительной философии, которая получила свое завершение у Канта, непосредственного предшественника и учителя Фихте.

Господство разума должно было быть утверждено во всех областях жизни. Историческим образованиям противопоставляли требования разума, действительности—идеал, считавшийся продуктом не исторического процесса, а чистого разума, независимого от исторических условий. Во избежание недоразумений необходимо подчеркнуть, что этот разум на самом деле был обусловлен историческим и общественным положением нового класса, требовавшего установления господства этого разума. Но сознанию идеологов и даже целого класса этот разум представлялся действительно чем-то совершенно самостоятельным и от истор-

ческого хода вещей независимым. Как бы то ни было, требование осуществления «разумного» в действительности выставлялось почти всеми представителями эпохи. Сторонники естественного права отвергали идею исторического развития и исходили из неизменных, вечных принципов. Кант и в особенности Фихте, находившийся под сильнейшим влиянием революции, не были в состоянии разрешить историческую проблему путем сочетания действительности и идеала. Идея ставилась над действительностью. И в этом смысле этика должна была дать обоснование действительности и служить источником для оценки исторических событий. Осуществление свободы было признано содержанием исторического процесса. Теория государства и права не должна иметь дела с эмпирической жизнью, с действительными историческими фактами; она заботится лишь об обосновании и осуществлении идеала, почерпнутого из высшего источника—из этики. Для философа важно то, что должно быть, а не то, что в действительности происходит. Разум, свобода и деятельность составляют основные понятия, на которых покоится все миросозерцание Фихте.

Смысл человеческого существования сводится к преодолению чувственности, к подчинению ее разуму. Под чувственностью в широком смысле слова Фихте понимает все то, что не разумно. Деятельность человека, как и общества, должна быть направлена к преодолению всего чувственного как в самом себе, так и в общественной жизни—во имя свободы, во имя господства разума. Так, просвещение XVIII в., выдвинувшее разум, как высшую инстанцию, перед которой все существующее должно получить свое оправдание, получает свое крайнее выражение у Фихте. Вместе с тем необходимо особенно подчеркнуть, что именно практически-действенное направление революционной буржуазии на немецкой почве облекается в этическую идеологию. Практическое «Я», в отличие от теоретического, является источником бытия, ибо суб'ект выступает как причина об'екта.

Фихте правильно указывает на то, что практическая философия, исследующая условия возможности нашего воздействия на мир, в этом нашем действии должна найти соответствие между нашими представлениями и об'ектами. Этим вопросом занимается в сущности и теоретическая философия, но только практическая философия, об'ясняющая, как возможна «гармония» между об'ектом и суб'ектом, может служить основанием и для теоретического обоснования этой гармонии. Всякое сознание,—говорит Фихте,—начинает с того, что оно находит наше Я действующим в чувственном мире. Без этого сознания моей деятельности нет самосознания. Суб'ект сознания и принцип деятельности

тождественны. «Единственно абсолютное, на котором основывается всякое сознание и всякое бытие, это чистая деятельность»,—говорит Фихте. Единственно истинное—это мое Я, мое деятельность. Таково самоуверенное и гордое сознание овладевающего миром нового общественного класса. Он сознает, что призван историей к деятельности, к победе над всем тем, что не соответствует его «понятию», его «идее». Он чувствует себя призванным преобразовать мир, согласно своим целям и идеям, т.-е. «интересам», которые скрываются за этими идеологическими формулами и выражениями.

Мы, к сожалению, лишены возможности дать здесь подробный анализ фихтевской этики. Считаем необходимым остановиться лишь на некоторых пунктах, поскольку они могут помочь нам в освещении всего мировоззрения философа и его метода в целостности.

Я и НЕ-Я составляют две основные противоположности самосознания или частей деятельности «Я». Самосознание покоится в постоянном взаимодействии этих противоположностей. То, что существует независимо от нашей свободы, есть природа. То, что зависит от нашей свободы, есть культура. Как ни односторонняя эта точка зрения, но она способствовала размежеванию природы от истории и давала возможность Фихте (как и Канту) подходить к общественным явлениям с точки зрения практической деятельности и рассматривать их не под углом зрения натурализма, как это делали в большинстве случаев французские материалисты.

Подобно тому, как чистое Я включает в себя Я и НЕ-Я, составляет их единство, так и в индивидуальной психике Фихте проводит резкое разграничение между системой влечений, чувств и ощущений, составляющих нашу природу (НЕ-Я) и сознательной волей (нашим духовным Я, нашей свободой). Мы подчинены независимой от нас необходимости, ибо то, что мы имеем определенное влечение и ощущения, не зависит от нашей свободы. Удовлетворение же влечений, деятельность, вытекающая из наших чувств, находится в нашей власти и составляет продукт нашей свободы. Таким образом, мы являемся одновременно существами природы и чистыми духами. Но эти противоположные направления или силы существуют в нас, как в существе едином. Они подчинены первоначальному влечению (dem Urtrieb), которое проявляется в двух указанных формах, составляя по природе своей одно и то же. Чистое влечение составляет сущность нашего «Я». Поэтому оно присуще всем разумным существам. Это чистое влечение есть не что иное, как деятельная интеллигенция. Оно поднимает нас над природой и делает возможным ее преодоление.

Первоначальное влечение, составляющее об'ективное бытие должно обнаружиться, как первая мысль. Это необходимое представление нашей абсолютной самодеятельности есть сознание свободы. «То, что есть Я (абсолютное тождество суб'екта и об'екта), раскалывается сознанием на две различные стороны и требует необходимого их соединения в форме причинной связи: так возникает в пределах сознания на суб'ективной стороне причинность понятия (свобода), на об'ективной стороне причинность материи (необходимость). Я есть тождество обеих сторон и требует поэтому абсолютного их об'единения, поэтому в *Я* свобода и необходимость не могут противополагаться одна другой, а должны быть об'единены: сама свобода необходима, она закон, которому мы безусловно подчиняемся. Я не было бы Я, если бы свобода не была законом; свобода была бы не законом, а принуждением, если бы мы сами свободно и для свободы не делали бы ее нашим законом; закон не был бы свободой, если бы он не был автономен. Мы должны определять нашу свободу согласно понятию нашей самодеятельности. Это необходимая мысль нашей интеллигенции. Мысль эта есть принцип нравственности, нравственный закон [1]).

В этических, как, впрочем, и во всех философских рассуждениях Фихте ярко проявляется тенденция эпохи, сводящаяся к утверждению самостоятельности личности и к освобождению ее от власти всяческих авторитетов. Индивидуалистический мотив у Фихте является хотя и основным, но все же не единственным. Мы уже видели, что «социалистическая» или универсалистическая тенденция тоже занимает определенное место в системе Фихте. Но эта «социалистическая» тенденция подчинена индивидуалистической, является как бы производной, вторичной. Но замечательно то, что абстрактный нравственный закон получает свое конкретное материальное содержание благодаря социальному моменту. В связи с этим социальным моментом возникает вопрос и о преодолении солипсизма, суб'ективизма и индивидуализма. Я, которое полагает индивидуум, необходимо находится во взаимодействии с другими индивидуумами. Условием самосознания Я является признание существования других разумных существ, ибо духовное существо не может стать разумным в изолированном состоянии, вне взаимодействия с другими людьми.

Основные идеи социальной этики сводятся в общем к следующему. Господство разума в применении к роду требует, чтобы человек жил в обществе и для общества. Кто отворачивается от интересов целого, тот эгоист, тот нарушает требования морали. Философия деятельности учит, что человек выполняет свое назначение лишь в том случае, когда он является деятельным членом общества.

1) К[illegible]

Свобода составляет абсолютное условие господства раз[ума], состоящего в преодолении всего чувственного и подчинени[я его] понятию или идее. Свобода же в таком понимании предпола[гает] взаимодействие индивидуумов, координацию их. Цель общ[ества] в конечном счете сводится к установлению в нем полного со[гла]сия между всеми членами, т. е. полного господства разума.

Иодль в своей «Истории этики» правильно подчеркива[ет], что Фихте в полном согласии с своим пониманием свободы о[пре]делял характер и назначение государства. Но, так как са[мо] содержание понятия свободы у него менялось, то в соответст[вии] с этим менялись и его взгляды на государство. Установив свобо[ду] как сущность жизни вообще, Фихте в начале видел задачу го[су]дарства в охране свободы. Но такое понимание государства, говорит Иодль,—показалось Фихте слишком формалистически[м и] пустым. Разум, сущность которого исчерпалась для Фихте по[ня]тием свободы, оказался наполненным и материальным содер[жа]нием, которое не могло быть выведено из понятия свободы, к[ак] это думал Фихте [1]). Господство разума в чувственном мире буд[ет] обеспечено,—рассуждает теперь Фихте,—лишь тогда, когда ка[ж]дый человек будет иметь с о б с т в е н н о с т ь. Ибо свободн[ая] деятельность возможна только тогда, когда у человека ес[ть] область, где господствует его воля. Собственность и явля[ется] необходимым условием свободной деятельности.

В связи с этими идеями Фихте развивает мысль об обяза[н]ности человека приобретать собственность. С точки зрения юр[и]дической каждый имеет п р а в о на собственность. В учении ж[е] о нравственности мыслитель доказывает, что о б я з а н н о с т ь[ю] каждого человека является приобретать собственность, не нару[]шать чужой собственности и заботиться о том, чтобы тот, у кого нет собственности, приобрел ее [2]). Именно государство, [в] первую очередь, должно заботиться о наделении всех гражд[ан] собственностью. Строго говоря,—замечает Фихте,—в государстве, в котором хотя бы один гражданин лишен собственности, нет вообще правомерной собственности. Ибо каждый может пол[ь]зоваться собственностью лишь постольку, поскольку она пр[и]знана всеми другими гражданами. Лишенный собственности гр[а]жданин уничтожает собственность других граждан одним св[оим] непризнанием ее [3]).

Однако надо сказать, что призыв к гражданам п р и о б р[е]т а т ь собственность также отражает определенный историчес[кий] момент в развитии буржуазного общества. Освящение собстве[н]ности было на руку классу буржуазии в первую очередь. Тол[ько]

[1]) Ср. F r i e d r i c h J o d l, Geschichte der Ethik, 3. Aufl., 2. B., S. 7[illegible].
[2]) F i c h t e, Das System der Sittenlehre, изд. 1908 г., 298—299 стр.
[3]) Там же, 302 стр.

собственность делает человека свободным,—говорил Фихте,—имея в виду субъективно, что каждый гражданин, у кого нет собственности, должен быть наделен ею. Но объективно, в данной исторической обстановке, его идеи получали другое истолкование и смысл: для собственников теория Фихте служила философским и этическим освящением и оправданием их «приобретательской» деятельности. Несобственникам же она оставляла право непризнания чужой собственности... Что в современном буржуазном обществе без собственности нет свободы—это совершенно верно. Поэтому политическими правами и свободами пользуются действительно в полной мере собственники, в то время, как лишенные собственности граждане, т.-е. рабочие в первую голову, остаются на положении рабов[1]). Буржуазия в лице своих идеологов выдвинула теорию, по которой свободы достоин лишь собственник. Всякий гражданин должен быть собственником,—учил Фихте. Только собственник есть настоящий гражданин,—говорят идеологи буржуазии. Мы, разумеется, не делаем Фихте ответственным за это положение вещей. Великий мыслитель и революционер субъективно стремился к осуществлению равенства собственности и прав, но объективное развитие общества шло в другом направлении. При таких условиях все благие пожелания Фихте шли на пользу только собственникам, хотя он и не желал этого.

Так, у Фихте этика служит основанием права и государства. И в свете этого учения собственность является не только правом, но и предметом обязанности гражданина. Вся постановка проблемы собственности у Фихте носит на себе печать стремлений мелкой буржуазии к приобретению собственности. Одной стороной это учение отражает реальные отношения, действительные интересы мелкой буржуазии, ремесленников, крестьян и др. Но, с другой стороны, это учение упирается в утопию, поскольку оно считает возможным устранить несправедливость и разрешить этическую проблему на началах наделения каждого гражданина собственностью. Эта мелко-буржуазная утопия дальнейшим развитием общественных отношений была естественно разбита жизнью. Но эта утопия, как всякая другая, имела свои корни в действительности.

Если назначение человечества состоит в осуществлении одинаковых для всех наций нравственных целей, то естественно, что отсюда вытекает своеобразный космополитизм, который был

---

[1]) Фихте понял природу государства глубже, чем все его предшественники и современники. «Человечество,—говорит он в своем учении о государстве,—распадается на собственников и не-собственников... Государство есть организация собственников...» (Fichte, Die Staatslehre, 1820 г., 40—41 стр.). Но государство, основанное на насилии и проч., некогда постепенно отомрет (ruhig absterben). (Fichte, там же, 290 стр.).

присущ, между прочим, многим мыслителям эпохи просвещения. Единство человеческого рода составляет необходимое условие и предпосылку возможности осуществления нравственных задач, стоящих перед человечеством, и вместе с тем оно же составляет и конечную цель прогресса. Естественно, что именно Французская революция в первую голову питала этот космополитизм. Мыслители, вроде Канта и Фихте, примыкая в этом отношении к французам, грезили о прекращении войн, об установлении вечного мира, о создании всемирной республики. Разница между Кантом и Фихте заключалась лишь в том, что последний понимал, что для осуществления этих великих идеалов необходимы материальные предпосылки, материальное равенство людей, уничтожение нищеты и противоположности не только между собственником и несобственником, но и между образованным и необразованным. Он так же хорошо понимал, что войны при современных условиях неизбежны и что устранить их возможно, лишь уничтожив вызывающие их причины. Этот героический период в истории буржуазии продолжался недолго, сменившись национальным шовинизмом, как только обнаружилось противоречие интересов между различными национальными организмами.

В эпоху космополитических настроений немецкой мелкой буржуазии и ее духовных вождей Фихте считал своим отечеством весь земной шар или, вернее, ту страну, которая стояла во главе культурного прогресса. Наполеоновские войны сразу изменили это настроение, вызвав взрыв национальных чувств. Фихте стал и во главе этого движения. Вторжение наполеоновских войск в пределы Пруссии делает нашего мыслителя сразу патриотом и националистом. Идея «нормального народа» приходит ему на помощь в смысле приспособления новых националистических идей к сложившемуся ранее мировоззрению. Современным «нормальным народом» оказываются немцы. Именно они являются носителями всякой культуры, и поэтому все, кому дорог прогресс, должны заботиться об его победе над французами, об его сохранении. Гражданин мира отступает теперь на задний план перед немцем—этим носителем общечеловеческого прогресса. Защита отечества возводится Фихте в религиозную обязанность гражданина. Даже в политическом отношении Фихте становится теперь более умеренным, хотя в своем теоретическом учении о праве, государстве и «социалистическом» устройстве общества он остается в общем и целом верен своим прежним взглядам.

В нашу задачу не входит изложение и критика идей, развитых мыслителем в его «Речах к немецкому народу». Мы считаем лишь необходимым указать здесь на совершившийся в мировоззрении Фихте поворот от космополитизма к национализму. С

другой стороны, заслуживает внимания и идея «социалистического» воспитания народа, которая положена в основу «Речей».

Замечательно то, что Фихте не видит в своем национализме и патриотизме отступления от прежнего космополитизма. Мало того, он считает теперь космополитизм и патриотизм тождественными идеями. Патриотизм есть «определенный действительный космополитизм». Исходя из того, что только немецкий народ живет самобытной жизнью, что только он является «нормальным» или «первобытным народом», что только в нем могла возникнуть истинная философия,—наукоучение Фихте, и что поэтому только он один способен нравственно обновить все человечество и спасти современную культуру, Фихте, естественно, видит в немецком народе единственного представителя всего человечества. В нем совпадают, таким образом, национализм и космополитизм. Эта идеология еще преобладала среди немцев в мировой войне 1914—1918 г.г. и получила свое дальнейшее обоснование в известной книге Шпенглера.

Однако нравственное обновление человечества, которое должно совершиться немцами, предполагает предварительное нравственное обновление самого немецкого народа. А это обновление должно совершиться путем национального перевоспитания немцев. Воспитание народа у немцев соответствует революции во Франции. Или, иначе говоря, французы обновляются посредством революций; самобытный же народ немецкий не имеет надобности прибегать к революциям; его задача—воспитание народа. Не даром немецкий народ есть Я среди народов. Эпоха «науки разума» и «искусства разума»—новая эпоха всемирной истории, сменяющая эпоху эгоизма и индивидуализма—начинается немцами. Попытка французов создать разумное государство с помощью революции окончилась неудачей,—говорит теперь былой восторженный поклонник революции. Выполнить задачу создания государства разума могут только немцы, ибо только немцы способны подчинить свои личные интересы интересам общества, отдать себя на служение целому.

Отступление от первоначальной революционной позиции совершается Фихте и в другом весьма существенном пункте. Новая система воспитания народа выдвигается как предварительное средство для подготовки граждан разумного государства. Именно, немецкий народ по всему своему характеру способен, так сказать, перевоспитаться. Разумное государство не может быть создано революцией. Необходимо предварительно создать нового человека для нового общественного строя. Государство разума осуществится мирным путем в результате новой системы социалистического воспитания.

* * *

В связи с событиями последнего десятилетия все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости возврата к социализму и идеализму Фихте. Как буржуазные, так и некоторые социалистические писатели доказывают преимущества Фихтевского социализма и идеализма перед Марксовским коммунизмом и материализмом.

Некий Герман Шнейдер пророчествует, что «немецкое мировоззрение в будущем станет социалистическим, но это будет социализм Фихте, а не Маркса». Что касается России, то и здесь мировоззрение станет социалистическим, но это будет социализм Достоевского, Толстого и православной церкви. Вообще мировоззрение масс в Европе в конечном счете останется христианским, ибо христианство содержит в себе все возможности для социалистического мировоззрения масс [1]).

Вопрос об усвоении массами марксистского мировоззрения в целом и вытеснении им христианства и всяких иных религиозных и идеалистических мировоззрений представляет действительно проблему огромной важности. Марксистское мировоззрение должно завоевать народные массы. Но мировоззрения порождаются не только отвлеченным мышлением, а прежде всего—условиями материальной жизни. Этим я отнюдь не хочу сказать, что борьба за мировоззрение масс не должна вестись и на почве идеологической. Напротив того, идеологической стороне вопроса мы придаем огромное значение, но отдаем себе отчет в том, что корни мировоззрения масс, как и глубоки и застарелы бывают всевозможные предрассудки их, все же не лежат в области отвлеченных рассуждений.

В нашей работе о Фихте мы пытались показать, что и его мировоззрение определялось и питалось революционной борьбой буржуазии—в первую очередь французской—против феодального мировоззрения и строя. Фихте был идеологом и вождем революционной части мелкой буржуазии Германии конца XVIII и начала XIX века. Но современные попытки реставрировать и возродить учение Фихте—его безграничный идеализм, априоризм и рационализм, его морализм и мелко-буржуазный социализм—надо признать реакционными. Мировоззрение Фихте давно уже сдано историей в архив. Отдельные гениальные мысли, высказанные Фихте по поводу государства, собственности, равно как и диалектический метод, которым он пользовался, получили научное обоснование в марксизме. Мировоззрение же Фихте в целом не выдерживает никакой научной критики. Его диалектика представляет собою, несмотря на некоторые отдельные блестящие замечания, схоластическую дедукцию понятий. Между тем, среди современных авторов находятся и такие, которые отдают преиму-

[1]) Japanisch-Deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik, Heft I, Januar 1925, 26 стр.

...ство реализму Фихте перед утопизмом Маркса[1]). Иные буржуазные и социалистические писатели, будучи недовольны учением Маркса, хотели бы повернуть рабочее движение в сторону национализма, патриотизма и государственности. Поэтому они зовут назад к Лассалю и Фихте[2]). Эти мотивы особенно усилились во время мировой войны и в после-военный период, когда мертвый Фихте был поднят на щит в качестве пророка и национального героя. В последнее же время, в связи с усилением среди социал-демократов этических и религиозных настроений, учение Фихте начинает приобретать последователей и популяризаторов. Вполне естественно увлечение мелко-буржуазных, мещанских элементов мелко-буржуазным «социализмом» Фихте, покоющемся, не в пример марксовскому, на этических принципах, а не на материальных и исторических основаниях. Нас завело бы слишком далеко, если бы мы вздумали подвергнуть разбору все то, что пишется ныне на религиозные и этические темы социал-демократическими писателями. Во всяком случае, опасность для социалистического движения с этой стороны грозит большая. Мы глубоко убеждены, что в конечном счете марксистское мировоззрение завоюет рабочие массы, что марксистское мировоззрение станет мировоззрением народных масс, но в ближайшем будущем предстоит несомненно ожесточенная борьба последователей подлинного марксизма с попытками насаждения в рабочих массах религиозных и идеалистических учений.

Современная эпоха коренным образом отличается от той эпохи, в которую жил и действовал Фихте. На историческую арену выступала буржуазия, которая перестраивала жизнь общества снизу до верха. Во Франции она шла в бой под знаменем воинствующего материализма. В Германии же, в силу особых исторических условий, революционные представители буржуазии, вследствие неподготовленности страны к революции, вступали на путь морализма и идеализма. Современный же пролетариат нисколько не склонен поворачиваться лицом к прошлому. Философия Фихте была лишь идеальным отражением требований и лозунгов, выдвинутых буржуазией в эпоху ее революционного завоевания мира. Перед пролетариатом стоят совершенно другие исторические задачи, чем перед буржуазией. Его мировоззрение питается и будет питаться теми реальными условиями, которые делают возможным и которые подготовляют освобождение пролетариата и всего человечества от наемного рабства. Мировоззрение пролетариата при этом должно отличаться определенно научным характером. Таким мировоззрением является только марксизм.

---

[1]) См., напр. Marianne Weber, Fichtes Sozialismus und sein Verhältniss zur Marxchen Doktrin, 1900, 104 стр. и др.

[2]) См., напр., Carl Trautwein, Ueber Ferdinand Lassalle und sein Verhältnis zur Fichteschen Sozialphilosophie, 162—165 стр.

Логистика и диалектика[1]).

Гр. Баммель.

I.

Общий взгляд на математическое направление в логике.

Одно из положений теории познания диалектического материализма гласит, что познание есть исторический процесс и, как всякое историческое явление, должно быть понято в своем развитии, в своем живом изменении, как диалектический переход от незнания к знанию. На известной ступени развития техники и производства вещи вступают в противоречие со старыми установившимися о них понятиями, которые уже не в состоянии охватить их новые стороны; противоречие вызывает дальнейший рост знания, образование новых проблем, понятий и т. д. Логика не составляет исключения из этого правила. Подобно искусству и естествознанию, она так же представляет одну из прослоек идеологии общества—это есть теория, исходным пунктом которой является фактическое состояние естествознания и математики и задача которой заключается в обобщенной формулировке методов и законов осуществленного в этих науках человеческого мышления. Современное «математизирующее» направление в логике и возникло из столкновения между новыми неопровержимыми фактами математики и традиционной теорией логики, между фактом конкретного осуществленного способа мышления и формальной логикой, бессильной об'яснить нам этот факт. Чтобы разобраться в этом, нам придется уяснить себе еще ряд исторических обстоятельств.

Недостаточность формальной логики, ее столкновение с естествознанием, которое, понятно, всегда перерастает ее, как и всякую иную логику, имеет свою длинную и богатую историю. Но с точки зрения интересующих нас проблем достаточно остановиться лишь на одном факте из этой истории. Это—недостаточность формальной логики, если хотите, явная непригодность ее для об'яснения исчисления бесконечно-малых величин, — факт, получивший, как известно, сжатую, но блестящую характеристику на страницах энгельсовского «Анти-Дюринга». Но между Энгельсом и традиционной идеалистической философией же

---

[1]) Редакция считает одной из очередных задач марксизма критику идеализма, возникающего на почве недиалектической трактовки предмета и метода математики. в частности критику идеалистической философии в математических учениях Г. Кантора и логистов.

В осуществление этой цели редакция помещает в этом номере две статьи, посвященные этому предмету.

жая пропасть. Для Энгельса, — и, добавим, для нас, — элементарная математика постоянных величин движется преимущественно в границах формальной логики, математика же переменных величин, значительный отдел которой составляет исчисление бесконечно-малых величин, есть в сущности не что иное как применение диалектики к математическим отношениям.

Впоследствии нам придется дать более или менее полное, насколько это возможно, в порядке поставленных вопросов, логическое раскрытие смысла этого замечания Энгельса, а сейчас достаточно лишь установить, что противоречие между формальной логикой и исчислением бесконечно-малых было неопровержимым фактом уже давно, но, вместо того, чтобы сделать отсюда новые логические выводы, идеалистическая философия воспользовалась мнимым крушением формальной логики в реакционных целях: она подновила старую кантианскую идею о том, что человек предписывает законы природе, а не природа человеку, и подвела под все естествознание идеалистический «фундамент», свою «философию математики». Согласно этой «философии» понятия точных наук создаются «чистой мыслью», «чистое мышление» «порождает» те или иные общие понятия, приводит их в систему и «развивает» их независимо от конкретного жизненного опыта. «На новой стадии развития и любы по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе. Герман Коген, восторгающийся идеалистическим духом новой физики, доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы для внедрения в гимназистов духа идеализма, вытесняемого нашей материалистической эпохой» [1]).

Достаточно вдуматься в неокантианское отношение к математике, чтобы сразу заметить, что между «духом идеализма» и «новой логикой», которая об'ясняла бы хотя бы исчисление бесконечно-малых, лежит огромная пропасть. Почему же, спрашивается, теория логики у идеалистов, чуждых и враждебных материалистической диалектике, ничего полезного, ничего нового не извлекла для себя из столкновения формальной логики с исчислением бесконечно-малых?

Это об'ясняется тем, что между понятием бесконечно-малого и традиционным способом мышления, казалось, нет—да и по существу не могло быть,—никаких точек соприкосновения. Логика не знала даже того, с какой стороны подходить к новым проблемам—проблемам дифференциального и интегрального исчислений. «Как производятся эти исчисления? Я имею, напр., в известной задаче две переменные величины x и y, из которых одна не может изменяться без того, чтобы и другая не изменилась вместе с ней в определенном условиями задачи отношении. Я дифференцирую x и y, т.-е. принимаю их столь бесконечно малыми, что они могут быть сделаны меньше всякой, сколь угодно, малой действительной величины, что от x и y не остается ничего, кроме взаимного их отношения, но без всякой, так сказать, материальной основы, остается количественное отношение без всякого количества. Следовательно, $\frac{dy}{dx}$, т.-е. отношение обоих дифференциалов x

[1]) Ленин, Собр. соч., т. X, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 260

и y, равно $\frac{0}{0}$, но $\frac{0}{0}$, принятое за выражение $\frac{x}{y}$. Упомяну также, что это отношение двух обратившихся в нуль величин, этот фиксированный момент их исчезновения, представляет собою противоречие, но последнее так же мало может нас смутить, как оно не смущало вообще математиков в течение почти 20 лет»[1]. Это то самое противоречие, о которое разбилась великая система Лейбница, которое привело к антиномиям Канта, а затем косвенно к диалектическому методу Гегеля. Но эти времена давным-давно прошли, и философия современной буржуазии неохотно вспоминает их. Враждебная всякой диалектике формальная логика могла подойти к об'яснению противоречий только постольку, поскольку последнее укладывается в формально-логическую схему, подходится, так сказать, под тип мышления по законам формальной логики. «Анализ требовал непрерывности,—говорил Б. Рессель,—а непрерывность бесконечно-малого; но никто не мог ответить, в чем заключается бесконечно-малое. Очевидно, оно не есть нуль; потому что достаточно большое число бесконечно-малых, сложенных вместе, составляет в конце концов конечную величину. Но никто не может указать дробь, которая не была бы ни нулем, ни конечной дробью. Математика попала в тупик». Достаточно сравнить эти слова Ресселя с приведенным замечанием Энгельса, чтобы стало ясно, какая огромная пропасть разделяет диалектика и метафизика—логика. Все последующее развитие формальной логики, строго говоря, было вызвано попыткой разрешить то противоречие, которое, по словам диалектика Энгельса, нас так же мало может смущать, как оно не смущало математиков в течение почти 200 лет. Формальная логика должна была или сама себя упразднить, или уступить место диалектике, как более высокой форме логики. Но совершенно ясно, что буржуазия не могла допустить в область своей логики ничего диалектического. Поэтому и получилось так, что прежде чем формальная логика, застигнутая врасплох, успела ответить на новые, осаждающие ее вопросы, математика сделала дальнейший шаг, положив начало новой, одной из самых замечательных эпох своего развития. Величайшее своеобразие этой эпохи заключается в том, что, строго говоря, она была вызвана попыткой **со стороны самой же математики устранить все те внутренне-противоречивые понятия, на которые формальная логика ничего не могла ответить.** Математика поэтому и обратилась к теории бесконечно-больших чисел. Учение о многообразиях—евклидовых и не-евклидовых—n измерений, учение о протяженности Грассмана, учение о множествах Г. Кантора, работы Вейерштрасса и Гамильтона—все это указывало на возможность обобщений или видоизменений формальной арифметики, при помощи которых она «об'ясняла» бы или, говоря гегелевским термином, «снимала» бы противоречия в понятии бесконечного и непрерывного (континуума) и переносила свою методологию за пределы чисто-количественной области. Количество потеряло все свое прежнее принципиальное значение для математики, которая стала универсальной наукой о формах вообще.

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, рус. пер., 1923, стр. 158.

Таким образом к старым проблемам, которые давно уже были поставлены перед формальной логикой, прибавились новые. Но именно *в этом обобщенном характере новых проблем*—проблем чистой арифметики—и увидела формальная логика образец некоего метода, которым она могла бы воспользоваться. Первым выводом формальной логики и явилось то положение, что количественное вовсе не относится к сущности математики, а логика, наоборот, должна быть изложена в форме математических умозаключений. Математизирующая логика первоначально и была попыткой дать логическое обоснование чистой математики. Но это не было еще преобразованием самой логики. Она лишь перевела на свой язык все то преобразование чистой математики, которое выразилось в выше отмеченных теориях. От понятий «субъекта» и «качества» она перешла к «отношениям» и ко всем понятиям, вытекающим из понятия отношения к классу, ряду, типу, порядку и т. д. А это означало только то, что и математика и логика укладывались в одну обобщенную формальную «логику отношений». Эту задачу и выполнил Фреге, первые работы которого вышли в 1879 и 1884 гг. Но логика Фреге была именно переводом формальной логики на язык символов, Begriffschrift'ом, «логическим письмом», а не теоретическим обоснованием новой методологии, она дала *идею* новой логики, но не ее осуществление, и постольку не устранила старых противоречий [1]). «Фреге оказывается безоружным перед парадоксами теории множеств,—говорит Давид Гильберт,—парадоксами, примером которых является множество всех множеств и которые, по моему мнению, показывают, что *понятия методы*, употребляемые *обыкновенной логикой*, не имеют еще строгости и точности, требуемых теорией множеств. Но, наоборот, стремление избежать этих противоречий и раз'яснить эти парадоксы должно было бы быть одной из главных задач, преследуемых с самого начала тем, кто изучает понятие числа» [2]). К аналогичным выводам, еще раньше Гильберта, пришел Эдмунд Гуссерль: «Чем глубже я анализировал, тем я сильнее сознавал, что логика нашего времени *не доросла до современной науки*, которую она все же призвана раз'яснять. Особенные затруднения испытал я, занимаясь логическим исследованием формальной арифметики и учения о многообразиях,—дисциплины и метода, выходящих за пределы всех специальных числовых и геометрических форм. Это исследование привело меня к соображениям весьма общего характера, возвышавшимся над сферой математики в узком смысле и тяготевшим к общей теории формальных дедуктивных систем» [3]). Таким образом, значение работ Фреге заключалось в том, что они косвенно обратили внимание авторов *по логике* на учение о множествах Георга Кантора. А это было возможно благодаря тому, что учение Кантора о множествах действительно заключало в себе элементы такого общего понимания математических понятий о бесконечности и пределе, которое без труда могло бы быть вынесено за пределы чисто-количественной области и рассмотрено, как формальная логическая теория.

---

[1]) Bertr. Russel, Logical atomism, p. 361. Всюду эта статья цитируется по изданию Contemporary british philosophy, ed. by I. H. Muirhead, Lond. 1924.

[2]) Hilbert, Grundlagen der Geometrie, 1924, S. 244.

[3]) Логические исследования, 1900, рус. пер. 1909, стр. 111.

II.

Теория множеств Кантора. — Логическая характеристика Кантора. — Мистицизм. — Кантор и Грассман в их отношении к диалектике. — Возникновение логического направления в математике.

«Под множеством или многообразием,—говорит Кантор[1]),— я называю всякое многое, которое можно мыслить как единое, т.-е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона». Общее, т.-е. логическое, определение множества не касается и не предполагает специального различия между бесконечными и конечными множествами. Рассматриваем ли мы конечное или бесконечное, множество дано всякий раз, как только данная совокупность представляет собою закономерность и единство следования его членов.

Два конечных множества считаются эквивалентными, если они имеют одинаковое число элементов: эта, общая двум конечным множествам, особенность,—число элементов,—обозначается конечными количественными числами 1, 2, 3 и т. д. Нуль есть количественное число нулевого класса.

Но то же самое следует сказать и о бесконечных множествах. То, что присуще одинаково эквивалентным бесконечным множествам, можно обозначить, как количественное число или «мощность» бесконечных множеств,—это есть, таким образом, бесконечное или «трансфинитное» количественное число. Каждое бесконечное количественное число представляет собой таким образом область следования ряда. Область следования ряда бесконечных множеств, очевидно, не изменяется от изменения порядка следования.

Но между эквивалентными множествами существуют различия. Это—признак упорядоченности по различным законам. Упорядоченным множеством называется множество, которое подчиняется тому закону, что один элемент предшествует, а другой следует (одно меньше, другое больше). Тип порядка может меняться, если даже множества остаются эквивалентными. Например, в случае конечных множеств: (1, 2, 3), (2, 3, 1), (3, 1, 2), (1, 3, 2), (3, 2, 1), (2, 1, 3), где одна и та же эквивалентность сочетается с различными типами порядка. В бесконечных множествах мы можем устанавливать также «порядковые типы», если будем отвлекаться от всяких единичных случайных свойств их элементов и брать только форму, порядок следования элементов.

Множество называется бесконечным (или «трансфинитным», т.-е. сверх-конечным), если оно эквивалентно некоторой своей собственной части; если же данному множеству не эквивалентна никакая принадлежащая ей часть, то такое множество будет конечно. Например, можно показать, что множество натурального ряда чисел эквивалентно ряду всех четных чисел (своей части), или множеству всех положительных и отрицательных чисел (целому):

1, 3, 4, 5,...	1, —1, 2, —2, 3, —3, 4, —4,...
2, 4, 6, 8, 10,...	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8,...

[1]) Всюду, где нет оговорок, по существ. рус. пер. «Нов. идеи в матем.» сб. 6-й, и по книге Adolf Fraenkel: Einleitung in die Mengenlehre, Brl. 1919,

Возьмем бесконечный ряд 1, 2, 3... n... Существует ли наибольшее число этого ряда? Нет ничего нелепого в том,—говорит Г. Кантор,—чтобы вообразить себе некоторое **новое** число—назовем его ω, — которое должно обозначить, что нам дана вся совокупность в своей естественной последовательности. Это будет первое целое число, которое следует за всеми числами n, т.-е. которое можно назвать большим, чем любое из чисел. Прилагая к этому числу дальнейшие полагания единиц, получим:

$$\omega,\ \omega+1,\ \omega+2,\dots\ \omega+n,$$

так как мы здесь опять не приходим ни к какому наибольшему числу, то мы опять **воображаем** себе новое число, которое можно назвать 2ω; по первому принципу мы можем продолжать образование наших бесконечных чисел:

$$2\omega,\ 2\omega+1\dots;\ 2\omega+2\dots\ 2\omega+n;\ 3\omega,\ 3\omega+1\dots\ 3\omega+n;$$
$$\mu\omega,\ \mu\omega+1,\ \mu\omega+2\dots\ \mu\omega+n\dots;\ \omega^2\dots;\ \omega^m\dots;\ \omega^\omega\dots;\ \omega^{\omega+n}$$
$$\omega^{n^\omega}\dots;\ \omega^{\omega^n}\dots;\ \omega^{\omega^\omega}\dots;\ \text{и так далее } \omega^{\omega^{\cdots}}\dots$$

Эти бесконечные величины мы можем рассматривать как бесконечные порядковые числа. Каждому порядковому бесконечному числу принадлежит определенное бесконечное количественное число. В то время как каждому однозначно-определенному конечному количественному числу соответствует одно определенное порядковое (обозначаемое одинаково с ним), к каждому бесконечному количественному числу принадлежит очевидно бесконечно много различных порядковых чисел, потому что бесконечное количественное число a—есть бесконечное множество порядковых чисел $a+1,\ a+2\dots\ a+\omega,\ a+\omega+1\dots$

Если исходить из порядковых бесконечных чисел $\omega,\ \omega+1,\ \omega+2\dots$ и, продвигаясь вперед, для каждого порядкового числа образовывать соответствующее количественное число, то в конце концов не трудно установить одно и то же количественное число для бесконечно многих порядковых чисел данного порядкового типа ($\omega,\ \omega+1\dots$), и в то же время к каждому количественному числу находить ближайшее большее искомое количественное число; этот ряд бесконечных количественных чисел Кантор обозначает первой буквой еврейского алфавита с различными индексами: $\aleph_0,\ \aleph_1,\ \aleph_2\dots$ (алеф-нуль, алеф-один,...). Следовательно, в частности $\aleph_0$ совпадает с наименьшим порядковым бесконечным ω (т.-е. с рядом типа $\omega+1,\ \omega+2\dots$). Каждое из алефов, следовательно, можно также рассматривать, как вполне упорядоченное множество.

Возвращаясь назад к исходному понятию множества, можно показать, что каждое множество может быть приведено в форму вполне упорядоченного множества. Для этой цели мы выхватываем из произвольно данного множества один произвольно выбранный элемент, из остающейся части множества—другой элемент и т. д. и продолжаем выбирать элемент за элементом, пока не исчерпаем всего множества; потом мы располагаем в ряд выбранные элементы и получаем упорядоченное множество.

Доказательства последнего положения Кантор не дал. Вместо того, чтобы доказать возможность такого упорядочения, он предположил необходимость фактического «исчерпывания»

данного множества[1]). Это и был тот пункт, который послужил дальнейшим толчком для развития «теории множеств». Но мы оставим пока в стороне дальнейшие преобразования теории и займемся логической характеристикой учения Кантора.

Прежде всего канторовское понятие бесконечного числа предполагает совершенно новое понимание математической бесконечности. Бесконечное реальное целое число Кантор называет «актуальным» или «собственно-бесконечным» в отличие от несобственно-«бесконечного», употребляемого в исчислении бесконечно-малых. В последнем оно выступает в качестве переменной, то растущей сверх всяких границ, то убывающей до произвольной малости, но остающейся всегда конечной величиной. Собственно-бесконечное выступает, как некоторое замкнутое в себе постоянное, но лежащее по ту сторону всех конечных величин, количество. Несобственно- или потенциально-бесконечное есть переменное, неопределенное, фиктивное, иллюзорное; «оно не имеет никакого бытия, потому что оно не является адэкватной идеей»,—Кантор хочет сказать, что вечно переменная, остающаяся конечной, (бесконечно-малая величина есть понятие, которое бессильно «адэкватно», т.-е. полностью, целиком, отобразить «бытие», т.-е. всю область своего изменения. Бесконечно-малая величина сама предполагает то, в чем или где она «изменяется». А это и есть бесконечное множество изменений, данное как нечто замкнутое и единое. «Понятие об ω, напр., не содержит ничего шаткого, ничего неопределенного, ничего изменчивого, и то же самое можно сказать о всех прочих бесконечных числах. Это понятие стоит, как и любое конечное число—напр., 3 или 7—в резком противоречии к неопределенным знакам x, a, b буквенного обозначения». Но в таком случае мы имеем право спросить: что же дает реальность этому понятию? Отображает ли оно действительный мир? Из каких элементов оно образуется? На это Кантор отвечает так: «Понятия образуются путем внутренней индукции и дедукции, как нечто, что до известной степени лежало в нас и лишь было пробуждено и доведено до сознания». Математические понятия, таким образом, об'ективно, реально существуют в готовом виде в нас, но независимо от нашего сознания, и наша задача заключается только в том, чтобы «пробудить» и «довести» их до сознания. Доводим же до нашего сознания данное понятие таким образом: «берут,—говорит Кантор,—некоторую, лишенную свойств, вещь, которая первоначально есть не что иное, как имя или знак A, и придают ей закономерным образом различные, даже бесконечно многие предикаты, значение которых известно уже из наличных идей и которые не должны противоречить друг другу. Благодаря этому определяются отношения A к уже наличным понятиям и особенно к родственным с ним. Раз это закончено, то имеются налицо все условия для пробуждения дремлющего в нас понятия A». Наше участие в образовании понятий, следовательно, сводится к тому, чтобы дремлющее в нашей голове некоторое лишенное свойств общее понятие мы наделяли «закономерным образом» бесконечными свойствами (предикатами); значение этих свойств нам уже должно быть известно, потому что и само понятие тоже всё «дремлет» в нас. Но если это так, то, во-первых, утверждение,

---

[1]) Cp. A. Fraenkel, Einleitung in die Mengenlehre, Brl. 1919, S. 126.

что понятие лежит в нас в готовом виде, может иметь только тот смысл, что познание вещей возможно только путем внутренним, только в «душе», а не посредством наших внешних чувств, а, во-вторых, приписывание нами свойств этому понятию предполагает, строго говоря, что эти свойства заранее заключены в нашем понятии. Но в таком случае это понятие, очевидно, мыслится у Кантора, как нечто единое, цельное, имеющее свойства и определяемое этими свойствами как некое реальное существо.

Это и есть точка зрения учения Платона об идеях: «Платон говорил, что истина недоступна знанию «через тело» и требует какого-то высшего «созерцания» «воспоминания» «душой», а не «телом». Понятия или «идеи» у Платона ведут самостоятельное бестелесное существование. Когда Кантор определяет множество, как единое и целое, предшествующее частям, как форму, определяющую собою некоторое содержание единиц, то он становится на точку зрения учения Платона об идеях или, еще точнее, учения основывающихся на Платоне средневековых схоластиков «реалистов», которые также признавали за понятиями реальное бытие. О своем понятии множества так и говорит сам Кантор: «Таким путем я надеюсь определить нечто родственное платоновскому ἰδέα, εἶδος («идея»)[1]. Эту мысль он повторяет неоднократно[2]), и, как мы видим, он совершенно прав: множество, предшествующее своим членам, целое, предшествующее своим частям, бесконечное, предшествующее конечному, есть только новая форма схоластического положения, что понятия предшествуют вещи. Но платонизм вырос в борьбе с материализмом Демокрита и его учеников, а средневековая схоластика процветала благодаря господству духовенства и феодальной организации общества, — это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться и на мировоззрении Кантора. Кантор считает бесконечный ряд чисел подходящим символом бога, «мир сотворен богом, и бесконечность бога изливается в сотворенном им детище»; «учение о бесконечном должны разделить между собою теология, метафизика и математика»; «мир бесконечных чисел нисколько не опасен для религиозных истин»; его понятие бесконечного «бесконечно религиозно»; «одно доказательство исходит из понятия бога и умозаключает прежде всего от высочайшего совершенства божеского существа к возможности сотворения «бесконечного». В письмах к «высокопоставленным» попам он так и сыпал математическими доказательствами «бытия божия».

В другом контексте мы, может быть, и не «интересовались» бы благочестивыми намерениями Кантора (Коши тоже ходил в церковь), но из изложенного совершенно ясно, как глубоко связана вся эта «божественная философия» с логическими основами математической теории Кантора. Подобно тому, как мир сотворен богом, так числа сотворены замкнутыми бесконечными множествами, и если мир есть проявление бесконечности бога, то числа можно рассматривать как проявления, как свойства бесконечных множеств. Нуль, напр., есть такое свойство множества, которое показывает, что множество пусто. Доказать, что данное число существует, значит доказать, что данное множество не

[1]) Цитируемый русский перевод 1914, «Новые идеи в математике», сб. 6, стр. 69.

[2]) См., напр., ib., стр. 74, 75.

пусто и т. д. Следовательно, отношение множества к членам множества рассматривается по образцу отношения бога к сотворенному им миру: я хочу сказать, что это отношение с логической точки зрения можно охарактеризовать, как «предикативное» отношение (т.-е. отношение вещи к своим свойствам). Достаточно со вниманием вникнуть в главнейшие изложенные выше понятия канторовской теории, чтобы убедиться в этом. Рассмотрим отношение между двумя множествами. Два множества называются эквивалентными, если между всеми их членами можно установить закон однозначного соответствия. Очевидно, что это отношение устанавливается на основе свойств, особенностей данных множеств; нельзя себе представить, чтобы можно было абстрагировать от порядка членов, от их отношений друг к другу и в то же время устанавливать соответствие между множествами. Что такое количественное число по Кантору? Это понятие, говорит он, получается, «если абстрагировать, как от состава элементов множества, так и от всех отношений этих элементов друг к другу и к другим вещам и в частности от порядка, который может господствовать между этими элементами, и если иметь в виду лишь то, что обще всем множествам, эквивалентным данному множеству». Сперва, таким образом, устанавливаем однозначное соответствие, а затем смотрим, что общо всем множествам. Но это и есть та точка зрения «наивного догматизма», против которой всю жизнь метал громы и молнии Георг Кантор и которая говорит, что число есть свойство отсчитываемых вещей. Здесь эта точка зрения выступает в новой форме, как и подобает всему, что побывает в «мире таинственного», мире чудесных бесконечностей, но от того, что она применяется к бесконечным числам, а не к вещам, ничего по существу не меняется: точка зрения остается предикативной. Можно было бы привести еще ряд других примеров, доказывающих, что в основе теории Кантора лежат предикативные суждения. Мы остановимся еще на одном понятии—понятии «вполне упорядоченного множества», несколько подробнее, чтобы сделать заключительные выводы.

Если мы примем во внимание, что платонизм, т.-е. идеалистическое учение о вечном внемировом существовании «общих понятий», и поповская «философия» о сотворении мира богом являются необходимыми логическими основами учения Кантора, то предикативный характер, т.-е. характер вещи (или «субстанции», говоря термином Кантора, заимствовавшего его у Спинозы), проявляющейся в своих свойствах (или в «атрибутах»), приобретает в системе Кантора значение, которое необходимо отметить. Арифметика бесконечных чисел в руках Кантора превратилась, так сказать, в искусство логического творчества все новых и новых «теорем» о бесконечных множествах. Эта арифметика логически была вполне правомерна именно потому, что сама возможность, сам механизм безграничного «порождения» числовых классов заранее были даны в понятии упорядоченного бесконечного множества, как безграничное «порождение» мира дано было для Кантора в понятии абсолютного или божества. Это есть телеология в математике, т.-е. та точка зрения, которая рассуждает по принципу целесообразности, по принципу аристотелевской формы, как движущего и творческого начала; учение о множествах

есть учение о математических организмах, и это учение в руках Кантора становится средством для опровержения механического понимания природы.

Вы видите,—как бы хочет сказать Кантор своим друзьям из «духовного сана»,—математика до сих пор была главнейшей опорой механического об'яснения природы, но возьмите в руки мой тонкий механизм, овладейте им, и вы увидите, что средствами той же математики можно прийти к пониманию мира, как живого, одухотворенного органического целого. «Ведь,—пишет Кантор,—на-ряду или на место механического об'яснения природы, которое обладает внутри сферы своего действия всеми вспомогательными средствами и преимуществами математического анализа, но *односторонность и недостаточность* которого были так отлично вскрыты Кантом, не появилось даже в своих начатках, вооруженное тем же *математическим аппаратом* и выходящее из рамок механизма органическое об'яснение природы» [1]. И, действительно, «упорядоченное бесконечное множество» у Кантора в конце концов превращается в некий живой организм, который не есть вообще такое целое, которое можно было бы разложить на части, к которому можно было бы применить логическое правило tota est maius sua parte, т.-е. «целое больше своей части», которое, наконец, должно быть непременно ограничено последним членом, замкнуто,—это целое, которое существует постольку, поскольку есть органическая связь между его членами.

Отсюда ясно, что согласно теории Контора не может быть вообще неупорядоченных, неорганических множеств. Вот почему и пошло все к чорту, стоило только представить одно множество неупорядоченным и попробовать доказать, что оно может быть упорядочено. Доказательства он не дал и не мог дать, потому что с его точки зрения самый вопрос о доказуемости того, что можно упорядочить всякое множество, был бессмысленным. Но этот «невольный» промах послужил могучим толчком для дальнейших работ по теории множеств: об этом у нас еще будет случай поговорить, а теперь спросим себя: *в чем же заключается логическая суть канторианства?* А это значит ответить в то же время на вопрос о значении канторовской теории множества для оценки *диалектического* метода в математике.

Справедливость требует сказать, что под мистической оболочкой платонизма теория множеств Кантора содержит и зернышко положительного, я бы сказал, величайшего значения. Пусть то понятие непрерывного, которое развивает explicite сам Кантор (независимое от понятий времени и пространства, само будучи основой для об'яснения и времени и пространства), столь же идеалистично, как и понятие множества. Но если взять в целом *идею*, лежащую в основе теории множеств *вообще*, то в совершенно другой связи выступают у него элементы принципиально нового понимания непрерывного. Непрерывность у Кантора есть непрерывность пределов, т.-е. дискретностей (разрывов), которые стали арифметически определенными числами,—а это и есть то, что лежит в основе диалектического понимания математики. Вели-

[1] Там же, стр. 23.

чайшее своеобразие Кантора в том, что понятие предела, принципиально чуждое арифметике, не выводимое ни из каких арифметических аксиом, он сделал предметом арифметики бесконечных чисел, и ввел на принципиально новой основе принцип арифметизма в область бесконечных величин. «Пределами» являются здесь «области» изменения, замкнутые целостные множества значений, как пределы. Одно замечание Г. Кантора настолько верно передает мою мысль, что я привожу его здесь полностью. «Если не подлежит никакому сомнению, — говорит он, — что мы не можем обойтись без переменной величины в смысле потенциально-бесконечного, то отсюда можно вывести также необходимость актуально-бесконечного следующим образом. Для того, чтобы можно было использовать подобную переменную величину в каком-нибудь математическом исследовании, «область» его измерения должна быть, строго говоря, известной наперед, благодаря некоторому определению. Но эта «область» не может быть сама в свою очередь чем-то переменным, ибо в противном случае наше исследование не имело бы под собой никакой прочной основы. Следовательно, эта «область» представляет некоторое определенное актуально-бесконечное множество значений» [1]). Как бы ни относились к собственным выводам Кантора, из этого положения ясно, что идея арифметизма в математике переменных величин могла бы оказаться чрезвычайно плодотворной, если бы Кантор стал на точку зрения диалектики и применял бы ее для об'яснения своих математических рассуждений. Если бы математически можно было доказать, что исчисление бесконечно-малых можно свести к теоремам о бесконечном ряде натуральных чисел и лежащем в его основе понятии об об'ективных вне нас существующих предметах, то такая математическая операция была бы оправданием диалектического понимания математики. Эта задача вполне аналогична той, которую А. Варьяш формулирует следующим образом: «Идея непрерывного перехода явлений является отражением самой действительности, ...даже и в том случае, если современное определение непрерывной функции должно уступить место какому-то другому, более отвечающему действительности (теории квант)» [2]). Поэтому, когда мы у Энгельса читаем о диалектических противоречиях, образующих живой нерв исчисления бесконечно-малых, о тех противоречиях, которые об'ективно имеются в самих вещах и явлениях, в их движении, в их изменяемости, в их жизни, в их непрестанном развитии, то надо помнить, что это непрестанное движение совершается скачкообразно, что «при всей постепенности перехода от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» (Энгельс). Если современное понятие предела

$$\lim x = a, \text{ если } [x - a] < \Sigma$$

должно быть об'яснено из простейших истин арифметики, то с точки зрения диалектического материализма это может иметь

---

[1]) Цит. сб., стр. 133.

[2]) «Вестн. Комм. Академии», кн. 9, стр. 275. Мое толкование, впрочем, радикально противоположно выводам этой статьи, в которой ценные идеи переплетаются с явно ошибочными и об'ективно-вредными уклонами.

только тот смысл, что непрерывность, лежащая в основе исчисления бесконечно-малых, должна быть лишена своего таинственного характера и об'яснена как отображение действительно совершающегося в природе процесса, а именно, должна быть об'яснена как непрерывность ряда натуральных чисел, потому что непрерывность этого ряда, ряда становящихся (напр., в десятичной периодической дроби) прерывных, целостных и арифметически определенных единиц, более отвечает действительности совершающегося в природе процесса развития, который при всей постепенности не перестает быть скачкообразным. Будет ли оно иначе определено или совсем отвергнуто—это другой вопрос, но здесь важно лишь отметить, что речь идет о математической проблеме теории пределов, а не о логическом понятии формального множества [1]).

Но благодаря платонизму, который рассматривал числа, как бесплодные вневременные сущности, благодаря симпатиям к церкви, которая заставляла вычитывать «бесконечные числа в священном тексте» (цит. сб., стр. 120), принцип арифметизма в руках Кантора превратился в чистейшую метафизику.

Непрерывное Кантора не есть нечто становящееся, не есть нечто движущееся, развивающееся. Множества Кантора — вечные и неизменные «сущности» (субстанции), в которых изливается величие божие. В одном месте, например, он замечает, что если бы среди бесконечно-малых и нашлось что-либо схожее с актуально-бесконечным, то они «не стоят ни в какой непосредственной связи с обычными, становящимися бесконечно-малыми величинами». Вообразив достигнутой последнюю границу движения, он превращает все предыдущие моменты в безжизненный воображаемый аггрегат, в мертвую абстракцию, в идеалистический выверт, в многообразие, строго говоря, ничем не отличающееся от монад духовных субстанций Лейбница. Поэтому и получилось так, что арифметизм Кантора стал исходным пунктом для чисто-логических обобщений, он как бы указал формальной логике путь, по которому она должна итти, чтобы выбраться из того тупика, в котором она очутилась со времени открытия исчисления бесконечно-малых.

Интересно, что тот же идеализм погубил в самом зародыше для диалектики и другое столь же общее учение о математических предметах, которое было развито Г. Грассманом в его книге «Die lineare Ausdehnungslehre» (1844) и послужило отправным пунктом, подобно теории Кантора, для формалистических и логистических обобщений. Если Кантор—платоник и схоластик, то Грассман—метафизик-гегельянец.

Он говорит:

«Простое понятие становления дает непрерывную форму. В случае дискретной формы то, что полагается до связывания, тоже, правда, полагается мышлением; но для акта связывания оно является данным, а способ, каким из данного становится дискретная форма, есть простое соединение в мышлении (Zusammendenken). Лучше всего постичь понятие непрерывного становления, если рассматривать его сперва по аналогии с более привычным дискретным способом возникновения. В случае непрерывного поро-

---

[1]) Мы этого вопроса коснемся ниже в связи с работами Brouwer'a.

ждения то, что каждый раз становится, удерживается, а вновь возникающее тотчас же, в момент своего возникновения, соединяется с ним в мышлении. Таким же точно образом можно по аналогии и в случае непрерывной формы отличить, по понятию, двойной акт полагания и связывания, но оба—соединенные вместе в один акт, в одно нераздельное единство. Именно из обоих членов связи (пользуясь на время по аналогии с этим выражением) один есть то, что уже стало, другой же то, что лишь возникает в момент связывания и, следовательно, не нечто такое, что уже готово до связывания. Таким образом, оба акта—именно, акты полагания и связывания—переходят целиком друг в друга, так что невозможно связывать до полагания и невозможно полагать до связывания. Или же, пользуясь способом выражения, подобающим непрерывности: то, что вновь возникает, возникает лишь в том, что уже стало; следовательно, оно—момент самого становления, представляющегося здесь в своем дальнейшем протекании, как рост» [1]). Так рассуждает Г. Грассман, когда в методологическом введении к своей книге построяет «дедукцию понятия учения о протяженности». Лучшего изложения диалектического понимания математического понятия протяженности на почве идеализма нельзя даже и требовать. Я подчеркнул курсивом некоторые места в цитате, но, в сущности, надо было подчеркнуть все рассуждение Г. Грассмана. Нет никакой надобности доказывать диалектический характер хода его мысли: это совершенно ясно. Но замечательно, помимо всего этого, именно то, что само отношение математического предмета к логическому методу не угоняется в формальные механические символы, своего рода абстрактный конструктивизм, но дано в своем развитии, как нечто текучее и изменяющееся,—раскрыто диалектически. Нет ничего удивительного в том, что и остальные руководящие понятия, формулируемые в дальнейшем развитии исходной идеи, также исследуются в терминах диалектики. Такие понятия Г. Грассмана, как понятия «алгебраической формы», «сочетательной формы», «числа», «интенсивной величины», «протяженности» и т. д.—все эти понятия полны диалектического содержания. К сказанному добавим еще суждения Г. Грассмана о двух противоположностях—противоположности между дискретным и непрерывным и противоположности между равным и различным. Г. Грассман пишет: «Противоположность между дискретным и непрерывным (как и все истинные противоположности)—текучая, ибо дискретное может быть рассматриваемо, как непрерывное, и, наоборот, непрерывное, как дискретное. Дискретное рассматривается как непрерывное тогда, когда, связанное само, в свою очередь постигается как ставшее, а акт связывания—как момент становления. А непрерывное рассматривается, как дискретное, когда отдельные моменты становления постигаются, как простые акты связывания, и когда то, что таким образом связано, рассматривается по отношению к связыванию как данное... Противоположность между равным и различным тоже текучая. Равное различно, поскольку уже то или иное, равное ему, каким-нибудь образом обособлено (во

[1]) Цит. по русск. перев.—«Новые идеи в математике», сб. 1, стр. 71.

(а этого обособления оно было бы только одним, значит, не было бы равного); различное—равно, хотя бы постольку, поскольку различные об'екты связываются между собою относящеюся к ним деятельностью, т. е. поскольку они являются чем-то связанными».

Надо только вдуматься, что это за диалектика. Рассуждение Г. Грассмана может служить блестящим образчиком того, что можно назвать формальной диалектикой. Как наука о чистых формах, математика целиком «создается» или «полагается» мышлением, и потому нечего удивляться, конечно, тому, что в своем творчестве чистых форм мышление произвольно «связывает своею деятельностью» противоречивые моменты становления; это тем более легко сделать, что отдельные моменты становления являются «простыми актами» «полагания» и «связывания» того же самого мышления. Поэтому, по Грассману, если учение о протяженности есть часть более общего учения о формах, то учение о формах следует рассматривать, как учение о формах мышления. В действительности же все противоречия равного и неравного, дискретного и непрерывного и т. д. являются не продуктами мышления, а отражениями диалектической природы об'ективной, вне нас существующей протяженности вещей в их движении и в их непрестанном изменении.

Реакционная философия, свившая себе гнездо под математической оболочкой теории Кантора и Грассмана, сыграла свою роль. «Арифметизм» первого и «диалектика» второго были восприняты, как одно из применений старого кантианского положения, что разум предписывает свои законы природе. Идеалистическая философия нашла подкрепление с новой стороны в старом декартовом положении: «я мыслю», а традиционная логика впервые почувствовала себя тем, чем она была—формальной логикой.

Противоречивость всей теории Кантора, как и системы Грассмана, заключалась в том, что они сперва уничтожали всякую реальность, отрывали форму от содержания, переносились в сверхестественный мир, а потом все отношения созданного ими в воображении мира рассматривали, сами того не сознавая, по образцу реальной, простой смертной действительности, Кантор—по образцу отношения вещи к своим свойствам, Грассман—по образцу движения и изменения. В этом заключается смысл нашего замечания, что теория Кантора—теория предикативная [1]). Г. Вейль был прав, когда недавно [2]) назвал эту теорию «naiver Existenzialabsolutismus», «наивным абсолютизмом сущности» (или «существования»). Перенося на бесконечные числа свойства реальных вещей, Кантор и его ученики попадали в сеть новых противоречий, но уже не диалектических, а «логических», самых обыкновенных, с которыми наука не может мириться, которые допускает только бессмысленное фантазерство. А так как те, кто считал себя продолжателем «дела Кантора», были тоже идеалистами, реакционерами в философии, то они не могли понять причины этих противоречий, и свою задачу «поняли» так, что надо сделать непокорную теорию множеств, а с нею и всю математику,

---

[1]) См. об этом термине выше.

[2]) Hermann Weyl, Randbemerkungen zu Hauptproblemen der Mathematik, Math. Zeitschr., 1924, S. 147.

более благонадежной», т.-е. более «логичной», а логику—более послушной математике, т.-е. «математической».

Так возникло логическое направление в математике. Логические теории «отобразили» этот факт в лице математизирующего направления в логике. И именно потому, что идеалистическая философия не могла различить математики от логики математики, предмета математики от понятия об этом предмете, математизирующее направление в логике было провозглашено, как единственно правильное понимание не только логики, но и математики.

С этой точки зрения задача авторов по логике сводилась к тому, чтобы арифметизировать математику, потому что именно арифметика легче всего поддавалась формальной логической обработке. Там, где под мистической обработкой нами было нащупано у Кантора нечто новое и ценное, совершенно естественным было для запутавшейся формальной логики видеть одну лишь формальную, т.-е. логическую, сторону вопроса. В арифметике бесконечных чисел Кантора она, естественно, и усмотрела лишь эту возможность такой обобщенной науки о формах вообще, такое преодоление чисто количественного характера специальных математических вопросов, такой метод априорного, т.-е. внеопытного, чисто-созерцательного конструктивизма абстракций, который позволял ей рассматривать эту ставшую логическою математику как свое собственное продолжение, как свою собственную ветвь.

III.

Методологические замечания. Изложение логистики Рессела.

Критика: 1) идеализм и понятие отношения, 2) отсутствие критерия [illegible], 3) [illegible]физический реализм понятий, 4) неизбежность символизма, 5) [illegible] смысл „теории дедукции".

Итак, математическое направление в логике и логическое направление в математике мы можем рассматривать как две стороны одной и той же логической теории, одного и того же понимания метода. Теперь обратимся к этой теории.

Прежде всего разграничим несколько понятий, чтобы читатель в дальнейшем их не смешивал. Математическую логику надо отличать от логики математики. Математической логика называется тогда, когда она стремится в абстрактных математических схемах выразить логические законы, используя для этого символы математики и, следовательно, самые формы математических операций. Логика математики, напротив, исходит из фактического состояния науки и в систематической форме исследует законы образования математических понятий; логика математики, как теория математического познания, в дальнейшем менее всего будет занимать наше внимание.

Далее математическую логику нельзя смешивать с логикой символической в тесном смысле слова. Строго говоря, традиционная формальная логика в значительной своей части употребляет символический язык. Она употребляет, например, геометрические фигуры, чтобы наглядно изобразить зависимость понятий. И, в самом деле, всюду, где логика говорит о количественных отношениях («все предметы *a*», «некоторые предметы *b*»), очевидно,

ничто не может мешать нам употреблять арифметические или геометрические знаки и, комбинируя их, формулировать логические законы в наглядной форме. Роль символов в формальной логике, следовательно, более чем скромная. Математическая логика вся, наоборот, покоится на условном символическом языке, в котором совершенно нет слов. Пеано изложил всю математику на языке совершенно условных знаков. Он отказался даже от таких слов, которые все-таки встречаются в современных учебниках математики,—п о э т о м у, с л е д о в а т е л ь н о, п р е д п о л о ж и м, р а с с м о т р и м, и л и, с л е д у ю щ и й, з а. Здесь легко сбиться на неправильный путь, если мы с самого начала не выделим л о г и ч е с к и й с м ы с л математического направления в логике, а не те побочные, много шумевшие в свое время элементы, которые и создали имя символической логике. Противоположное мнение Бертрана Ресселя [1]), который называет итальянца Пеано «великим мастером в искусстве формального рассуждения», противоречит историческим фактам. Символическое одеяние, в которое сначала наряжается новое движение, не является достоянием или изобретением логистов. Оно было известно древним грекам и в течение веков принимало разнообразнейшие формы, меняя свое назначение и место в логических теориях [2]). В этом смысле прав R. Wavre, сочувственно цитировавший недавно Пьера Бутру: «Математический факт не зависит от логического или алгебраического одеяния, в котором мы стремимся его представить; да и, в самом деле, идея, которую мы имеем в нем, более богата и полна содержанием, чем все определения, которые мы можем давать ей» [3]). Всякое «символическое» толкование математики протаскивает и в логику язык условных знаков. Если математика есть только система операций над знаками и фигурами, то и математическая логика становится простым переводом логических законов на язык условных знаков. Но в таком случае, какую цель может преследовать этот перевод логики с одного языка на другой, если история науки доказывает относительное значение всякой системы знаков? «Трудно допустить,— говорит А. Пуанкаре, — чтобы слово «если», будучи написано через ɔ, приобрело такие качества, каких у него не было, когда его писали просто «если» [4]). Сказать в ответ на это, как это делает Л. Кутюра, что знак ɔ так же мало служит для перевода слова «если», как и для перевода слова «следовательно», что он выражает лишь идею вывода, — значит принимать читателя за младенца. Чтобы замечание Кутюра имело смысл, надо рассматривать идею вывода, как нечто тождественное с математическим выводом, который чаще всего выражается знаком равенства (=). Но идея логического вывода в действительности гораздо богаче, чем знак ɔ, и поэтому всякий язык знаков, подобных знаку ɔ, будет иметь смысл только постольку, поскольку мы будем всякий раз справляться в «оригинале», с которого «пере-

---

[1]) The principles of mathematics, vol. 1, p. A. 10 Introduct. to math. philos., 1924, p. 205

[2]) John Vienn. Symblie logic. Append.

[3]) R. Wavre, Y a-t il une crise des mathematiques? Rev. de Met. et de Moral, jullet—sept. 1924, p. 439.

[4]) «Математика и логика», рус. пер. «Новые идеи в математике», сб. 10, стр. 10.

вод» сделан, сверять с оригиналом, в котором содержание [illegible]чиво, всегда богато, разнообразно. Но если это так,—а это [illegible]менно так,—то правильность перевода зависит от того, насколько правильно понят оригинал. Отсюда вся бесплодность, вся бесполезность такого перевода, где мы никогда не уверены в том, правильно ли мы поняли оригинал, и где путь к проверке запрещен с самого начала. Если бы логические судьбы математики зависели от того, насколько усовершенствована техника знака, развитие науки давно перестало бы двигаться вперед. Искусство «идеографии» в математическое исследование ничего нового не вносит и вносить, разумеется, не может [1]).

Эти предварительные замечания имеют целью показать, почему изложение или критику математической логики нельзя основывать на символическом характере ее языка. Только после того, как мы дадим принципиальную характеристику математической логики, и станет ясной логическая неизбежность «символизма», возможно будет правильно понять смысл и значение «символической логики».

Сказанное о символической логике верно и относительно «калькулятивной» логики, так называемой «алгебры логики». Математическую логику надо отличать и от алгебры логики. Последняя составляет неразрывную часть, одну из существеннейших особенностей математической логики, но для правильного понимания «алгебры логики», логического умножения, логической суммы и т. д. необходимо еще знать, какова принципиальная сущность того понимания логики, которое изложено в произведениях логистов. Кроме того, надо заметить, что математизирование логики облегчалось самим же традиционным способом изложения формальной логики. «Если мы присмотримся внимательнее, — говорит Гильберт,—мы заметим, что в логических принципах, как их обыкновенно излагают, уже содержатся некоторые арифметические понятия, напр., понятие множества и, в известной мере, понятие числа» [2]). С другой стороны, такие формы логических умозаключений, как, напр., $a=b$, $b=c$, $a=c$ лежат в основе огромного большинства математических операций.

«Математическая логика утверждает, что все математические рассуждения совершаются в силу о д н и х л и ш ь правил логики» [3]). Задача математической логики состоит в том, чтобы отвлечься от всякого значения простейших понятий, свести их к лишенным значения символам и обсуждать всю теорию, как если бы она относилась к этим символам. Такая абстракция вполне законна с точки зрения формальной логики. Она вытекает из формального характера математических дедукций,—последние основаны исключительно на форме суждений (или предположений) и никоим образом не зависят от их логического содержания (de leur contenu conceptuel), т.-е. от природы тех понятий, которые входят в них в качестве отдельных терминов» [4]). Но в таком случае,—говорят нам,—надо отдать себе

---

[1]) Об этом красноречивы страницы у A. P a d o a, La logique déductive (Rev. de Met. et de Mor 1911, 1912 p. 85, 230), символиста к тому же.
[2]) D. H i l b e r t, Grundl. d. Geometrie, 1922, S 243
[3]) L. C o u t u r a t, Revue de Met. et de Mor., XIV, p. 208.
[4]) L. C o u t u r a t, Les définitions mathém., L'Enseignement Math., t. VI, p. 39.

ствует в следствиях этого формалистического понимания математики: как только математическая теория превращается в собрание формальных дедуктивных выводов, истинность которых не зависит от содержания (de la matière), к которому они прилагаются, она становится ничем иным, как следствием логических законов, и в этом смысле математика есть не что иное, как продолжение (prolongement) формальной логики» [1]) или, — как говорит Рессель, — расширением логики [2]).

Что же такое вся эта общая наука, которую мы можем назывить по своему желанию и математикой и логикой?

Прежде всего, эта наука говорит не о специальных вещах, не о конкретных свойствах. Она исследует формально то, что может быть высказано о к а к о й - у г о д н о вещи или о к а к о м - у г о д н о свойстве. Мы говорим обыкновенно так: один и один равны двум, но не так: Сократ и Платон суть два. «В наших качествах, как математиков и логиков, нет ничего, чтобы напоминало Сократа или Платона. В мире, где не было бы вовсе этих личностей, положение, что $1+1=2$, не потеряло бы ничуть своей силы. Как чистые математики и логики, мы вовсе не должны упоминать чего-либо фактического, потому что в противном случае мы вводим нечто несущественное и неформальное». Рессель «поясняет» это утверждение на следующем примере. «Традиционная логика говорит: «все люди смертны, Сократ человек, — следовательно, он смертен». Этим, очевидно, мы хотим сказать, что из предпосылок следует заключение, но не что — предпосылки и заключение фактически истинны. Даже самая консервативная логика, — говорит Рессель, — признает, что для нее безразлично, истинны ли фактические предпосылки силлогизма. Поэтому этот классический силлогизм должен быть видоизменен следующим образом: «если все люди смертны и Сократ человек, то Сократ смертен» [3]). В таком случае нетрудно видеть, что в подобной форме эти доводы действительно истинны не в силу истинности составляющих их элементов, а в силу своей формы. Подставим α вместо «люди», β вместо «смерти» и x вместо «Сократа», при чем α и β суть какие-угодно «множества» и x какой-угодно элемент. Тогда мы формулируем следующее положение: «какие бы значения ни имели x, β и α, если только все α суть β, а x есть один α, то x есть β» Таким образом, мы достигаем предельной всеобщности и формальности, которая должна быть «до конца» проведена в математике и логике, если они по существу своему являются «формальными науками».

Из каких частей состоит логическое предложение? На какие формальные элементы разлагаются логические положения? — спрашивает Рессель. И вот как он отвечает на свой вопрос.

Возьмем предложение: «Сократ жил раньше Аристотеля». Здесь мы имеем отношение между двумя элементами, и, следовательно, составными частями этого предложения являются два элемента, и отношение между ними, т.-е. Сократ, Аристотель и «раньше». Мы можем поэтому это предложение представить в общей форме «$x\ R\ y$», что значит: «x имеет отношение R к

---

[1]) Ibid., t. VII, p. 40.
[2]) Russel, Introduction to mathematical philos., 1924.
[3]) Ib., p. 197.

у» [1]). Составными частями предложения являются, следовательно, лишь «чистые формы», т.-е., что остается в нем неизменным, если даже любая ее часть замещается другим. «Сократ был ранее Аристотеля» имеет ту же форму, что и предложение «Наполеон более велик, чем Веллингтон», хотя оба предложения различны во всех частях. Логика или математика занимается только формами и притом постольку, поскольку эти формы «во всех» или «в некоторых» случаях истинны. Во всяком языке есть слова или частицы, выражающие некоторую форму предложения, например: «Сократ есть предшественник Аристотеля»—«есть» здесь не часть предложения, а суб'ективно-предикативная форма предложения. Поэтому, если мы хотим говорить о форме, то мы должны иметь слова, выражающие ее. Но в математике, которая говорит обо всех предметах, имеющих эту форму, мы не нуждаемся ни в каких словах. Все предложения в математике могут быть выражены без всякой помощи слов—на языке символической логики. Мы берем «символы» или «знаки» x, y и R за переменные и, комбинируя из них отношения, выражаем различные формы предложений; эти формы, т.-е. то, что остается неизменным в предложениях,—в данном случае двучленное отношение (между x и y),—можно назвать «логическими постоянными» («константами», logical constants). Таким образом, для нас безразлично, существуют ли в действительности те предметы, которые обозначаются через x и y, но важно лишь то, что если они существуют, то между ними истинно отношение R [2]). Истина предложений не зависит от смысла употребляемых понятий; существенные внутренние значения понятий не входят в содержание математических умозаключений. Последние заняты изучением «внешних» формальных отношений между простейшими понятиями [3]).

Математическая логика спрашивает, какие общие понятия или принципы лежат в основе того или другого математического действия. Она не исследует конструктивным путем, подвигаясь вперед от целых чисел к дробям, от сложения и умножения к дифференцированию и интегрированию; она идет чисто аналитическим путем, от логически простых и недоказуемых истин ко все большей и большей абстрактности, к истинам доказуемым и сложным, вне всякой зависимости от здравого рассудка, от ощущений и наблюдений, благодаря одной лишь логической необходимости. Логическому же анализу здравый рассудок может только повредить, а не помочь. Раз даны понятия, из которых путем определений можно вывести новые понятия, то никакого «согласия с действительностью», с «фактами»,—думает Рессель,—вовсе и не требуется. В математике познают только то, что может быть выведено или доказано логически [4]).

Математика есть дедуктивная наука,—говорит Рессель,—она исходит из известных предпосылок и путем строго дедуктивных умозаключений приходит к выводам, из которых она и состоит.

---

[1]) The principles, p. 24.

[2]) Russel, Mathem. logic as based on the theory of types, Americ. Journ. of Mathem., 1908, t. 30, p. 232.

[3]) L. Couturat, L'Enseign. Mathém. t. VII, p. 39.

[4]) B. Russel, Introduction to math. philos., 1924, p. 4; Les paradoxes de la logique.— Rev. d. Met. et de Mor., 1906, p. 632—633.

При дедукции мы имеем одно или несколько предложений, называемых «посылками», и одно предложение, выводимое из них и называемое «заключением». Дедукция это есть как бы процесс, когда на основе знания одного положения мы приходим к познанию нового положения, вывода. Когда вывод правилен, мы говорим: «он» «следует» или «вытекает» из посылок. Это отношение «следования» или, употребляя выражение Ресселя, «импликации» (implication) и есть то основное понятие, которое интересует математическую логику; она рассматривает «импликацию», как простейшее непреодолимое понятие, принятое за аксиому, потому что всякая попытка определить это отношение будет заключать в себе новую импликацию [1]. Если мы обозначим предложения с переменным значением через буквы p и q, то можно следование (или «включения», «выведения», «импликации») выразить в следующей форме:

$$p \supset q \stackrel{\circ}{=} \sim p \vee q \quad Df,$$

т.-е. «p включает q» ($p \supset q$) означает (=): или p ложно ($\sim p$), или q истинно; это есть символическое обозначение определения (Df) импликации. На основе этого отношения «следования» или «импликации» можно разграничить несколько форм логических выводов (дедукции): или 1) мы можем удостовериться в истинности данного положения, если нам известно, что данное положение p и некоторое другое положение q находятся в таком отношении друг к другу («дисюнкции», т.-е. «разделительного суждения»: «p или q»), что из ложности одного мы заключаем к истинности другого; 2) если мы хотим доказать ложность данного положения, мы исходим или из истинности другого предложения, о котором мы знаем, что оно «несовместимо» с нашим положением, или 3) из ложности другого предложения, из которого, как это заранее нам известно, вытекает наше положение. Далее, если p является истинным, то из положения «p или q» выводится истинность q. Отрицание «не-p» означает, что данное значение истинно, если p ложно, и ложно, если p истинно; в таком случае определение импликации (следования) «p включает q» (или из «p следует q») мы можем свести к формуле «не-p или q». Наконец, 4) если q следует из r, то из «p или q» следует «p или r». Вообще говоря, схема любого логического вывода (дедукции) состоит из одного положения p и из другого положения «из p следует q» или, наоборот, из положения q и из положения «из p следует q» [2]. Таким образом, чтобы удостовериться в истинности какого-либо положения q, мы должны допустить, что из «p следует q», если p заранее дано.

Покончив вкратце с формальными принципами логического вывода (дедукции), перейдем к тому, что Рессель называет «пропозициональной функцией» (propositional function). Proposition значит «предложение», а функцией в математике называют одну из переменных величин, которая изменяется в зависимости от другой переменной величины. Обозначая независимую переменную

---

[1] The principles of mathemat., p. 14—15.

[2] Introduction, chapt. 14; The prinziples, p. 16—18.

через x и зависимую, т.-е. ее функцию через y, функциональную зависимость между ними выражают уравнением:

$$y = f(x),$$

в котором f (начальная буква слова function) указывает на существование некоторой (функциональной) зависимости между x и y. Если мы имеем «суждение» (или «предложение»), истинность которого зависит от истинности некоторого другого [illegible]но переменного предложения, то это «суждение» (или «предложение») будет «функцией», скажем, «пропозициональной функцией», или, за неимением другого русского термина, «функциональным предложением» (или логической функцией) наподобие математической. Напр., «x есть человек»—это есть функциональное предложение: если x не определено, то оно ни ложно, ни истинно; если же x определено, то оно получает ложный или истинный смысл. Всякое математическое равенство есть функциональное предложение. Все предложения обычной логики, как, напр., «все A суть B»—функциональные предложения: A и B должны быть ложны или истинны. Всякое функциональное суждение может быть истинно или «при всех значениях x», или «при некоторых значениях x». «Если мы говорим: существуют люди», то это значит, что функциональное предложение «x есть человек» истинно в «некоторых случаях». Точно так же обычное общее суждение «все S суть P» может быть сведено [illegible]пенно к формуле: если x есть S, то при всяком значении x [illegible] есть P. Или конкретно: возьмем положение: «все люди смертны». Здесь S означает «x есть человек», $f(x)$ P означает «существует момент, когда x умирает»: $f'(x)$. Поэтому «все S суть P» означает: суждение, что «из $f(x)$ следует $f'(x)$, «всегда истинно». Соответственно с этим, классический силлогизм (умозаключение): «все люди смертны, Сократ человек,—следовательно, Сократ смертен» должно быть преобразовано в функциональное суждение: «если Сократ человек, то он смертен», потому что это предложение есть частичный случай более общего предложения: «если x есть человек, то x смертен». Кроме указанного типа логической функции существует еще описательная функция, которая или в одном определенном или многозначном смысле устанавливает какой-либо конкретный способ существования или какое-либо определение «элемент, имеющий к y отношение R», «отец y'а», «синус z'а» и т. д. «Конкретность» в данном случае надо понимать так, что существует один элемент a, который удовлетворяет функциям от x, y и z [1]).

Таким образом, в то время, как старая формальная логика ограничивалась «классами» или «родами» предметов, и на них строила учение о силлогизмах (умозаключениях), новая формальная логика пытается учением о логических функциях создать почву для логики отношений, которые позволяют брать предметы не в их застывшем определенном значении, но во всем богатстве их форм и всех возможных значений. Действительно ли эта новая точка зрения разрешает ту задачу, которую она себе ставить, мы увидим впоследствии, а пока надо лишь запомнить, что сами творцы новой формальной логики противопоставляют свою логику старой, которую они называют с оттенком пре-

... аристотелевской». «Предмет формальной логики, которая, ... образом, оказывается тождественной с математикой, говорят ..., как известно, изобретен Аристотелем и составляет наравне ... теологией главный предмет изучения в средние века. Но Аристотель никогда не шел дальше силлогизма, который составляет ... весьма небольшую часть предмета, а схоластики никогда не шли дальше Аристотеля. Если нужно какое-либо доказательство нашего превосходства над средневековыми учеными, ... заключается в успехах логики» [1]). Успехи же логики сводятся к тому, что открыты новые правила вывода, чтобы решать ..., недоступные приемам старой логики, создана новая ... логики, называемая «логикой отношений», которая, упо... переменные x и y, оперирует сразу с **множеством** ... Если я говорю: «x есть человек», то x имеет неопреде... большое «**множество**» значений. Поэтому созданная на ... формализирования (обобщения) канторовской теории множеств математическая логика принуждена сама дать непротиворечивое логическое обоснование теории множества и в первую ... «разрешение» тех «парадоксов», которые скрыты в ней. Посмотрим, что это за множество.

Возьмем множество, которое должно охватывать собою все. ...жество, охватывающее все, должно содержать и себя, как один ... своих элементов; но множество **обычно** не содержит себя ... ряду своих элементов. Человечество, напр., не есть человек. ...руем теперь собрание всех множеств, которые не содержат ... себя в качестве своих элементов, это будет новое совокупное множество. Будет ли оно заключать само себя, как один ... своих элементов? Если оно заключает само себя, то оно будет ... в ряду тех элементов, которые не содержат сами себя ... образовали совокупное множество именно из таких множеств), т.-е. оно не заключает себя как элемент. Если же оно ...ключает само себя в качестве элемента, то не находится в ...ду множеств, которые не содержат сами себя в качестве элементов, т.-е. оно заключает само себя. Это есть противоречие. ...добные же противоречия можно привести из других областей. ...бопытно, что творцы «новой» логики вспоминают при этом ...ские **софизмы**. Эпименид Критский [2]) говорил: «Все критяне лжецы». Если он говорит правду, то он, как критянин, лжет, ... он лжет, то критяне друзья истины и, следовательно, он ...т. Или: человек говорит «я лгу», но если лжет, то говорит ...аву; если же он говорит правду, то он лжет [3]).

Отвергнуть все эти софизмы или, как говорят Рессель и его ..., «противоречия» можно «только» на основе учения о ...**гических типах**», которое устанавливает следующее: раз... члены множества и само множество принадлежат различ... типам. Вся совокупность значений данной переменной не ...ет находиться в ряду отдельных значений данной переменной. ... у нас имеется функциональное суждение «x лжет», то это ... само по себе ни истинно, ни ложно, но признание,

---

[1]) Статья Russel'я в Intern. Monthly, 1901,—русск. пер. «Новые идеи в ...», сб. 1, стр. 84.

[2]) Russel. Mathem. Logic based on the theory of tifes, Amer. Journ. of ..., 1908. p. 222.

[3]) Russel, Rev. de Met. et de Mor., 1906, p. 634.

что оно истинно, есть истина уже нового типа, нового [illegible] Все, что охватывает все, само не может быть частью [illegible] «всего». Когда я говорю «я лгу», то я лгу, но не [illegible] высказываю ложное положение, но потому, что [illegible] высказываю тот психологический факт, что я лгу. Но [illegible] скажу: «в данный момент я высказываю положение [illegible] торое ложно», то мое суждение может быть ложным [illegible] ным. Если различать простой факт высказывания и [illegible] утверждающее или отрицающее ложь, то никакие [illegible] нам не встретятся.

Все это было бы довольно безобидным занятием, [illegible] которые более «мудреные» логисты не сделали и [illegible] вания соответствующих выводов об иерархии типов [illegible] рядка. Достаточно же было заговорить об истинах n-ого [illegible] как была построена иерархия типа ∞ порядка, где [illegible] нечно-большое число. Но Рессель мог, конечно, и не [illegible] внимания на эти затеи: он построил «систему» новой [illegible] левской логики.

Эта система может быть названа как угодно: [illegible] реализмом», «логическим идеализмом», «математическим [illegible] мом», «номинализмом», «вербализмом». Сам же Рессель [illegible] назвал свою систему «логическим атомизмом»[1]) и [illegible] вниманию своих цивилизованных собратиев,—попов и [illegible] стов, как «некоторый род реализма». Можно придумать [illegible] названий, и их, конечно, еще придумают досужие [illegible] Но что сущность изложенной «системы» одна и что эта сущ- ность заключается в возрождении схоластики, в [illegible] сомневаться не приходится.

«Аристотелевская доктрина схоластиков ближе всего по [illegible] ему духу к доктринам (учениям), одухотворяющим [illegible] математику; но схоластикам мешало несовершенство их [illegible] ной логики, узость формальной логики, основанной [illegible] тельно на силлогизме»,—говорит Рессель. Мы уже знаем, что [illegible] сделанный «современной математикой» после схоластиков, [illegible] стоит в установлении нового типа логики, «логики [illegible] Поэтому целесообразно именно эту мысль сделать [illegible] пунктом нашей критики.

1) Прежде всего вдумаемся в то, что разумеется под «отно- шением» в логистике. Логистическое понятие «отношения» [illegible] тие чистейшего идеализма. Материализм учит, что [illegible] реальны потому, что реальны вещи. Отношение бытия к [illegible] есть реальное действительное отношение, потому что бытие [illegible] вне нас существующая подлинная об'ективная действительность. Логистика, которая по праву именует себя «Relationstheorie», [illegible] рией отношений», ухватилась за отношение именно [illegible] что этого требует идеалистическая теория познания. [illegible] «выключаете» реальный мир фактов, пространственных и [illegible] менных событий, то оставшаяся в вашем поле зрения, [illegible] жаемая вами «чистая» «идеальная» действительность [illegible] «пропозиционных функций», «импликаций», «дисюнкций», [illegible] ций» существует лишь постольку, поскольку они вступают [illegible] взаимные отношения, поскольку они проявляют себя при [illegible]

---

[1]) В Contemporary britisch. philosophy, A. Muirhead, London 1914, p. [illegible]

...отношений. Сперва существуют «отношения», как фор... формальных форм, т.-е. формы, дальше которых итти уж не... ...; потом «символы» или «знаки» для обозначения этих отно... ..., а потом уж в зависимости от тех или иных «отношений» ...ствуют числа, предметы, качества, вообще все многообра... ...вещей. И это вполне естественно, потому что вы признаете, ...то отношения безразличны к тому, что к чему «относится»; при... ...это, вы неминуемо должны скатиться к идеалистическим ...ертам, а в конечном счете, к защите всяческих суеверий, вся... ...го проявления темноты и забитости масс, короче, вы должны ...ваться орудием реакции и духовного угнетения. И в самом ...е—с этой, с позволения сказать, «точки зрения» все равно, ...жем ли мы: «бытие определяет сознание», «бог сотворил мир», «...воспринимаю действительность», «Каин убил Авеля», ибо так ...ваемая «логическая» точка зрения будто бы устанавливает ...ин тип отношения xRy. Но, именно, благодаря этому «без... ...личию», этой «невинности» формальной точки зрения, вы на ...еле, на примерах тысяч и тысяч ваших поступков вашей пе... ...ти, вашей церкви, вашей науки,—вместо этих хваленых «без... ...личных» и «общих» суждений вы берете за основание то сужде... ..., которое гласит, что «бытие сотворено богом». Идеальная ма... ...тика, безгрешная чистота науки, формальная теория, слу... ...те церкви,—таков ближайший смысл всеобщего формализма ...гистики. Да и в самом деле вся логистика потеряла бы всякий ...ысл, если бы дело обстояло не так. Выдумывать «символы», ...стематизировать их, классифицировать «отношения» и «функ... ...ии», ведь это же было бы младенческим лепетом, если бы игра ...е стоила свеч. Утонченная схоластика логического фетишизма ...ужна теперь цивилизованной буржуазии так же, как и средне... ...вековой церкви, выросшей из феодальной организации общества. Другой «логики» (не «формальной», а той, о которой говорят, ...когда хотят сказать, что у г. N не хватает логики) здесь нет ...и быть не может.

Это чистейший вздор, что существуют какие-то «точки зре... ...ния», которые не следует смешивать, и одна из которых позво... ...ляет рассматривать вещи с чисто-формальной стороны, **вне всякой связи** с действительностью. В этом смысле можно, будто ...бы, утверждать, что естествознание, логика и религия не про... ...тиворечат друг другу, так как все они рассматривают вещи с ...различных точек зрения. Материализм учит, что никаких подоб... ...ных «точек зрения» не существует. Истина определяется не ...точкой зрения, а согласием с действительностью, с об'ективной ...реальностью, существующей вне нашего сознания. Отсюда выте... ...кает вторая особенность логистики.

2) Согласие с действительностью, практическая проверка на ...конкретных фактах, на экспериментальных, исторических, ста... ...тистических и других естественно-научных наблюдениях—таков ...критерий (мерило) истинности, при помощи которого мы разли... ...чаем правильное рассуждение от фантазерства и лжи. Логистика ...не только не дает более или менее надежного критерия (мерила) ...истинности, но и вовсе не может установить, чем вообще истин... ...ное суждение отличается от ложного. Логистика вообще не зани... ...мается этими вопросами и не замечает того, что это не достоин... ...ство, а основной недостаток. «Математическое определение есть

логическое равенство; оно не есть предложение, потому что оно ни ложно, ни истинно,—говорит Кутюра,—логическое равенство нельзя ни признавать, ни отвергать; можно только отказаться от него. В этом смысле они условны и произвольны»[1]). Совершенно не случайно и то, что Б. Рессель должен признать абсолютный характер своей «системы». Абсолютный характер каждого устанавливаемого им понятия, каждого принимаемого различения неразрывно связан со всей его «философией математики». В одной работе, посвященной критике Мейнонга [2]), он говорит: «Есть предложения ложные и есть предложения истинные, точно так же, как есть красные и белые розы. То, что истинно—истинно, то, что ложно—ложно, и нечего к этому добавлять еще чего-либо. Между тем думают, что нет ни одного истинного предложения, о котором нельзя было бы сказать, что оно может быть и ложным. Но в таком случае столь же законно могли бы сказать, что красный цвет может стать вкусом, вместо того, чтобы быть цветом». Но эта «теория» опровергается такими историческими фактами, которые всем хорошо известны. Наше знание р а з в и в а е т с я, и с течением времени то, что было истинным на одной ступени развития производства и техники, становится ложным на другой ступени развития. Все наше знание надо рассматривать как процесс, т.-е. в состоянии вечного движения, изменения и преобразования, проникнутого об'ективной закономерностью развития. С точки зрения логистики все эти факты не о б ' я с н и м ы. Это и понятно, потому что истина для логистики есть нечто готовое, что можно «открыть», «приобрести», что не развивается, но устанавливается раз навсегда. «Всякое познание,—говорит Рессель,—должно быть признанием (recognition), если вообще оно не хочет быть иллюзией; арифметику надо открыть в том же смысле, как Колумб открыл Вест-Индию, и мы не создаем чисел так же, как он не издал индейцев. Число 2 не есть нечто умственное, но сущность, которую мы можем сделать предметом нашего мышления (it is an entity which may be thougth of). Поэтому, что бы ни оказалось предметом нашего мышления, оно имеет бытие, и это бытие есть предварительное условие (precondition), а не результат того, что в данный момент имеется мышление»[3]). В этом вопросе Рессель—чистейший канторианец, потому что схоластический реализм логической теории Кантора является совершенно естественным «философским» обоснованием подобных взглядов на логические истины. Если понятия существуют для Ресселя постольку, поскольку они «проявляют» себя при помощи взаимных отношений, то и эти отношения и понятия у него заранее даны, заранее «известны», так что остается только расставить их по ящикам и наклеить ярлычки. «Канторианцы,—замечает А. Пуанкаре,—предполагают, что предметы существуют в некотором роде большом складе, независимо от всего человечества или всякого божества, которое могло бы о них говорить или думать; в этом магазине мы, без сомнения, можем выбирать, но наверно мы не имеем достаточно аппетита или средств, чтобы ку-

---

[1]) Les défin. mathem., L'Enseign Math., 1905, p. 27—37.

[2]) Цит. у L. B r u n s w i g, Les étages de la philosophie mathém. P. 1919, p. 393.

[3]) R u s s e l., The principles of mathem., p. 451,

пить все; при этом—инвентарь магазина не зависит от рессурсов покупателей»[1]). Такая точка зрения, естественно, не знает, что ответить, когда спрашивают: „*на чем вы основываетесь* в своих суждениях об истинности и ложности того или иного положения? Она не может ответить на этот вопрос, потому что она исследует *отношения*, независимо от конкретного фактического содержания *членов отношения*, и мы увидим ниже, что отсутствие критерия (мерила) различения истинности и ложности неизбежно вытекает из метода фетишизирования логических абстракций.

Но так как всякая теория, не способная отличить истинное от ложного, сама подписывает себе смертный приговор, то Рессель и пытается спасти свою «систему» изобретением особых «truth-fonction» или «truth-value», т.-е. «функции истинности», которые, будучи приложены к суждениям, «делают» эти суждения ложными или истинными. Истинность есть функция истинности истинного положения, а ложность есть функция истинности ложного положения. Но это значит лишь отодвинуть проблему, а не решить ее: потому что «функция или значения истинности» ложного или истинного преложения и есть как раз то, что надо об'яснить, а не то, что само может об'яснить что-либо. Это прекрасно сознает и сам Рессель, который путается между строго дедуктивными законами и требованиями такого обобщенного формализма, чтобы мы не переставали «обладать уверенностью, что результаты данного дедуктивного процесса будут *применяемы* возможно шире»[2]), чтобы мы не теряли «чувства *действительности*» и не говорили о вещах невозможных («золотых горах», «круглых квадратах» и т. д.)[3]). Но реакционная сущность логистики не может не проявляться в этом вопросе: отсутствие всякого критерия истинности эту «систему» прямехонько приводит к «философии беспредметности» то-бишь «предметности» Мейнонга, которая прямо начинает с того, что отбрасывает всякое принципиальное различие между возможными и невозможными предметами. Подтверждением этой мысли может служить книга одного из видных учеников Мейнонга (Ernst Mally), который целиком посвятил ее «Логике и логистике на основе теории предметности». В мейнонговском понятии «об'ектива» он справедливо усмотрел основное логическое понятие, на котором строится здание логистики. Математическая логика прямо отождествляется автором с «теорией предметности»[4]). По мнению же Мейнонга, логика должна исследовать «формы» всех возможных предметов, как действительных, так и недействительных, и никогда не интересоваться ложным и истинным.

Нужно ли доказывать, что эта точка зрения целиком направлена против все прогрессирующего движения естествознания?—что она прямехонько ведет к «чисто-логическому» оправданию всяческих «возможных и невозможных», «недействительных» предметов суеверия?—что такая теория выгодна тем, кто кровно заинтересован в том, чтобы держать массы в темноте,

[1]) Последние мысли. рус. пер. 1923 г., «Научн. Книг-во», стр. 78.
[2]) Introduction, p. 197.
[3]) Introduction, p. 169.
[4]) Г-

нищете, духовном угнетении? Таково об'ективное общественное значение всякой теории, которая уклоняется от вопроса: как отличать ложное от истинного?

3) В теснейшей связи, как мы видели, с вопросом о критерии (т.-е. мериле) для распознавания истинности находится исторический взгляд на развитие знания. Займемся кратко этим вопросом, применительно к логистике. В предисловии к III тому «Капитала» Ф. Энгельс упрекает одного из критиков Маркса, что он не понимает того, «что Маркс будто бы имеет намерение дать определение там, где он в действительности развивает, и что вообще у Маркса нельзя искать точных, готовых определений, годных раз навсегда. Само собой разумеется, что там, где вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как нечто неподвижное, а меняющееся, то и мысленные их изображения, понятия, подвергаются также изменению и преобразованию, что их нельзя втиснуть в неподвижные определения, а следует представить в их историческом или логическом процессе созидания»[1]). Так учит материализм о применении логического метода в тех или иных определениях: не искать готовых раз навсегда определений, а развивать; не втискивать понятие в неподвижные схемы, а представить их исторически в процессе развития, а это есть и «логический процесс созидания». Ни о каком развитии идей (или понятий или определений) в **логистике** не может быть и речи. Вся логистика вырвана из реального потока времени и событий. Ее понятия, ее законы—это вечные, вневременные сущности, схоластические universalia, т.-е. общие понятия, которые sunt ante rem, т.-е. предшествуют вещам. Таково было, как мы видели, понятие множества у Кантора, таковым оно осталось у Ресселя. Для Ресселя и всех логистов понятие множества существует раньше единиц, составляющих множества. Что такое, напр., понятие нуля? Нам отвечают: «нуль есть класс об'ектов, удовлетворяющих условию, которое всегда ложно», или: «нуль есть множество, обнимающее всегда только пустое множество». Что такое один? «1 есть класс классов x и y, не равных нулю и таких, что $x = y$». Следовательно, что касается чисел, понятия класса множества суть понятия более простые, чем понятия составляющих их единиц. Примененная ко всем логическим понятиям, эта точка зрения превращается в чистейшую метафизику. Всякая вещь для логистики существует постольку, поскольку существует множество, один из членов которого составляет данная вещь. Но множество, именно потому, что оно **множество**, не есть нечто **становящееся**, изменяющееся, развивающееся; в «множествах» логистики нет времени, будущее как бы все целиком заключено в них и спрашивать о дальнейшем развитии, о движении настоящего к будущему запрещено под страхом отречения от церкви. В логистике все перевернуто вверх ногами, и это особенно ярко сказывается именно в этом пункте. Логистика не начинает с того мира, в котором мы живем, с которым мы сталкиваемся в своем ежедневном опыте, с тех реальных событий, в которых мы сами участвуем,—в общем, с того, **что существует**. Она, наоборот, берет абстракции, чистейшие фикции и все остальное выводит из «логики» этих абстракций. Множества,—

говорит Рессель,—суть «логические, сконструированные из определенных характеристических свойств фикции» [1]). Он хочет этим сказать, что множества ничего общего не имеют с об'ективными вещами в пространстве и времени и что им присуща лишь «логическая реальность». Он забыл только добавить, что эта «логическая реальность» не выводится из об'ективной реальности мира и что ее корни в ней же самой. А это и есть схоластический реализм понятий, которым прельстился также Георг Кантор. Теперь должно быть ясно, что из этого схоластического антиисторизма непосредственно вытекают две «роковые» особенности логистики: 4) неизбежность символического языка и 5) неизбежность гипотетической (предположительной, условной) формы умозаключения (если..., то»).

4) В самом деле, раз свою «область исследования» логистика переносит в царство вечных сущностей, в мир теней, раз она отрывает мышление от действительности, раз она вышелушивает в формах мышления какой бы то ни было намек на жизнь, на наблюдения, на внешний мир, то какой младенец не скажет, что в таком случае логистика должна выдумать какой-то новый доступный «только посвященным» язык и говорить на этом языке свои чревовещания. Надо видеть, как логисты пыхтят и кувыркаются, делая всяческие ужимки и прыжки, чтобы «логически» доказать и «солидно» «обосновать» «теоретическую необходимость» символического языка. Они говорят, что слова обычного языка двусмысленны и неизбежно ведут к ложным (читай: материалистическим) представлениям о логических понятиях [2]); что «очевидность обычного языка есть источник заблуждений» и поэтому необходимо создать в самом языке искусственные трудности, чтобы ко всякой, простейшей истине мы относились с преднамеренным недоверием [3]). Все это чистейший вздор. Сколько бы Кутюра ни возражал против «вульгарного, как он говорит, номинализма» (пустословия), вся логистика—к тому же: по его же собственному определению—есть «систематический номинализм, для которого все определения суть равенства (l'equivalence) между одним именем и некоторым собранием имен» [4]). Раз ничего нет, кроме «имен» (nomina), то условимся давать имена как можно «экономнее», как можно меньше,—говорят г.г. Кутюра и Ресселя. И идеал науки им уже мерещится, как выведенная из одного единственного «знака» «система формальных законов». Строго говоря, вся логика Ресселя построена с таким расчетом, чтобы можно было вывести всю «науку логики» из одного знака импликации или «вывода»

$$p \supset q = \sim p \vee q \quad Df.$$

Весь «прогресс» логистики может заключаться только в том, что «знаки», которые считались раньше «первичными», «аксиоматическими», выводятся из новых «знаков», и эти последние заступают на место прежних. Но поскольку нет критерия истинности, «знаки» начинают играть самодовлеющую роль, и каждое «выве-

---

1) Russel, Introduction to math phil., 1924, p. 14.
2) Ibid., p. 205.
3) Couturat, L'Enseign. math., 1905, p. 28.
4) Ibid., p. 29—30

дение» их, каждый «выбор» их может иметь своим результатом новую «систему логистики», которая ничуть не хуже старой «системы» или, по крайней мере, мы не можем знать, хуже ли она или лучше. И в самом деле, систем логистики может быть «построено» столько же, сколько может быть вообще «простейших логических понятий» и знаков для них (следование $a \rightarrow b$ несовместимость a/b, исключенного третьего $\backsim a \vee b$, эквивалентности $a \backsim b$ и т. д.). Например, мы имеем попытку Шеффера, построившего систему логистики, строго говоря, при помощи одного знака «несовместимости», или попытку А. Тайтельбаума в «Fundamenta mathematicae» вывести главнейшие законы логистики при помощи одного лишь знака равенства (=) [1]. Такие примеры, несомненно, еще найдутся; но и приведенные, и вообще вся изложенная выше характеристика логистики всякому непредубежденному читателю должна доказать с неопровержимой ясностью, что логистика на том и держится, что она не может развиваться (ибо, чтобы утверждать противное, надо отказаться от логистики), и, следовательно, к символическому языку «условных знаков» она прибегает потому, что противоречит действительным фактам,— потому, что развитие подлинной науки идет мимо нее, нисколько не «интересуясь» тем, что думают логисты. Символический язык логистики есть выражение ее бесплодности, ее полной бесполезности, это—форма, в которой нет никакого содержания, клавиатура, которой не сыграешь ни на каком инструменте,—именно потому, что таково заранее выдуманное, готовое понятие формы: это неизбежный вывод из основного требования логистов, которые сами, быть может, не замечая того, относятся к ими же созданным знакам, как к самостоятельным реально существующим понятиям. Я однажды выразился, что логика в наши дни стала предметом ювелирного искусства. Это особенно характерно для логистики. Один из ее новейших представителей Шенфинкель так прямо и говорит об «эстетической необходимости» этих умственных операций [2]). Но так думают, строго говоря, и основатели теории. Пеано [3]), ничтоже сумняшеся, заявляет, что символы (знаки) вовсе не играют какую-то вспомогательную, но излишнюю роль,—анализ отношений между знаками, по его мнению, теснейшим образом связан с изучением форм суждений, и, если древние ограничивались лишь силлогизмами, то только потому, что они не знали, как пользоваться символическим обозначением. Но формализм, доведенный до символизма, есть внутренне-противоречивое и потому обреченное на бесплодие предприятие— к этому клонится наша характеристика «символической логики».

В самом деле, именно там, где, казалось бы, уже нет никаких остатков «ощущений» или «наглядного представления», т.-е. никакого «содержания», ярче чем где-либо проявляется необходимость наглядного представления, необходимость считаться с действительным содержанием употребляемых понятий. В самом деле, если идея вывода или следования выражается знаком $\supset$, то,

---

[1]) D. Taitelbaum, Fund. Math, Warszawa 1923, t. IV, стр. 197. Так же о Scheffer'е. В этой же плоскости лежат работы ряда выдающихся москвичей, о которых у нас также будет речь ниже.

[2]) Mathem. Annal., Bd. 92, 1924, S 307.

[3]) Peano, Sur la definition de la limite d'une fonction etc, Americ. journ.

очевидно, чтобы понять, что означает этот знак, я должен знать, что такое вывод или следование вообще... Я должен сравнить знак с тем, что мне уже известно из опыта о предметах, выражаемых этим знаком, чтобы двинуться дальше. Или—еще более показательный пример: если в двух различных сложных символических обозначениях мы встречаем один и тот же знак, или, наоборот, один различный знак в двух тождественных представлениях, мы никогда не узнаем тождества знаков в одном случае или различия их в другом; другими словами, никогда не удастся вместо логических понятий, выражаемых знаками, подставить эти самые знаки, по той простой причине, что логические понятия не тождественны с математическими. Поэтому если из абстрактного формализма вытекает необходимость символического языка, то в самом символизме логически неизбежно заложено самоупразднение формализма. Что это за теория, которая должна на каждом шагу сама себе противоречить, чтобы удержать все свои позиции?

5) То типичное для эклектизма (склеивания, собирательства и пережевывания различных противоположных точек зрения) обстоятельство, которое мы охарактеризовали, как уклонение от вопроса: чем истинное отличается от ложного?—нашло свое отражение и в специально-логических вопросах. Мы остановимся на самом важном из этих вопросов, который и в глазах самих логистов составляет самое ценное в логистике. Это—преобразование всех суждений обычной логики, которая логистами третируется как схоластика, в «условные» суждения, имеющие форму: «если дано A, то дано B».

Марксистская материалистическая и, следовательно, единственно научная постановка вопроса **никогда не примирится с такой точкой зрения**. Разберемся в этом вопросе,— причем в связи с этим необходимо выяснить, что представляет собою это злополучное понятие «импликации».

Формула «**если—то**» показывает прежде всего уже знакомую нам особенность логистики: она хочет быть «логикою отношений», понятие «отношения» она кладет в основу всех своих схоластических выкладок и строит все свои специально-логические теории (определение, формы выводов и т. д.) на его основе. Но мы уже видели, что логистическое отношение без того, что «относится», есть пустой идеалистический выверт, и поэтому всю нашу критику, направленную против этого понятия (см. выше), надо отнести и к логистическому толкованию умозаключений в форме «если дано A, то дано B». Формула «если—то» и пытается выразить отношения, связи, соединения, совершенно не задавая вопроса о том, **что же** на самом деле соединяется, относится, связывается. Рассуждая так, логистика никогда не узнает, имеет ли она дело с воображаемыми предметами или с действительно существующими. Она заимствует формулу «если—то» из математики и не видит, как это подобает всякой идеалистической точке зрения, что совершает глубочайшую ошибку, смешивая математические понятия с теми предметами, с тем физическим миром, который они призваны отображать. Математическая связь понятий действительно в большинстве случаев имеет форму условного предложения: «если данные об'екты удовлетворяют таким-то и таким-то условиям, то они удовлетворяют таким-то и

таким-то новым условиям». Формулируя те или иные законы физики, математик имеет перед собой неограниченное поле возможностей для фактической проверки своей абстрактной формулировки путем подстановок реальных значений под свои цифры (напр., в уравнении $v = \frac{s}{t}$) и именно поэтому выражает свои законы в гипотетической (условной) форме: «если дано A, то дано и B», если A равно B, а B равно C, то A равно C». Если мы вместе с логистами по аналогии с этими умозаключениями будем преобразовывать все логические умозаключения и допускать их только в такой форме, то наша логика будет похожа на такую математику, которая никогда не будет в состоянии указать, на что она опирается, каков физический смысл ее уравнений. Другими словами, такая логика не отражает в понятиях об'ективной закономерности природы, а сама предписывает законы природе. Но такова именно логистика. Она говорит: «если Сократ человек, то он смертен» и думает, что таким образом можно избавиться от назойливых «реальных фактов» и построить «идеальную», «чисто-формальную» теорию. Если признавать, что логические суждения допустимы и ценны только в том случае, если они выражаются в формуле «если—то», то, конечно, логисты правы, что им нет никакого дела до того, существовал ли когда-либо Сократ или нет. Логика, которая 1) на место вещей ставит отношения и 2) не в силах поэтому указать определенного критерия истинности, 3) рассматривает отношения как реально-существующие понятия независимые от вещей и 4) доступные только посвященным в тайну символического языка,—такая логика, естественно, будет наряжаться в условные схемы («если—то»), которые удобны именно потому, что не противоречат действительности и в то же время позволяют из себя «дедуцировать» (выводить), т.-е. попросту сфантазировать такую «действительность», какая душе твоей угодна. В этом заключается реакционный смысл учения логистики о силлогизмах (умозаключениях): учение логистики о силлогизме построено так, чтобы из логической необходимости выводить об'ективную закономерность природы и таким путем уничтожить об'ективное физическое значение закона причинности.

Чтобы доказать эту мысль, я сперва приведу несколько примеров из истории идеалистической философии, взятых у Плеханова и Ленина. Дело в том, что, напр., философия Маха и Авенариуса рассуждала точно так, как логисты. В главе о «причинности и об'яснении» в книге «Wärmelehre» («Учение о теплоте», 2-е немецкое изд., 1900, стр. 439) читаем: «кроме логической, какой-нибудь другой необходимости, например физической, не существует». «Это как раз тот взгляд, с которым так решительно боролся Фейербах»,—говорит Ленин[1]. И действительно Фейербах говорил в «Сущности религии», что «природа может быть понята через самое природу, что необходимость ее не есть человеческая или логическая, метафизическая или математическая». В противоположность этому Мах в «Механике» поучает: «в природе нет ни причины, ни следствия».

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, 1920, стр. 156.

Причинность, говорит махист Петцольд, есть нечто априорное (т.-е. независимое от опыта, предшествующее всякому опыту, как условие его возможности), но это «априорное только логическое, не психологическое и не метафизическое». «Ну, конечно,—замечает Ленин по этому поводу,—если назвать априори логическим, то от этого вся реакционность такой идеи исчезает», на самом же деле суб'ективистская линия в вопросе о причинности состоит в выведении порядка и необходимости природы не из внешнего об'ективного мира, а из сознания, из разума, из логики. Что очерченный здесь суб'ективизм предполагает или неизбежно ведет в логике к формуле «если—то», это ясно видно из следующих слов махиста Петцольда: «До сих пор не могли представить себе иной зависимости явлений природы помимо временной: с н а ч а л а *A*, п о т о м *B*, но не так, как в геометрии выходит: если стороны треугольника равны, то равны и противолежащие углы. Если сохранить в поле зрения эту вполне общую функциональную зависимость как геометрических, так и физических определяющих элементов, нетрудно представить себе аналогичными и взаимоотношения между душевными и телесными явлениями». «Вот оно как,—иронизирует Плеханов,—е с л и *A*, т о *B*, если стороны треугольника равны, то равны и противолежащие углы. Это, в самом деле, очень просто. Е с л и человек выпил литр водки, то он опьянен, что и требовалось доказать» [1]).

Уже это далеко не полное и не доведенное до конца сопоставление махизма с логистикой показывает, почему логика, которая базирует на суждениях типа «если—то», имеет реакционное и только реакционное значение. Если я говорю: с н а ч а л а *A*, п о т о м *B*, то я устанавливаю причинную связь между этими двумя событиями, некоторую последовательность во времени, которая необратима (нельзя сказать наоборот: «сначала *B*, потом *A*»). Но если я говорю, е с л и *A*, т о *B*, то я устраняю вообще вопрос об об'ективном значении этих символов, к а ж д о г о в о т д е л ь н о с т и, и, рассматривая только лишь о т н о ш е н и е само по себе, утверждаю не причинную связь, такую внутреннюю живую связь, когда один элемент является некоторым продолжением в другом элементе,—но внешнее формальное отношение, которое может быть перевернуто, как угодно (можно сказать, напр., если *A*, то *B* = если *B*, то *A*). Ясно, что в такую «логику» можно уложить какую-угодно мистику, не говоря уж о том, что неизвестные еще, но действительные связи природы заменяются «идеальными», «логическими».

Махисты боролись против закона причинности и считали «метафизикой» и «фетишизмом» признание об'ективной закономерности природы. Логисты тоже борются против закона причинности и также считают, что об'ективная закономерность природы «не касается» логики. Махизм и логистика, с точки зрения их логической характеристики, это—две стороны, два применения одного и того же метода—«чистого описания», «экономии мысли» и прочих в этом роде забавных штучек, заклейменных, осмеянных в неувядаемом «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина. Принципиального отличия нет, отличие только одно то, что ма-

---

[1]) От обороны к нападению, стр. 137.

хисты называли «функциональным отношением», «законом однозначности», логисты называют «импликацией».

Что такое импликация? Никакого «открытия», прежде всего, здесь нет. Это только словечко, и «новое» словечко, которое выражает старую формально-логическую связь «основания» и «следствия»: «Это,—говорит Mally,—об'яснение названия (Namenerklärung) обозначения «основания» и «следствия» и об'яснение знака «следования» [1]). Это отношение «основания» к своему «следствию» взято здесь в таком широком формальном значении, что само «следование» не является познанием, «вывод» не дает ничего нового, и результат «следования», следствие, уже заранее в готовом виде заключено в «основании». Вот почему всякое определение для логистов сводится к тавтологии, к равенству типографских знаков: раз определяемое понятие уже предполагает, как и у Кантора, «свое» множество, как совокупность значений, то «ясно», что сколько бы ни «выводили», «развивали», «комбинировали» наши знаки импликации ($\supset$) мы никогда не сможем притти к чему-нибудь новому. Таким образом, знания здесь, строго говоря, нет. Это и понятно, потому что теория, которая не в силах дать определенного критерия (мерила) для различения истинного от ложного, не может указать, как отличить болтовню и фантазерство от познания. Не даром Рессель ничтоже сумняшеся заявляет, что понятия математики определимы при помощи общих законов «теории дедукции» (вывода), но из чего вытекают эти самые общие основоположения—определить трудно. «Это трудная проблема, полное решение которой нам неизвестно»,—говорит он с наивной наглостью, столь характерной для всякого реакционера [2]). Так формализм превращается в идеалистический выверт, в побрякушку, которая может занимать только младенцев.

Но это еще не все. Такова пресловутая импликация в ее общей форме, когда ее выражает знаками «$p \supset q$», т.-е. «p включает q». Это общее значение «включения» или «следования» принимает у логистов различные специфические (особенные, единичные) формы, когда от общей формулы они переходят к отдельным типам умозаключений. И вот оказывается, что все эти специальные (частные) случаи (или частные «определения») импликации логистов имеют такую двусмысленную форму, что тривиальность (ничего не говорящая очевидность того, что черное есть черное и белое есть белое) в ней переходит в явную ложь. В самом деле, нам говорят, что выражение: «p включает q» означает: «или p истинно, или q ложно». Но это последнее выражение двусмысленно, «equivocal», как говорит C. J. Lewis, один из новейших представителей «алгебраической» логики, выступивший с некоторыми, правда, непринципиальными малосущественными замечаниями о Ресселе [3]). Прежде всего это неверно с точки зрения элементарной логики: раз вы берете «разделительное» суждение «или p, или q», то, как и всякое разделительное

[1]) Mally, Gegenstandstheor. Grundl. d. Log. u. Logistik, S. 65 (Namenerklärung u. Zeichenerklärung).

[2]) Introduct to math. phil., p. 202: «but not of the primitive propositions from which all the propositions of mathematics can be deduced. Flus is more difficult matter, as to which it is not yet known what the full answer is».

[3]) C. I. Lewis, Implication and the algebra of logic, Miud, 1912, p. 523.

суждение, оно может иметь ряд значений, которые вы упускаете в виду. И действительно, суждение «или p, или q» может значать, во-первых: «или p истинно, или q истинно» (напр., или Лондон находится в Англии, или Париж находится во Франции); во-вторых, «или p ложно, или q ложно», напр., «Цезарь умер естественной смертью или луна сделана из зеленого сыра»; в-третьих, «или p ложно, или q истинно». Об этой форме логисты говорят: «либо неверно, что p истинно, либо q истинно», но из предыдущих примеров ясно, что из того, что p ложно, вовсе не следует истинность другого предложения q, и, наоборот,— Цезарь мог бы и не умереть естественной смертью, то отсюда вовсе не следует, что луна сделана из зеленого сыра. Тогда логисты вводят новое положение,—они вполне справедливо требуют, чтобы в посылках (двух предложениях) был по крайней мере один общий термин. Это, конечно, важное дополнение. Но оно ничуть не разрешает всех трудностей. На первый взгляд как будто все обстоит благополучно: «или неверно, что Сократ человек, или Сократ смертен». Но в таком случае мы могли бы сказать, также вместе с логистами: «или неверно, что стол есть человек, или стол смертен». Нужно принимать читателей за малых ребят, чтобы не видеть, что стол не смертен так, как человек, или наоборот: если стол и смертен, то не потому, что он человек. Поэтому выражение: «стол есть человек, следовательно, стол смертен»—есть чистейший софизм, которому место где угодно, но не в логике. Логисты не замечают, какую забавную роль они взяли на себя в этом веселом водевиле с переодеванием, только потому, что не могут отрешиться от схоластического образа мышления. Они говорят: «Сократ человек, следовательно, Сократ смертен», и не замечают, что для того, чтобы заключать, что Сократ смертен, надо еще знать, что человек смертен, а это как раз одна из таких истин, о которых избегают говорить логисты, которым они запрещают переходить за порог своего святилища,—это одна из тех истин, которые мы непосредственно черпаем из ежедневного опыта. Теория, которая отрицает какое бы то ни было значение ежедневного опыта, естественно должна ухищряться в софистических уловках, кувыркаться и барахтаться в бесконечных «теориях» того, что не нуждается ни в каких «теориях». Но хочет она того или не хочет, такая теория неизбежно ведет к солипсизму (учению, которое утверждает, что на свете существую «только я» один—один—solus, ipse—сам). Это— последний и основной недостаток логистики, которая упраздняет самое себя.

5) Всякий формализм, доведенный последовательно до абсолютного символизма, катится к солипсизму, т.-е. к очевидному абсурду (нелепости). Таков и формализм логистов. Когда логисты нас поучают тому, что логика и математика занимаются наиболее общими предметами, формами (что, напр., она не говорит: Платон и Сократ суть два, а—«один и один суть два»), мы готовы с этим согласиться, так как для нас эта общность законов логики и математики может быть проверена и доказана на каком-угодно количестве конкретных фактических примеров. Но когда «об'ективизм» логистов, незаметно для них самих, переходит в апологетику (защиту) этих же самых общих форм и отношений, которые они признавали об'ективно существующими, мы

говорим: здесь начинается метафизика. «Как чистые математ
или логики,—говорит Рессель,—мы вовсе не нуждаемся в т
чтобы касаться чего-либо фактического; ибо в противном слу
мы вводили бы нечто несущественное и неформальное. Мы
жем пояснить это на одном силлогизме. Традиционная лог
говорит: «все люди смертны, Сократ человек, следовател
Сократ смертен». Очевидно, этим мы хотим сказать только
что из предпосылок вытекает вывод, а не то, ч
предпосылки и вывод фактически истинны. Да
самая консервативная логика говорит ясно, что фактичес
истинность предпосылок ее вовсе не касается. Следователь
вышеназванный классический силлогизм должен быть изме
следующим образом: «если все люди смертны, и Сократ челов
то Сократ смертен». Этот силлогизм истинен, если послуш
Ресселя, «благодаря одной лишь своей форме», а не в силу ф
тической истинности входящих в него отдельных суждени
Если бы даже Сократ не был фактически человеком, то исти
ность силлогизма вовсе не пострадала. Поэтому мы и став
вместо слов «Сократ», «человек» и «смертен» неопределенные зн
чения X, $У$ и Z и рассуждаем «чисто формально», т.-е. так
образом, что устраняются какие бы то ни было фактические вещ
или свойства. Это и значит, по мнению Ресселя, строго пров
дить во всех ее следствиях точку зрения «формальной науки»[1]

Надо вдуматься в это рассуждение, чтобы понять, куда лог
чески ведет вся эта теория формализма. Рессель недодумыва
до конца, делая вид, что не замечает, на какой скользкий пу
он становится. Поэтому он запутывается в противоречиях. (
сам требует от математиков, чтобы они развивали в себе «чу
ство действительности», «здравый смысл», чтобы они не увле
лись построением таких понятий, которые заведомо ложны
невозможны («круглый квадрат», «золотая гора» и т. д.). О
даже говорит, что логика имеет дело с реальным миром точн
так же, как зоология. «Чувство действительности является жи
ненным вопросом логики»[2]). Логика должна изучать тольк
действительные об'екты, а не измышления фантазии. Но в тако
случае надо спросить вас, г-н Рессель: куда же девался ва
формализм? куда вы запрятали свою теорию «чистой дедукции»?-
Шатания Ресселя, противоречия, в которых он запутывается
доказывают наглядным образом только то, что математики, даж
если они заядлые реакционеры в философии, бессознательно ста
новятся на точку зрения естественно-научного материализма. Вы
думаете, что в этом признается и сам Рессель? Ничуть не бывало
Надо видеть, какие только выдумывает он софистические ух
щрения, чтобы не додумывать до конца ни своего формализма
ни невольного уклона к «реализму». В самом деле, он никак
не может признать, что истинность проверяется фактами действи
тельности, доказывается опытом, практикой, но так как к этому
выводу его принуждает его требование «чувства действительно
сти», «здравого смысла», его отрицание чистых фикций (вроде
«круглого квадрата» и т. д.), то он прибегает к такому софизму:
«круглый квадрат», «золотые горы» и т. д. Эти понятия недо-

---

[1]) Introd., chapt. 18.
[2]) Ib., chapt. 16, или: «из опыта мы знаем, что Сократ есть человек», p. 204

пустыми в логике, но не потому, что они выражают недействительное, несуществующее,—ведь в логике нет ничего фактического, реально существующего,—но потому, что эти понятия суть неопределенные понятия, которые не истинны и не ложны, которые ничего не «описывают», которые не применимы ни в ложных, ни в истинных положениях». Таким путем Рессель думает примирить свои «реалистические» уклоны, в которых он не отдает себе сам отчета, с формалистической, идеалистической основой своей философии, но ничего кроме софистической тарабарщины от этого, конечно, не получается. Отвергая факты, действительность, реальные события, он, естественно, должен отвергнуть и все «несогласное с фактами», все недействительное, несуществующее, — потому что, не зная, что такое действительность, он, конечно, не может определить, что такое недействительное и несуществующее. Всякий добросовестно мыслящий человек должен в таком случае спросить Ресселя: а вы-то сами—существуете или не существуете? а сама теория-то ваша—действительна или недействительна? не можете ли вы определить, каким образом она *не касается фактов действительности, если ваша теория не может определить, почему данная вещь существует, а данная вещь не существует?*

Единственным выходом из этой путаницы для Ресселя остается одно: из логической необходимости выводить необходимость физическую, из логических конструкций составлять действительность, факты, события. Возьмем, напр., понятие материи. Для человека, рассуждающего на основе неопровержимых фактов науки, материя есть нечто об'ективное, вне нас и независимо от нас существующее,—наблюдаемая и проверяемая, воспринимаемая и ощущаемая реальность, определяемая об'ективными пространствами и временными условиями существования. Наоборот, для Ресселя материя существует постольку, поскольку она формально логически не содержит противоречий и может быть построена чисто логическим путем, путем комбинирования различных формальных особенностей, а не путем наблюдения действительного мира (not by observation of the actuel world). Материя для Ресселя—«логическая конструкция»; «непроницаемость не есть эмпирический факт, наблюдаемый на биллиардных шарах, но есть нечто логически необходимое. Ощущение непроницаемости всегда оправдывается, но оно не было бы тем, что оно есть, если бы материя не была логической конструкцией» [1]). Логика, сознание, теория—вот откуда выводятся Ресселем основные физические понятия. Если до сих пор у нас не было сомнения в том, что логистика, т.-е. вся эта теория математической логики целиком покоится на *идеалистической* теории познания, то теперь мы видим, *с какой разновидностью идеализма* мы имеем дело в лице логистики: логистика в силу самой об'ективной логики своего развития—неизбежно приводит к крайней форме идеализма, к солипсизму.

В самом деле, если весь вопрос об истинности, действительности, реальности вещей, материи, пространства, событий и пр. и т. д. сводится к вопросу о том, можно ли все это мыслить

---

[1]) Russel, Logical atomism, contemporary butish philosophy, ed. Muirhead, 1924, p. 366; The principles of Mathematics, p. 465.

логически необходимым, то совершенно ясно, что ни внешнего мира, ни людей нельзя признавать существующими, потому что ведь нет никакой логической необходимости думать, что существует мир и люди. Рессель и говорит: «По-видимому, нет никакой логической необходимости в существовании какого-либо индивидуума или в существовании какого-либо мира вообще. Если бы онтологическое доказательство [1]) бытия божия было правильно, то оно показывало бы логическую необходимость в существовании по крайней мере лишь одного индивидуума. Но онтологическое доказательство считается ложным... Если же мы отвергаем онтологическое доказательство, то, очевидно, мы принуждены сделать вывод, что существование мира случайно, т.-е. что нет никакой логической необходимости» [2]).

Эту цитату можно было бы продолжить, но читатель видит, что в этом «тоже» нет «логической необходимости»: портрет реакционера закончен. Еще в «Principia mathematica» доказывалось существование по крайней мере одного индивидуума, теперь, т.-е. в «Introduction to math. philosophy», Рессель заявляет, что там была допущена ошибка, благодаря отсутствию логической ясности, так как на самом деле никакая логика не может сказать, что мир действительно существует,—существование мира есть только гипотеза [3]), только условное допущение логики. Тут, действительно, итти дальше некуда: портрет закончен, пусть г.г. Рессели любуются им. Мы же скажем, что логический солипсизм, т.-е. учение, утверждающее, что существует только я и моя логика, приводит к такой бессмыслице, которая на каждом шагу противоречит здравому смыслу и человеческой практике; солипсизм упраздняет сам себя, потому что такова судьба всякого идеализма, если его додумать до конца.

(*Окончание следует*).

---

[1]) Одно из учений церковной философии, доказывающее существование божье на том основании, что бог—всемогущ, а всемогущий бог не может не существовать. Было бы интересно сравнить, что вытекает в «социальной философии» Ресселя из этого заигрывания с поповщиной.

[2]) Introduction, p. 204.

[3]) Ib., p. 205.

Логика бесконечности и теория Г. Кантора [1]).

И. Орлов.

1.

Учение о числе и о множествах трактуется в математике так, как если бы оно вовсе не зависело от опыта и не заключало в себе никаких эмпирических элементов. Вся теория выводится, как чистое, свободное построение разума, не имеющее отношения к реальной действительности. Числа определяются при этом в более или менее абстрактных выражениях, с употреблением слов, или при помощи одних только символических знаков, но по существу подход может быть выражен так: принимается существование «ничто» или нуль—множества, т.-е. множества, не содержащего элементов. Общее понятие или класс таких множеств обозначается символом 0. Класс нулевых множеств также представляет собою множество и при этом уже не нулевое, так как оно само является элементом такого множества. Понятие или класс этого второго множества обозначается символом 1. Теперь мы имеем налицо два класса множеств 0 и 1, расположенные в определенном порядке; стало быть, имеем новое упорядоченное множество, составленное из элементов 0 и 1. Класс таких множеств обозначается символом 2. Имеем теперь упорядоченное множество следующих классов: 0, 1, 2; класс таких множеств обозначим символом 3 и т. д.

Абстрактное мышление в построениях подобного рода делает двоякую ошибку. Во-первых, общую ошибку всех априористов, которые считают, что выводят свою систему без всякого отношения к опыту и в то же время незаметно для себя выдают за построение разума именно то, что взято из опыта. Так как математик или логик, развивающий теорию множеств, имеет вполне ясное интуитивное (т.-е. в конечном счете опытное) представление о числах и их взаимном отношении, то вполне естественно, что он подгоняет свои определения нуля, единицы, двойки и т. д. к интуитивным представлениям чисел, и самые определения являются по существу не чем другим, как описанием некоторых мысленных экспериментов.

Вторая ошибка заключается в том, что математик, определивший основные понятия теории множеств независимо от эмпирической действительности, в то же время вполне уверен в полной применимости теории множеств к этой эмпирической действитель-

---

1) Статья представляет собою доклад, прочитанный в Секции научной ...

ности; или, как предпочитают выражаться: теория множеств допускает интерпретацию в смысле исчисления реальных об'ектов

Казалось бы, что эти две ошибки должны нейтрализовать друг друга, и что те эмпирические элементы, которые просочились в теорию множеств, служат достаточным об'яснением применимости этой системы к реальным об'ектам. Однако дело обстоит не совсем так. Формальные определения чисел так абстрагированы от знакомых нам практических операций счета, что утратили некоторые существенные особенности последних. Поэтому абстрактную теорию множеств и нельзя считать вполне применимой к действительности. От теории множеств к счету об'ектов переходят не путем интерпретации первой, а путем выбрасывания ее за борт и замены ее интуитивными представлениями.

Абстрактная теория множеств игнорирует относительную природу числа, и это делает ее неприложимой к действительности.

Во всех операциях счета число есть относительное количество; между тем в абстрактной теории всякое «множество», или «класс», или «класс классов» является чем-то абсолютно самостоятельным, независимым от чего-либо другого.

В таком случае попытаемся развить теорию множеств, исходя из реальных операций счета, исходя из опытов и измерений, которые производятся в научных лабораториях, — попытаемся осознать, какую теорию множеств мы фактически применяем, совершая операции счета и измерения.

Представим себе, что нам дано некоторое эмпирическое отношение между реальными об'ектами A и B. Допустим, что об'ект B, как член отношения, может быть заменен другим об'ектом C так, что при этом отношение остается неизменным. В таком случае, с точки зрения данного отношения, об'екты B и C равны. Об'екты B и C могут замещать друг друга, как члены некоторого отношения, в силу того, что они способны производить при некоторых обстоятельствах вполне одинаковый устойчивый эффект.

Две тяжести давят, например, с одинаковой силой на чашку весов, две длины требуют того же самого раздвижения ножек циркуля. Два множества могут заменять друг друга, как области одно-однозначного соответствия с третьим множеством и т. д. Следует обратить внимание, что непосредственно убедиться в равенстве двух тяжестей можно, лишь ставя их последовательно на ту же самую чашку весов. В равенстве же тяжестей, находящихся в равновесии на различных чашках весов, мы убеждаемся косвенно, приняв во внимание теорию рычага. То же самое справедливо и по отношению ко всяким другим примерам. Таким образом, о равенстве об'ектов можно говорить только с точки зрения какого-либо отношения; говорить о равенстве вообще, не указывая отношения, не имеет смысла. Напр., две проволоки медная и железная, из которых каждая представляет собою сопротивление в 1 ом, не равны в отношении длины, в отношении площади сечения, в отношении массы и т. д., но равны в отношении электропроводности. Об'екты равные между собой производят в некотором отношении тождественный эффект; это обстоятельство мы будем выражать словами: они имеют тождественную величину.

В других случаях об'ект B будет производить эффект, тожде-
[illegible] об'ект C,

но некоторая часть его. Это означает, что об'ект B (с точки зрения данного отношения) меньше C и C больше B. Если о двух об'ектах X и Y можно утверждать, что X или равен Y или больше или меньше Y, то будем говорить, что X и Y представляют собою однородные величины.

Если нам дана некоторая величина, то посредством нее мы можем производить различные построения. Мы можем принять данную нам величину в качестве масштаба и подбирать величины, равные данной, а затем соединять их в целое, располагая в порядке. Построенные таким образом величины будем называть целыми числами; величина, взятая в качестве масштаба для построения, принимается за единицу. За единицу может быть принята всякая величина.

Делая всевозможные построения при помощи некоторой единицы, мы убеждаемся в том, что они следуют друг за другом в порядке, по определенному закону, а именно: всякое число получается из предшествующего путем присоединения единицы. При этом всякое число характеризуется определенным цифровым символом, чтобы зафиксировать то место в ряду построений или тот порядок, в каком можно прийти к данному числу, переходя через все предыдущие. Однако фиксирование места в ряду или порядкового номера данного построения является не целью само по себе, а только средством для того, чтобы зафиксировать его размеры по сравнению с единицей. Вместе с повышением порядкового номера возрастает и величина числа; последняя, поэтому, характеризована вполне точно, если указан порядковый номер построения из данной единицы.

Тождественные построения из различных единиц, т.-е. построения, имеющие тот же самый номер, подходят под общее понятие одного и того же числа; напр., все конкретные пятерки представляют собою об'ем общего понятия «пять».

Выразить какую-либо величину числом—значит приравнять ее к упорядоченному построению, произведенному при помощи другой величины, принятой за единицу. Число, поэтому, всегда относительно.

Если нам, например, дано построение $1+1+1+1+1$, то оно определяет не только 5, но и $\frac{1}{5}$. В самом деле, результат построения мы в свою очередь можем принять за единицу, а прежнюю единицу можем рассматривать, как построение из пятерки, принятой за единицу. Если 5 из 1 получается путем полагания равных единиц, то 1 из 5 может быть получена при помощи расчленения на равные единицы, т.-е. при помощи построения, обратного полаганию. Если 5 принять за единицу, то для нахождения 1 надо разрешить следующую задачу: найти вспомогательную единицу, из которой может быть получена данная путем пятикратного полагания. Решение задачи заключается в том же построении $1+1+1+1+1$, на которое мы теперь уже смотрим с другой точки зрения. Таким образом, целое число можно определить, как число, построенное непосредственно из данной единицы, а дробное—как число, построенное из вспомогательной единицы, такой, из которой построена и первоначальная единица; от первоначальной единицы к вспомогательной в случае дробных чисел ...

Обобщая рассмотренные действия—полагание единиц и расчленение на вспомогательные единицы, мы получаем умножение и деление. Умножение можно определить, как соединение равных чисел, а деление, как разложение на равные числа. Дальнейшее обобщение приводит нас к сложению, т.-е. к соединению в одно целое как равных, так и неравных чисел. Частный случай сложения—соединение двух слагаемых дает повод к обобщению понятия числа. Действие, обратное соединению двух слагаемых—вычитание; оно сводится к нахождению дополнительного слагаемого по данному слагаемому и сумме. Подобная задача не всегда разрешима в тех числах, которые могут быть построены из единицы, способами, до сих пор указанными. Для того, чтобы сделать задачу вычитания всегда разрешимой, вводятся отрицательные числа. Сложение получает теперь двойное значение—сложение положительных и сложение отрицательных чисел. Но и вычитание становится вполне самостоятельным действием, симметричным по отношению к сложению, при чем вычитание отрицательных единиц равносильно прибавлению положительных, и наоборот. Из этого может быть выведено известное правило знаков при умножении.

Затем понятие числа может быть обобщено введением иррациональных и комплексных чисел. Если мы сравниваем две несоизмеримые величины, то одна при помощи другой не может быть вполне точно построена посредством расчленений и полаганий. Желая, поэтому, выразить числом величину несоизмеримую с единицей, мы должны ввести иррациональное число, т.-е. такое, которое представляет собою не построение, но предел неопределенно продолжающихся построений. Мнимые числа предполагают введение нового типа единиц—мнимых. Наконец, комплексное число есть построение из разнородных, несводимых друг на друга единиц. Итак, число, вообще говоря, есть какое-либо построение из единиц, или же предел построений.

Построение и есть то отношение, которое связывает две величины, превращая их в числа.

В наглядном представлении мы имеем особые об'екты, которые мы также называем единицами. Посредством полагания наглядных единиц мы строим в наглядном представлении натуральный ряд чисел и вполне изучаем его свойства. Эта интуитивная система целых чисел подвергается в дальнейшем обобщениям. Наглядно представляемые числа не следует смешивать с общим понятием числа.

Наглядная единица, также как наглядная пятерка и проч. являются только частными случаями, только об'ектами, подходящими под общее понятие единицы и пятерки. В самом деле, построив интуитивную пятерку из интуитивных единиц, мы можем—и ничто нам не помешает—принять построенную пятерку, в свою очередь, за единицу и т. д. Счет внешних об'ектов весьма облегчается с того момента, когда построена в наглядном представлении и хорошо изучена система целых чисел. Счет теперь сводится к установлению взаимно-однозначного соответствия между отрезками наглядно представляемого ряда чисел, с одной стороны, и внешних об'ектов, с другой; в результате такой операции совокупность внешних об'ектов приводится в полный

Отсюда вытекает важное следствие: мы не можем отделять идею количества от идеи порядка. Мы не можем рассматривать какое-либо число, как количество, лишенное порядка, так как те числа—десятки, сотни, тысячи и т. д.,—которыми мы оперируем в практике счета, представляют собою вполне упорядоченные множества,—ряды, построенные при помощи единицы.

2.

Перейдем теперь к определению понятия конечного и бесконечного числа. Во-первых, возможно определить указанные понятия, исходя из метрических соотношений. С этой точки зрения мы назовем конечным всякое определенное число n, обратное отношение которого отлично от нуля: $\frac{1}{n} > 0$. Бесконечным числом мы назовем такое, которое больше всякого конечного. Бесконечное, удовлетворяющее указанному условию, мы назовем относительно-бесконечным.

Во-вторых, понятие конечного и бесконечного числа возможно определить и не прибегая к отношениям меры. Конечным числом назовем такое (вполне упорядоченное) множество, которое имеет первый и последний член и не содержит в своем составе множеств, не имеющих первого или последнего члена. Бесконечным множеством назовем такое, которое не имеет последнего или первого члена, или же содержит в своем составе подобные множества. Удовлетворяющее такому условию множество назовем абсолютно-бесконечным, так как оно не зависит от понятия меры.

Всякое конечное число удовлетворяет и тому и другому условию. Бесконечное число может удовлетворять какому-либо одному условию или же обоим вместе, в зависимости от того способа, каким мы его будем трактовать.

Так, потенциально бесконечное, т.-е. неопределенно продолжающийся ряд, удовлетворяет второму условию, но, строго говоря, не удовлетворяет первому. В самом деле, с равным правом можно утверждать как то, что безгранично возрастающая величина может быть сделана больше всякой определенной конечной величины, так и то, что, каково бы ни было частное значение переменной величины, всегда может быть найдена большая ее конечная величина. Но поскольку безгранично возрастающая величина может быть взята вне отношений меры, постольку ничто не мешает нам трактовать ее, как абсолютно-бесконечную величину.

Актуально-бесконечное число должно необходимо удовлетворять первому условию. Всякая величина, поскольку она рассматривается как постоянная и заданная, находится в определенных количественных отношениях с другими постоянными, заданными величинами. Определенно-бесконечная величина N может быть больше всякой конечной только в том случае, если ее обратное отношение равно нулю: $\frac{1}{N} = 0$.

Следовательно, для того, чтобы вполне определенная заданная величина могла быть признана бесконечно-большой, необходимое и достаточное условие заключается в том, чтобы конечная величина, взятая в отношении к первой, обращалась в нуль.

В теории множеств сначала имеют место рассуждения о множествах вообще, без разделения их на конечные и бесконечные, и только впоследствии выделяется область конечных чисел. Необходимо указать, что с точки зрения строгой логики такой прием не может быть допущен. Чтобы сделать это ясным, введем понятие о множествах, все члены которых даны налицо, и о множествах, которые не могут быть рассматриваемы как такие, все члены которых даны налицо.

Пусть относительно некоторого множества $S=(n_1, n_2, n_3, \ldots)$ мы можем утверждать, что оно удовлетворяет следующим условиям:

1) Если число x не равно Ni — взятому наудачу члену множества S — и если указанное неравенство $x=/=$Ni остается в силе, каково бы ни было i, то число x не принадлежит к множеству S.

2) То, что справедливо относительно Ni — наудачу взятого члена множества S — и остается справедливым при всяком i, будет справедливо также и относительно всех членов множества S.

Если множество S удовлетворяет двум указанным условиям, то мы будем говорить, что все члены множества S даны налицо. Если же нельзя утверждать, что некоторое множество T удовлетворяет поставленным условиям, то мы будем говорить, что все члены множества T не могут быть рассматриваемы, как данные налицо.

Конечные множества, как очевидно, удовлетворяют поставленным условиям; они задаются так, что не может возникнуть никакого сомнения: все члены конечных множеств даны налицо. Но в отношении бесконечных множеств этого никак нельзя утверждать.

Пусть мы имеем ряд M рациональных чисел между 0 и 1, расположенных в порядке и перенумерованных. Представим все члены ряда в виде бесконечных десятичных дробей, при чем десятичные знаки, недостающие до бесконечности, будем дополнять нулями. Теперь будем составлять число V, находящееся в тех же пределах величины, но не принадлежащее к ряду M. Сделаем первый десятичный знак числа V отличным от первого десятичного знака числа, занимающего первое место в ряду M. Точно также второй десятичный знак числа V будет отличен от второго десятичного знака второго числа в ряду M; n-ный десятичный знак числа V будет отличен от n-ного десятичного знака числа, занимающего n-ное место в ряду M и т. д. Очевидно, что, каково бы ни было n, мы все же не можем доказать, что V не принадлежит к ряду M. Мы можем ввести следующее условие: если n-ный десятичный знак n-ного числа множества M равен p, то n-ный десятичный знак числа V будет равен $\varphi(p)$. Тогда V будет отлично от каждого из членов множества M. И, тем не менее, нам не удастся найти такое n, чтобы число V, содержащее на n-ном месте десятичный знак, равный φ (p), не могло принадлежать к множеству M. Первое условие не удовлетворено. Следовательно, нельзя утверждать, что все члены множества M даны налицо.

Но бесконечные множества не удовлетворяют также и второму условию. Например, всякое конечное число может быть получено

... последовательного присоединения единиц; но это вовсе не ..., что таким путем могут быть получены все конечные ...

Когда теория множеств выводит теоремы о множествах ... не разделяя конечных от бесконечных множеств, то при ... предполагается неявно, что два указанные нами условия ...ются. Отсюда следует, что бесконечные множества не ... трактоваться подобным образом совместно с конечными, и ... прием не может привести к правильным результатам. ... всем тем бесконечные множества могут трактоваться ...но: как неопределенно продолжающийся ряд и как определенная величина. Из того, что все члены множества не могут ...атриваться, как данные налицо, отнюдь не следует, что ... не существуют, и что бесконечное множество не может ...триваться, как определенная величина. Мы не можем ...ать, что бесконечный ряд можно рассматривать, как нечто ...енное в метрическом смысле, но не можем доказать и ...оположного. Ни опыт, ни наглядное представление здесь ... бесконечного не могут притти нам на помощь. От ...го произвола зависит, выберем ли мы в качестве недоказанного постулата то или другое допущение о природе бесконечного. Вот область, где чистое мышление всецело предоставлено самому себе, где осуществлен тот идеал, о котором нам ...рят математики. Посмотрим же, чего достигла математика ... области, и справилось ли отвлеченное мышление, оперирующее без помощи опыта и наглядного представления, с своей ...чей.

3.

Мы все слишком привыкли к такому сочетанию слов: теория ...альной бесконечности Георга Кантора. Поэтому на первый ... представится весьма странным утверждение, что Кантор, ..., развивал теорию потенциальной бесконечности. Между ... обстоит именно так, только предпосылки потенциально-...ного затемнялись ложной аналогией с конечными множествами, все члены которых даны налицо.

Если мы допустим, что бесконечные множества существуют ... в виде неопределенно продолжающихся рядов, и будем ... следствия из этого допущения, то мы получим важ... выводы Кантора, избегнув в то же время его противо... Мало того, все те выводы, которые в теории Кантора ... характер несомненных парадоксов, будучи рассматриваемы ... зрения потенциально бесконечного, лишаются своей па...дальности и приобретают характер простоты и естественности. Итак, будем выводить следствия из допущения потенциально бесконечного.

Бесконечный ряд 1, 2, 3........, который можно обозначить ...ом ω, представляет собою некоторое построение вполне ... определенное, которое может служить об'ектом тех ... логико-математических выкладок, независимо от того, ... все его члены даны налицо.

Число ω является бесконечностью, не зависящей от метрических отношений. Число ω бесконечно не в отношении к тому ... другому конечному числу, но бесконечно безусловно. Отно-

шение ω к конечному числу, а также и обратное отнош... $\left(\frac{\omega}{1} \text{ и } \frac{1}{\omega}\right)$ не имеют определенного метрического знач... Конечное число не обращается в нуль по сравнению с ω; это вполне естественно и понятно с точки зрения потенциал... бесконечного, и все это превращается в парадокс, если мы ... сматриваем ω, как актуально-бесконечное число, т.-е. не ... переменную, а как постоянную величину.

Актуально-бесконечно-малого не существует вовсе. В ... бесконечно убывающих чисел нет нуля и нет также наименьш... конечного числа.

Из допущения потенциально-бесконечного естественно ... кает отрицание актуально-бесконечно-малого. В теории Кан... допущение актуально-бесконечно-большого соединяется с отри... нием актуально-бесконечно-малого только потому, что игно... руется относительная природа числа.

Число ω есть класс чисел. Поэтому возможен двоя... способ прибавления чисел к ω. Во-первых, мы число включ... в класс ω, и тогда оно как бы исчезает среди бесконечн... ряда; этот способ можно символически обозначить $1+\omega$. И... же можно прибавляемое число не включать в класс ω, а по... гать его на-ряду с классом ω. В таком случае мы получ... комплекс, состоящий из класса чисел и числа. Этот второй спо... сложения можно обозначить символом $\omega + 1$.

Можно устанавливать взаимно-однозначное соответствие ... жду членами различных бесконечных множеств. Так как с при... нятой нами точки зрения ряды не закончены, то очевидно, ч... парадокс теории Кантора—целое равно части—исчезает. Ука... ный парадокс основывается всецело на том, что все члены бе... конечного множества рассматриваются, как данные налицо, это, как мы видели, не допустимо.

Конечный отрезок прямой может быть разделен на бесконечн... число конечных отрезков, при чем среди последних нет наимен... шего. Опять вполне естественно с точки зрения потенциальн... бесконечного, и опять величайший парадокс, если рассматрив... бесконечное число частей, как число постоянное.

Допустим, что между 0 и 1 вставлены все рациональн... числа. В таком случае ни одно рациональное число не име... непосредственно предшествующего и непосредственно последу... щего. Между всякими двумя числами разность конечна, ... всякими двумя числами существует бесконечное число рацио... нальных чисел.

То же самое справедливо и по отношению к континууму.

Все указанные выводы Кантора вполне естественно и б... каких-либо натяжек согласуются с понятием потенциально-бе... конечного; наоборот, только с величайшими натяжками можн... их согласовать с понятием актуально-бесконечного, при чем н... избежны различного рода недоразумения.

Так, напр., проф. Богомолов в своей популярной брошюре о актуальной бесконечности утверждает, что деление (некотор... длины) на актуально-бесконечное число частей приводит к не... лимым элементам—точкам, которые и не нули, и не конечн... и не актуально-бесконечно-малы, но представляют собою все-та... элементы длины. Проф. Богомолов здесь поступает как практи...

...вопрос о потенциальной и актуальной бесконечности ... к пределу. В дальнейшем мы придем к тому выводу, ... так и следует поступать. Но надо отдавать себе отчет ... что переход к пределу означает именно игнорирование ... бесконечного, а вовсе не логическое разрешение вопроса, ... может быть выдаваемо за таковое. Поэтому, поскольку проф. ...олов ставит своей целью изложение теории актуально-бесконечного, он в данном случае находится в решительном раз... с логикой [1]).

Исходя из допущения потенциально-бесконечного, мы точно ... можем построить бесконечное число бесконечных множеств ...ного типа.

Класс неопределенно продолжающихся множеств, обозначае... символом ω, должен быть поставлен в ряду после всех ...ных чисел:

$$1,\ 2,\ 3\ \ldots\ldots\ldots,\ \omega.$$

Поставив ω после всех конечных множеств, мы получаем ... тип множества; класс подобных множеств можно обозна... символом $\omega+1$; поставив $\omega+1$ в ряду после ω, мы ... самым получаем класс $\omega+\nu$ и т. д. Таким порядком мы ... до классов 2ω $\gamma\omega+\mu$, ω^2, ω^ω, ε и т. д. Исходя из ... о неопределенно-продолжающемся ряде, мы так же хо... можем определить все указанные типы, как и исходя из ... об определенно-бесконечном ряде.

ω служит символом неопределенно продолжающегося ряда; 2ω служит символом двух подобных рядов, поставленных один ... другим; ω^2 служит символом, что ряд продолжается неопре... не в одном направлении, но в неопределенном количестве ...авлений. Если мы в ω^2 заменим каждую единицу на ω, т. е. на неопределенно продолжающийся ряд, и в получающихся ... образом множествах будем продолжать такую же замену, ... ω^ω будет служить символом, что подобная операция также ... продолжаться неопределенно; ε будет служить символом ... что замена единиц множествами ω^ω также может продол... неопределенно и т. д. Таким образом мы можем без конца ...учать различные типы неопределенно продолжающихся ...жеств.

Но все эти числа бесконечны только потенциально, только ... смысле, что они могут быть неопределенно продолжаемы ... неопределенном количестве направлений. Во всякий данный ... число единиц в каждом из указанных чисел конечно; ... простейший тип бесконечного множества, т. е. ω, может ... столько же единиц, сколько и множества ω^ω или ε. ... мы получаем вывод Кантора относительно равномощности ... чисел второго класса, свободный от какой бы то ни было ...радоксальности.

Но вот где мы найдем коренное расхождение: неопределенно продолжая неопределенно продолжающиеся множества, мы ника... образом не можем притти к определению бесконечных чисел, ...торые бы имели высшую мощность, нежели мощность неопре... продолжающихся множеств. С точки зрения потенциаль-

[1]) Проф. С. А. Богомолов, Актуальная бесконечность.

но-бесконечного никакие числа, обладающие высшей мощ[...] нежели неопределенно продолжающиеся ряды, не существу[...] данном пункте теория Кантора решительно противоречит выводам, которые могут быть получены из допущения [...]циально-бесконечного. Но как в теории множеств доказыва[...] существование множеств высшей мощности? При ближайшем смотрении оказывается, что доказательство носит софистич[...] характер.

В теории множеств доказывается, что множество всех ч[...] второго класса Ω имеет высшую мощность, нежели числа [...]рого класса. Доказательству этого могут быть приданы [...] различные формы; но по существу в теории множеств до[...]вается только следующее положение: число Ω не содер[...] среди чисел второго числового класса; всякое число, мень[...] Ω, содержится в указанном ряду. Отсюда еще вовсе не след[...] что Ω имеет высшую мощность; здесь есть определенный л[...]ческий скачок. Допустив, что Ω есть число второго кл[...] мы неизбежно приходим к тому, что Ω и замыкает ряд [...] замыкает его, находится в середине ряда и в конце, т.-е. пр[...]дим к противоречию. Для избежания противоречия вводят ги[...]тезу, что Ω имеет высшую мощность, следующую за мощнос[...] чисел второго класса. Но такая гипотеза не устраняет прот[...]речия, а только отодвигает его. Рано или поздно мы прид[...] выражению: «множество чисел всех классов». Это множе[...] также представляет собою не только класс, но и элемент, [...] должно следовать за всеми числами. Но тем самым образуе[...] множество всех чисел плюс единица. Здесь очевидно, что [...]кая произвольная гипотеза уже не дает выхода. Но логиче[...] отношение то же самое как для всех чисел, так и для ч[...] второго класса. Следовательно, вместо того, чтобы прини[...] для устранения противоречия гипотезу, которая его не устран[...] значительно проще признать, что множества всех чисел вто[...] класса, как чего-то определенного, не существует. Это вес[...] простой результат, который совершенно устраняет противоре[...] указанный результат вытекает также из того, что бесконеч[...] множества не могут быть рассматриваемы, как такие, все чи[...] которых даны налицо.

Доказательствам неисчислимости множеств континуаль[...] типа также может быть придана различная форма. Но все по[...]ные доказательства основываются на следующей предпосы[...] элемент, отличный от каждого данного элемента бесконеч[...] множества, не принадлежит к множеству. Но эта допущен[...] неявно посылка не может служить основой доказательства, как она-то собственно и должна быть доказана. Мало того, [...] видели, что по отношению к бесконечным множествам т[...] посылка и не может быть доказана. Из этого следует, что д[...]зательства существования мощностей, высших мощности неопре[...]деленно продолжающегося ряда, какие мы находим в теор[...] множеств, не имеют силы [1]).

[1]) Попытку дать положительное доказательство равномощности конт[...]ума и счетного множества, которая была сделана мною в статье «Сущест[...] ли актуальная бесконечность?» («П. Зн. М.» № 1, 1924 г.) — я признаю оши[...]ной. Все другие положения указанной статьи остаются в силе.

...множества континуального типа, как, напр., множество точек в линии, могут быть получены только путем неопределенно продолжающегося деления всякого данного отрезка. Так как нельзя говорить о множестве совпадающих точек, то речь, очевидно, идет о множестве точек, разделенных конечными отрезками, среди которых нет наименьшего. Самое понятие точечного континуума может быть принято постольку, поскольку все конечные отрезки, которые получаются в результате неопределенно продолжающегося деления, мыслятся, как данные налицо. Но так как такое предположение недоказуемо, то множество точек точно так же является потенциально-бесконечным множеством. То же самое справедливо и по отношению к числовому континууму.

Итак, если исключить из теории Кантора все то, что основывается на приемах доказательства, недопустимых с точки зрения логики, то у нас останется теория потенциально-бесконечных множеств, а вовсе не теория актуальной бесконечности.

4.

Теперь рассмотрим, какие следствия должны получиться, если трактовать бесконечное не как неопределенно продолжающийся ряд, а как целостную, постоянную и количественно определенную величину. Всякая величина, имеющая одно постоянное значение, должна находиться в определенных количественных отношениях к другим постоянным величинам.

Бесконечный ряд:

$\omega = (1, 2, 3, \ldots\ldots)$

мы рассматриваем теперь, как постоянное, а отнюдь не продолжающееся неопределенно построение. Но такое построение является бесконечно-большим не само по себе, а в отношении к тому элементу, из которого оно построено, т.-е. в отношении к 1.

Следовательно, мы можем написать: $\frac{\omega}{1} = \infty$. Определенно-бесконечное построение и есть то отношение, которое связывает ω и 1. Но всякое отношение предполагает обратное отношение, напр., некоторое построение, определяя число 5, определяет вместе с тем и $\frac{1}{5}$. Точно так же вместе с отношением $\frac{\omega}{1}$ дано и обратное отношение $\frac{1}{\omega}$. Понятие актуально-бесконечно-большого соотносительно с понятием актуально-бесконечно-малого. Не требуется особо доказывать существование актуально-бесконечно-малого: оно дано вместе с актуально-бесконечно-большим. 1, взятая в отношении к ω, и есть актуально-бесконечно-малая величина. Если мы примем за единицу 1, то ω будет иметь значение бесконечно-большого числа, если же за единицу принять ω то 1 будет иметь значение числа актуально-бесконечно-малого. Бесконечно-большое число, рассматриваемое, как единица, будет, без сомнения, очень неудобной единицей для математических выкладок. Такая единица окажется мало полезной на практике, но это вопрос совершенно особый. Принципиально же мы имеем несомненное право всякую величину принимать за единицу. Единица—это, как мы видели, величина, которая

сравнивается сама с собой. Акт сравнения всегда носит двусторонний характер: если мы сравниваем A с B, то тем самым сравниваем и B с A. Напр., иногда говорят: земля—это исчезающая песчинка по сравнению с бесконечностью космоса. При этом количественно сравнивают космос с самим собой, а землю—с космосом; это и значит, что космос принимается за единицу. Если сторонники теории Кантора не допускают возможности принимать бесконечное за единицу, это показывает только, что, признавая в теории бесконечное за постоянную величину, на практике они продолжают рассматривать его, как величину переменную.

С другой стороны, определенная величина ω может быть признана бесконечно-большой только при условии $\frac{1}{\omega} = 0$. Это значит, что 1 должна обращаться в нуль по отношению к ω. Отсюда можно вывести следующее определение: величина A бесконечно мала по отношению к величине B, если она обращается в нуль, когда B принята за единицу. Иными словами: актуально-бесконечная величина есть относительный нуль. Таким образом, мы принимаем гипотезу, что какая-либо определенная величина может быть точным нулем по отношению к другой величине, не являясь абсолютным ничто сама по себе. Но это не есть самостоятельная и независимая гипотеза: она представляет собою следствие допущения определенно-бесконечного.

Величина ω может служить в качестве элемента для дальнейших построений; число, построенное из ω так, как ω построено из 1, будет бесконечно велико по отношению к ω. Но отношение нового бесконечного числа к первоначальной единице будет опять равно прежнему отношению $\frac{\omega}{1}$, так как обратные отношения равны одному и тому же нулю. Таким образом получаются и все дальнейшие выводы, которые я излагал в другом месте [1]). Очевидно, что, исходя из допущения бесконечной величины как постоянной, мы также можем строить выводы, при чем нигде не придем к противоречию, хотя эти выводы будут совсем не похожи на те, к которым пришел Кантор.

5.

Геометрия дает нам пример того, как бесконечные величины трактуются в том или другом смысле. Геометрия эллиптического пространства имеет много общих черт с геометрией параболического пространства. И в том и в другом пространстве прямые замкнуты, имеют только одну наиболее удаленную точку, при чем наиболее удаленная точка справа тождественна с наиболее удаленной точкой слева. Всякая плоскость также замкнута и имеет характер двусторонней поверхности. Имеется много и других общих черт. Различие сводится, в сущности, к одному пункту: в параболической геометрии допускается относительный нуль, а в эллиптической геометрии не допускается. В параболическом пространстве всякая конечная длина обращается в нуль по отношению к полупрямой, а в эллиптическом пространстве не обращается в нуль. Из этого различия вытекают все остальные. Но

[1]) См. И. Орлов. Существует ли актуальная бесконечность? («П. З. М.» 1924 г., № 1).

в результате получаются совершенно различные геометрические системы. Геометрия параболического пространства тождественна с геометрией Евклида; пространство здесь признается бесконечным. Геометрия эллиптического пространства представляет собою несколько видоизмененную геометрию Римана; пространство эллиптической геометрии признается конечным.

Геометрия Евклида тесно связана с понятием относительной бесконечности и относительного нуля. Гаусс показал даже, что если признать конечное изменение длины равным нулю по отношению к бесконечности, то при помощи такого допущения может быть доказана Евклидова теорема о сумме углов треугольника [1]). Таким образом допущение существования относительно-бесконечного равносильно постулату Евклида о параллельных.

Наоборот, геометрия Лобачевского столь же тесно связана с понятием абсолютно-бесконечного. Здесь всякая длина имеет абсолютное значение и не обращается в нуль по отношению к бесконечности. Поэтому здесь не может быть подобных фигур, имеющих не равную величину. Бесконечность здесь не есть величина, имеющая определенное значение, но только возможность неопределенно далеко продолжать каждую фигуру. Все образы, как, напр., прямая плоскость, предельная поверхность, носят незаконченный потенциально-бесконечный характер. Прямая не замкнута и имеет две точки на бесконечности; эти точки рассматриваются как пределы, к которым стремится линия, беспредельно удлиняясь.

Таким образом из понятия абсолютно-бесконечного вытекает возможность из точки вне линии провести к последней две несовпадающие прямолинейные ассимптоты, а отсюда могут быть выведены все остальные отношения геометрии Лобачевского. Допущение существования абсолютно-бесконечного заменяет, следовательно, постулат Лобачевского, противоречащий постулату Евклида.

Наконец, если мы вовсе не допустим существования бесконечности, то мы должны будем допустить, что два перпендикуляра к прямой встречаются на конечном расстоянии. При этом мы будем иметь треугольник, в котором сумма углов больше 180 градусов; а отсюда могут быть выведены все отношения геометрии Римана.

Итак, то свойство пространства, которое Риман назвал его кривизною, в действительности зависит от того, каким образом трактуется понятие бесконечного. Евклидово пространство есть пространство относительно-бесконечное (нулевая кривизна); гиперболитическое пространство есть пространство абсолютно-бесконечное (геометрия Лобачевского; отрицательная кривизна); пространство Римана (и Эйнштейна) есть пространство конечное (положительная кривизна).

6.

В итоге мы видим, что рассудок, не поддержанный в области бесконечного, ни наглядным представлением, ни опытом не может получить никакого определенного и достоверного результата. Рассудок приходит здесь только к неразрешимой анти-

---

[1]) Письмо Гаусса к Шумахеру от 12 июня 1831 года.

номии между определенно и неопределенно бесконечным; по произволу может быть принято или то или другое, но ни то, ни другое не может быть доказано. Вывод ясен: без помощи опыта и наглядного представления, средствами одной лишь формальной логики, никакое знание не возможно. Применение формальной логики даже лишается смысла по отношению к такой области, где основные посылки не представляют из себя чего-либо устойчивого и где вместо данной посылки с равным правом возможно принять посылку, ей противоречащую.

Правильный выход заключается в том, чтобы признать существование бесконечного, но игнорировать различие между актуальной и потенциальной бесконечностью. В сущности, математики именно так и поступают во всех практических вопросах. Математика в ее приложениях к естествознанию не нуждается вовсе в различении актуально- и потенциально-бесконечного. Все важнейшие отделы математики, как, напр., дифференциальное исчисление, обоснованы или могут быть обоснованы независимо от различия между актуально- и потенциально-бесконечным.

Следует также обратить внимание на бросающееся в глаза различие между математическими построениями в той области, где математика опирается на опыт и наглядное представление, и той областью, где это невозможно.

Там, где математика работает в контакте с естествознанием, она дает лежащие вне спора, незыблемые построения, безукоризненные как по содержанию, так и по форме.

В теории же трансфинитных чисел такой контакт невозможен. В результате мы видим, что теория Кантора дает не только спорные результаты, не имеющие общеобязательной силы, но и построена на таких умозаключениях, которые не могут быть логически допустимы.

Представим себе некоторый прибор со стрелкой, которая отклоняется всякий раз, когда теоретик прибегает к недопустимым умозаключениям или же совершенно отрывается от реальных, существующих в действительности, отношений. Теоретик, имеющий такой прибор и время от времени взглядывающий на стрелку, получает важное преимущество перед теоретиком, не имеющим стрелки, и будет строить свою теорию не так, как последний. Естествознание и является такой стрелкой, которая реагирует на всякие отклонения от правильного пути.

Математик, работающий в области трансфинитных чисел, является теоретиком без стрелки, и этим об'ясняется тот факт, что в теории Кантора мы встречаемся с недопустимыми приемами умозаключений.

Русский гольбахианец конца XVIII века.

И. Луппол.

1.

Вопрос о влиянии французской философской мысли на Россию XVIII века давно уже решен в положительном смысле. Но если вольтерианство и руссоизм на российской почве насчитывают своих исследователей, и притом не малочисленных, то того же нельзя сказать о проблесках русского материализма. Правда, самые российские условия того времени ставили развитию материализма неопреодолимые препятствия, правда, приходится поэтому говорить почти исключительно о русских читателях и ценителях французских материалистов, а не о более или менее самостоятельных мыслителях, но безошибочно, хотя и предположительно, можно сказать, что материалистическая струя у нас была значительно сильнее, чем о том обычно думали и продолжают думать.

Поиски крупных и оригинальных представителей материалистической мысли того времени могут быть признаны законченными на А. Н. Радищеве, более яркой и талантливой в этом отношении фигуры мы не имеем. Но любой историк материализма в России едва ли мог бы согласиться, что, кроме автора трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии», в XVIII веке у нас насчитывались лишь ряды «читателей и ценителей», между тем, к такому именно заключению приводит весьма бедная наша литература по данному вопросу. Имеется ряд литературных указаний на симпатии, которыми пользовался в русских либеральных кругах Гельвеций, некоторые следы печатных и рукописных переводов его и возражений ему, но, напр., о Гольбахе на русской почве у нас нет ничего, кроме указаний на тот бесспорный факт, что его у нас читали,—бесспорный хотя бы потому, что нет почти ни одной дворянской или буржуазной библиотеки, сохранившейся с XVII века, в которой бы не было главнейших работ Гольбаха.

Если у нас были волтерианцы и руссоисты, то неужели,—за исключением Радищева, испытавшего влияние не столько Гольбаха, сколько Пристли,—не было у нас ни одного «гольбахианца», хотя бы преломившегося, вернее: преломленного, в призме рос-

сийской общественной и идейной действительности? Этот вопрос неминуемо должен был встать перед каждым исследователем путей материализма в России. Отсутствие соответствующих указаний в литературе, конечно, не могло почитаться за отсутствие самого материала. «Историки» философии в России ничем не отличались от историков философии на Западе: и те, и другие дружно замалчивали и подчас извращали истинные пути развития материализма.

Действительно, каким-то неправдоподобным казалось заключение, что Гольбах остался совершенно неотраженным в русской легальной литературе. Правда, уже заранее можно сказать, что ни одно произведение Гольбаха,—этого решительного материалиста и атеиста, «личного врага бога», как его в шутку называли друзья,—не могло быть целиком и полностью переведено на русский язык, точно так же как не могли быть переданы своими словами и все его воззрения, но отсутствие «смягченного» Гольбаха представлялось все-таки мало вероятным. Его «Система природы» вскоре после выхода в свет (1770) была переведена на немецкий, английский и испанский языки; следовало бы ожидать хоть некоторого отражения ее и в литературе русской, ибо перевод «Системы природы» в целом до пролетарской революции у нас появиться не мог.

Кстати сказать, с этим «переводом» в российской философской историографии случился любопытный казус. В своем обширном «Философском лексиконе» С. Гогоцкий, заканчивая заметку о Гольбахе, неожиданно сообщает: «Система природы издана была в русском переводе» [1]).

Такое сообщение авторитетного профессора, казалось бы, не могло звучать ошибкой, между тем, ничем другим оно не является. Странным, конечно, сразу представляется то, что С. Гогоцкий не дает никаких указаний ни относительно места издания, ни относительно года его. Это нарушение без всяких оговорок обычной техники цитирования странно еще тем более, что следующий ниже перечень иностранных книг, написанных «в опровержение» «Системы природы», содержит подробные указания на их место и год издания. Источник, откуда Гогоцкий переписывает заглавия этих книг, как не трудно убедиться путем сличения,— «История философских систем» А. Галича (1818—1819). Между тем, А. Галич, в своих библиографических указаниях всегда оговаривающий наличие русских переводов, ничего не сообщает о переводе «Системы природы». Нужно ли говорить, что самые тщательные поиски воображаемого издания основного труда Гольбаха в русском переводе не дали положительных результатов. Очевидно, Гогоцкий был введен в заблуждение.

---

[1]) «Философский лексикон», т. II, 1861, стр. 445.

Однако, поиски на русской почве Гольбаха и гольбахианства не остались совершенно бесплодными. Если не было переводов Гольбаха, изданных отдельными книгами [1]), то надлежало направить поиски на страницы старинных журналов. Обследование журналов конца XVIII века привело автора этих строк к открытию посреди беспросветного по своей реакционности павловского времени (1798) переводов трех глав из «Системы природы», восьми глав из «Всеобщей морали», а также вступления и предисловия Вольнея к его «Руинам». Все эти переводы оказались анонимными (за исключением двух глав из «Системы природы») и без указания оригинала и его автора.

Периодическое издание, в котором были напечатаны эти материалы, называлось «С.-Петербургский журнал, издаваемый И. Пниным». Выходил он ежемесячно в течение одного 1798 г. с эпиграфом из Лябрюйэра: «Qu'il est difficile d'être content de quelqu'un». Нельзя сказать, чтобы этот журнал и издатель его Иван Петрович Пнин были совершенно забыты. В последние десятилетия перед Октябрьской революцией русские либералы вспоминали его [2]), однако ни один из них не понял, что И. Пнин был гольбахианцем, изуродованным, правда, рассейской действительностью; ни один из них не призадумался над тем, кому же, собственно, принадлежали оригиналы анонимных переводных статей журнала; некоторые из них вовсе не останавливаются на этих статьях, другие считают их принадлежащими перу «неизвестного русского автора».

Но прежде, чем говорить о журнале в целом и о его издателе, мы должны посмотреть, в каком виде предстал Гольбах пред русским читателем в 1798 году.

2.

Уже в февральской книжке журнала мы находим статью «О природе»; помещена она последней по счету, после весьма разнообразного и пестрого материала. Все, что можно узнать о действительном происхождении статьи, содержится в кратком послесловии: «перевел с иностранного языка Петр Яновский». При ближайшем изучении выясняется, что статья представляет

---

[1]) Мы оставляем за собой право вернуться в иной хронологической связи к найденному нами переводу «Morale universelle» Гольбаха, сделанному Н. Полозовым, без указания автора и с искаженным заглавием (1831).

[2]) Укажем основные работы о И. Пнине: Н. Прытков, «И. П. Пнин и его литературная деятельность» в сборн «Древняя и новая Россия», 1878; Е. Петухов, «И. П. Пнин и его «Вопль невинности, отвергаемой законами», в «Историч. Вестн.» , 1889; Вл. Каллаш, «Друг истины» в «Русск. Мысли», 1905; А. Кизеветтер, «Из истории русск. либерализма», в «Истор. очерках», 1912, и Н. Даденков «И. П. Пнин» в «Изв. Ист.-фил. ин-та в Нежине», т. XXVII.

собой перевод с купюрами первой главы «Системы природы». При переводе допущена одна перестановка: статья начинается третьим с конца абзацем подлинника. С этого места у Гольбаха идет подведение итогов всей главы: «Вселенная, сия ужасная громада всех бытий, не представляет глазам нашим ничего, кроме вещества и движения: вселелость оныя не показывает нам ничего, кроме неизмеримой и беспрерывной цепи причин и действий»[1]). Разнообразные вещества путем сочетания получают и сообщают различные движения. Свойства, сочетания и способы действия этих веществ называются нами их сущностью; они в совокупности и составляют то, что называется природой. «Итак, природа,—продолжается перевод,—в самом пространнейшем своем знаменовании есть оная великая всецелость, происходящая от собраний всех бытий, составляющих вселенную». Далее следует, как известно, определение природы, в узком смысле слова, «природы» отдельных существ. Здесь пути Гольбаха и его русского подцензурного переводчика резко расходятся. Гольбах в духе материализма XVIII века определяет природу человека; в переводе же значится, что человек «состоит из двух существ совершенно различных. Одно, собственно, грубое и страдательное... другое—умствующее». Таким образом, уже на протяжении двух страниц перевода оказывается вопиющее противоречие.

Первый вопрос, который приходит в этом случае: сам ли переводчик или редактор изменили текст Гольбаха добровольно, потому что таковы именно были их убеждения, или изменение совершено по цензурным условиям. Сохранение в переводе категорических положений Гольбаха как будто склоняет ко второму ответу. Но для обоснования его необходим дальнейший материал.

После указанного изменения конца главы переводчик переходит к четвертому абзацу оригинала и в дальнейшем весьма близок к тексту Гольбаха: человек рождается нагим и лишенным всякой помощи; постепенно и естественно проделывает он эволюцию от дикости к культурному состоянию, но и тогда и сейчас он подчинен одним и тем же законам природы. «Все меры, употребляемые нами к перемене образа нашего бытия, не чем иным могут быть почтены, как пространным последствием причин и действий, обнаруживающих первые побуждения, сообщенные нам природою». Эта эволюция, с точки зрения Гольбаха, ничем не отличается от естественной эволюции от яичка через червячка и куколку к бабочке. После несущественного пропуска о различии человека дикого, просвещенного, цивилизованного, счастливого и несчастного, переводчик дает при-

---

[1]) «С-Петербургский журнал», ч. I, стр. 197.

циальное положение о том, что человек «должен употреблять в помощь себе физику и опыты»; это положение лишь смягчается словами «большей частью» и т. д. Мельком набрасываемые Гольбахом принципы эмпиризма и сенсуализма целиком переводятся: «посредством чувств наших соединены мы со всеобщею природою; посредством оных можем испытывать и открывать ее тайны; как скоро оставляем опыт, немедленно впадаем в пустоту, в которой воображение наше заблуждается». Следующий решительный абзац Гольбаха также переводится полностью; здесь идет речь о том, что заблуждения людей проистекают вследствие пренебрежения опытом и забвения законов природы; «тогда вся вселенная кажется ложным призраком или мечтою»; игнорирование природы приводит к полному невежеству даже в отношении самих себя; «все мнения, догадки, умствования без опыта суть не что иное, как сплетения заблуждений и нелепостей».

Принципиальная часть кончена, и Гольбах переходит к конкретной иллюстрации: не познав природы, люди изобрели себе богов, не познав своей собственной природы и природы общества, люди сделались рабами, подчинившись дурным правительствам. Весь этот абзац русским переводчиком выбрасывается. Но поскольку сохранена принципиальная часть, совершенно очевидно, что купюра сделана исключительно по цензурным соображениям. Дальнейшие рассуждения Гольбаха о том, что незнание законов природы привело к извращению общественной морали, конечно, сохраняются, но, как и следовало ожидать, выбрасывается выпад Гольбаха о том, что развратные правительства все равно бы помешали человеку осуществлять естественную мораль. Гольбах жалуется, что даже естественные науки остаются «под ярмом авторитета», русский журнал сетует, что науки «пребывают столь долго в оковах предубеждений». Следом за этим выбрасывается очередной выпад французского атеиста против фанатических систем и всего чудесного и сверхестественного. Как только начинаются общие рассуждения Гольбаха, переводчик переводит дословно: «нужно вознестись выше темных облаков предрассуждения; выйти из густой окружающей нас атмосферы... возьмем в путеводители опыт; начнем советоваться с природой», но заключительный атеистический вывод Гольбаха, невозможный в легальном журнале 1798 года, претерпевает полнейшее извращение. Мы даем параллельные тексты [1]).

Текст Гольбаха.	Перевод 1798 г.
Станем вопрошать разум, который бесстыдно оклеветали и унизили; станем внимательно созерцать видимый	Станем спрашиваться разума; постараемся рассматривать со вниманием видимый мир, а сие рассматрива-

[1]) Отрывки из «Системы природы» приводятся нами по изданию Ин-та и Ф. Энгельса, М. 1924.

мир и посмотрим, не достаточно ли его, чтобы дать нам возможность судить о неведомых землях духовного мира: может быть, мы найдем, что не было никаких оснований различать их, и что без достаточных поводов разделили два царства, одинаково входящих в область природы.

ние непременно доведет нас до познания невидимого творца его.

Таков вид, который приобрела первая глава «Системы природы» в русском переводе последних лет XVIII века. Сравнительное изучение перевода и подлинника приводит нас к следующим выводам: все принципиальные положения Гольбаха переводятся близко к подлиннику, та же картина имеет место и в отношении общих, отвлеченных рассуждений французского материалиста и его конкретных иллюстраций, говорящих об обществе и людях вообще и не касающихся ни духовенства, ни правительства. Явные, недвусмысленные выпады и обличения церкви, «развратных правительств» и т. п., а также открытое, черным по белому, отрицание бога, переводчиком выбрасываются. В заключительных аккордах статей (как увидим далее, прием применен был и к второй главе «Системы природы») атеистический вывод заменяется отнюдь не вытекающим из контекста примирением с деистической точкой зрения. Далее, тщательно скрывается оригинал перевода; если в первой и второй статьях еще указывается, что читатель имеет дело с переводом «с иностранного языка», то во всех дальнейших отрывках и извлечениях нет не только фамилии автора, но и имени переводчика. Несомненно, что в 1798 г. в России имя Гольбаха, как материалиста и безбожника, было достаточно известно в правительственных кругах. Цензор не пропустил бы творений великого «афеиста». Для издателя журнала оставался один путь: не подавать и виду, что статья представляет собою перевод из Гольбаха, что, надо думать, вполне удавалось. Ведь достойно примечания то, что редакция не скрывает при переводах таких имен, как «Монтеский, Монтан, Ларошфуколд, Шаррон» и т. п., имена же Гольбаха и Вольнея прячутся, чем, кстати сказать, подчас в свое время смехотворно вводились в заблуждение не только павловские цензоры, но и признанные и авторитетные наши буржуазные историки и исследователи Пнина последних десятилетий.

Сама собой напрашивается параллель между русским переводчиком, или издателем Гольбаха и самим Гольбахом, как переводчиком английских деистов. Гольбах, как известно, переводил таких деистов, как, напр., Джон Тренчерд и Томас Гордон. Однако в своих вольных переводах он переделывал деистов в атеистов и затем уже, скрывая свое имя, но выставляя имена не внушавших особого опасения якобы авторов, предавал свои переводы тисне-

нию. Русский редактор, наоборот, насильно, и не стесняясь противоречиями текста, переделывал автора-атеиста в деиста и в таком уже виде знакомил с ним русских читателей.

Однако нужно принять во внимание следующее обстоятельство: скрыв свое имя за именем какого-либо умершего деиста, Гольбах печатал свои произведения в Амстердаме, а не во Франции; для окончательного отвода глаз на книге, как указание места издания, ставилось: Londres. Такова была вынужденная техника издания материалистической литературы во Франции времен старого порядка. Русский издатель «С.-Петербургского журнала» находился в совершенно иных условиях: поблизости не было ни Гааги, ни Амстердама, а на руках был легальный журнал. Оставался единственный способ издания Гольбаха: выбрасывать прямые атеистические, антиклерикальные и революционно-политические места и сдабривать атеистическую концепцию деистическими, оторванными от общего контекста, сентенциями. Только при таких условиях была надежда поведать русскому читателю Гольбаха.

Мы видели эти приемы на примере первой главы «Системы природы». Вторая глава была напечатана по такому же методу; статья «О движении и качале оного» была напечатана в мартовской книжке журнала. Первые два абзаца напечатаны без пропусков с незначительной раз'ясняющей вставкой. В них дается определение движения и формулируется материалистический гносеологический принцип: лишь через и благодаря движению узнаем мы о существовании внешних тел, их свойств и различий. В третьем абзаце выпущены положения, которые настолько конкретизируют вопрос, что становится ясным абсурдность существования того, что не может ни непосредственно, ни посредственно действовать на наши органы чувств. Далее переводчик полностью приводит гольбаховское различие движения видимого (движения масс) и движения невидимого, напр., в молекуле муки. Вместо конкретной иллюстрации особого рода движения внутри человека (умственная деятельность, страсти, желания), в котором Гольбах не видит ничего принципиально отличного,—как и позднейшие естественно-научные материалисты XIX века,—русский переводчик говорит о таких движениях в человеке, как варение желудка, обращение крови и «приуготовление жизненных духов», т.-е. как бы в форме умолчания ограждает от гольбаховской формулы психические процессы. Утверждение всеобщей цепи движений, как причин и действий, переводчиком сохраняется, но гольбаховский вывод—отрицание в ч е л о в е к е «самопроизвольных» движений—переводчиком (может быть, цензором?) вычеркивается.

Несколько страниц, на которых Гольбах утверждает универсальность движения, настаивает на его абсолютной всеобщности

во вселенной, разграничивает и затем синтезирует в понятии движения понятия nisus и трансляций, передаются журналом полностью с весьма несущественными выкидками двух-трех слов. Но вот Гольбах подходит к самому решительному месту, к выводу, что движение не привнесено в материю кем-то извне, а составляет ее существенное свойство, форму ее существования. Перевод этого места в журнале 1798 г. таков, что не оставляет сомнения в желании увернуться от цензуры:

Оригинальный текст:	Текст перевода:
Таким образом, идея природы заключает в себе необходимым образом идею движения. Но спросят нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать. Мы скажем, что движение, это—способ существования, вытекающий необходимым образом из сущности материи; что материя движется благодаря собственной своей энергии; что ее движение происходит от присущих ей сил; что разнообразие ее движений и вытекающих отсюда явлений происходит от различия свойств, качеств, сочетаний, заключающихся первоначально в различных первичных веществах, совокупностью которых является природа.	Итак, понятие о природе неминуемо заключает в себе понятие о впечатленном движении. Но может быть скажет кто, откуда природа получила первоначальное свое движение? На сие можно немедленно ответствовать, что она получила оное от первой причины, от того, который произвел ее из ничего. К сему присовокупить можно, что движимость есть некоторый образ бытия, который проистекает из существенного состояния вещества, и что разнообразность движений и явлений, при том бывающих, происходит от различия свойств, качеств, соединений, находящихся с самого начала в различных первоначальных веществах; в различных началах или элементах тел.

Собственные слова переводчика: «на сие можно немедленно ответствовать»... и затем «к сему присовокупить можно»... звучат умилительно. В сущности, они повторяют уже неоднократно применявшийся и ранее прием подцензурной печати. Так Дидро в 1754 году в своих «Мыслях об об'яснении природы» писал, что «вера научила нас тому, что животные вышли из рук творца такими, какими мы видим их», и следом за этим на протяжении страницы излагал свою гипотезу трансформизма, предвосхищение теории происхождения видов путем естественного отбора. Так еще раньше Декарт пространно предупреждал, что «мир изначала создан был во всем своем совершенстве, так что в нем существовали солнце, земля, луна и звезды, на земле имелись не только зародыши растений, но и сами растения... в этом ясно убеждают нас христианская вера и природный разум... И тем не менее, чтобы лучше понять природу растений или животных, гораздо предпочтительнее рассуждать, так будто они постепенно порождены из семени, а не созданы богом при начале мира» [1]; и

[1] Сочинения Декарта. Казань. 1914. стр. 71.

[...]ее Декарт излагал свою космогоническую гипотезу. Несомнен[но], подобное же явление имеем мы и с переводом приведенного [вы]ше отрывка из Гольбаха; иначе бы пришлось предположить [пора]зительное противоречие в голове редактора.

Интересно и то, что далее во французском тексте следует [не]сколько страниц определенного атеистического содержания. [Зд]есь Гольбах раз'ясняет, что природа нуждалась бы в первона[ча]льном двигателе, если бы ей самой не было присуще в ка[че]стве атрибута движение; но если природа представляет единую [со]вокупность в движении, то нет нужды в подобной гипотезе. До [си]х пор не было выдвинуто ни одного аргумента в пользу того, [чт]о некогда природа начала существовать. Выведение из ниче[го] или творение представляет собою лишь слово. Так вот [вс]е эти страницы в русском переводе выпущены. Если перевод[чи]к или редактор имели что возразить Гольбаху, они могли бы [зд]есь вполне легально сказать свое слово. Вместо этого общие [пол]ожения Гольбаха, в которых тот как бы накапливает факты, [со]храняются, необходимые же выводы — истина содержится в атеиз[м]е — пропускаются. Не правильным ли будет предположение, что [мы]сли редакции не расходятся с мыслями автора, но по об'ектив[н]ым причинам мысли эти не могут быть поведаны читателю? [С]ледующие же за этим рассуждения Гольбаха: движение вещей [с]овершается по имманентным законам, как не бьющие в глаза [с]воими предпосылками и выводами, полностью сохраняются.

Вторая глава «Системы природы» на беду переводчика изо[би]лует «нецензурными» местами; поэтому ему приходится то вставкой одного-двух слов, то пропуском двух-трех слов «сгла[жи]вать» автора. Эти сглаживания неизменно направлены к одной цели: хотя бы путем противоречия с общей концепцией утвер[ди]ть деистического бога, как первую причину. Отнюдь не желая [за]малчивать подобные извращения текста, мы позволим себе при[в]ести заключение второй главы en regard: Гольбах предлагает ограничиться как первичными данными материей и присущим ей движением; доискиваться иного принципа действия и иного на[ча]ла вещей значит лишь отодвигать трудность познания природы [и] ставить последнее вне опыта. В переводе «под занавес» про[во]зглашается нечто иное:

Текст Гольбаха:	Русский перевод:
Поэтому ограничимся утверждением, что материя всегда существовала, что она движется в силу своей сущности, что все явления природы зависят от различных движений разнообразных веществ, которые она заключает в себе и благодаря которым она, подобно фениксу, постоянно возрождается из своего пепла.	Вот куда должно устремить свои мысли для сыскания начала действия и происхождения смесей; итак, признавать вещество естественно вечное, и естественно в движении от самой вечности есть тщеславиться невежеством и безбожием.

При всех «исправлениях» и вариантах русского перевод[illegible] следние слова никак не вытекают из содержания статьи. О[illegible] дают такой суздальской дубоватостью, что никак не могут [illegible] приписаны собственным взглядам и манере письма реда[illegible] И. Пнина. К сожалению, архив «С.-Петербургского журнал[illegible] сохранился, и потому документально установить происхожд[illegible] заключительных слов, видимо, никогда не удастся. Лич[illegible] переводчика представляется весьма бледной. Определенно из[illegible] но, что ему, Петру Алексеевичу Яновскому, принадлежит [illegible] перевод «Истории немецкой империи, т.-е. о замечательн[illegible] происшествиях и переменах, бывших в ней...»[1]). В данном [illegible] чае эта личность должна, конечно, стушеваться перед редакт[illegible] и издателем, И. П. Пниным. Последний же, как увидим [illegible] принадлежал к типу английских материалистов XVII и X[illegible] веков, т.-е., будучи материалистом в философии, сочетал [illegible] исповеданием слабой степени деизма. Заключительные сл[illegible] статьи никак не вяжутся со всем тем даже печатным (где мог [illegible] быть «сгущения» деизма) наследством, которое осталось от [illegible] Исследователь может выдвинуть только два предположения: [illegible] указанные слова вставлены были по цензурным соображени[illegible] или они были написаны рукою цензора, ибо только цензу[illegible] ный устав 1804 года определенно запрещал цензорам внос[illegible] свои поправки в авторский текст.

На третьем и последнем переводе из «Системы природы» [illegible] приходится долго останавливаться. Это—насыщенная па[illegible] речь, вложенная автором заключительной главы «Системы», Д[illegible] ро, в уста природы, речь, обращенная к людям; смысл тот, [illegible] несоблюдающие законов природы, живущие вопреки «естестве[illegible] ной морали» люди могут уйти от возмездия со стороны зако[illegible] и властей, но не в силах избежать наказаний, которые нал[illegible] на них сама природа. Пропуски и незначительные количеств[illegible] но изменения (напр., вместо: «государи, эти земные божеств[illegible] стоит: «сии надменные и напыщенные вельможи») имеют мес[illegible] там, где их следует уже ожидать после знакомства с двумя [illegible] выми главами: из'емлются гольбаховские советы бросить выду[illegible] ки о богах и страхи перед ними, а также революционные призы[illegible] против тиранов. Как мы говорили, Гольбах печатал свои произве[illegible] дения за границами Франции; неизвестно, что печатал бы [illegible] границей России Пнин, но можно сказать, что в его условия[illegible] и Гольбах принужден был бы несколько «сгладить» свои мысли; известно ведь, какая оказия приключилась с последними [illegible] сятью томами энциклопедии Дидро, которые, хотя и тайно, печа[illegible] тались во Франции: не редактор, так издатель, буквально [illegible] резал все «опасные» места, нисколько притом не считаясь с [illegible]

[1]) Русский биографический словарь. Спб. 1913.

[illegible] и последовательностью текста. Но, видимо, и при проделанных операции сохранялась подозрительность статьи; кстати говоря, «Кодекс природы» в русском переводе получил название: «Глас неба»! [1]).

3.

Значительно благополучнее обстояло дело с переводами из «Всеобщей морали» Гольбаха. Это и понятно. Общеизвестно, что французские материалисты XVIII века в вопросах морали оставались идеалистами. Точнее можно было бы выразить это положение не словом идеализм, а термином «политизм» [2]). Общая их концепция была такова: нравы зависят от законодательства и политических учреждений. В хорошо организованном обществе, т.-е. в обществе, законодательство которого согласовано с законами природы (в данном случае мы оставляем в стороне тот факт, что эти «законы природы» были законами раннего промышленно-капиталистического общества), нравы не могут быть дурными. Призыв к людям—жить согласно естественным законам в области социальной морали—знаменовал собой призыв перестроить общество, абсолютную монархию и радикально изменить его учреждения.

Сенсуализм в этике, определявший моральное содержание субъекта теми ощущениями и восприятиями, которые он получает из общественной среды, имел, как известно, то прогрессивное значение, что он приводил к революционным требованиям переустройства общества; именно этот элемент французского материализма Маркс и считал живой струей, которая приводила прямой дорогой к утопическому социализму, предшественнику научного коммунизма.

Правда, сами материалисты XVIII века не делали таких выводов; слабой их стороной, исторически, впрочем, вполне понятной, было приписывание этим самым «законам природы» универсального значения в несвойственной им области общественного бытия. Универсализирование моральных «естественных» законов, [illegible]рование вечных нравственных норм поведения с томительно-педантичной их детализацией фактически приближало принципы морали XVIII века к категорическому императиву Канта, [illegible] связанному с его априоризмом. Именно этим грешит и концепция «Всеобщей морали» Гольбаха. Атеистические выпады и «тираноборство» его в значительном количестве рассыпаны и в этом произведении, но общая его концепция имеет лишь некоторые пункты соприкосновения с современным нам материализмом. Вот это-то абстрактное морализирование, эти перечисле-

[1]) «С.-Петербургский журнал», 1798, июль.

[2]) См. нашу работу: «Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения», М. 1924, гл. IX.

ния обязанностей людей и общие рассуждения о «страстях» человека, входившие обязательным составным элементом в этику XVIII века, действительно не представляли ничего запретного для павловского времени. Они-то полностью и переводились на страницах «С.-Петербургского журнала».

Однако необходимо со всей силой подчеркнуть, что первичный, исходный пункт морали Гольбаха был вполне выдержан в духе материализма и может быть принят современным материализмом: при всех и всяческих разговорах о морали надлежит отправляться не от трансцендентного, навязывающего человеку моральные принципы, а **от самого человека**, с его телесной организацией, с его органами чувств, с его нуждами. Пути Гольбаха и диалектического материализма расходятся сейчас же, как только будет поставлен вопрос о «природе» человека. Человек Гольбаха, как и всего французского материализма XVIII века, есть физический человек, но этот физический человек абстрактен: во все эпохи и при всех экономических общественных структурах он один и тот же, он—индивидуум и не укладывается в рамки какого бы то ни было класса. На самом же деле человек есть прежде всего человек определенной эпохи, определенного общества, определенного класса. Не в человеке дело, а в общественных, исторически обусловленных классах.

Но, повторяем, сделать хотя бы абстрактного человека исходным пунктом всех этических построений, в условиях XVIII века, значило свести мораль с неба на землю, значило раз и всегда покончить с разговорами о морали религиозной, о морали только в религии, в трансцендентном черпающей свое основание, значило, наконец, отвергнуть всякие намеки на проповедь аскетизма и христианского умерщвления плоти, и на их место воздвигнуть бодрящую и жизнерадостную социальную этику физического существа, а фактически этику молодого класса борца.

При всем дидактическом тоне изложения в первых главах «Morale universelle» Гольбаха содержится это земное, физическое обоснование морали. Вместо «так бог велит» выдвигается «так требует природа человека». Эти главы проникнуты натуралистическим материализмом и скрытым атеизмом; эти главы в числе других выбрал Пнин для своего журнала в 1798 г. Так в январской книжке он помещает анонимную статью: «О нравоучении должностях и обязанностях нравственных». Статья, как обнаруживает ее изучение, является полным и точным переводом первой главы «Всеобщей морали» [1]) Гольбаха: «De la morale, des devoirs de l'obligation morale». В ней автор определяет саму «науку о морали», говоря словами переводчика, как «науку от

---

[1]) Мы пользуемся изданием 1776 г.

шений, между людьми находящихся и должностей, из отношений сих проистекающих».

Мы не ставим себе целью подвергать здесь критике самую трактовку Гольбаха морали, как нормативной науки. Ненаучность такого понимания в наши дни очевидна. Мы должны рассматривать труд Гольбаха и соответственно русский перевод в исторической перспективе. А в этой перспективе заслуживает быть отмеченным первый же вывод автора: указанная наука должна быть основана и согласована с природой человека, она предполагает науку о природе человека. Всякая же наука есть плод опыта. Отсюда, как выражается переводчик, «наука нравов, чтобы быть верною, должна быть последствием постоянных, повторяемых и изменяющихся опытов; ибо они только могут доставить нам истинное познание об отношениях между существами рода человеческого обретающихся». «Опыт» диалектического материализма приводит к признанию классового происхождения и сущности морали. «Опыт» материализма XVIII века приводил к морали человека вообще, но отрицал мораль надчеловеческую, т.-е. религиозное обоснование морали. Социальная мораль Гольбаха отправлялась поэтому от человека ищущего,—и не могущего не искать,—своего счастья здесь, на земле, в единственном из возможных миров. Искание и наслаждение собственным счастьем, как будто бы «бездушный эгоизм»—в глазах моралистов-идеалистов,—приводило материалистов XVIII века к универсальному альтруизму, ибо, только способствуя счастью других, можно достигнуть собственного счастья, как руководящей и направляющей поведение цели. Поведение людей в обществе регулируется и основывается на «общественном договоре». Конечно, в наши дни концепция общественного договора безнадежно устарела, но разве не радикально, чтобы не сказать революционно, должны были звучать слова перевода гольбаховских положений в эпоху Павла, когда они провозглашали взаимные обязанности и должности «государя (у Гольбаха сказано «государей») с подданными» и утверждали, что без них «не можно взаимного приобрести счастия» [1]). Эти взгляды, по мысли Гольбаха, навсегда порывали с врожденными нравственными идеями, что и зафиксировано в русском переводе.

Любопытно, что в статьях из «Системы природы» редакция (или цензор?) вычеркивали места, в которых Гольбах прямо говорил о единстве «физического и духовного человека»: там был слишком опасный контекст. В первой же главе «Всеобщей морали» контекст несколько иной, и переводчик дает дословный текст подлинника: «человек, вступая в свет, ничего более не приносит, как только способности к чувствованию; и от сей его

[1]) «С.-Петербургский журнал», 1798, июль, стр. 61.

чувствительности проистекают опять же способности, кои называются душевными». Этот тезис, как известно, был и остается основным в материалистическом истолковании интеллекта.

Дальнейшее развитие натуралистической морали Гольбаха содержится во второй главе «De l'homme, de sa nature»; эта глава также без единого пропуска или искажения была напечатана в октябрьской книжке журнала. В этой главе Гольбах настаивает на природе человека (неизменяющейся, по его мнению), как на отправном пункте для этических построений. Эту природу человека он определяет как «собрание качеств и свойств, его составляющих, ему врожденных и отличающих его от прочих животных, с ним нечто общее имеющих». Здесь повторяется та же картина, что и в первой главе с чувствительностью, как основой «души»: в статьях «Системы» тщательно было изгнано одно место, в котором Гольбах говорил об общих свойствах животных и человека; здесь та же мысль воспроизводится. На основе этой общей природы, а вместе с тем и специфических особенностей человека, Гольбах, а вместе с ним и переводчик, утверждает «искание благосостояния», как первую моральную максиму. Все, отрицающие ее, получают название метафизиков, «оставивших сказки и романы вместо истинного описания о человеке»; эти люди прибегали «к нерешимой и обманчивой метафизике» вместо того, чтобы рассматривать человека «таковым, как он взору нашему представляется».

Третья глава «Всеобщей морали»: «De la sensibilité, des facultés intellectuelles» не была переведена в журнале, но, подобно многим другим, вряд ли это было сделано по цензурным соображениям. Правда, здесь Гольбах говорит о происхождении всего нашего знания из материального опыта; он рисует лестницу знания: ощущения и восприятия, память, размышления, суждения, воображение и разум. Но эта психология Кондильяка и материалистов целиком вошла в одну из глав работы А. Ф. Бестужева, по многим данным, соредактора Пнина, «О воспитании», именно, в главу, напечатанную в той же октябрьской книжке, где была помещена вторая глава из «Морали» Гольбаха.

Принцип стремления к удовольствию и избегания печали получает у Гольбаха подробное развитие в следующей четвертой главе, переведенной опять-таки полностью в ноябрьской книге... Нам нет нужды подробно следить за ходом мыслей автора. Здесь, собственно, даны основы бодрой, жизнерадостной этики французских материалистов, называвших добром приятное и полезное, а злом—неприятное и вредное. Вторые предикаты приводили их к признанию истинными удовольствиями тех, «кои по испытании представляются нам согласными с сохранностью человека и кои не приключают ему печали», а это далее вело к тому, что «удовольствия душевные, доставляющие

[illegible] услаждения, преимущественнее суть тех, кои нам внешние [illegible] приносят, как-то: богатство, великие обладания, почести, [illegible], милости, которые Фортуна раздает и отнимает по своему [illegible]».

Пути стоиков и эпикурейцев сходились, но обоснование этики у них было различно. Будь добродетельным,—говорили стоики, а из добродетельного поведения само собой вытечет счастье. Стремись к счастью,—утверждали эпикурейцы,—но счастья ты можешь достигнуть лишь путём добродетели. По второму пути шли материалисты XVIII века, по этому пути шел, видимо, и редактор «С.-Петербургского журнала», когда он в отделе «Нравственные мысли» писал (очевидный перевод Гольбаха или Дидро): «Человек по природе своей необходимо любить должен удовольствия и убегать печали» (ч. III, стр. 57) и «Наслаждайся—вот мудрость; споспешествуй к наслаждению—вот добродетель» (ч. I, стр. 235).

Весьма щекотливой для русского перевода того времени представлялась тринадцатая глава первого раздела «Морали» Гольбаха: «О совести». Основная и несложная мысль автора заключается в том, что совесть не врождена человеку. У Гольбаха нет, конечно, классового подхода к вопросу, но он уже поднялся до признания относительности этого понятия: то, что у некоторых «варваров» почитается делом весьма совестливым, напр., оставление без пищи и помощи бесполезных стариков, то в глазах «культурных» народов является делом бессовестным. То, что производят «без зазрения совести» монархи-тираны и попы-фанатики, то в глазах «общества» есть дело безнравственное.

Редактор нашего журнала дает перевод этой главы, но перевод с купюрами. Нужно, однако, сказать, что выпуски касаются слова лишь выпадов против тиранов и попов. Так, выбрасываются, напр., такие фразы Гольбаха: «Деспот при постоянном одобрении своих льстецов не стыдится того зла, которое он причиняет своим подданным» или «фанатик восхищается опустошениями и страхами, которые вызывает в обществе его религиозное рвение». Но весь ход мыслей Гольбаха передается полностью и самый вывод формулируется вполне благополучно: «Итак, все доказывает нам, что совесть, не будучи врожденным или нераздельным с природой человеческою качеством, может быть токмо плодом опытности, воображения, руководствуемого рассудком, навыка входить в самого себя, внимания на свои действия, представления их влияния на других и воздействования на самих нас».

Из менее существенных и принципиально имеющих третьестепенное значение глав «Всеобщей морали» Пниным были напечатаны переводы глав седьмой и девятой II раздела и восьмой и десятой III раздела. Первая из них «О человечестве» (De

l'humanité) переведена в августовской книжке в извлечениях и с добавлениями. Единственный существенный пропуск касается гольбаховского положения о том, что гуманность осуждает национальные и религиозные распри. Вторая из указанных статей «Благодеяние» (De la bienfaisance) является вольной композицией на тему соответствующей главы Гольбаха с буквальным переводом некоторых отдельных фраз оригинала. Третья статья: «О праздности» (De la paresse, de l'oisiveté...) есть вольный и сокращенный перевод аналогичной статьи Гольбаха. Наконец, четвертая: «Невоздержание» (De l'intemperance) представляет перевод конца соответствующей главы Гольбаха с собственным добавлением переводчика.

Все эти статьи, не имея, как сказано, непринципиального значения, свидетельствуют, однако, что в поисках материала для журнала взоры редактора чаще всего обращались к произведениям крупнейшего французского материалиста. Если в двенадцати вышедших книжках журнала одиннадцать раз был представлен Гольбах, то, очевидно, не может быть речи о случайности появления Гольбаха на страницах русского издания 1798 года. Это внимание могло иметь место лишь при наличии известного согласия редактора журнала с взглядами материалиста. И если И. П. Пнин не был Гольбахом ни по оригинальности и талантливости мысли, ни по логической последовательности и силе выводов, то все же он, Пнин, уступая во всех отношениях Радищеву, относился к Гольбаху примерно так, как русская общественная действительность павловского времени относилась к французской действительности семидесятых и восьмидесятых годов того же столетия.

Тот материал, который мы представили, полагаем, достаточен, чтобы возбудить вновь интерес к личности Пнина, при чем не столько как представителя российского радикализма в вопросах общественно-политических (мы не пишем истории общественной мысли), сколько как радикала в области идеологической, т.-е. как незавершенного материалиста типа Радищева, именно такого типа, который единственно и мог существовать у нас в конце XVIII столетия.

4.

К сожалению, биографические сведения о редакторе «С.-Петербургского журнала» крайне скудны. Впрочем, в нашу задачу и не входит составление подробной его биографии. Известно, что родился он в 1773 году от одного из князей Репниных (по всей вероятности, кн. Николая Васильевича) и крепостной его крестьянки—«культурно-бытовая» картинка крепостной России XVIII века. Как «незаконнорожденный», он не мог унаследовать фамилии отца, отсюда, его собственная фамилия: (Ре) Пнин. Как часто

бывало с побочными детьми помещиков. Пнин жил в качестве «воспитанника» у одного из родственников своего отца, у кн. Петра Ивановича Репнина (отсюда его отчество). О матери его, дворовой крестьянке, ничего не известно, не знал ее и сам Пнин.

Учился он в «Московском университетском благородном пансионе», а затем в инженерном (кадетском) корпусе, откуда и вышел в 1789 г., в год создания «Путешествия из Петербурга в Москву», на военную службу. В течение этой службы Пнин был в походе против шведов (1790), затем скитался с армией в Польше и на Двине, а в 1797 г. (начало царствования Павла) вышел в отставку. В 1801 году он поступил в канцелярию государственного совета. Не осталось совершенно никаких сведений, был ли Пнин на государственной службе в годы 1797-1801, т.-е. как раз в павловское время; но отсутствие этих сведений говорит скорее за то, что в эти годы Пнин не служил, и это, конечно, симптоматично. Таким образом, после значительного перерыва Пнин, подобно Радищеву, вновь вступил на государственную службу лишь в первые месяцы «александровской весны».

В литературе, посвященной Пнину, по чьему-то почину повторяется версия, что Пнин был не только личным и близким другом Радищева, но и его учеником [1]). Это неверно. Как сказано, до 1797 г. Пнин не жил в Петербурге. Когда, наконец, он обосновался в столице, А. Н. Радищев еще был в ссылке в Илимском остроге и только что получил право на возвращение. В июле 1797 г. Радищев прямо проехал в Калужскую г. В начале 1798 г. он отправился к своему отцу в Саратовскую губ., а затем с начала 1799 г. вплоть до 1801 года проживал снова в своем имении Немцове. В Петербург А. Радищев вернулся только в конце декабря 1801 года; Пнин же, как мы знаем, еще в 1798 г. издавал свой журнал. 12 сентября 1802 г. Радищев покончил с собой. Поэтому, если оба писателя и были лично знакомы (в чем нет ничего невероятного), то время их знакомства было ограничено всего несколькими месяцами. Философский трактат Радищева был им написан в ссылке; к печати он не предназначался. Если даже допустить, что в личных беседах Радищев высказывал, примерно, те же мысли, что и в трактате, то мы опять стоим перед старым фактом: Пнин уже в 1798 г. знал Гольбаха и переводил его для журнала. Сходство социально-политических воззрений обоих писателей, действительно, значительное. И поскольку радищевское «Путешествие» было напеча-

---

[1]) А. Кизеветтер: «Пнин **вышел** из кружка Радищева». «Радищевский кружок послужил для него (Пнина) школой общественного воспитания». «Перемена в жизни Пнина как раз совпала (!) с возвращением из сибирской ссылки Радищева, с которым Пнин был связан тесными дружескими отношениями».

тано в 1790 г., мы не можем отрицать известного влияния этого произведения на Пнина, хотя бы последний и познакомился с ним лишь через несколько лет после выхода в свет книги. В этом отношении характерно, что те статьи «С.-Петербургского журнала», которые были направлены против цензуры, не имея подписи автора, имеют пометку «Торжок», а ведь в главе с таким названием Радищев как раз и поведал свои мысли о цензуре.

Определенно можно установить, что «Путешествие» было известно Пнину, и что он был согласен с его автором. Но вполне возможно, что этот факт солидарности с Радищевым (замечательное стихотворение Пнина на смерть Радищева) был обусловлен самостоятельным развитием Пнина, которое нужно отнести к годам военной службы и, главным образом, к первому же году жизни в Петербурге. Основы социально-политической концепции Пнина примыкают и не выходят из рамок «Politique naturelle» Гольбаха.

Приехав в столицу, Пнин поселился на квартире Ал. Ф. Бестужева, отца декабриста Бестужева. Здесь собирались писатели и художники, и, надо думать, здесь, после бивуачной походной жизни, Пнин особенно много работал для своего развития. Вместе с Бестужевым-отцом и был задуман журнал. К осуществлению предприятия приступили с января 1798 г. С первой же книжки стали печатать обширный трактат Бестужева «О воспитании», опубликование которого отдельными главами продолжалось весь год. Трактат носит на себе сильнейшие следы влияния французского материализма, главным образом, в общетеоретической части. Главы же конкретного содержания не идут дальше либерализма; однако нужно помнить, что этот либерализм проповедывался тогда, когда, по выражению одного источника, «говорить было страшно, и молчать было бедственно».

Основные мысли автора сводятся к тому, что «воспитание распространяет только полученные от природы способности» и что оно может дать «только известную степень одинакости». Бестужев ближе к Дидро и ведет однажды скрытую полемику с Гельвецием. Принимая материалистическо-сенсуалистическую теорию познания XVIII века, автор предлагает все воспитание и образование по годам расположить так, чтобы сначала развивать и изощрять восприятия ребенка, затем его память, воображение, и, наконец, рассудок, как способность суждения. Между прочим, любопытно то, что, уделяя значительное время на нравственное воспитание юношества путем чтений, бесед, примеров (все это вполне в духе эпохи просвещения в целом), автор ни единым словом не упоминает о преподавании закона божия.

Самый журнал заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Среди необычайно убогой журнальной литературы того времени детище Пнина выгодно отличается своей серьезностью, сравнительной выдержанностью и трезвым реализмом напра-

вления. Конечно, издатель должен был считаться со своими подписчиками; поэтому журнал отдает, правда, умеренную дань уже оформившемуся сентиментализму или безобидным и даже улыбки не вызывающим в наши дни анекдотам; с другой стороны, есть дань руссоизму, который, собственно говоря, и приводил к сентиментальным идиллиям. Сравнение счастливых швейцарских пастушков и пастушек с чопорными и извращенными жителями городов (известное положительное значение эти сравнения имели для своего времени) мы встречаем, главным образом, в переводах идиллий и од знаменитого в то время естествоиспытателя и поэта Альбрехта фон-Гасллера и Геснера.

Но эти материалы, равно как и другие стихотворения (за исключением принадлежащих перу Пнина, о которых дальше), не составляли стержня журнала. Не они создавали тон. Основными статьями были переводы из Гольбаха, работы Бестужева о воспитании и переводы-извлечения и изложения значительных экономических работ той эпохи. Здесь нужно указать прежде всего переводы из Meditazioni sul'economia politica» итальянского экономиста, друга и единомышленника Беккарии, гр. Пьетро Верри (1728—1797). Помещение этих переводов в журнале позволяет думать о том, что Пнин принимал взгляды их автора. А это открывает некоторые перспективы для определения классовой подосновы его воззрений.

Экономические воззрения Верри, конечно, совершенно устарели, но исторически они выражали интересы молодой промышленной буржуазии, стремившейся освободиться, во-первых, от стеснительной деятельности полицейского государства, а, во-вторых, от остатков ремесленно-цехового строя, задерживавших развитие крупных мануфактур. Верри не совсем согласен с физиократами. Для него не может быть «новопроизведений» в абсолютном смысле. Деятельность человека способна только соединять и раз'единять материю, только создавать новые ее образования. А это делают не только земледельцы, но и ремесленники. Вообще же говоря, «новопроизведение» равняется «издерживанию». Стало быть, если говорить о новопроизведениях в относительном смысле, то их создают и ремесленники. Понятия стоимости у Верри, конечно, нет. Цена же, по его мнению, определяется нуждой и редкостью товара.

Интересно, что Пнин печатает главу, направленную против законов, запрещающих вывоз товаров за границу. Этим запрещением думают уменьшить число продавцов. Но «сии тягостные возбранительные законы или вселяют в государство бесплодие, или совсем бывают бесполезны». На место всяких охранительных законов автор хочет поставить принцип конкурренции. Поэтому он восстает также против построения промышленности по типу цеховых организаций. Нужно предоставить полную свободу всем

и каждому (за исключением области «аптекарского искусства»). «Суконные фабрики, кожевенные заводы,—переводит журнал,— не могут быть в цветущем состоянии, если не будут иметь полной и совершенной свободы». Государству предоставляется только известный контроль. Таким образом, на страницах своего журнала Пнин вел идейную пропаганду передовых для того времени экономических теорий. Подобно Радищеву с его трактатом или пространной запиской о Кяхтинском торге, он в меру своих возможностей указывал на необходимость для России перехода к режиму промышленного капитализма в той его фазе, когда господствует свободная конкуренция.

Эта классовая подоплека особенно выступает в его «Опыте о просвещении относительно к России», напечатанном отдельным изданием в 1804 году. Здесь он остается типичным просветителем XVIII века, ратующим за «пользу просвещения», обращающимся к «просвещенному монарху» и ожидающим с высоты престола благодеяния для подданных. На-ряду с радикальными утверждениями: «Россия имела многих обладателей, но правителей мало», политические идеалы его не идут далее освобождения крестьян и обязательного наделения их землею. Конечно, для начала XIX века это было тоже радикальным требованием, тем более, что он выставлял освобождение крестьян первейшим и необходимейшим условием. На возражение консерваторов, что, мол, русское крестьянство требует сперва просвещения, ибо иначе оно не будет знать, что делать со свободой, Пнин отвечал, что ни о каком просвещении нельзя говорить, пока существует рабство. Его требование сперва освободить крестьян, а затем уже заняться их просвещением, повторяет мысль Радищева; в основном «Опыт» Пнина изложил те же требования, которые пятнадцать лет тому назад формулировал автор «Путешествия». На-ряду с требованием свободы для крепостных и провозглашения собственности основным устоем общества, Пнин остается при сословном построении государства и, более того, при сословном построении народного образования.

Таким образом, положительный социально-политический идеал Пнина не идет далее передового либерализма своего времени, являясь идеалом только еще зарождавшейся у нас в то время промышленной буржуазии и тех дворянских кругов, которые были близки к ней. Гораздо острее его отрицательно-критическая сторона, направленная против пережитков феодализма. Если вспомнить, что социальный феодализм в лице крепостничества был у нас в то время еще в полном расцвете, то эта отрицательного направления работа Пнина должна быть признана весьма важной по своему общественному значению.

В этом отношении представляет интерес опубликованная в 1889 г. Е. Петуховым («Историч. Вестник») рукопись Пнина,

представленная им Александру I под заглавием: «Вопль невинности, отвергаемой законами». Написана она была по частному поводу, имевшему, однако, большое значение в личной жизни автора. В 1801 г. умер отец Пнина, кн. Репнин, не «усыновив» своего сына и забыв его в своем завещании. Как передают современники, семейное положение Пнина доставляло ему всегда не малые страдания. По фальшивым понятиям «общества» того времени, «незаконное» происхождение человека создавало вокруг него атмосферу своего рода бойкота и изоляции. Это отношение к себе испытал и Пнин. И вот, когда силою вещей исчезли все надежды на «легализацию» положения, в 1803 году Пнин подал Александру свой «Вопль невинности».

В первых же строках записки Пнин об'являет о тайне своего происхождения: «я один из тех несчастных, которых называют незаконнорожденными». Но писатель не просит каких-либо милостей для себя лично; он говорит как бы от имени и за всех внебрачных детей. Голос его возвышается, насыщается пафосом и гремит против ложных взглядов общества и несправедливого законодательства. Свою «невинность» он обосновывает естественным правом: «могущественнейший глас природы дает мне название сына». Но законодательство отдалилось здесь от природы и в продолжение всей жизни наказывает сына за пороки отца. Если бы «незаконнорожденный» знал о своей участи, он не захотел бы являться на свет. Мрачными красками рисует Пнин положение «воспитанников» в помещичьих семьях. Это название укрепилось, а, по существу, оно является лишь другим именем для побочных детей. При наличии крепостного права создаются часто трагические картины: «Нередко случается, что брат наследует своего брата, что сестра наследует свою сестру; т.-е. так называемые незаконные дети делаются собственностью, делаются крепостными людьми законных детей, несмотря, что и те и другие суть дети одного отца. Природа, что стало с тобой? Куда девались права твои?». Рисуя печальное положение таких детей, Пнин предлагает переложить на родителей, в первую голову на отцов-помещиков, «весь стыд и поношение». Пнин предлагает меры по улучшению их положения, требует, между прочим, чтобы им были предоставлены права законных детей, хотя бы отцы и были против, требует предоставления им права избрания того состояния, какое они пожелают. Критика нравов в помещичьей среде приводит его к выводу, что брак является «совокуплением имений, а не союзом людей», что «хотя многоженство законом не позволяется, но в самом деле оно существует». Сила и стиль этой критики на-ряду с гражданским пафосом ставит Пнина в ряд первоклассных писателей его времени.

5.

Нас, однако, больше должны интересовать общие философские воззрения Пнина. Если он самим подбором руководящих статей журнала выявил себя последователем Гольбаха, то не можем ли мы найти подтверждение этой мысли в оригинальных произведениях писателя? Литературное наследие Пнина количественно незначительно, в качественном же отношении текст его иногда внушает опасения за свою аутентичность. Затруднение заключается еще в том, что Пнин не был философом по преимуществу и об общем мировоззрении его мы можем судить, кроме журнала, лишь по нескольким стихотворениям: Пнин был поэтом. Рукописного наследия он не оставил, и это, конечно, еще больше затрудняет положение исследователя. Мелкие лирические стихотворения так же не могут дать материала для решения нашей задачи. Но у Пнина, человека образованного, и прошедшего философскую школу XVIII века, есть оды,—любимый в то время род поэзии,—обще-философского содержания.

В этих одах, в противоположность Ломоносову, он не пускается в «превыспренные заоблачности по поводу площечных иллюминаций», не воспевает «порфироносных младенцев» [1], а касается натурфилософских, космологических вопросов. Но и эти последние разрешает он, отнюдь не следуя по стопам Державина. В своих поэтических рассуждениях он выявляет, под легкой деистической вуалью, все ту же философию французского материализма. Так, в первой же книжке журнала он печатает оду «Время». Поэт хочет остановиться хоть на один момент, чтобы рассмотреть всеобщий «полет» времени. Время не имеет начала, оно не создано, оно всегда было.

> Кто мне откроет час, в который быть ты стало?
> Чей смелый ум дерзнет постичь твое начало?
> Кто скажет, где конец теченью твоему?
> Когда еще ничто рожденья не имело,
> Ты даже и тогда одно везде летело;
> Ты было все, хотя незримо никому.

Слова о том времени, «когда еще ничто рожденья не имело», не следует понимать так, что мир был создан посредством акта креации. Это видно из того, что время было «незримо никому», это видно и из следующей же строчки:

> Вдруг бурное стихий смешенье прекратилось;
> Вдруг солнцев множество горящих засветилось;
> И дерзкий ум твое теченье мерить стал.

«Век» человека бесконечно мал перед лицом времени, времени, поглощающего не только людей, царства, но и самые

[1]) Лишь один раз обращается Пнин с одой к Александру I.

солнца». Поэт рисует кончину мира во времени, но эта картина не напоминает библейскую; в поэтической форме она рисует ту гибель солнечной системы, какую рисовали себе естествоиспытатели XVIII века. Если Бюффон, следуя Ньютону, говорил о «мировом пожаре», то Эйлер выдвигал, как причину кончины солнечной системы, расстройство движения планет по своим орбитам. Собственно, и Ньютон говорил о падении кометы Галлея на солнце, как о причине пожара. Такой же естественный конец предвидит и Пнин:

> Там солнце во своем сияньи истощенно,
> Узрит своих огней пыланье умерщвленно:
> **Бесчисленных миров падет, изветхнув, связь;**
> Как холмы каменны, сорвавшись с гор высоких,
> Обрушася, падут во пропастях глубоких;
> Так звезды полетят, друг на друга валясь!..

Во всей оде, только один раз упоминается имя творца, который «всему судил иметь свои пределы», но лишь затем, чтобы сейчас же ограничить это самое всемогущество творца: все может исчезнуть за исключением времени, которое одно только вечно. Возможно, что этот самый творец фигурирует как своего рода неизменный для того времени персонаж наподобие мифологической Урании, которая выступает в той же оде; возможно, что он играет у Пнина и несколько бо́льшую роль; как заметил читатель, мы не отрицаем у Пнина известной доли деизма. У него есть даже специальная ода под названием «Бог». В ней есть моменты физико-телеологического доказательства, но, вопреки обыкновению, основано это «доказательство» не на разуме, а на чувстве. Это, скорее, «сердечные» аргументы, чем рассудочные, точно так же, как и у Радищева. Видя порядок и вообще все устройство вселенной, поэт спрашивает: «Стремится к воле все своей—льзя ль цели быть без воли чьей?». Пнин задается вопросом: можно ли познать тот ум, «что мог по воле мир создать?». Но обращается он не к уму, а к сердцу: «спросил я **сердце** и решение в моих я чувствиях нашел». Не об уме следует говорить, а о воле. Но, даже перенеся решение вопроса в эту плоскость, Пнин встречается с новыми затруднениями. Он слышит, как все народы, воздев к небу руки, «винят в отчаяньи творца». Они жалуются на целый ряд беспорядков, несправедливостей и злодеяний, учиненных им. Их аргументы весьма напоминают те, какими в бесчисленном количестве и в бесчисленных вариациях пользовался Гольбах в своих атеистических работах. Нарекания народов столь сильны, что приходится удивляться, как цензура пропустила оду. Напр., народы обращаются к «творцу» с грозным вопросом: «Доколе будешь злодеянья взводить на трон под сень венца?». Ответ, который получают народы, тоже в достаточной степени радикален. Чув-

ствуется, что, собственно, говорит не «голос сверху», а сам по[...] мыслитель. Суть этого ответа сводится к тому, что люди са[...] виноваты во всех своих бедствиях. Такие речи французские ма[...]риалисты вкладывали обычно в «уста» природы:

> Где опыт, где рассудок здравый,
> Что вас должны руководить?
> Они покажут путь вам правый,
> По коему должно иттить.
> Лишь под щитом священным их
> Найдете корень зол своих.

Когда мы писали выше, что в отношении некоторых сти[...]хотворений Пнина возникает сомнение в их аутентичности, то м[...] имели в виду именно эту оду. Сомнение возникает не вследстви[...] какого-либо пристрастия или одностороннего подхода, а вслед[...]ствие двух соображений. Во-первых, ода эта была напечата[...] уже после смерти Пнина в «Журнале для пользы и уд[...]вольствия» (1805 г., декабрь). Во-вторых, редактор журнала сна[...]дил стихотворение таким двусмысленным и знаменательным при[...]мечанием: «Я думаю, что беспристрастные читатели, кои имею[...] у себя подлинники или копии сочинений достойного па[...]мяти Пнина, извинят сделанные мною как в сей оде, так и в некоторых прежде напечатанных в моем журнале стихотворени[...] его небольшие поправки в слоге: скорая смерть, ко[...]нечно, не допустила его самого внимательнее оглянуться на памятники своей жизни» (стр. 182).

Из примечаний видно, что стихи Пнина ходили в рукопися[...] и списках по рукам знакомых, а, может быть, и незнакомы[...]; что редактор внес и вносил при жизни Пнина (умер Пни[...] 17 сент. 1805 г., т.-е. за два-три месяца до печатания книжки журнала) исправления в его стихи; из всего контекста примечани[...] (сожаление, что Пнин не успел «оглянуться внимательнее» на памятники своей жизни) видно далее, что исправления касались не только слога или вернее не слога,—ибо Пнин хорошо владел современным ему слогом, — а самого содержания. Перед лицами, обладающими текстом Пнина, редактор изви[...]няется, выражаясь вульгарно, за отсебятину, искажавшую мысль автора. Таким образом, если Пнин «сглаживал» Гольбаха при Павле, то посмертные и прижизненные издатели его «сглажи[...]вали» его самого при Александре!

Внимательное чтение этой оды заставляет наметить некото[...]рые особо сомнительные места. Так, по ходу мыслей, следует ожидать обращения поэта-мыслителя с мучившим его вопросом к разуму. Вместо этого следует непосредственно вопрос к серд[...]цу. Для аутентичного выяснения этого любопытного вопроса требуются, конечно, дополнительные архивные изыскания, но дадут ли они что-нибудь, сказать положительно нельзя.

В сентябрьской книжке собственного журнала (1798) Пнин поместил четверостишие: «На вопрос, что такое бог?». Здесь любопытна самая постановка вопроса. Разве для правоверного христианина, да и всякого религиозно-верующего человека ответ не ясен? Поэтическая форма значения не имеет. Писал же Державин пространные религиозные оды. Между тем, Пнин посвящает этому вопросу лишь четыре стиха, последний из которых звучит так же двусмысленно: «Чтобы сказать, что он? самим быть богом должно».

При всем этом, повторяем, мы настолько осторожны, что допускаем у Пнина слабую степень деизма, на что были и об'ективные социально-исторические причины и, быть может, известные суб'ективные основания. Надо только помнить справедливые слова К. Маркса о том, что в известные эпохи деизм является «не более, как удобной и мягкой формой разрыва с религией», является лишь внешней пеленой, скрывающей сущность атеизма. В случаях деистических воззрений поэтому надлежит обращать сугубое внимание на то, с каким философским направлением связан у мыслителя деизм: сопряжен ли он с рационализмом, с «сверхопытной» теорией познания, коротко говоря с идеализмом, как это было, напр., у некоторых немецких деистов XVIII века, или у деистически настроенной буржуазии в эпоху капитализма; или он, деизм, в качестве «привеска» или внешней оболочки, сопряжен с материализмом. В первом случае—явление одного порядка и, если угодно, оценка одна, во втором случае—явление другого порядка, следовательно, и оценка мыслителя должна быть иная. Именно второй случай имеем мы в лице Пнина.

Когда, например, читаешь его оду «Человек», то сомневаешься даже, не был ли он **полным гольбахианцем**. Эта ода напечатана была еще при жизни Пнина в № 1 «Журнала российской словесности» за 1805 год, издателем и редактором журнала был друг Пнина, А. Брусилов. Ода, как это замечено всеми исследователями, представляет собою резкую антитезу державинской оде «Бог». Начинается ода своего рода гимном природе вполне в духе XVIII века: природа для автора, «бытий всех зримых обща мать, щедрот источник бесконечный, в ком счастье мы должны искать».

Человек, герой оды,—лучшее создание природы. Едва только он явился в мир, как мир покорился ему, приняв его царем. Вся ода проникнута необыкновенным прославлением творческой деятельности человека, вся она насыщена призывом к деятельности и восторгом пред действенностью человека. Человек творит в природе и распоряжается ею: «...каждый мне,—говорит автор,—предмет гласит, твоей рукой запечатленный, что **ты зиж-**

дитель есть вселенной». Назвать человека зиждителем мира это было по меньшей мере очень смелым в то время.

Пнин обрушивается в скрытой форме на Державина: «какой ум слабый, униженный тебе дать имя червя смел? Державин говорил про человека: «я раб, я червь»... Пнин соглашается, что только «раб нещастный, заключенный, который чувствий не имел», мог назвать человека червом. Он сам, действительно, равен червю. Но Человек вовсе не таков. «В каком пространстве зрю ужасном раба от человека я!»—восклицает Пнин. Собственно, фактический раб не имеет права оставаться таковым, если бы он рассмотрел,

> Кто бедствий всех его виною,
> Тогда бы тою же рукою
> Сорвал он цепи, что надел.

«Зиждитель-человек» измерил течение планет, исчислил звезды, оставаясь частью природы: «с природой связан ты судьбою; ты ей живешь, она тобою свой жизненный являет вид». Человек дал знаки речи, мысли он дал тело, очам способ говорить, изобрел различные средства сообщения. Но откуда же произошел человек, создал ли его кто, или он создание единой природы? Вот вопрос, на который Пнин и Державин дают прямо противоположные ответы. Эти ответы таковы, что заслуживают того, чтобы привести их параллельно:

Державин: ода «Бог».	Пнин: ода «Человек».
Но будучи я столь чудесен Отколе происшел? – безвестен; А сам собой я быть не мог. Твое созданье я, создатель. Твоей премудрости я тварь...	Скажи мне, наконец, какою Ты свыше силой вдохновен, Что все с премудростью такою Творить ты в мире научен? Скажи? но ты в ответ вещаешь

и далее в печатном цензурном тексте 1805 года следуют четыре строчки многоточий. А далее непосредственно и знаменательно:

> Ужель ты сам всех дел виною,
> О человек? Что в мире зрю?
> Чрез труд и опытность свою,
> Прешел препятствий ты пучину,
> Улучшил ты свою судьбину,
> Природной бедности помог.

Многоточия на месте четырех строчек оды Пнина не оставляют сомнения в том, что автор ответил на вопрос, поставленный Державиным и повторенный самим автором, вполне научно. Это,—пожалуй, уж не деизм, а чистый материализм и атеизм, хотя последняя строчка оды,—мы об'ективны,—и гласит о том, что человек на земле то же, что бог на небе. Но эта последняя строка не больше, как привесок, поэтическая традиция, ибо она никак не вытекает из всей концепции оды. А концепция ее

ова, что Пнину с правом можно дать эпитет «гуманиста» в смысле, в каком этот термин иногда применяется к Фейербаху.

Таково содержание и таковы мотивы философско-поэтических изведений Пнина. На некоторых других из них, более второ-енных, напр., на оде, в которой Пнин утверждал коперникову ию вселенной и отрицал птоломееву систему[1]), мы не будем анавливаться. Как видит читатель, литературное наследие іна количественно не обширно, но оно таково, что на основании можно заключить об идеологическом облике его творца.

Собственный журнал Пнин издавал в течение лишь одного 3 года. В последующие годы он печатал, главным образом, ги в других журналах. В 1806 году он предполагал снова анизовать журнал под названием «Народный вестник», но и этот не осуществился и не мог быть осуществлен: прослу-в некоторое время в министерстве народного просвещения едитором, он умер, как сказано, 17 сентября 1805 года.

Последнее время он был членом «Вольного Общества Люби-ей Словесности» и его председателем. Когда обнаружились зные признаки туберкулеза, он вышел в отставку (19 августа), прожил еще только один месяц. Для либеральных кругов ербургского общества смерть его была тяжелой потерей, как этом свидетельствуют стихи и некрологи в современных жур-ах, а также отчет о специальном заседании «Общества Люб. ов.», посвященном памяти Пнина. После этого Пнин был забыт несколько десятилетий. Вспомнили о нем лишь в начале XX а, вспомнили российские либералы о своем предке, но, ко-но, проглядели в нем материалиста. На это есть свои есте-енные причины. В нашу эпоху буржуазия и ее интеллиген-і вспоминает своих предков либералов, но не вспоминает мы-телей материалистов. Совершить это последнее дело способен ько пролетариат.

В наши дни в отношении Пнина, говоря словами Ленина. дует отделить важное от неважного. Прежде всего нужно ять ту эпоху и ту страну, в которой жил и действовал ин. И тогда его материализм, пускай незавершенный, типа ищева, предстанет пред нами как любопытнейшая и интерес-ішая страница нашей истории. Во Франции уже бушует рево-ция; французские материалисты сделали свое дело в идео-ической области уже несколько десятилетий назад. У нас ивая полоса Павла, когда боятся за тридевять земель гремя-й революции, когда запрещают после девяти часов вечера ходить кому бы то ни было на улицу, за исключением попов,

---

[1]) Ода: «Солнце неподвижно между планетами» в «С.-Петербургском нале», 1798 г., февраль.

врачей и повивальных бабок, когда, наконец, запрещают носить платье французского фасона, ибо и оно пахнет революцией.

Радищев в далекой Сибири пишет философский трактат, на издание которого нет никакой надежды, ибо он «запятнан», быть может, вопреки чувству и сердцу автора, материализмом. И в это самое время, когда официальным указом изгоняется вовсе и без замены самое слово «общество» [1],—Пнин издает журнал, в котором пропагандирует материализм. Он менее талантлив, чем Радищев, он не первый по времени русский радикал, но при всем этом он делает шаг вперед по сравнению с Радищевым прежде всего как пропагандист, далее как один из весьма немногих, если не единственный открытый деятель на идейном фронте в эпоху Павла: наконец, он является видимым соединительным звеном в истории материализма в России,—звеном, которое исторически связало Радищева с декабристами, «внуками» французского материализма XVIII века.

---

[1]) Приводим здесь в извлечении «Высочайшее повеление 1797 г. об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими»:

«Слова отменяемые:	Взамен их повелено употреблять
обозрение . .	. осмотрение
врач	. лекарь
пособие	. помощь
преследование	. посланный в погоню
общество.	. этого слова совсем не писать
граждане.	. жители или обыватели
отечество . . .	. государство
приверженность . .	. привязанность или усердие
стража. . . .	. караул».

В таких условиях приходилось издавать свой журнал Пнину!

Hypotheses non fingo.

З. Цейтлин.

(Окончание).

Бентли родился 27 января 1662 г. Его дед служил в коро-
звской армии во время гражданской войны и умер в плену.
эмья Бентлеев принадлежала к партии роялистов. Бентли об-
ялся сначала в латинской школе в Wakfield'e, а затем, с 1676 г.,
колледже S-t John'a в Кембридже. В 1682 году он поступил
спитателем к доктору Stillingfleet'у—декану колледжа св. Павла
Кембридже. Этот доктор «стоял в первых рядах ученых теоло-
в, защищавших христианскую религию против деистов и мате-
иалистов». В эпоху революции д-р Stillingfleet сделался еписко-
м Ворчестерским и на этом посту покровительствовал моло-
му Бентли. Благодаря именно этому покровительству, Бентли
было поручено чтение так называемых «Лекций Бойля», о
торых мы скажем в дальнейшем. В 1679 году Бентли был
значен ректором колледжа Троицы. Как замечает Jebb, он начал
ою службу не очень счастливо, но весьма характерно. Во главе
. С., кроме ректора, находился еще помощник—вице-ректор—и
д, так называемых, fellow (членов), между которыми дели-
сь чистая прибыль учреждения. Первым шагом Бентли было
требовать дополнительного дивиденда, который, согласно обы-
ю, принадлежал его предшественнику, д-ру Монтагю. Во-вто-
х, он предпринял ремонт своей квартиры и затратил на это
четыре раза больше той суммы, которая была определена сове-
м. Все это возбудило против нового ректора корпорацию. В
льнейшем отношения не только не улучшились, но достигли
ачительной остроты, которая образно характеризуется следую-
щими изречениями нового ректора по адресу его помощников:

> Я пошлю его в деревню, где он сумеет пасти индюков.
> Разве вы забыли мой заостренный меч?

Когда один из членов запротестовал против постройки птичь-
о двора во дворе ректора,—Бентли выразил свои чувства весьма
репко и энергично: «я не позволю топтать себя ослу».

Злоупотребления и выходки Бентли продолжались 8 лет.
отрудники переносили их до тех пор, пока терпели «мясо и
ровь» (Jebb) [1]. В 1709 году наступил кризис. Он был вызван
овым покушением ректора на сверх-дивиденд. Но на этот раз
livide et impera» провалилась. Капля переполнила чашу. Во

[1]) Monk, Life of Bentley; Mähly, Richard Bentley, 1868; Jebb, Richard
ntley, 1882. Мы пользовались немецким переводом последней книги, сделан-
ым E. Wöhler'ом (Berlin 1885).

главе возмущения стал некий Миллер, который бросил в лицо Бентли его проект.

Бентли ответил угрозами и вычеркнул Миллера из списков. Последний обратился к вице-ректору, и тот при поддержке остальных членов корпорации включил Миллера обратно. Бентли снова вычеркнул. Тогда, в 1710 г., вся корпорация подала жалобу генеральному инспектору (General visitator) Т. С. епископу Эли д-ру Муру в 54 обвинительных пунктах.

Бентли принужден был в мае 1714 года предстать перед епископским судом.

Через 6 недель процесс закончился, но епископ не произнес приговора. Неожиданно 31 июля епископ умер. В его бумагах был найден приговор: «Этим нашим окончательным приговором отрешаем мы Ричарда Бентли от должности ректора колледжа».

Новый епископ Эли д-р Fleetwood заявил, что он вмешается тогда, когда будет признан генеральным инспектором.

Члены колледжа во главе с D-r Collbath подали петицию о признании. Эту петицию поддержал архиепископ Кентерберийский D-r Wake, который выразился о Бентли: «поразительнейший из всех примеров человеческой слабости, которые мне когда-либо приходилось встречать».

Как следовало ожидать, петиция прибыла в тайный совет только в 1719 году. Между тем Бентли действовал. Подкупив Миллера суммой в 528 фунтов, он разбил своих противников и расстроил их ряды. Дело заглохло. Но ему суждено было возродиться спустя 20 лет, как раз в тот момент, когда Бентли, после 35-летней ожесточенной борьбы, казалось, достиг полного торжества.

D-r Collbath поставил себе целью жизни добиться осуждения Бентли. Преступления последнего были так велики, что, несмотря на все свои связи, он должен был в 1733 году снова предстать перед епископским судом в Эли.

27 апреля епископ произнес приговор: Бентли был обвинен в расхищении имущества колледжа и нарушении статутов и присужден к устранению от должности ректора. Ничто, казалось, не могло спасти Бентли. Но этот человек не сдавался до самой последней минуты. Согласно статуту Елизаветы сменить Бентли должен был вице-ректор. Вице-ректор D-r Hacket не имел никакой охоты нажить себе столь могущественного врага и в 1734 году сложил с себя обязанности. На его место вступил друг Бентли, D-r Walker и категорически отказался исполнить приговор суда. Бентли, благодаря этому, еще целые 8 лет до самой кончины занимал должность ректора. И лишь на могиле противники Бентли получили некоторое, правда, маленькое удовлетворение. На надгробной плите нет надписи «Magister Collegii» а стоят лишь буквы S. T. P. R. (Sancte Theologiae Professor Regius).

Таков эпилог удивительной 43-летней борьбы, которая охарактеризована крылатым изречением по адресу Бентли: «прощай мир в колледже Троицы».

Обратимся теперь к некоторым литературным подвигам Ричарда Бентли. Бентли был блестящим филологом и критиком.

Он известен, как автор «Диссертации о письмах Фаларида, Фемистокла, Сократа, Эврипида и баснях Эзопа»[1]), в которой он доказал подложность писем. Он написал также критические замечания на две комедии Аристофана, поправки к отрывкам Менандра (1710 г.). Он издал Горация, Теренция, Федра, Манилия и, наконец, Мильтона.

В своих сочинениях Бентли обнаруживает блестящий критический талант и громадную проницательность, но вместе с тем те же качества, которые он проявлял на посту ректора. Его суждения категоричны и полны самообожания. Ради достижения определенной цели, он не останавливается перед вопиющими злоупотреблениями. В виде примера может служить издание Мильтона. Оно было предпринято Бентли в 1732 году. Мильтон, как известно, был пуританином и арианцем. В «Потерянном Рае» он в величественных стихах оплакивает падение Республики индепендентов. Такой Мильтон не мог, конечно, нравиться доктору англиканской теологии, теологии, представлявшей собой смесь католицизма и протестантизма с преобладанием, конечно, первого. И вот Бентли задумал «исправить» Мильтона. С этой целью он прибег к следующему хитроумному шагу. Мильтон на старости ослеп и пользовался услугами переписчика. Бентли заявляет, что этот переписчик наделал много ошибок. Кроме того, некий «издатель»,—лицо, существовавшее только в воображении Бентли,—приятель или знакомый Мильтона, которому последний будто бы передал рукопись и корректуры, довел дело до того, что мы, по оригинальному выражению Бентли, «вторично потеряли Рай». Этот же удивительный «издатель», по утверждению Бентли, сам сочинял стихи, сфабриковал немалое их количество и вставил в сочинение (66 примеров). Если принять во внимание, что и сам Мильтон не чужд был некоторой небрежности и промахов, то становится ясной необходимость очистить «Рай» от вредных элементов и вернуть его человечеству в первоначальной красоте и чистоте. Так как доктор теологии считал себя великим специалистом в божественных предметах, то задачу очищения Мильтоновского «Рая» он взял на себя и сделал около 800 поправок. К несчастью для ревностного Бентли, Мильтон был давно мертв, и его «Потерянный Рай» был уже издан в 1725 году Elias Fenton'ом (1683-1730). Поэтому Бентли не решился совершенно вычеркнуть первоначальный текст и ограничился тем, что свои поправки поместил рядом на полях.

Джонсон так охарактеризовал гипотезу Бентли об «издателе»: «Поспешное и необоснованное утверждение, если он считал его верным, недостойное и вредное, если он, как говорят, втайне соглашался, что оно ложно».

Что Бентли определенно выдвинул эту ложную гипотезу с целью придать Мильтону желательный облик, видно из еще одного литературного подвига, который мало кому известен.

Издатель «Начал» 1687 г. Галлей снабдил издание длинным и торжественным «Посвящением».

Когда в 1713 г. Бентли выпустил второе издание книги, он поместил это «Посвящение», предварительно, однако, исправив

[1]) Dissertation upon the epistles of Phalaris. Themistocles. Socrates, Euripides and the fables of Aesop (1699); имеется немецкий перевод Риббека (Лейпциг 1857).

его. Это было сделано без ведома Галлея. Возмущенный астроном потребовал от Ньютона восстановления первоначального текста, что было лишь частично сделано в третьем издании[1]). Приведем несколько примеров «поправок» Бентли,—примеров, весьма характерных для этого теолога.

Посвящение Галлея начинается так:

1. Перед тобой порядок Неба, и ты считаешь

2. Вес божественной массы и Юпитера, ты видишь

3. Какие законы Всепроизводящий Творец не захотел нарушить,

4. Когда сплотил начала вещей и утвердил основы вечного творения.

Исправленный Бентли текст:

2. и ты видишь

3. Какие законы сам себе сказал Всемогущий Творец,

4. Когда создал вещей начало, а также установил основы творения.

Смысл поправки ясен. В тексте Галлея выражен деизм[2]). Бог только **сплотил** (pangeret) извечно существующие начала вещей, подчиненные вечным законам, которые бог не хочет нарушать: бог не вмешивается в движение мировой машины. Текст Бентли выражает обычное церковно-библейское воззрение о творении посредством слова из «ничего». По поводу этого изменения произошел любопытный разговор между Галлеем и родственником Ньютона Кондуитом: «Бентли,—рассказывает Кондуит,—изменил стихи Галлея, когда он печатал «Начала». Галлей рассказал мне, что сэр И. Ньютон обещал ему, что в Пембертоновском издании они будут напечатаны с его собственной копии; Галлей жаловался, что этого не было сделано, так как он, Галлей, написал «Aeternique operis fundamenta fixit» (утвердил основы вечного творения), а напечатано: «Operunique fundamenta locavit (установил основы творения). И когда я сказал, что, быть может, сэру И. Ньютону неудобно было заботиться о том, что как будто говорит в **пользу вечности мира**,—Галлей ответил: Да, это то именно, что Пембертон хотел приписать мне, но oeternum (вечный) это только oeviternum (вековечный)—большего я не думал».

24-й стих «Уж заблуждения не обременяют сомневающихся никаким мраком» совершенно вычеркнут Бентли.

Изменены строки 25 и 26.

25. «Кому остроумие возвышенного гения позволяет

26. Проникнуть в жилища богов и подняться в высоту Неба».

Текст Бентли:

25. И как прозрение Ньютона позволяет

26. Проникнуть в высокие жилища и коснуться неприступных храмов Неба.

С точки зрения теолога является дерзостью полагать, что наука может действительно рассеивать мрак заблуждений. Еще

---

[1]) Мы говорим частично, так как изданием опять таки распоряжался не Ньютон, а д-р Пембертон, который часть изменений Бентли сохранил и сам сделал поправки незначительного, правда, главным образом стилистического, характера.

[2]) Общеизвестно, что деизм XVII и XVIII веков чаще всего не что иное, как форма пантеизма —«мягкая форма разрыва» с традиционной религией.

льшая дерзость—это мнить, что проникаешь в жилища богов и однимаешься в высоты неба. Человек может только «коснуться» ontingere) неприступных храмов неба.

В поправках Бентли выражено credo новой схоластической илософии. Она признает и не может не признать науки. Но аука не есть постепенное овладевание абсолютной истиной, а екая железная система заблуждений. Ум—это не зеркало, которое дает точное и адэкватное отражение действительности, а екий «Цербер, охраняющий входы». Демиург, сотворивший мир з «ничего», снабдил человека этим Цербером. Цербер дает возможность человеку иметь несколько полезных «символов», «несколько инструментальных истин» и «рабочих гипотез», защищающих человека от гибели в хаосе вещей «в себе». Но он крепко ледит за тем, чтобы дерзкий и преступный смертный не проник «обиталище и высоты неба».

Философия великого немецкого идеалиста Иммануила Канта—и что иное, как классическое учение о гносеологическом Цербере.

---

30 декабря 1691 года умер знаменитый Роберт Бойль. Подобно другим ученым того времени, Бойль интересовался теологическими вопросами. В молодые годы им овладело сильное религиозное сомнение, и он впал в меланхолию, которая едва не довела его до самоубийства. «Демон воспользовался моей меланхолией, наполнил душу ужасом и внушил сомнение в основных религиозных истинах». Бойль принялся за чтение библии и с этой целью изучил древне-еврейский и греческий языки. Результатом изучения писания явились сочинения: «Опыт о святом писании» и «The Christian Virtuoso». В своих теологических сочинениях Бойль писал о примирении разума с религией и стремился доказать возможность такого примирения. В «Обсуждении конечных причин» Бойль выступает против следствий космической системы Декарта и старается доказать проявление божественного ума в строении и движении вселенной.

Умирая, он завещал сумму в 50 фунтов ежегодно для уплаты «теологу или проповеднику», который произнесет 8 проповедей в год «в защиту христианской религии против заведомых безбожников (неверных), именно—атеистов, деистов, язычников, евреев и магометан», «не затрагивая при этом каких-либо спорных между самими христианами вопросов».

Для исполнения воли жертвователя был избран молодой и талантливый Ричард Бентли, капеллан епископа Ворчестерского, которого епископ горячо рекомендовал.

Бентли избрал темой своих проповедей «Опровержение атеизма». 40 лет тому назад появился «Левиафан» Т. Гоббса. С тех пор кличка «гоббист» означала: «материалист, атеист и разрушитель морали». Гоббс признавал, правда, необходимость «допущения бесконечного, всемогущего и вечного бога», но отличал это допущение от «суетной попытки определить природу этого сущего, как «имматериальный дух». Поэтому Бентли в письме к Бернару говорит: «его телесный бог—не что иное, как чистая уловка для того, чтобы иметь возможность напечатать свою книгу».

Гоббс в письме к епископу Bramhall'у возражал против такого обвинения и заявил, что «под телесным я понимаю субстанцию, обладающую протяженностью». В другом месте он к слову «телесный» прибавляет слово «невидимый». Но подобные оправдания не имели значения для Бентли, так как его интересовали не личные мнения Гоббса, а логические следствия системы. Гоббс, возможно, не доходил до этих следствий, но проницательные теологи великолепно понимали, что те или иные читатели к этим следствиям придут.

Поэтому Бентли замечает:

«Трактиры, кофейни, Whestminister-hall, даже сами церкви полны атеистов» — и в этом виновата школа Гоббса. «Ибо, если по ту сторону канала имеется несколько спинозистов или имматериалистических фаталистов, то между сотней английских безбожников нет ни одного, который не был бы гоббистом».

Свои «Бойлевские речи» Бентли начал 7 марта 1692 г. В высшей степени замечательно предварительное заявление Бентли о том, как он будет опровергать атеизм. Священные книги, — сказал Бентли, — для этого не годятся, эти книги не пользуются авторитетом у атеистов. «Но есть другие книги, свидетельства которых они должны будут признать более повелительными и необходимыми, именно мощные томы самой видимой природы и вечные таблицы здравого разума, в которых они, если только не захотят закрыть глаза, смогут открыть свою собственную глупость, написанную божьим пальцем более ясно и грозно, нежели глупость Бельзацара, написанная рукой на стене». «Математические начала естественной философии» были именно той книгой, авторитет которой должен был раздавить атеистов.

Роджер Котс.

Но «Начала» изд. 1687 года, с точки зрения Бентли, не годились для поставленной цели. Бентли решил поэтому «исправить» «Начала», согласно принципам своих проповедей и приобрести таким образом грозное оружие против атеистов. «Начала» должны были сделаться великим доказательством того, что «имматериальный живой дух управляем мертвой материей», что великий закон тяготения, столь чудесно об'ясняющий тончайшие движения небесных тел, не что иное, как непосредственное действие этого духа. Для осуществления этой великой задачи, он нашел превосходного и ревностного помощника в лице молодого, талантливого Роджера Котса, профессора физики и астрономии в Кембридже [1]).

Несмотря на молодость, Котс, благодаря могущественному покровительству Бентли, был назначен на профессорскую кафедру в 1706 году. Бентли построил также для Котса астрономическую обсерваторию.

[1]) Р. Котс родился в 1682 г., умер в 1716 от туберкулеза. Его отец был пастором. Котс уже в молодости обнаружил крупный математический талант. В математике он оставил след в виде так наз. теоремы Котса (доказанной Моавром), дающей возможность интегрировать правильные дроби с биномом в знаменателе. Главные сочинения Котса: «Harmonia Mensuram» (1722). «Opera miscellanea» (1722) «Theoremata tum logometrica, tum trigonometrica etc. (1722) Hidrostatical and pneumatical lectures» 1738; [...]mith в «Трактате по оптике» дает некоторые оптические теоремы Котса. Узнав о смерти Котса, Ньютон сказал: «если бы Котс остался жив, мы увидели бы еще кое-что от него».

Ему он поручил официальное редактирование II издания «Начал» в 1709 году.

И вот перед нами поразительное зрелище. С одной стороны Ньютон, отягощенный трудами и днями—ему было тогда 67 лет, человек, находящийся на вершине мировой славы и авторитета, провозглашенный одним из величайших умов всех времен и народов, а с другой—безызвестный молодой человек (Котсу было всего 27 лет), талантливый, правда, но все возможности которого еще в будущем. Эти два человека вступают в удивительное единоборство. Силы противников различны. На стороне Ньютона его гений и авторитет, но он уже стар, устал от вечного страха и волнений, от постоянных беспокойств, причиняемых ему «наглой и сутяжной дамой—философией». Котс молод. Роковая болезнь, сжигающая его легкие и лихорадящая его кровь, эта наиболее «спиритуальная» из болезней, придает его ревности необычайную силу религиозного энтузиазма. Задача, порученная Бентли, представляется Котсу, как настоящий религиозный подвиг. Био замечает[1]): «Помощь, оказанная Котсом Ньютону при редактировании III книги, превосходит все, что можно было бы подозревать. Я не думаю, чтобы в истории наук имелся еще один пример человека, отдавшего так полно и с таким самоотвержением свою мысль на службу другому». Био имеет в виду Ньютона, но на самом деле человек, которому отдал на службу свою мысль Котс, был Ричард Бентли. Бентли за кулисами управлял всем предприятием. Это превосходно видно из чрезвычайно ценной переписки, изданной Эдельстоном.

Переписка эта начинается письмом Бентли к Котсу от 21 мая 1709 года.

«Я на-днях посетил сэра Исаака Ньютона, который был бы рад видеть вас здесь, в городе, для того, чтобы передать вам часть его книги, исправленную для печати» (Letter I).

Проходят, однако, 3 месяца, но Ньютон рукописи не дает. Нетерпеливый Котс напоминает ему о данном обещании письмом от 18 августа, в котором Котс спешит дать математическую проверку 2 следствия (Corollary) 91 предложения первой книги. Ньютон, очевидно, не рассчитывал на столь большое усердие Котса. Оно его несколько ошеломило.

Передавая через Уистона часть рукописи нового издания «Начал», Ньютон пишет Котсу (Letter 3): «Благодарю вас за поправки к двум теоремам трактата о квадратах. Я не хотел бы, чтобы вы обременяли себя проверкой всех доказательств, содержащихся в «Началах»: невозможно напечатать книгу, не оставив в ней кое-каких ошибок, и если вы опубликуете рукопись в том виде, в каком я ее вам посылаю, исправив только те ошибки, которые вам встретятся, когда вы будете перечитывать листы, прежде чем отправить их для напечатания—вы будете иметь больше работы, нежели подобает вам дать».

Кажется, ясно. Ньютон отклоняет вмешательство Бентли-Котса в редактирование «Начал». Но Бентли не был бы Бентли, а Котс—Котсом, если бы они так скоро отказались от своих проектов. Предпринимаются какие-то шаги. В чем они заключались, трудно выяснить, так как письма, относящиеся к 6-месяч-

[1]) «Journal des Savants», 1852 г.

ному периоду от октября 1709 до апреля 1710 годов, куда-то исчезли [1]). Письмо Котса от 15 апреля 1710 года показывает, что победителями в борьбе оказались Бентли-Котс. К этому моменту половина книги уже была напечатана и 80 следующих писем содержат обсуждение редакционных соображений Котса, касающихся 2-ой половины книги, особенно наиболее важной третьей части («Система мира»). Редакционные изменения Котса имеют двойной характер,—они касаются прежде всего узко-математической стороны сочинения, ошибок в вычислениях, более простых методов рассмотрения и доказательства; во-вторых, некоторых принципиальных вопросов узко-физического характера (напр., вопроса о волновом движении жидкостей, распространении звука в воздухе и т. д.). В этом отношении Котс сделал очень много, и большинство поправок имеют такой именно характер.

В III книге Котс проделал громадную работу рассмотрения, проверки, исправления и согласования всех численных данных. Котс указал Ньютону много неправильностей, противоречий и темных мест, и Ньютон согласился с правильностью этих заключений.

Необходимо тут же заметить, что не всегда Котс удовлетворялся ответом Ньютона. Тогда он позволял себе оставаться при своей редакции. В качестве примеров таких самостоятельных поправок Котса, можно указать на метод нахождения центростремительной силы для эллиптического движения (отдел II книги I, предлож. X) [2]). На изменения, произведенные в предложениях XXXVI—XXXIX второй книги [3]), изменения в 8-м предложении III книги и т. п. Эти изменения не имеют принципиального значения, но самоуправство Котса должно быть решительно осуждено. Оно весьма знаменательно для редакционных изменений второго рода, изменений, касающихся самих основ «Математических Начал» естественной философии. Если Котс проявил столь большую настойчивость в отношении несущественного, его упорство в отношении главного во много раз больше. Самая важная часть сочинения Ньютона— это III книга: «Система мира». Мы видели из писем к Галлею, что Ньютон первоначально хотел отказаться от опубликования этой части. Он боялся того «шума», о котором говорит Фламстед в своем письме. В самом деле, первые

---

[1]) Как говорит Эдельстон, потеря нескольких писем этого периода тем более достойна сожаления, что эти письма без сомнения затрагивали известное место «Начал» (Схолия к II Лемме 2 книги), в котором Ньютон указывает на Лейбница, как на изобретателя метода дифференциального исчисления. Место это, как известно, было изменено в III издании и имя Лейбница выброшено. Био, между прочим, указывает («J. d. S.», 1852 г., стр. 141), что во 2 издании прибавлены слова «At idea generationis quantitatum». Кто сделал это важное прибавление? «Сделали его Ньютон или Котс, который позволил себе многие другие, по правде говоря, менее важные вставки, не посоветовавшись с Ньютоном, этого узнать невозможно» (Био), так как часть переписки утеряна. Что касается изменений в 3 издании, то Био делает такое характерное предположение: «Не могла ли ревность (zèle) учеников, соединенная с чувством гнева, воодушевлявшим тогда английских ученых против Лейбница (которого смерть сделала еще более торжествующим) и с этим «rule Britania», распространенным на интеллектуальную область — не могла ли эта ревность убедить 84-летнего старика вычеркнуть имя Лейбница или просто убрать это имя не сказав ему об этом?» Случай с «Посвящением» Галлея делает наиболее вероятной эту вторую гипотезу.

[2]) См. Эдельстон, стр. 6.

[3]) Ibid., стр. 40.

две части книги представляют собой математический трактат по физике. Ньютон предлагал опубликовать его под названием «De Motu». Название «Математические Начала натуральной философии» было внушено Галлеем. А математическое рассмотрение вопросов считалось у теологов невинным. Оно не затрагивало «истины» и касалось только формы «удобства вычислений».

Предшественник Бентли, немецкий проповедник Оссиандер (Hossman), выбросив предисловие умиравшего Коперника, обращенное к папе, поместил вместо него свое собственное, анонимное, якобы исходящее от Коперника[1]). В нем он заявляет следующее: «Нет никакой необходимости, чтобы положения эти (гипотезы Коперника) были истинны, они даже могут быть менее всего правдоподобны, лишь бы они были годны для вычислений».

«Если,—говорит Госсман от имени Коперника, отправлявшегося на тот свет,—допускаю нечто вымышленное (а т а к о в о г о д о п у с к а ю н е м а л о), то не для того, чтобы убедить кого-либо, что нечто должно быть так, а не иначе, а для того лишь, чтобы хорошо вычислить».

Читатель, знакомый с современной философией, видит, что Андрей Госсман предвосхитил философов Маха и Оствальда на целых три столетия. Наука, как метод математического вычисления на основании «рабочих гипотез», не имеющих никакого отношения к действительности, «даже совсем не похожих на правду», —это основная идея, возникшая в умах теологов нового времени, поставленных перед трудной проблемой спасения «веры в бога отцов» от натиска научного знания.

Ньютон, поэтому, мог быть спокоен за первые две части своих «Начал». Они не затрагивали какой-либо «метафизической истины» церковной теологии. Это был невинный трактат «о движении». Не то третья книга. Здесь уже излагается определенная «Система мира» и доказываются определенные гипотезы. И «шум» вокруг сочинений Ньютона был вызван идеями именно этой части. Как это ни покажется странным, но центральной причиной «шума» был знаменитый догмат трансубстанции (евхаристии). В особой главе, посвященной этому вопросу, мы подробно выясним связь этого догмата с учениями о пространстве. Пока же ограничимся следующими замечаниями. Философия Декарта и центральный пункт этой философии—учение о пространстве, как физическом теле, сделались философией протестантизма, т.-е. философией, выступавшей на историческую арену буржуазии. Эта философия была анти-евхаристична. Иезуит Валуа формулировал это в сочинении «Учения Декарта в их противоречии учениям церкви и их согласии с Кальвином». А мы знаем, что отрицание догмата трансубстанции, т.-е., в конечном итоге, известное признание материи и ее законов, было одним из главных положений протестантизма. Это отрицание является идеологическим выражением необходимости для нового класса развивать производительные силы путем научного изучения природы. Оно представлялось столь важным, что санкционировалось даже законодатель-

[1]) См. «N. Copernici Opera». Warszawa 1854. пер. Барановского; Жизнь Коперника—Варташевича. Первое издание вышло в Нюренберге в 1543 г. без предисловия Коперника, с обращением Оссиандера-Госсмана: «К читателю о гипотезах этого труда».

ными актами. Английский парламент издал целый ряд актов (Test Acts) против догмата евхаристии [1]). Эти акты обязывали всех лиц, поступавших на общественную службу, давать подписку против трансубстанции. Актом 1678 года это обязательство было распространено на пэров и членов Палаты общин.

Обвинение в приверженности к догмату трансубстанции было часто равносильно обвинению в кровавом преступлении (blood should). Fox в «Acts and Monuments» [2]) сообщает факт сожжения ремесленного ученика Вильямса Гюнтера (W. Hunter) по постановлению лондонского епископа Боннера (Bonner).

И вот, если картезианское учение было анти-евхаристично, то учение Ньютона, наоборот, заключало в себе элементы, благоприятные для догмата пресуществления, по крайней мере с точки зрения протестантских фанатиков. Мы покажем, что действительная философия Ньютона не очень удалялась от принципов Декарта [3]), но формально Ньютон защищал «пустоту» и выступал против Декарта. Это было вполне достаточно для того, чтобы навлечь на него грозное подозрение. Отсюда об'ясняются многие странные факты из жизни Ньютона. Прежде всего факт отказа Королевского общества от издания «Начал».

Факт упорного отказа Ньютона от второго издания его книги становится более понятным. Одно время Ньютон хотел было исправить свое сочинение в «картезианском духе». Это видно из некоторых мест писем Гюйгенса к Лейбницу [4]).

Но в конце концов переиздание попало все же в руки могущественного Бентли. Каковы были воззрения этого последнего на сущность пространства? Мы видели из его писем к Ньютону, что он стоит на точке зрения «пустоты». Но крупнейшей ошибкой было бы полагать, что «пустота» Бентли—это «пустота» Ньютона.

«Пустота» Ньютона относительна. Это — абсолютное пространство, о котором Ньютон говорит в знаменитой Схолии к определениям в начале «Принципов».

Доказательство реальности пространства Ньютон дал в известном опыте вращения ведра с водой. Единомышленник Ньютона Самуил Кларк точно формулирует Ньютоновское понятие «пустоты» в своем 4 возражении Лейбницу.

«Пустое пространство не является атрибутом без субстанции (attribut sans sujet), потому что под таким пространством мы мыслим не такое, в котором ничего нет, а пространство без обычных тел (espace sans corps).

Подробное исследование сочинений Ньютона показывает, что он свое «пустое пространство» заполнял «имматериальной», т.-е. непохожей на обычную «грубую» материю (dura matter), субстанцией.

[1] Акт Иакова I. Corporation Act 1661 г., Test Acts 1672, 1678 г.г. Эти акты отменялись постепенно в 1829, 1863, 1866 и 1871 годах. В английских университетах религиозная присяга держалась до 1871 года, а в шотландских до 1812 г.

[2]) Стр. 77, изд. 1886 г.

[3]) Это была философия английского неоплатонизма (пантеизма), проповедуемая современниками Ньютона—Кэдвортом и Генрихом Мором, профессорами Кембриджского университета.

[4] Leibnizens Mathematische Schriften, her. von C. I. Gerhardt, Berlin 1849—1850.

Пустота же Бентли — это абсолютная пустота идеалистической философии. Необходимо заметить, что проницательные теологи (а к таковым необходимо в первую голову причислить католических) вообще стоят на умеренной точке зрения. Они чужды как «крайностей» идеализма (полное отрицание об'ективности пространства), так и «крайностей» материализма (пространство — физическое тело).

Но воинственный Бентли был современником епископа Клойнского Джорджа Беркли. Мы видели, что Бентли выступил с новым способом борьбы против атеизма, опираясь не на священные тексты и даже не на обще-философские рассуждения, а на точные данные научного знания. Поэтому ему на-ряду с Беркли должна быть приписана честь изобретения этого нового способа борьбы против науки. Мы говорим нового в относительном смысле. Было время, когда философия почиталась прислужницей теологии. Наконец, наука начала эмансипироваться от этой роли. Теологи начали отделять религию от науки, как область sui generi (особого рода). В деизме и философии Лейбница это отделение нашло свое классическое выражение. Бог не вмешивается в ход вселенской машины; однажды пущенная от «начала времен», она действует в полном совершенстве и без перебоев до «конца веков». Что сам «имматериальный, живой дух» непосредственно действует в точнейшем законе всемирного тяготения, об'ясняющем сложнейшие и тончайшие движения неба и земли до этой гениальной мысли дошел впервые Бентли. Вслед за ним в 1709 г. выступил Беркли со своим знаменитым сочинением «Теория зрения» (Theory of vision), идея которого еще глубже и которое собственно и открывает собой эпоху новой схоластики. В нем Беркли берет прямо быка за рога. Как сокрушить атеизм и материализм? Наука по своему содержанию и тенденциям материалистична и, следовательно, атеистична. Необходимо поэтому сокрушить самую материю, показать, что это понятие лишено об'ективного основания. Для достижения этой цели исследование самого познания, правильно поставленное, дает действительнейшее орудие, оружие против материализма и атеизма. И так как существеннейшая составная часть человеческого познания, это — понятие пространства, то Беркли своей «теорией зрения» направляет первый удар в эту сторону. Но эта атака ведется по новому способу. Беркли не пускается в абстрактные рассуждения, а строит научную теорию зрительного восприятия.

Подготовив таким образом почву, он в «Трактате о началах человеческого познания» («Treatise on the principles of human knowledge», 1710) переходит в решительное наступление против абсолютного пространства Ньютона и абсолютной материи.

И если у Бентли «имматериальный живой дух» управляет движением планет, то у Беркли он управляет всеми восприятиями и образует то «постоянство ощущений», которое невежественный человек называет материей и полагает независимой реальностью [1]).

---

[1]) Обращаем внимание читателя на то, что современный смысл слова «имматериальный», совпадающий со смыслом Бентли-Беркли, совершенно не совпадает со старым смыслом этого слова. Чтобы отчетливо уяснить это, приведу отрывок из книги «Зеркало Алхимии» Рожера Бэкона: «Если бы мы выбрали один из семи духов или спиритов (Spiriti), каковы: простая ртуть, про-

Таким образом, не может быть сомнения в том, что «пустота» Бентли не что иное, как пространство Беркли. Что это так, видно из изменений, сделанных под давлением Котса, в первоначальном тексте «Начал».

Изменения в тексте III книги „Начал".

Прежде всего выброшены 9 основных гипотез и заменены 3 правилами философствования (Regulae philosophandi).

Первое правило философствования Бентли-Котса тождественно с первой гипотезой Ньютона, но прибавлены слова: «по этому поводу утверждают философы, что природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим».

Смысл этого дополнения ясен. Оно значительно смягчает категоричность первого текста.

3-я фундаментальная гипотеза Ньютона вычеркивается и заменяется следующим правилом: «Такие свойства тел, которые не могут быть ни усиляемы, ни ослабляемы и которые оказываются присущими всем телам, над которыми возможно произвести испытания, должны быть почитаемы за свойства тел вообще». Замечательное правило философствования. Оно возвращает науку даже не к воззрениям алхимиков, а к самому зловредному перипатетизму «субстанциональных форм», тормозу всякого знания, по собственному выражению Ньютона.

К счастью, Ньютон не оставил этого правила в неоп[р]еделенном виде, а пояснил его длинным примечанием, которое, собственно говоря, отчасти возвращает его к первоначальному смыслу. Ньютон перечисляет основные свойства тел.

стой сульфур, полусернистая ртуть, живая сера, орпимент, аурипигмент, реальгар, то мы не могли бы их усовершенствовать, потому что природа совершенствует только определенную смесь обоих принципов». Spiritus Ньютона имеет тот же характер, это—протяженное активное начало в противоположность пассивной dura matter. Ньютон, как известно, усиленно занимался алхимией и всякий, хоть немного знакомый с этим учением, легко поймет соотношение между спиритусом Ньютона и философским камнем, магистром философов, Spiritus Rector алхимиков. Более того идея об «имматериальность», как о непротяженном, высказанная Декартом, получила свое распространение лишь в новое время. Это отмечают Лекки («История рационализма»), Льюис («История философии») и др. исследователи. Лекки справедливо говорит, что «чрезвычайная тонкость вещества и составляла его имматериальность» по мнению древних (т. I, стр. 264). Галлам («Hist of Litt») говорит: «Отцы церкви, быть может, исключая одного только Августина, принимали телесность мыслящей субстанции». То же самое отмечает Мосгейм в примечании к «Intellectual System» Кэдворта, сослуживца Ньютона, который, вместе с Г. Мором, имел большое влияние на взгляды Ньютона. Мосгейм пишет: «Они (отцы церкви) часто нападают на платоников и резко обвиняют их за то мнение, что душа имеет чрезвычайно простую природу и не имеет никакой протяженной конкретности». Очень легко понять основы этого учения о душе, если вспомнить, что оно было сопряжено с учением об адском,—огнеучением, приносившим большие финансовые выгоды церкви. Конечно, Ньютон, подобно неоплатоникам, признавал также Mens (ум), но его спиритус—это был протяженный «формирующий посредник» оккультизма, который переводчики (не все) правильно переводят современным словом эфир (см. пер. «Начал» А. Крылова). Подробности в нашей статье «Схоластический эмпиризм» («П. Зн. М.» № 8—9 за 1924 г.)

В тексте 1713 г. это были: во-первых, «протяженность, твердость, непроницаемость, подвижность и инерция», во-вторых — атомность, в-третьих—тяготение.

Относительно атомности Ньютон замечает: «Мы знаем по совершающимся явлениям, что делимые, но смежные части тел могут быть разлучены друг от друга, из математики же следует, что в неразделимых частицах могут быть мысленно различаемы эти различные частицы, до сих пор не разделенные, быть разделены и разлучены друг от друга силами природы. Но если бы, хотя бы единственным опытом, было установлено, что некоторая неделимая частица при разломе твердого и крепкого тела подвергается делению, то в силу этого правила мы бы заключили, что не только делимые части разлучаемы, но что и неделимые могут быть делимы до бесконечности, и действительно разлучены друг от друга»[1]).

Это условное наклонение уничтожает твердую основу всего здания «Начал». Все определения Ньютона, все теоремы движений, доказательства закона тяготения построены на понятии атома. Без этого понятия закон тяготения только «guess»—догадка, по выражению Ньютона в цитированном письме к Галлею. Подвергая сомнению атомизм материи, Ньютон подвергает сомнению всю свою теорию и те заслуги, которые он приписывал себе по сравнению со своими предшественниками. Относительно тяготения Ньютон выражается так: «Всеобщее тяготение подтверждается явлениями даже сильнее, нежели непроницаемость тел, для которой по отношению к телам небесным мы не имеем никакого опыта и никакого наблюдения».

Мы видели, что в письме к Бентли Ньютон просит последнего не приписывать ему, Ньютону, такой бессмыслицы, как действие на расстоянии, т.-е. тяготения, как общего свойства тел. Каким же образом тяготение попало в число общих свойств? Дело в том, что Ньютон находился в большом затруднении. Написать в «Математических Началах натуральной философии», что сам «имматериальный живой дух» вызывает явление тяготения, он, конечно, ни в коем случае не мог. Будучи без сомнения человеком религиозным (с уклоном к пантеизму), Ньютон был слишком великим мыслителем, чтобы верить в церковные догматы и чудеса[2]). Изложить свою действительную точку зрения он также не мог, вследствие давления Бентли[3]), а потому решил оставить вопрос в неопределенном положении. В третьем, однако, издании (1726) он эту неопределенность устранил, прибавив следующие слова: «Однако я отнюдь не утверждаю, что тяготение существенно для тел. Под врожденной силой я разумею един-

---

[1]) Перевод А. Крылова, «Начала», стр. 451. Это место может быть также истолковано, как диалектическое понимание атома. Но такое понимание не уничтожает, конечно, самого понятия.

[2]) Как видно из его «Historical Account of two Notable Corruption of the Scriptures in a Letter to a Friend», опубликованного в Голландии Общиной Ремонстрантов, Ньютон склонялся к социнианству.

[3]) Он ее, впрочем, высказал в цитированном выше общем положении: «причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений». Это—чисто отрицательное суждение. Положительная гипотеза Ньютона заключалась в так называемом «спиритусе» неоплатонической оккультной философии, который сильно напоминает первую материю Декарта.

ственно только силу инерции. Она неизменна. Тяжесть при удалении от земли уменьшается».

Остальные 6 гипотез Ньютона вставлены в текст под названием «Явлений» (Phoenomenis). Нет необходимости об'яснять, что это полное искажение смысла «Начал»,—полное противоречие с содержанием сочинения. Явление—это то, что несомненно и очевидно, а Ньютон ведь указывал, что Кеплеровы эллипсы—это только догадки, и против закона квадратов имеются столь серьезные возражения, что без того, что он, Ньютон, сделал (т.-е. без теории, построенной на атомистической гипотезе) ни один здравомыслящий философ не может поверить в его истинность. Впрочем, Бентли-Котсу не удалось совершенно изгнать гипотезы из «Начал». В самом деле, если обращение планет—это явление, то как назвать неподвижность центра системы мира, которую утверждает четвертая гипотеза? Эта последняя, изгнанная из одного места, появилась в другом под названием «первой гипотезы» [1]).

Наконец, в 3-м издании «Начал» Ньютон прибавил 4-ое правило философствования: «В опытной физике предположения (гипотезы!), выведенные из совершающихся явлений помощью наведения, несмотря на возможность противных им гипотез, должны быть почитаемы за верные или в точности или приближенно, пока не обнаружатся такие явления, которыми они еще более уточняются, или окажутся подтвержденными исключениями. Так должно поступать, чтобы доводы наведения не уничтожались гипотезами.

Для того, чтобы как следует понять формулировку этого правила, необходимо сопоставить ее со следующей характеристикой научного метода (Оптика, 31 вопрос): «Как в математике, так и при испытании природы, при исследовании трудных вопросов аналитический метод должен предшествовать синтетическому. Этот анализ заключается в том, что из экспериментов и наблюдений посредством индукции выводят общие заключения и не допускают против них никаких возражений, которые не исходили бы из опытов или других надежных истин. Ибо гипотезы не рассматриваются в экспериментальной философии.

Хотя полученные посредством индукции из экспериментов и наблюдений результаты не могут еще служить доказательством всеобщих заключений, все же это наилучший путь делать заключения, который допускает природа вещей». Если к этим отрывкам прибавить вышецитированный из Общего Поучения, в котором Ньютон говорит, что он «не измышляет гипотез», то ясно будет, что под «гипотезами» Ньютон подразумевал фантастические предположения, лишенные всякого опытного основания. Таких гипотез, действительно, измышлять не следует. Против этого не будет спорить ни один здравомыслящий человек. Но некоторые мыслители превратили Ньютоново «hypotheses non fingo» в оружие борьбы против всяких гипотез. Кто же, однако, посмеет утверждать, что атомистическая и эфирная гипотезы не имеют никакого основания в опыте? Из этих же отрывков видно, что Ньютон великолепно понимал проблему неполной индукции. На основании единичных наблюдений человек образует понятие закона, т.-е.

[1]) А. Крылов (стр. 472) переводит «Предположение I».

правила, охватывающего совокупность явлений. Но на каком основании делается подобное заключение? На основании гипотезы естественной закономерности. Без такой гипотезы невозможна наука, ибо не существует и не может быть науки об абсолютном хаосе. Если теория вероятностей и статическая механика изучают хаос, то потому только, что этот хаос относителен.

4-е правило выражает также историческую относительность нашего мышления. Мы познаем закономерность природы, но не сразу, а путем постепенного овладевания частями истины.

Перейдем, однако, к более строгому доказательству вышеизложенного, в частности, к доказательству смысла слова гипотеза в последних сочинениях Ньютона.

В письме 19-ом от 13 сентября 1710 г. Ньютон сообщает Котсу о посылке «ближайшей части» «Начал», именно от 1-го следствия XXXIII предложения до XXIV предложения третьей книги [1]), а в письме 28-м от 19 июля 1711 г. Котс отвечает, что он получил через Бентли остальную часть до Предложения XLII, которым заканчивалось первое издание.

В письмах 19—25 мы не находим прямых указаний на обсуждение первоначальных гипотез Ньютона, но между 22-м письмом Ньютона и 23-м имеется пустой промежуток, около 5 месяцев (27 октября 1710 г. по 24 марта 1710—11 г.); далее, между 23 и 24 письмом опять идет пустой промежуток около 2-х месяцев (24 марта—7 июня), при чем в письме 24-м Ньютон говорит: «Ваше письмо от 4-го июня я недавно получил. Благодарю вас за него, я рад, что вы получили то, что д-р Бентли послал вам и что вы считаете затруднения устранимыми, кроме указанного в вашем замечании относительно способа изложения 37 предложения».

Таким образом, в семимесячный промежуток происходила переписка, а имя Бентли прямо указывает, что, возможно, имело место обсуждение 9 гипотез, в которых Котс усмотрел «затруднения».

Куда девались эти важные письма? На это дает ответ 25 письмо: у Эдельстона (стр. 41) приведен только конец этого письма, так как самое письмо вместе с другими находится в руках графов Портсмутских. Эдельстон сообщает: «Horsley видел некоторые подлинные письма Котса в Портсмутской коллекции, в том числе и это от 9 июня. В примечании к 3-му предложению он говорит (II, 404): «Это доказательство всецело принадлежит Котсу».

В письме Котса от 23 июня обсуждается 48 предложение III книги; в следующем письме от 19 июля опять фигурирует Бентли в качестве передатчика рукописи последней части III книги. Письмо Ньютона от 28 июля заканчивается словами: «Относительно III книги я напишу вам в ближайшем». Однако проходит полгода (до 2 февраля 1711—12 г.), и Ньютон ничего не пишет. Письмо от 2 февраля чрезвычайно важно, так как оно прямо касается начала III книги.

Ньютон начинает письмо следующими словами: «У меня долго не было досуга для преодоления затруднений, которые приостановили печатание на некоторое время, но я надеюсь,

---

[1]) Эдельстон, стр. 33.

что оно долго стоять не будет, так как я думаю, что теперь у меня будет время устранить все остальные ваши сомнения, касающиеся III книги, если вы соблаговолите их прислать мне.

В конце письма имеется фраза: «Вы настаиваете на затруднении в 3-м предложении третьей книги». Эта фраза доказывает, что обсуждалось начало книги и, следовательно, содержание и форма 9 Ньютоновых гипотез. Последнее предположение подтверждается письмом Котса от 16 февраля. Оно касается 3 Ньютоновой гипотезы. Эта гипотеза связана со следствиями 6 предложения третьей книги.

Предложение это гласит:

«Все тела тяготеют в каждой отдельной планете и веса тел на всякой планете, при одинаковых расстояниях от ее центра, пропорциональны массам этих планет». В издании 1687 г. к этой теореме прибавлены три следствия.

1. Следовательно, вес тел не зависит от формы их, ибо, если бы он мог изменяться вместе с формой, то он был бы больше или меньше при разной форме и равной массе, что совершенно противоречит опыту.

2. Все тела вообще, находящиеся около земли, тяготеют к земле и веса всех тел, равноудаленных от центра земли, пропорциональны их массам. Если бы эфир или какое-либо другое тело или совершенно был бы лишен тяжести, или же тяготел менее, нежели соответствует его массе, тогда, не отличаясь от других тел ничем, разве только формою материи, он мог бы изменением формы быть постепенно переведен в тело таких же свойств, как и те, которые тяготеют в точности пропорционально своим массам (согласно гипотезе 3), и, наоборот, вполне тяжелые тела при постепенном изменении формы тогда могли бы постепенно утрачивать свой вес. И, следовательно, веса тел зависели бы от формы их в противность доказанному в предыдущем следствии.

Следствие 3. Таким образом, необходимо должна существовать пустота (Itaque vacuum necessario datur). Ибо если бы все пространства были равно заполнены, то удельный вес жидкости, заполняющей область воздуха, вследствие весьма большой плотности материи, не уступал бы удельному весу ртути или золота, или же какого иного самого плотного тела, и поэтому ни золото, ни какое-либо иное тело не могло бы падать в воздухе. Ибо если тела не имеют большего удельного веса, то они совершенно не опускаются вниз в жидкости». Вот это именно «Itaque vacuum necessario datur» вызвало упорные возражения Котса. Эти возражения в высшей степени замечательны. Из гипотез Ньютона и из цитированных следствий совершенно ясно, что пустота Ньютона это абсолютное пространство, заполненное атомами обычной материи. Благодаря такому воззрению сделались возможны Ньютоновы определения 1) массы, как количества материи, 2) количества движения, как произведения массы на скорость, 3) силы, как приращения количества движения в секунду.

И вот Котс пишет:

«Предположим, что у нас имеются два шара A и B одинакового об'ема, совершенно заполненные материей, без промежутков пустого пространства; я хочу спросить — возможно ли, чтобы бог дал различные силы инерции этим шарам? Я думаю, что нельзя утверждать, что они обязательно должны иметь те

же самые или равные силы инерции. А вы постоянно в вашей философии оценивали, и я думаю совершенно правильно, количество материи, при помощи сил инерции [1]), в частности, в этом 6 предложении, в котором строго доказано, что тяжесть всех тел пропорциональна их силам инерции. И возможно тогда, что одинаковые пространства, занимаемые шарами A и B совершенно заполнены материей без пустых промежутков, но количество материи в каждом пространстве не одно и то же. Поэтому, когда вы определяете или утверждаете, что количество материи пропорционально силам инерции, вы не можете в то же самое время определять или утверждать, что оно пропорционально пространству, которое может быть совершенно заполнено без пустых промежутков, если только вы не будете считать невозможным, чтобы оба шара A и B имели различные силы инерции. Однако, в 3-м следствии, вы одновременно утверждаете эти две вещи». Если бы мы не знали, что это написал Роджер Котс, то можно было подумать, что это сделал Эрнст Мах. Маховская критика Ньютоновского понятия массы представляет собой повторение мысли Котса. С точки зрения философии чистого описания нет ничего невозможного в том, что одинаковые об'емы материи имеют различные количества вещества. Котс и Мах в известном смысле правы: одинаковые об'емы вещества могут обладать весьма различными силами инерции и, следовательно, массами. Но отождествление массы и количества вещества, допустимое с точки зрения Ньютоновых принципов, совершенно недопустимо в Котсово-Маховской интерпретации. Количество вещества в равных об'емах абсолютно равно, хотя силы инерции и массы могут быть неравны. Картезианизм формально повторяет мысль Котса-Маха, но его критика исходит из совершенно иных принципов, — принципов настолько же ясных и отчетливых, насколько принципы философии чистого описания смутны и способны породить только путаницу в незрелых умах. Действительно, философия чистого описания только констатирует известный факт, что «коэффициент, называемый массой», не может быть априори определен, как постоянный. Опыт последних лет этот факт подтвердил. Но для этой философии масса эта—какой-то загадочный «математический коэффициент», между тем, как картезианская физика стремится об'яснить природу физической реальности, которая скрывается под этим коэффициентом, т.-е. дать рациональную теорию массы. Поэтому точка зрения Ньютона, хотя и противоречит более строгой теории [2]), но как первый шаг к этой теории превосходит, благодаря своей рациональной ясности, формально правильную теорию чистого описания. И попытка Котса отклонить Ньютона от рационального пути является попыткой реакционной, несмотря на известную правоту его критики.

Ньютон в письме от 19/II 1711—12 г. отвечает Котсу: «Чтобы предупредить замечание, которое вы делаете против 3-го

---

[1]) Неверно! Ньютон при определении количества материи исходил из представления количества однородных атомов в данном об'еме. Котс переворачивает здесь вверх ногами метод Ньютона.

[2]) Как видно из определения 1-го «Начал», сам Ньютон прекрасно понимал, что его механика абстрагирует эфир, т.-е. более сложное понятие массы упрощается на основании опыта Галилея.

следствия 6 предложения третьей книги, вы можете прибавить на конце следующие слова: это произойдет так, как если бы только материя была пропорциональна своей тяжести и сверх того непроницаема, именно: всегда той же плотности в наполненных пространствах.

Этот ответ не удовлетворил, однако, Котса. Он указывает (письмо 27): «Под материей вы понимаете количество материи, а это количество вы всегда определяли посредством силы инерции, и потому необходимо предположить, что и в этом месте вы ее так определили, —следовательно, если материя берется здесь в этом смысле, замечание не устраняется».

Котс предлагает свою редакцию:

«Это произойдет так, как если бы только величина или протяжение материи в наполненных пространствах были всегда пропорциональны количеству материи и силе инерции, а именно силе тяжести: ибо этим предложением установлено, что сила инерции и количество материи таковы же, как ее тяжесть».

Ньютон, однако, не соглашается. Он пишет (письмо 38): «Чтобы предупредить придирки (the cavils) тех, которые готовы допустить два или более сортов материи[1]. Вы можете прибавить следующие слова к концу следствия: «Что сила инерции пропорциональна тяжести тела, установлено опытом над маятниками». «Сила инерции происходит от количества материи, т.-е. такова, как ее масса. Тело сжимается благодаря сокращению пор и, лишенное пор (вследствие непроницаемости материи) больше сжиматься не может, т.-е. в наполненных пространствах таково же, как величина пространства. С допущением этих трех принципов, следствие имеет силу». Из этих слов Ньютона мы видим, что он упорно отстаивает свою первоначальную основную гипотезу. Иначе быть и не могло, потому что все здание Ньютоновской физики было возведено на этом фундаменте. Физика Ньютона невозможна, как чистое описание, а предполагает атомную гипотезу. На основании понятия атома дается определение основных понятий, рассматриваются силы, действующие при тех или иных орбитах и доказывается закон всемирного тяготения, так что эллипсы Кеплера из «догадки» превращаются в строгую научную истину. Но Котс, конечно, неудовлетворен увертками Ньютона. В письме от 28/II 1711—12 г. (39-м) он снова возражает: «Я рассмотрел ваше новое прибавление к 3 следствию XI предложения третьей книги, но я не удовлетворен еще относительно затруднения до тех пор, пока вы не соизволите прибавить, что это верно, при том допущении, что первородные (Primgenial) частицы, из которых, можно предположить, мир был создан (относительно чего вы подробно рассуждаете в прибавлениях к вашей оптике, стр. 343 и следующ.), все были созданы одинаково плотными[2]), т.-е. (как я охотнее сказал бы) имели ту же самую силу инерции в отношении их действительной величины или протяжения в наполненном пространстве».

Я называю это допущением (concession), потому что я не вижу, каким образом это может быть с достоверностью дока-

[1]) Эти слова прекрасно уясняют истинный смысл критики Котса.

[2]) Это и есть основная гипотеза Ньютона, выведенная, однако, не при помощи бога, а из опыта падения тел.

зано—ни априори голым рассуждением из природы вещей, ни как следствие опытов (а опыт Галилея!).

Я не уверен, допускаете ли вы сами возможность противного. Ваши слова как будто выражают такое мнение: 347 lin: 5 Optic («forte etiam et diversis densitatibus diversisque viribus»).

Био по поводу слова «consession» делает следующее характерное замечание[1]): «Il n'ose dire d'hypothèse» (он [т.-е. Котс] не осмеливается сказать «гипотезу»). Действительно, вычеркнуть из науки слово гипотеза вполне возможно, но удалить из нее самую гипотезу абсолютно невозможно. Ньютон отказался от слова, но отказаться от гипотезы он не мог, так как это подрывало основы его учения. Подчиняясь железной настойчивости Бентли-Котса, он в конце концов предложил следующую двусмысленную редакцию[2]):

«Следствие 2. Все тела, вообще находящиеся около земли, тяготеют к земле и веса всех тел, равноудаленных от центра земли, пропорциональны их массам. Это свойство принадлежит всем телам, над которыми можно производить испытания, поэтому по правилу III его должно приписать всем телам вообще. Если бы эфир, или какое-либо тело, совершенно был бы лишен тяжести, или же тяготел бы менее, нежели соответственно его массе, тогда (согласно Аристотелю, Декарту и другим), не отличаясь от других тел ничем, разве только формой материи, он мог бы изменением формы быть постепенно переведен в тело таких же свойств, как и те, которые тяготеют в точности пропорционально своим массам, и, наоборот, вполне тяжелые тела при постепенном изменении формы тогда могли бы постепенно утрачивать свой вес и, следовательно, веса тел зависели бы от формы их, в противность доказанному в предыдущем следствии».

В первоначальной редакции тяжесть не была существенным свойством тел.

В издании 1726 года Ньютон отметил это, оставив протяженность, движение и силу инерции. Здесь же фигурирует то, что в письме к Бентли Ньютон называет «бессмыслицей». Названная 3 гипотеза появилась здесь в той же форме, но без ссылки на 3 гипотезу с прибавлением слов «согласно Аристотелю, Декарту и другим».

Третье следствие изложено так:

«Не все пространства заполнены в равной мере. Ибо, если бы все пространства были равно заполнены, то удельный вес жидкости, заполняющей область воздуха, вследствие весьма большой плотности материи, не уступал бы удельному весу ртути или золота, или же какого иного самого плотного тела, и поэтому ни золото, ни какое-либо иное тело не могло бы падать в воздухе, так как тела совершенно не опускаются вниз в жидкости, если только они не большего удельного веса. Если же количество вещества, заключающееся в данном про-

---

[1]) I. d. S., 1852, апрель.

[2]) «Начала», стр. 463.

странстве, может быть уменьшаемо помощью какого-либо разрежения, то почему бы оно не могло быть уменьшаемо и до бесконечности?»

Прибавлены следствия 4 и 5:

Следствие 4: «Если все прочные частицы всех тел одной и той же плотности и, как не обладающие порами, не могут разряжаться, то пустота существует. Я называю одинаковой плотности такие тела, для которых силы инерции пропорциональны об'ему».

Следствие пятое указывает на отличие силы тяжести от магнитной силы. Мы видим, что прежнее категорическое: «Itaque vacuum necessario datur» заменено условным четвертым следствием и этим смягчена опасность «придирок» лиц, готовых допустить несколько сортов материй. Редакция «Начал» изменена в ущерб ясности, но в угоду сторонникам философии чистого описания [1]).

Но Бентли-Котс этим не удовлетворились. Они сделали попытку внести такую «редакционную поправку», которая опрокидывала все здание «Математических Начал натуральной философии». Несмотря на всю свою кротость, Ньютон не согласился заклать собственными руками на алтаре церковной теологии детище своих многолетних трудов и размышлений. Он дал твердый отпор, и в результате этой попытки получился разрыв между ним и Котсом, разрыв, который, по словам Био, помешал исполнить Ньютону даже формальный долг вежливости: Ньютон ни единым словом не упоминает Котса в кратком предисловии ко второму изданию и не благодарит этого ревностного помощника Бентли за его кропотливый труд по исправлению «Начал». В этом инциденте виноват, собственно говоря, главный редактор—Ричард Бентли. Котс все же был человеком науки, и если он решился на предложение, о котором речь будет ниже, то без сомнения по требованию Бентли.

Изложим, однако, события в хронологическом порядке.

2 марта 1712—13 года Ньютон пишет:

«Прилагаю Поучение, которое я обещал послать вам, чтобы оно было прибавлено к концу книги. Я намеревался сказать гораздо более о притяжении малых тел, но, после некоторых размышлений, решил прибавить только краткий параграф относительно этой части физики. Это поучение заканчивает книгу».

Речь идет о знаменитом Поучении, вставленном на конце 2 издания. Что в его составлении и редактировании принимал

---

[1]) Эта борьба Бентли-Котса против «пустоты» доказывает наше предположение относительно связи этого вопроса с догматом евхаристии. Об этом же говорит появившаяся в тексте ссылка на Аристотеля и Декарта. Не следует, однако, впадать в крупнейшую ошибку, смешивая пространство Бентли-Котса с пространством Декарта. Пространство Бентли-Котса—это пространство Лейбница. Вот почему, несмотря на разгар борьбы между Ньютоном и Лейбницем, Котс в своем предисловии, хотя и вступает в защиту «пустоты» против воззрений Декрета Лейбница (ср. эту защиту с борьбой того же Котса против пустоты!), обходит молчанием имя Лейбница и вопрос о приоритете изобретения дифференциального исчисления. Из этих фактов совершенно очевидно, к какому понятию пространства стремились Бентли-Котс. Эти теологи придерживались «компромиссной», по существу идеалистической, концепции, что было отмечено нами выше при характеристике воззрений Бентли.

участие Бентли—это видно из непосредственно следующего письма, которое написано совместно Ньютоном и Бентли 5 марта.

«Сэр, почтой последнего вторника я послал вам последний лист «Начал» и уведомил вас, что гравюра кометы 1680 года послана к напечатанию. Но мы забыли страницу, на которой она должна быть вставлена. Я думаю, что это стр. 462 и 463. Прошу вас, пришлите мне номер страницы для того, чтобы выгравировать его и указать переплетчику, куда помещать гравюру.

Остаюсь вашим покорнейшим слугою

Ис. Ньютон».

Лондон, 5 марта 1712 13 г.

«Я получил позволение сэра Исаака напомнить вам о том, о чем я с вами говорил, об индексе и предисловии от вашего собственного имени; если вы соблаговолите приготовить их к печати к моменту моего возвращения в Кембридж, Вы обяжете

Вашего Р. Бентли».

Это письмо очень ясно рисует весь механизм редакционной машины. Властной рукой Бентли направляет ее ход и дает своему помощнику Котсу необходимые директивы в ответственные моменты.

В своем ответе Котс попытался отказаться от предисловия, при чем он пишет следующую в высшей степени характерную фразу [1]): «Я полагаю, что будет гораздо более уместным, чтобы вы или он или вы оба написали это предисловие, в то время, когда вы в городе».

«Вы оба»—какой трогательный союз Ньютона, философа, математика и физика, с доктором богословия Р. Бентли! В ответном 79 письме Бентли настаивает на том, чтобы Котс писал предисловие.

«Что касается содержания предисловия,—говорит он,—вы знаете, что оно должно давать отчет: во-первых, о самом произведении, во-вторых, о сделанных в новом издании улучшениях; и тогда вы имеете согласие сэра Исаака относительно контроверзы о приоритете изобретения. Вы сами мастер в таких вопросах и нет необходимости давать вам намеки».

Совершенно верно. Котс не нуждался в особых указаниях и был мастером своего дела. В следующем письме он приступает к главной атаке, которая в конце концов сорвалась и привела к разрыву между ним и долготерпеливым Ньютоном.

Речь шла ни более и ни менее, как о полном уничтожении закона всемирного тяготения и о проведении в «Начала» основной мысли проповедей Бентли о том, что «имматериальный живой дух» управляет движениями планет.

В самом деле, закон всемирного тяготения есть закон физический. Ньютон не нашел, правда, об'яснения механизма действия тяготения, но он ни на секунду не сомневался и не мог сомневаться в том, что движениями планет управляет физи-

---

[1]) Письмо XXVIII от 10 марта.

ческий закон [1]). И так как во всей области физических явлений имеет силу третий механический закон действия и противодействия (Lex III), следовательно, тяготение взаимное: силы, с которыми притягиваются два тела, взаимно равны и противоположны. Но если движением планет управляет не физический закон, а «имматериальный живой дух», то спрашивается, на каком основании и с какой целью этот дух будет толкать оба тела с одинаковой силой? Это противоречит божественной экономии и философии чистого описания. Ведь руке духа достаточно толкать лишь одно тело. Вот такое именно возражение и было выставлено Котсом.

Следствие первое предложения 5 [2]) гласит:

«Следовательно, тяготение существует во всех планетах, ибо никто не сомневается, что Венера, Меркурий и прочие планеты суть тела такого же рода, как Юпитер и Сатурн. А так как всякое притяжение по третьему закону движения всегда взаимное, то Юпитер тяготеет ко всем своим спутникам, Сатурн к своим, Земля к луне, Солнце ко всем главным планетам».

Котс говорит (письмо 80): «В первом следствии 5-го предложения я встречаю затруднение». Он приводит формулировку этого следствия и замечает: «Я убежден, что они (т.-е. слова следствия) тогда верны, когда притяжение понимается в буквальном смысле (the Attraction may properly be so colled), иначе они могут быть ложны».

Котс поясняет свои слова следующим замечательным примером: «Предположим, что у нас имеются два шара *A* и *B*, помещенные на столе на известном расстоянии друг от друга, и что в то время, когда шар *A* остается в покое, шар *B* приводится в движение невидимой Рукой [3]) по направлению к шару *A*. Наблюдатель, наблюдающий это движение, но не причину его, скажет, что шар *B*, конечно, стремится к центру шара *A*, и, следовательно, он может назвать силу невидимой руки центробежной силой *B* и притяжением *A*, так как эффект оказывается таким, как будто он в самом деле проистекает от собственного и действительного притяжения, исходящего от *A*. Но тогда, я полагаю, он не может заключить на основании этой аксиомы (Attractio omnis mutua est—всякое притяжение взаимно) в противность своему чувству и наблюдению, что шар *A* должен также двигаться по направлению к шару *B* и встретить его в общем центре тяжести обоих тел».

Котс железно последователен. Философия чистого описания, наука без гипотез не имеет права утверждать взаимность притяжения. И если Ньютон вычеркнул свои гипотезы, то он должен вычеркнуть закон взаимного тяготения. Котс наносит этот сокрушительный логический удар автору Hypotheses non fingo.

«До тех пор,—говорит Котс,—пока это возражение не будет выяснено, я не возьмусь отвечать кому бы то ни было, кто станет утверждать, что вы делаете гипотезы (that Jou do Hypothesim fingere). Именно, когда вы как будто молчаливо предпола-

[1]) Мы подчеркиваем слово физический, ибо согласно Ньютону механика—наука о движении инертной материи (dura matter),—физика же изучает сверх того то, что мы называем эфиром.

[2]) «Начала», стр. 460.

[3]) В тексте слово «Hand» так и написано через большую букву.

гаете, что притягательная сила пребывает в центральном теле». Это замечание попало Ньютону не в бровь, а в глаз. Его лозунг «Hypotheses non fingo», которым он стремился угодить «наглой и сутяжной даме-философии», чтобы обеспечить себе мир и тишину, был обращен против него, против дела и славы всей его жизни и угрожал разрушить все здание Ньютоновой физики.

В лице Котса философия чистого описания впервые повела крупную атаку на основы действительного научного метода, и Мах в своей критике Ньютона повторяет, собственно говоря, аргументы Котса.

На предложение Котса исправить «Начала» и это исправление поместить в виде примечания к «Таблице ошибок» (Errata Table)!—Ньютон ответил категорическим отказом. Обоснование этого отказа в высшей степени замечательно. Оно показывает с полной несомненностью, что собственно хотел сказать Ньютон своим лозунгом Hypotheses non fingo.

«Затруднение [1]), которое вы усматриваете в этих словах (Et cum Attractio omnis mutua sit), устраняется соображением, что, как в геометрии слово гипотеза не берется в таком широком смысле, чтобы включать аксиомы и постулаты, так и в экспериментальной философии оно не имеет такого широкого смысла, чтобы включать первые принципы и аксиомы, которые я называю законами движения. Эти принципы выводятся из явлений и обобщаются посредством индукции: что является высочайшей очевидностью, которую только может иметь предложение в философии. И слово гипотеза здесь употреблено мною для того, чтобы обозначить только такое предложение, которое не выражает явления, не выводится из него, но утверждается и предполагается без экспериментального доказательства».

В 82 и последнем письме Ньютон еще раз категорически повторяет те же мысли [2]). Он дает то краткое предисловие, которое появилось во втором издании, и заканчивает письмо следующими словами:

«Если вы напишете какое-либо предисловие сверх того, то я не должен его видеть, так как я нахожу, что меня потребуют к ответу за него».

Ньютон отказался просмотреть предисловие Котса. Оно просматривалось С. Кларком, который внес некоторые поправки. По поводу этих поправок Котс написал письмо Кларку (письмо 83), в котором он оправдывается от подозрения в том, что считает тяготение существенным свойством тел. Мы видели, действительно, что точка зрения Котса—это точка зрения чистого описания, которая покрывает «имматериальный живой дух» Ричарда Бентли.

---

[1]) Письмо 81, стр. 154.

[2]) Эти возражения Ньютона бьют мимо, если не признать, что тяготение имеет физико-механическую причину, ибо Котс совершенно не отрицал 3-го закона Ньютона. Он вполне последовательно говорил: если тяготение не имеет физико-механической причины, то к нему не применим 3-й закон. Иначе говоря, Ньютон своим возражением доказывает, что он считал тяготение подчиненным общим законам материи.

Теперь один вопрос: почему Ньютон не сделал в 3 издании своей книги (1726) таких изменений, которые согласовали бы ее с духом первого издания, почему, например, он не заменил правил философствования первоначальными гипотезами? На это необходимо ответить так: если бы даже он хотел это сделать, он не сумел бы. Изданием распоряжался опять-таки не Ньютон, а доктор Анри Пембертон.

Между Пембертоном и Ньютоном имела место переписка по поводу издания [1]). И вот письма именно Ньютона опять куда-то «пропали» [2]). Часть же писем Пембертона сохранилась. Брьюстер сообщает, что эти последние находятся у преподобного Jeffery Ekins. К сожалению, он не приводит их текста, ограничиваясь списком изменений и прибавлений, сделанных в третьем издании «Начал», списком, составленным на основании этих писем. Из этого списка ясно, что и Пембертон позволял себе самостоятельные поправки. Мы уже упоминали о том, что Ньютон обещал Галлею восстановить текст его «Посвящения». Это не было исполнено. В разговоре, приведенном у Брьюстера [3]), Ньютон ссылается на Пембертона.

Кроме того, Ньютон был болен и находился накануне смерти (он умер в следующем 1727 г.)—ясно, что он абсолютно не был способен к какой бы то ни было борьбе. Можно лишь удивляться тому, что д-р Пембертон не последовал примеру Оссиандера и при помощи Бентли (который был еще жив) не сочинил от имени умиравшего Ньютона какого-нибудь «Предисловия», «исправив» вместе с тем более основательным образом «Математические Начала натуральной философии».

Заметим в заключение, что самое любопытное во всей этой истории—это не поведение Ньютона, Бентли и Котса, а поведение сословия ученых в течение свыше трех столетий со времени опубликования первого издания «Начал». Это поведение можно кратко характеризовать словами: «заговор молчания» и даже — «прямая ложь», ибо некоторые представители ученого мира позволили себе таковую в целях борьбы против гипотез в науке. Чтобы не быть голословным, приведем один характерный образец. Глава школы чистого описания Эрнст Мах был крайне, конечно, заинтересован в том, чтобы превратить Ньютона в «философа выдающегося значения», т.-е. махиста. В своей знаменитой «Механике» Мах уделяет поэтому очень много места разбору принципов Ньютоновой физики. В §§ 5 и 6 [4]) Мах буквально пишет:

«Когда мы перелистываем его (Ньютона) сочинение «Philos. natur. princ. mathem.», 1687, нам сейчас же бросаются в глаза следующие основные пункты, представляющие шаг вперед сравнительно с воззрениями Галилея и Гюйгенса:

1. Обобщение понятия силы.
2. Установление понятия массы.

---

[1]) N. Pemberton, View of Sir Isaac Newton's Philosophy, предисловие.
[2]) Брьюстер, т. II, стр. 381.
[3]) См. Appendix.
[4]) Механика, русский перевод Г. Котляра, 1909 г., стр. 161.

3. Ясная и общая формулировка правила параллелограмма сил.

4. Установление принципа равенства действия и противодействия.

Относительно первого пункта нам остается мало прибавить к сказанному уже. Ньютон рассматривает все определяющие движение условия—не только тяжесть, но и притяжение планет, действие магнитов и т. д., как условия, определяющие ускорение. При этом, он вполне ясно замечает, что словами «притяжение» он хочет обозначить не представление о причине или роде взаимодействия, а только то, что выражается в действительных процессах движения (ср. с цитатами из Ньютона, приведенными в первой части нашей статьи. *З. Ц.*).

Многократные определенные заверения Ньютона, что ему важны не умозрения о скрытых причинах явлений, а исследование и констатирование того, что дано в фактах, его ход идей, ясно и коротко выражается в его словах «Hypothèses non fingo» (я гипотез не строю) [1]), и характеризует его, как философа выдающегося значения».

Чтобы подкрепить эту характеристику, Мах в примечании приводит... правила философствования Бентли-Котса, дополненные 4-м правилом 3-го издания!, забыв совершенно о том, что он «перелистывает» изд. 1687 года, в котором нет ни этих правил, ни фразы «Hypotheses non fingo».

Отсылаем читателя к нашей детальной работе (печатается Госиздатом), дабы он мог убедиться, что прием Эрнста Маха вполне типичен и не случаен.

---

[1]) Перевод Маха.

Дарвинизм и теория мутаций.

Ф. Дучинский.

Д. Гульбе в статье «Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма», помещенной в № 8—9 «Под Знаменем Марксизма», сделал попытку произвести под углом зрения диалектического материализма сравнительную оценку дарвинизма и мутационной теории. Задачу поставил себе автор довольно сложную и трудную. Для ее успешного решения необходимо не только в совершенстве владеть методом диалектического мышления, но и быть достаточно глубоким знатоком основных теорий эволюции. К сожалению, у автора статьи отсутствовали необходимые предпосылки для правильной оценки при свете теории диалектического материализма дарвинизма и теории мутаций. Смелые заключения и выводы оказались основанными на неверном и противоречивом истолковании основных положений двух сравниваемых биологических теорий. В результате смелая попытка автора не только не подвинула решение сложного вопроса вперед, но только запутала, исказила и извратила правильное решение.

Подвергнуть критическому анализу взгляды автора статьи и выяснить в сравнительном освещении точки соприкосновения, и, если окажутся, пункты расхождения теории Дарвина и мутационной теории — такова задача данной статьи.

Д. Гульбе резко противопоставляет теорию мутаций дарвинизму. По его мнению, между их основными принципами существует резкое противоречие, полная противоположность, они взаимно исключают друг друга. Или—или. Tertium non datur. По его представлению, в то время, как главные положения дарвинизма находятся в полной гармонии и точном соответствии с основными требованиями материалистической диалектики, основные идеи мутационной теории принципиально чужды и враждебны последним (принципу непрерывного изменения, причинной зависимости явлений, развитию путем противоречий, переходу количества в качество и перерыву постепенности).

Идеалистической, метафизической и реакционной теории мутаций резко противополагается материалистическая, диалектическая, революционная теория естественного отбора. Между ними лежит непроходимая пропасть. Выбор для сторонника диалектического материализма один.

Правильно ли выясняет автор взаимоотношения разбираемых теорий? Не ошибается ли он? Попытаюсь проанализировать аргументацию автора. Начну по порядку.

Автор, излагая историю возникновения теории мутаций, говорит, что де-Фриз на основании своих наблюдений в 1895 г.

над появлением мутации Oenothora gigas предложил свою теорию. В действительности же наблюдения де-Фриза начались гораздо раньше. Уже в 1886 г. было найдено им две мутации среди дико растущих энотер Ламарка на заброшенном поле. С этого года начинаются его систематические исследования над этим растением, культивируемым им в его опытном саду. В 1888—1889 г.г. было выделено им две мутации, в 1890—1891 г.г. одна новая, а 1895 г. был только особенно удачным годом, так как в этом году появилось сразу четыре новых мутации, общее же число мутантов к общему количеству растений превышало 2%. И в последующие годы новые мутации продолжали появляться. Таким образом, историческая справка свидетельствует о более солидных опытных данных, легших в основу созданной де-Фризом мутационной теории.

Де-Фриз построил свою теорию на основании исследования мутационной изменчивости одного растения Oenothera Lamarckiana. В дальнейшем, как увидим, его теория получила прочное обоснование в работах других ученых. Поэтому неправильно было бы говорить о мутационной теории в том истолковании ее, как оно выявилось в произведениях де-Фриза, не принимая во внимание ее современного состояния.

Сущность теории мутаций заключается в том,—говорит автор, —что новые виды создаются путем «внезапных крупных изменений старых видов в новые в периоды их мутаций». За исключением мутационного периода, когда возникают новые формы, «виды продолжают существовать в неизмененном виде». По теории же Дарвина «вид непрерывно изменяется», «накопление бесчисленного множества мелких изменений создает новые виды».

Кажется, что теория скачкообразного процесса видообразования совершенно противоположна теории происхождения видов путем непрерывного накопления мелких индивидуальных уклонений. Так ли это?

Как известно, Дарвин первоначально придавал скачкообразной изменчивости довольно большое значение. В первом наброске «Происхождения видов» он отводил этому типу изменчивости видное место. Так, в одном месте этого наброска он говорит: «Известно, что такие внезапные уклонения сделались в некоторых случаях родоначальниками наших домашних пород и, вероятно, таковые были родоначальниками многих других рас... Быть может, и в природе некоторые мелкие изменения... возникают и с самого начала полностью являются наследственными без долго продолжающегося подбора мелких уклонений в направлении данного свойства»[1]). Хотя спустя 15 лет Дарвин не признавал за скачкообразными, внезапными вариациями прежнего важного значения, но все же продолжал отводить им известную, ограниченную роль. Так, в «Происхождении видов» он говорит об «изменениях, слабо или более резко выраженных»[2]). «Всякий, убежденный в медленности и последовательности эволюции, конечно, допустит, что изменения видов могли быть так же резки и значи-

[1]) Goldschmidt, Einführung in die Vererbungwissenschaft, Vierte Aufl., S. 443.

[2]) Дарвин, Происхождение видов, изд. Поповой, стр. 13.

тельны, как и любое из тех единичных изменений, которые мы встречаем в природе или даже в искусственных условиях. Представляется мало вероятным, чтобы в природе встречались также часто такие резкие и внезапные изменения, какие встречаются порой у прирученных и культурных форм»[1]). Дарвин высказывается осторожно и ограничивает роль «внезапных изменений» в процессе видообразования. В другом своем произведении он говорит: «В некоторых немногих случаях резкий эффект быстро сказывается у всех или почти у всех особей»[2]). Для сторонников теории естественного отбора эта сторона взглядов Дарвина хорошо известна. Последовательный сторонник этой теории Авг. Вейсман говорит: «Уже Дарвин очень хорошо знал, что рядом с обыкновенными индивидуальными вариациями бывают также более крупные колебания, появляющиеся в отдельных особях скачками, хотя и очень редко»[3]).

Дарвин различал, с одной стороны, вариационные изменения, не передающиеся наследственно и не имеющие значения для эволюции, с другой же стороны—наследственные вариации, которые, в свою очередь, разделялись на определенные, наблюдающиеся почти у всех особей вида, и неопределенные, флюктуирующие, индивидуальные, самопроизвольные уклонения. Последние распадаются на незначительные, мелкие изменения, часто встречающиеся и доставляющие главный материал для подбора, и значительные, внезапные, резкие уклонения, встречающиеся редко и имеющие второстепенное, ограниченное значение для видообразования. Де-Фриз также разделял изменения на ненаследуемые индивидуальные флюктуации и на наследственно передающиеся, возникающие вдруг, скачкообразно, ведущие к видообразованию, мутации. Мутации, появляющиеся скачкообразно, могут быть как более резкими, крупными уклонениями, так и могут быть совершенно незначительными изменениями. О «величине мутации» де-Фриз говорит: «Часто самопроизвольные изменения считают скачковыми вариациями. Это обозначение неудачно. Natura non facit saltus,—сказал уже Линней. Что в начале кажется скачком, при внимательном изучении не является таковым»[4]). Де-Фриз считает, что «скачки большей частью совсем мелкие»[5]). По мнению де-Фриза, мутации—это «толчкообразные» изменения, и последние бывают большей частью мелкими, незначительными. Если для образования элементарного вида (подвида, разновидности) достаточно однократной мутации, то для образования Линнеевского вида требуется накопление в одном направлении целого ряда мутаций. Большая величина уклонения не является обязательным критерием мутационной изменчивости. Кроме того, чем значительнее по размаху уклонение, тем реже оно встречается.

Таким образом противопоставление дарвинизма мутационной теории в отношении выдвигаемого ими различного типа изменчивости в значительной степени основано на недоразумении, вытекающем из непонимания основных их идей. Один из наиболее

---

[1]) Там же, стр. 157—158.

[2]) Дарвин, Изменение животных и растений в домашнем состоянии, изд. Лепковского, стр. 515.

[3]) Weismann, Vorträge über Deszendenztheorie, Dr. Aufl., S. 196.

[4]) Plate, Selektionsprinzip, Vierte Aufl., S. 157.

[5]) Там же, стр. 393.

крупных современных дарвинистов—Плате—считает, что «противоположность между ними только видимая» и что она «существует только в воображении», так как де-Фриз считает мутациями «совсем незначительные оттенки в окраске шелухи и зерен хлебных злаков, потому что они наследственны», с другой же стороны, Дарвин, на ряду с мелкими изменениями, играющими первоначально главную роль в видообразовании, признает, что многие породы домашних животных возникли путем внезапных уклонений [1]).

Современная биология на основании новых экспериментальных данных признает, что основным типом изменчивости, играющим главную роль в эволюционном процессе, является мутационная изменчивость, носящая прерывистый, скачкообразный характер.

Мутации в настоящее время не отождествляют только с резкими, крупными скачкообразными изменениями, считают, что мутации могут носить и более резкий, прерывистый характер, но преобладают мелкие, незначительные уклонения, которые можно часто констатировать только при тщательном исследовании при помощи точных методов вариационной статистики. «Отсутствие переходов между основной и новой формой отнюдь не составляет обязательного признака всех мутаций, как это ошибочно предполагалось раньше» [2]). Некоторые биологи подразделяют мутации на скачкообразные и ступенчатые, связанные переходными ступенями с исходными формами. В связи с такой эволюцией взглядов исчезает прежнее разграничение понимания видообразовательного процесса в духе учения Дарвина путем накопления мелких, постепенных изменений и путем скачкообразных прерывистых уклонений.

Что же касается существования особых мутационных периодов, когда происходит «взрыв» вида и возникают мутации, то это положение не пользуется признанием среди сторонников мутационной теории.

Под влиянием каких же причин происходит изменчивость организмов, обусловливающая процесс видообразования?

Автор разбираемой статьи отвечает: «Теория мутаций совершенно игнорирует влияние среды». «Мутации определяются внутренними свойствами организма, совершенно независимыми от внешних условий». По теории же Дарвина, «вид непрерывно изменяется в зависимости от изменения среды». «Изменение всей совокупности условий есть причина изменения вида».

Можно ли так резко противопоставлять дарвинизм и теорию мутаций в их оценке значения влияния внешних условий?

Дарвин, действительно, признавал глубокую зависимость организма от внешней среды и под конец жизни он отводил трансформирующему влиянию среды все большую роль. Но не нужно забывать, что Дарвин сам же ограничивал влияние среды определенными границами. Он высказывается на этот счет многократно и вполне определенно. «Хотя всякая вариация бывает прямо или косвенно вызвана какими-нибудь переменами окружающих условий, мы никогда не должны забывать, что природа

[1]) Там же, стр. 393.

[2]) Филипченко, Изменчивость и методы ее изучения, стр. 167.

той организации, которая подвергается влиянию, есть фактор гораздо более важный для результата» [1]). В другом месте, в заключение аналогичного рода рассуждений, он говорит: «Таким образом мы вынуждены заключить, что в большинстве случаев условия жизни, как причина всякого частного изменения, играют подчиненную роль» [2]). В «Происхождение видов» встречается такое место: «Можно привести примеры разновидностей того же вида, совершенно между собой сходных и возникших при условиях настолько различных, насколько можно себе представить, а с другой стороны—примеры несходных между собой разновидностей, происшедших при условиях, повидимому, совершенно одинаковых. А также каждому натуралисту известны бесчисленные примеры полного постоянства видов, несмотря на то, что они живут в самых противоположных климатических условиях» [3]). Смысл приведенных цитат следующий. Каждый организм представляет чрезвычайно консервативную систему, и не во всех случаях влияние среды может видоизменить его признаки. Влияние внешней среды играет роль толчка, вызывающего изменчивость, самый же характер изменения обусловливается природой организма.

Что внешняя среда накладывает свой отпечаток на организм, что последний изменяется приспособительно к внешним физико-химическим условиям среды—этого не станут отрицать, конечно, и самые строгие последователи мутационной изменчивости. Они только утверждают, что модификации или флюктуации, изменения, вызванные воздействием внешних условий и колеблющиеся вокруг средней величины признака, не имеют значения для эволюции, так как они наследственно не передаются. Они затрагивают только соматические клетки, не отражаясь на половых. Между мутациями и модификациями сторонники мутационной теории проводят резкую грань. Мутации отличаются от модификаций своей наследственностью. Когда внешние условия отражаются только на соме (соматическая индукция), наследственной передачи модификаций не наблюдается. Необходимо, чтобы воздействие внешнего фактора коснулось не только соматических, но и половых (зародышевых) клеток (параллельная индукция). Тогда только новый признак закрепляется наследственно. В последнем случае возникает мутация.

В основе мутационной изменчивости морфологических и физиологических признаков лежит изменение в хромозомах зародышевых клеток наследственной структуры, изменение материальных носителей наследственных признаков-генов, появление новых, изменение и исчезновение старых генов [4]). Но что вызывает изменение генотипической структуры хромозом, изменение наследственных факторов-генов? Даже сторонник автогенеза генетик Филипченко, считая основной причиной мутационной изменчивости изменения в наследственном веществе «в гарнитуре хромозом или в отдельной хромозоме», внешним факторам все же отводит

---

[1]) Дарвин, Изменчивость животных и растений в домашнем состоянии, изд. Лепковского, стр. 607.

[2]) Там же, стр. 516.

[3]) Дарвин, Происхождение видов, изд Поповой, стр. 86—87.

[4]) Гольдшмидт, Двадцатилетие менделизма,—«Успехи экспериментальной биологии», т. I, вып. 3—4, стр. 278.

«сравнительно второстепенную роль»[1]). Хотя вопрос о причинах мутационной изменчивости находится еще в стадии экспериментальной разработки, но уже и полученные результаты вполне определенно намечают решение вопроса в сторону признания за внешними факторами решающего значения. Приведу некоторые факты. В исследовательских опытах де-Фриза наблюдался высокий процент мутационных форм энотеры в 1895—1896 г.г. Этот факт можно об'яснить наличностью в эти годы каких-то особых условий, благоприятствовавших появлению мутаций. Сам де-Фриз высказал предположение, что благоприятные условия усиливают мутационную изменчивость. В опытах Тоуэра над колорадским жуком в 1900 г. наблюдалось необычно большое число мутаций. В других случаях была установлена причинная связь между обилием мутаций и резким изменением внешних условий. Но мутации могут вызываться и экспериментально—путем изменения условий. Так, Тоуэр получал, изменяя условия, искусственно мутации у колорадского жука. Камерер изменял инстинкты у жабы-повитухи. Шиманн искусственно увеличивал число мутаций у плесневого грибка Aspergillus niger. Можно еще упомянуть об удачных опытах Штандфусса и Фишера над бабочками и др.

Дарвин, как известно, считал, что путем накопления индивидуальных, флюктуирующих вариаций происходит видообразование. По де-Фризу же, как мы видели, флюктуации не имеют значения для эволюции, так как не передаются по наследству. Как же примирить эти две противоположные точки зрения? Противоречие здесь кажущееся. Дарвин под индивидуальными, флюктуирующими вариациями разумел наследственные изменения, а о ненаследственных флюктуациях он не говорил. Если же он склонен был многие вариации считать наследственными, которые на самом деле таким характером не обладали, то это об'яснялось отсутствием в его время достаточного количества экспериментально-проверенных фактов. Такой видный знаток дарвинизма, как Плате, говорит, что «мутации точно соответствуют флюктуирующим, индивидуальным вариациям Дарвина, которые выступают то как очень мелкие и незначительные, то так же, как значительные изменения»[2]). Таким образом, между мутацией де-Фриза и флюктуирующей вариацией Дарвина принципиального различия не существует.

Каждый, несколько знакомый с современным состоянием мутационной теории, не выскажет тех голословных положений, которые находятся в разбираемой статье. «Строить теорию на основании наблюдения лишь над единственным видом энотеры поспешно». «Случаев мутации среди диких видов еще никто не наблюдал».

Если бы мы даже согласились с мнением тех биологов, которые пытаются об'яснить мутационную изменчивость энотеры тем, что она является продуктом скрещивания, гибридом (вопрос остается пока спорным), то в настоящее время установлено так много случаев несомненных мутаций, что сама мутационная теория, возникшая в результате изучения энотеры, стоит незыблемо в науке. Сам творец мутационной теории наблюдал мутации не

[1]) Филипченко, Изменчивость и методы ее изучения, стр. 180.
[2]) Plate, Selektionsprinzip, стр. 387.

у одной энотеры, как думает автор, а и у других растений (у льнянки, у хризантем и др.). Известны мутации у многих растений: у кукурузы, фасоли, помидор, ячменя, моркови, маргариток, сирени, ясеня и др. Плакучие, пирамидальные, карликовые, пестролистные деревья произошли путем мутаций. Мутации установлены у бактерий, инфузорий, у насекомых, крыс, мышей и т. д., и т. д. У американской плодовой мухи Drosophila melanogaster известно до 300 мутаций. Мне лично за сравнительно короткий срок удалось выделить в культурах дрозофилы несколько мутаций, возникших скачком, сразу (измененные и нефункционирующие крылья, уродливые ноги, измененная окраска). Можно ли после только частично приведенных данных заявлять, что «мутации редки», как делает автор? Глава американских генетиков Морган говорит: «Количество установленных мутаций, обычно, является прямо пропорциональным числу исследованных особей и степени знакомства исследователя с данным видом. Открытие новых типов мутантов почти у каждого хорошо исследованного растения и животного указывает на широкую распространенность мутационных изменений» [1]). «Прирученные расы животных и растений, почти все без исключения, произошли путем мутационных изменений» [2]).

Автор считает невозможным об'яснить путем мутаций происхождение сложных органов (глаз и др.). В неменьшей степени трудно об'яснить их возникновение и с точки зрения дарвинизма. Возникновение же путем мутаций безглазых форм установлено на мушке дрозофиле.

Основной сущностью дарвинизма является принцип естественного отбора, могущественный регулятор эволюционного развития. По учению Дарвина, изменчивость доставляет материал, наследственность накопляет и фиксирует новые признаки, а естественный отбор регулирует весь ход видообразования. В результате действия естественного отбора в борьбе за существование выживают только лучше приспособленные к окружающим условиям формы. Теорию Дарвина правильно называют еще теорией естественного отбора. В каком же отношении стоит теория мутаций к основному фактору дарвинизма — к принципу естественного отбора? Да она всецело стоит на почве признания его первостепенного значения. И для теории мутаций борьба за существование и вытекающий из него естественный отбор играют ту же основную направляющую роль, что и для теории Дарвина. Только те из возникших мутационным путем мелких или более резко уклоняющихся от исходного типа форм выживут и поведут к дальнейшему их расхождению, которые устоят в борьбе за существование и будут отсортированы естественным отбором. Прав Плате, когда говорит, что «в основных воззрениях де-Фриз стоит всецело на плечах Дарвина, так что мутационная теория может быть рассматриваема не как принципиально новая эволюционная теория, но только как модифицированная теория отбора» [3]).

Когда Д. Гульбе приписывает мутационной теории положение, гласящее, что «старый вид, до момента мутаций и после

[1]) Морган, Структурные основы наследственности, стр. 240.
[2]) Там же, стр. 261.
[3]) Plate, Selektionsprinzip, S. 386.

него, продолжает существовать и далее «в своей вечной, неизменной и абсолютной форме», то это можно об'яснить только полным непониманием и дарвинизма, и теории мутаций. Обе теории согласны между собой в том, что вид может существовать до момента, пока он оказывается приспособленным к внешним условиям и щадится в силу этого естественным отбором. Если внешние условия не изменяются, то и вид может продолжать существовать в неизменной форме неопределенно долгое время. «Очень простая форма, — говорит Дарвин, — приспособленная к очень простым условиям существования, может оставаться без изменения и усовершенствования неопределенное время»[1]). «Другие роды не изменились в продолжении долгого времени и не обнаруживают сколько-нибудь значительной способности к изменению, и все-таки сохранились с древнейших времен до теперешнего; напр., Lingula и Discina»[2]). И с точки зрения теории Дарвина, и с точки зрения теории мутаций высоко специализированные виды будут продолжать существовать в своей приспособленной к условиям форме, поскольку будут оставаться неизменными последние. Они будут выживать, все же возникающие новые формы, неприспособленные к специфическим условиям существования, будут неизменно гибнуть. В случае же резкого изменения внешних условий, старые виды гибнут, их место занимают возникшие путем изменчивости новые. Весь вопрос сводится, таким образом, к тому, сохраняется ли известное устойчивое равновесие между средой и организмом, или же оно оказывается более или менее нарушенным. Противоречия между основными принципами двух теорий, повторяю, нет.

Касаясь вопроса о соотношении между причиной и следствием в рассматриваемых теориях, автор говорит: «таинственное свойство мутаций—способность внезапно давать фонтан новых форм—зависит лишь от свойств самой зародышевой плазмы; эта способность и есть причина». Казалось бы логически, что если способность давать новые формы зависит от зародышевой плазмы, то в последней и лежит причина мутаций. Автор же, вопреки всяким законам логики, делает вывод: эта способность (следствие) и есть причина.

По современным воззрениям генотипические особенности заложены в хромозомах. Изменения генотипа, геновариации вызываются изменением или числа хромозом, или более тонкими изменениями химического или структурного характера. В изменении материального носителя наследственных признаков и лежит основная непосредственная причина мутаций, что получило блестящее подтверждение в экспериментальных работах школы Моргана. Но изменения наследственной субстанции обусловливаются внешними причинами, заключающимися в воздействии измененных внешних факторов на сому и на зародышевые половые клетки. Искусственное получение мутаций под влиянием измененных внешних агентов убедительно доказывает существование причинной зависимости между мутацией и внешними условиями. Но вопрос о причинах мутационной изменчивости чрезвычайно слож-

---

[1]) Дарвин, Изменчивость животных и растений в домашнем состоянии, стр. 6

[2]) Неймайр, Корни животного царства, стр. 276.

ный и продолжает пока находиться в фазе экспериментальной разработки. Но и Дарвин часто говорит о случайных изменениях, подразумевая под словом «случайные» неизвестные, неустановленные, невыясненные причины изменчивости. «Этот вопрос (о причинах изменчивости) темен, но, может быть, нам полезно убедиться в своем невежестве»,—говорит Дарвин [1]).

Что организмы, завися всецело от физико-химических условий среды, в свою очередь влияют на последнюю, известным образом изменяют ее, это, конечно, известно всякому, знакомому с процессом почвообразования и с той исключительной ролью, которую в этом процессе играют организмы. О преобразующей лик земли творческой работе человека можно и не говорить. Но, во всяком случае, для доказательства этой мысли можно и не придумывать, как делает автор, своеобразный способ изменения среды: вид влияет на среду тем, что оставляет ее и находит новую. Думается, что после сделанных раз'яснений допущение автора, что «вид каким-то таинственным способом чувствует, что больше ему существовать в прежней форме нельзя и он вступает в период мутаций», оказывается абсолютно ни на чем не основанным.

По мнению автора, согласно теории Дарвина, «возможность образования нового вида заложена в индивидуальных уклонениях каждого индивидуума в скрытой форме». Не скрывается ли за скрытой формой уклонения некая таинственная, метафизическая сила? И из каких произведений Дарвина извлек автор эту «скрытую» силу?—«Главное расхождение между дарвинизмом и теорией мутаций заключается в том, что, согласно первой, вид образуется естественным подбором, а вторая считает, что он образуется внезапно, сразу, а естественный подбор лишь делает выбор между годными и негодными новыми видами». Украинцы в аналогичных случаях сравнения качественно разнородных величин или понятий говорят: «в огороде бузина, а в Киеве дядько». Всякому, знакомому с дарвинизмом даже в элементарном изложении, известно, что, по учению Дарвина, естественный подбор лишь делает выбор между годными и негодными новыми уклонениями, мелкими или более крупными. В данном случае процесс происхождения видов истолковывается, как мы видели раньше, одинаково обеими теориями.

На одной странице автор отдает предпочтение дарвинизму за то, что он «вполне отвечает требованиям непрерывного изменения видов» в противоположность мутационной теории, а через несколько страниц он заявляет, что его задача заключается не в том, чтобы опровергать скачкообразность процессов развития.

Для аргументации положения, признаваемого и сторонниками мутационной теории, что подбор играет преобладающее значение, автор ссылается на опыты знаменитого американского растениевода Бербанка. Для Бербанка «отбор—начало и конец». «Отбор служит ключом к выведению растений» [2]). Для отбора нужны уклонения. Они появляются не только в случаях скрещивания. Что это за уклонения? Автор говорит: «Сам де-Фриз

---

[1]) Дарвин, Изменчивость животных и растений в домашнем состоянии, стр. 485—486.

[2]) Вильямс, Лутер Бербанк, его жизнь и труды, стр. 22.

побывав у Бербанка, должен был признать всемогущество подбора и то, что последний включает в себе и явление мутаций». Непонятно, как подбор, направляющий изменчивость, может включать в себе ее. Мы впервые узнаем от автора, что де-Фриз признает всемогущество подбора. А «сам де-Фриз сообщает,— передает Гольдшмидт,—о замечательных мутациях, которые появились у знаменитого калифорнского садовода Бербанка».

В заключение, на последней странице автор делает еще несколько открытий. По мнению автора, теория Вейсмана оспаривает преобладающее значение естественного отбора. Оспаривает естественный отбор тот Авг. Вейсман, который на статью Спенсера «Недостаточность естественного отбора» ответил провозглашением «Всемогущество естественного отбора», который в предисловии к своей известной книге говорит: «В этом перенесении принципа отбора на все ступени жизненных единиц лежит основной пункт моих взглядов» [1]).

Автор ошибочно думает, что «Дарвин в последние годы придавал решающее значение в вопросе о происхождении видов половому подбору в ущерб естественному». Дарвин, правда, переоценивал несколько роль полового подбора, но ни в коем случае не считал его решающим и более важным фактором, чем принцип естественного отбора.

В настоящее время подавляющее большинство ученых-биологов склоняется к признанию мутационного, скачкообразного типа изменчивости. Поэтому режущим диссонансом звучат слова автора, что «в науке появилось стремление доказать, что скачки и катастрофы—уродливые явления, которым нет места в природе, где все развивается плавно и постепенно». Но ведь автор все время стремился истолковать теорию Дарвина, как теорию плавного (непрерывного) и постепенного развития, и отдавал ей за такой тип развития предпочтение пред теорией мутаций.

Я далеко не исчерпал всех противоречий, смешения понятий, lapsus'ов, натяжек, тенденциозных положений, из которых сплошь соткана статья Д. Гульбе. Но думаю, что и сделанных критических замечаний и поправок достаточно, чтобы признать точку зрения автора суб'ективно-произвольной, в корне противоречащей действительному соотношению разбираемых теорий. С разрушением исходных посылок падают и выводы, лишается основания та сравнительная оценка двух теорий с точки зрения диалектического материализма, которую пытался произвести автор. Поэтому на критике этой стороны воззрений автора считаю возможным не останавливаться.

Подведем итоги.

Противопоставление теории Дарвина теории мутаций неизбежно будет носить искусственный, тенденциозный характер. Их нужно не противопоставлять, а сопоставлять. Существует совпадение основных положений их. Вариации (наследственные) Дарвина и мутации де-Фриза—два термина для обозначения одного и того же явления. Величина уклонений (вариаций и мутаций) может быть различна. Преобладающие мелкие вариации Дарвина не исключают резких, скачкообразных уклонений; мутации включают мелкие изменения. Изменчивость вызывается воздействием

[1]) Weismann. Vorträge über Deszendenztheorie, Dr. Aufl., S. VI.

условий внешней среды, изменяющим наследственное вещество хромозом. Вариации, не сопровождающиеся изменением наследственной основы, не имеют значения для эволюции. Вопрос о причинах изменчивости (наследственной) не получил еще полного экспериментального разрешения. Процесс видообразования происходит путем последовательного накопления отдельных вариаций—мутаций. Борьба за существование и вытекающий из нее естественный отбор являются регулирующими формообразование факторами. Таким образом, в существенных своих принципах дарвинизм и мутационная теория совпадают до полного почти слияния, отчасти же мутационная теория дополняет дарвинизм новейшими экспериментальными данными. Не все еще проблемы эволюционной теории решены. И дарвинизм и мутационная теория находятся еще в процессе эволюции и дальнейшего синтетического слияния.

Как же могут быть оценены рассматриваемые эволюционные теории с точки зрения диалектического материализма, как они вырисовываются в свете последней всеоб'емлющей теории? Удовлетворяют ли они принципам материалистической диалектики?

И дарвинизм, и мутационная теория стоят на почве последовательного естественно-научного материализма. В области эволюции ими признается господство только физико-химических сил, естественных законов. Для мистических сил и метафизических сущностей не остается убежища. Обе теории признают закономерный, причинно-обусловленный ход эволюционного процесса. Органический мир представляет собой единое целое, находящееся в состоянии беспрерывного неустойчивого равновесия. Организмы находятся в тесной взаимозависимости. Основной закон—постоянная борьба за жизнь между организмами и беспрерывное приспособление к изменяющимся биологическим и физико-химическим условиям среды. Организмы находятся в тесной зависимости от окружающей среды. Всецело завися от среды, организмы изменяют ее, воздействуя на нее активно или пассивно. Беспрерывное изменение окружающей среды побуждает эволюционировать органические формы в прогрессивном или регрессивном направлениях. Каждый шаг эволюции связан с эволюцией генов. Изменение особенности, ее появление или исчезновение вызывается изменением наследственных зачатков—генов (работа школы Моргана). Поэтому процесс эволюции является прерывистым, скачкообразным, совершающимся путем отдельных мелких или крупных скачков, перерывов постепенности. Но каждый скачок не возникает самопроизвольно, он только выявляет и завершает процесс непрерывного, постепенного накопления структурных или химических изменений наследственного субстрата, вызываемых внешними по отношению половых клеток причинами. Количество переходит в качество. «Скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам» [1]). Если эволюция, по теории Дарвина, рисуется преимущественно в форме постепенного, непрерывного процесса, то это об'ясняется тем, что ряд мелких, следующих друг за другом, скачков производит впечатление слитного, непрерыв-

[1]) Бельтов (Плеханов), Критика наших критиков, изд. 1906 г., стр. 104.

ного ряда. Суммирование количественно многих скачков приводит к превращению вида, к образованию качественно нового вида. Организмы находятся в процессе вечного des Werdens. Каждая ступень эволюции отрицает предшествующую стадию, она представляет собою итог всего предшествующего развития и исходный пункт дальнейшего изменения. Каждая видовая форма представляет только этап, только одну ступень в беспрерывном процессе эволюции органической жизни на земле. И идеологическое отражение эволюционного процесса—эволюционная теория—находится в процессе эволюции.

Таким образом, теория диалектического материализма получает солидную биологическую основу в эволюционной теории в форме дарвинизма и теории мутаций.

Империализм и накопление капитала.

(Окончание).

Н. Бухарин.

Теория крушения капитализма.

Неправильная теория накопления связана у Р. Люксембург, как мы видели выше, с неправильной теорией империализма. Последняя, в свою очередь, связана с неправильной **теорией** капиталистического крушения. Вот как доказывает «от противного» тов. Роза Люксембург свою правоту:

> Если капиталистическое производство образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое накопление (об'ективно говоря) представляет собой неограниченный процесс. Так как производство может беспрепятственно расти, то-есть неограниченно развивать производительные силы и в том случае, когда положительно над всем миром будет господствовать капитал и когда все человечество будет состоять из одних только капиталистов и наемных пролетариев, и так как экономическому (курсив Р. Л.) развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы, то падает одна из основных Марксовых опор социализма. По Марксу, восстание рабочих, их классовая борьба,—а именно в ней кроется залог его победоносной силы,—является лишь идеологическим отражением об'ективной исторической необходимости социализма, вытекающей из об'ективной хозяйственной невозможности капитализма на определенной ступени его развития. Само собою разумеется, что этим не сказано... что исторический процесс должен быть или даже лишь может быть исчерпан до конца этой экономической невозможности. Об'ективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели достаточно, чтобы уже гораздо раньше вызвать в обществе такого рода социальное и политическое обострение противоречий и такую шаткость положения, которые должны будут подготовить гибель господствующей системы. Но и эти социальные и политические противоречия в последнем счете сами являются лишь продуктом экономической несостоятельности ка-

питалистической системы, и их все возрастающее обострение черпается как раз из этого источника по мере того, как эта несостоятельность становится ощутительнее.

Если мы, напротив того, вместе со «специалистами» станем на точку зрения экономической безграничности капиталистического накопления, то из-под социализма вырывается гранитная основа его об'ективной исторической необходимости. Мы впадаем в таком случае в болезнь домарксовских систем и школ, которые выводили социализм исключительно только из несправедливости и ужасов современного мира и из революционной решимости трудящихся классов [1]).

Схема тов. Розы Люксембург чрезвычайно проста и по-своему понятна. «Чистый» капитализм невозможен. Капитализм возможен именно постольку, поскольку он «нечист», т.-е. поскольку наряду с капиталистическим производственным ядром существует периферия «третьих лиц». «Третьи лица» образуют предпосылку процесса реализации прибавочной ценности, следовательно, необходимое условие процесса расширенного воспроизводства. Но движение капитала есть—в тенденции—движение к «чистому» капитализму, как некоему математическому пределу развития. Таким образом, если противоречие между процессом производства прибавочной ценности и процессом ее реализации разрешается за счет «третьих лиц», то дальнейшее разрешение этого противоречия становится невозможным, ибо третьих лиц становится относительно все меньше. Здесь лежит об'ективно-экономическая граница капитализма, как определенной, исторически-ограниченной производственной формы. Капитализм становится экономически невозможным, и эта историко-экономическая необходимость прокладывает себе дорогу в рабочей революции. Именно здесь мы находим «строгие контуры экономических законов», проявляющихся сквозь пестроту социально-политической картины общества, той поверхности, под которой скрываются глубокие пружины исторического процесса.

Империализм является историческим методом для продления существования капитализма, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути и положить его существованию об'ективный предел. Этим, однако, не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф [2]).

---

[1]) Роза Люксембург, ч. 2, стр. 577.
[2]) Ibidem, ч. I, стр. 466.

Такова «теория крушения капитализма», данная товарищем Розой Люксембург.

Что, прежде всего, привлекает в этой теории?

Ее «экономический детерминизм» («об'ективные границы» капитализма, «строгие контуры экономического процесса» и проч.).

Ее соответствие (как будто) с эмпирическими фактами (обострение положения в связи с погоней за рынками, период катастроф, «катастрофальный» характер всей империалистской эпохи и т. д.).

Наконец,—last but non least,—ее «революционность».

И, тем не менее, теория крушения капитализма, развитая Розой Люксембург, категорически **неверна**. Неверна она именно как **теория**, т.-е. как система положений, пытающаяся не только констатировать, но и **об'яснить** целый ряд громадной важности общественных явлений.

По существу дела, мы уже вполне доказали теоретическую слабость этих взглядов тов. Р. Люксембург. В самом деле, ведь, ясно, что все «крушение» покоится на невозможности реализации в «чистом капитализма», т.-е. на теории заведомо неверной; с другой стороны, мы показали, что из теории Розы Люксембург вытекает постоянное мирное воспроизводство отношений между капиталистическим хозяйственным кругом и «третьими лицами»; другими словами, мы показали, что из ее замены **эксплоатации реализацией** вытекает именно мирный характер процесса, вопреки всем ее революционным «выводам». На-лицо, таким образом, внутренняя противоречивость всего теоретического построения.

Однако мы можем подвергнуть добавочному разбору выше выписанные соображения тов. Р. Люксембург, чтобы присоединить к уже выясненным ее ошибкам ряд новых, специфических для самой формулировки теории крушения и связанной с ней «антикритики».

Будем исходить из фактов. То, что империализм означает катастрофы, есть факт. То, что мы вступили в период крушения капитализма, есть тоже факт. Но фактом является также и то, что **подавляющее большинство населения земного шара состоит из «третьих лиц»**. Нужно строго отличать два понятия: господство капитала вообще и господство капитала в узком смысле слова, как бытие «чистого» или «почти чистого» капитализма. Что капитал стал господствующей формой экономики повсеместно, что он дирижирует в концерте хозяйственных форм,—это не подлежит никакому сомнению. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что основной массой живущего теперь на земле человечества являются не индустриальные и сельско-хозяйственные наемные рабочие, а в первую голову кре-

стьяне. Из 1700 миллионов человек, живущих на нашей планете, 900 миллионов, т.-е. больше половины, дает Азия. Из 430 миллионов китайцев наверняка около 400 миллионов составляют крестьяне. Из 320 миллионов индусов одни крестьяне составляют около 170 миллионов. Если присчитать сюда мелких ремесленников и тому подобных «третьих лиц», то мы получим крупнейшие цифры. Азия, Африка, Америка дают громадное число «третьих лиц». Но и Европа насчитывает около 50% сельского населения,—косвенный показатель того, насколько еще огромны резервы «третьих лиц».

Если бы теория Р. Люксембург была хоть мало-мальски правильной, то дела революции обстояли бы поистине плохо. Ибо при наличии такого огромнейшего резервуара «третьих лиц», какой, несомненно, есть «на-лицо», о «крушении» практически нечего было бы и мечтать. Пришлось бы рассуждать, несомненно, «по Куноwу»: поле для капиталистической экспансии (в смысле наличия «третьих лиц») еще настолько колоссально, что лишь утописты могут всерьез разговаривать о каких-то пролетарских революциях. Не крушение социализма эпохи II Интернационала произошло на самом деле, а крушение иллюзий о близкой победе социализма. На самом деле капитал еще отнюдь не выполнил своей исторической миссии, и граница капиталистического развития отстоит от нас еще очень и очень далеко.

Такие «куновские» рассуждения, к сожалению, совершенно неизбежно в ы т е к а ю т из теории тов. Розы Люксембург. И то обстоятельство, что она делает прямо противоположные выводы, об'ясняется лишь ее логической непоследовательностью.

В самом деле. Роза чувствует всю неловкость своей аргументации. Она признает, что нелепо было бы утверждать, будто капитализм должен задушить в с е х «третьих лиц». Она подчеркивает, что «з а д о л г о до этого» капитализм лопнет. Она говорит, что достаточно «об'ективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели» и т. д.

Но «об'ективная тенденция» к этой «цели» (!) была, ведь, в с е г д а. Нужно, очевидно, чтобы процесс зашел все же очень далеко; нужно, чтобы «невозможность реализации» ощущалась хотя бы как «экономическое предчувствие», выражаясь фигурально. Нужно, чтобы о б'е к т и в н о соотношение между капиталистическим и некапиталистическим хозяйственным кругом все же было таково, что «третьи лица» отнюдь не б о л ь ш и н с т в о.

А этого ничего н е т на самом деле.

Между тем, к р а й н е е обострение, к р а й н е е напряжение, к р а й н я я «катастрофичность» всей эпохи у ж е на-лицо. Между тем, капитализм у ж е начал «лопаться». Между тем, у ж е на-лицо

диктатура пролетариата в СССР. Чем же об'яснить все эти противоречия?

Они об'ясняются очень просто. Не тем, что мало уже «третьих лиц». А тем, что они, «третьи лица», которые дают капиталу добавочную прибыль (а он, этот капитал, «необходимо» любит добавочную прибыль), разобраны «по рукам» на монопольных основаниях крупнейшими державами финансового капитала.

Тов. Роза Люксембург почти выбросила из своего исследования вопрос о движении прибыли, о специфической природе сверх-прибыли, о специфических формах монополистического капитализма. Но как раз это обстоятельство закрыло ей глаза и на природу империализма. Отсюда ее противоречия.

Без «третьих лиц» капитализм мог бы существовать. Но если уж «третьи лица» существуют, то капитал необходимо стремится их пожирать, ибо это дает ему добавочную прибыль. «Третьих лиц» существует еще бесконечно много, но борьба за них (т.-е. за добавочную прибыль) крайне остра, ибо они монопольно поделены на колонии, сферы влияния и т. д., и т. п.

Так стоит вопрос в действительности.

Тов. Роза Люксембург в известной мере резонно возражает одному из своих критиков, утверждавшему, что «капитализм погибнет, в конце концов, благодаря падению нормы прибыли». Она пишет ему в ответ:

> Как сей гражданин представляет себе, собственно говоря, дело — неизвестно: так ли, что класс капиталистов в один прекрасный день в отчаянии из-за пакостей, чинимых нормой прибыли, целиком повесится, или же так, что класс капиталистов заявит, что такие скверные дела не стоят хлопот, и сам вручит пролетариату ключи? Как бы то ни было, это утешение разлетается в прах благодаря одному только указанию Маркса, гласящему, что «для больших капиталистов падение нормы прибыли компенсируется ее массой». С гибелью капитализма от падения нормы прибыли время еще терпит, примерно, до охлаждения солнца [1]).

По существу все это совершенно правильно. Но тов. Роза Люксембург, к нашему удивлению, не примечает, что этот ответ бьет не только «сего гражданина», но и... самого автора «Накопления капитала».

Нам очень не хочется быть advocatus diaboli, но все же мы должны отметить, что «сей гражданин» мог бы, примерно, сказать следующее:

---

[1]) Ibidem, стр. 577, подстр. примеч.

«Было бы смешно требовать, чтобы процесс дошел до своего логического конца. Вполне достаточно этой об'ективной тенденции капиталистического развития. Задолго до «конца» она так обостряет борьбу, за любую возможность получить лишнюю прибыль, и она сопровождается такой централизацией капитала и таким обострением социальных отношений, что эпоха низкой нормы прибыли есть эпоха катастроф»...

Этот ответ мало чем отличался бы от ответа тов. Розы Люксембург. Ибо норма прибыли была бы близка к нулю примерно тогда же, когда стало бы исчезать последнее «третье лицо», спасавшее капиталистический мир от того страшного апокалиптического часа, в который уже нет места для реализации прибавочной ценности.

Мы выше привели три момента, которыми теория тов. Розы Люксембург привлекает к себе души: экономический детерминизм и «об'ективные границы» капитализма; соответствие (будто бы) с фактами (период катастроф и т. д.); «революционность» всего построения. Теперь мы, в качестве профессиональных «деструкционистов», должны признать, что все эти три момента разрушены нашей критикой.

В самом деле, разберем по очереди, что же, в конце концов, осталось от этих моментов.

Во-первых, мы видели, что по существу дела тов. Роза Люксембург никаких границ, об'ясняющих крах, вовсе не указывает. Практически та граница, на которую ссылается тов. Роза Люксембург, не имеет ровно никакого значения. Капитализм уже начинает трещать, а три четверти населения земного шара обретаются еще на положении «третьих лиц». Натяжка в об'яснении на-лицо.

Во-вторых, нет и соответствия с фактами. Если катастрофы наступают, то это вовсе не может быть об'яснено теорией тов. Р. Люксембург, как сие явствует из предыдущего положения. Факт огромного числа «третьих лиц» опровергает теорию крушения, развитую тов. Розой Люксембург.

В-третьих, из теории тов. Розы Люксембург не только не вытекают революционные выводы, но, наоборот, из нее вытекают выводы о невозможности революции в течение еще очень долгого срока.

Все эти аргументы против теории автора «Накопления» лишь дополняют собою более фундаментальную аргументацию, развитую нами в предыдущих главах. Таким образом, и магистраль рассуждений Р. Люксембург, и отдельные ветви этих рассуждений в равной степени теоретически несостоятельны. Это случилось с тов. Р. Люксембург потому, что она отступила от марксистской ортодоксии в той части Марксова анализа, где гений

великого мыслителя дал наиболее полноценные продукты своего творчества.

Здесь следует, однако, отбить одно возражение тов. Розы Люксембург. Как мы видели в самом начале настоящей главы, тов. Р. Люксембург говорит: «Если капиталистическое производство образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое накопление (об'ективно говоря) представляет собою неограниченный процесс». И далее Р. Люксембург «выводит»: следовательно, производство может «беспрепятственно расти»; следовательно, экономических границ капитализма нет; следовательно, «падает одна из основных Марксовых опор социализма».

Вся эта цепочка рассуждений точно так же логически несостоятельна. И она несостоятельна потому, что тов. Роза Люксембург не понимает диалектического характера общественных противоречий, не понимает диалектической природы общественного целого и законов его движения.

Капиталистическое общество есть «единство противоположностей». Процесс движения капиталистического общества есть процесс постоянного воспроизводства капиталистических противоречий. Процесс расширенного воспроизводства есть процесс расширенного воспроизводства этих противоречий. Если это так, то ясно, что, в конце концов, эти противоречия должны взорвать на воздух всю капиталистическую систему в ее целом. Это и есть граница капитализма. Какое напряжение противоречий необходимо для того, чтобы эта система взорвалась,—вопрос особый. Мы пытались поставить его в другой своей работе [1]). Ответ мы должны искать в условиях воспроизводства рабочей силы. Когда взрыв капиталистических противоречий приводит к «хозяйственной разрухе» и падению производительных сил; когда, благодаря этому, становится—с определенного пункта—невозможным воспроизводство рабочей силы, и поэтому рабочая сила не может функционировать, наступает разрыв общественно-производственного аппарата, и класс становится против класса по разные стороны баррикад. Это—самое общее, неизбежно схематическое, «чисто-теоретическое» и потому условное об'яснение краха капитализма тоже предполагает в известном смысле об'ективную границу. Эта граница есть определенная степень напряженности капиталистических противоречий.

У тов. Розы Люксембург дело обстоит слишком просто: если реализация в чистом капиталистическом обществе возмож-

---

[1]) Н. Бухарин, Экономика переходного периода.—Взгляд на капиталистическое производство, как на производство капиталистических противоречий, развит был нами подробно в «Мировом хозяйстве и империализме».

на, то производительные силы должны расти уж обязательно беспрепятственно; если капитализм—теоретически — может обойтись и без «третьих лиц», то это значит, что «экономическому развитию» «не поставлены никакие границы».

Повторяем: эти противопоставления, в высшей степени характерные для тов. Розы Люксембург и всего ее метода мышления, как раз и указывают на слабые места, на наиболее уязвимые пункты Розиной аргументации. Стоит только поближе присмотреться к этим противопоставлениям, чтобы увидеть, как далек автор «Накопления» от действительного решения проблем и даже от правильной, методологически выдержанной постановки вопроса.

В самом деле, если возможна реализация в чистом капиталистическом обществе, значит ли это, что производительные силы должны «расти беспрепятственно»? Отнюдь не значит. Мы видели в предыдущих главах, как путается здесь тов. Роза Люксембург. «Беспрепятственный рост»—это значит рост без противоречий. Между тем, и в «чистом капитализме» все развитие идет в противоречиях. Нет постоянного перепроизводства, но есть периодическое перепроизводство. Нет постоянной невозможности реализации, но есть периодические кризисы. Нет раз навсегда данного «разрешения противоречий», но есть их временное отодвигание и, следовательно, условное «разрешение». Нет постоянной невозможности капиталистического бытия, но есть расширенное воспроизводство капиталистических противоречий. И так далее, и тому подобное.

Другими словами: «препятствия» вовсе не исключены, наоборот, они «имманентны» капитализму; они периодически «снимаются», но они периодически вспыхивают со все большей силой. И эта их возрастающая широта и интенсивность неизбежно приводят к крушению капиталистического режима.

Капиталистическое развитие есть процесс расширенного воспроизводства всех основных противоречий капитализма. У Розы Люксембург и здесь на-лицо крайнее упрощение анализа. Взято одно противоречие, противоречие между условиями производства прибавочной ценности и условиями ее реализации, противоречие между производством и потреблением при капитализме [1]; это

---

[1]) Кстати сказать, к аналогичным выводам, что и Роза Люксембург, пришел в свое время, правда, «с другого конца», ни кто иной, как... отец ревизионизма, г. Эдуард Бернштейн. «Что особенно отличает современный способ производства,- писал он.—это повышение производительности труда. Результатом этого является столь же сильное повышение производства, массового производства потребительных бумаг Куда же девается это богатство, или—чтобы схватить самую сущность дела—куда девается прибавочный продукт?.. «Магнаты капитала» могли бы обладать в 10 раз большими желудками, чем приписывает им народное остроумие.. Их потребление есть капля в море... Итак, куда же девается та масса товаров, которая не поглощается магнатами и их слугами? Если она не попадает в том или ином виде к пролетариям, то ее, несомненно,

противоречие взято, как не диалектическое, а плоское противоречие, и отсюда выведена неизбежность крушения. Между тем, необходимо исходить не из одного противоречия, а из ряда этих противоречий, и брать их нужно в их диалектическом движении. Тогда картина получится совсем не та, какую нарисовала нам, правда, рукою мастера, тов. Роза Люксембург. Противоречие между производством и потреблением, противоречие между различными отраслями производства, противоречие между промышленностью и отягощенным земельной рентой сельским хозяйством; анархия рынка и конкуренция; война, как метод этой конкуренции и т. д., и т. п.,—все это расширенно воспроизводится в ходе капиталистического развития.

Это движение связано с движением прибыли, основного нерва капиталистической экономики.

Сейчас мы уже можем судить о процессе крушения капитализма не только на основе абстрактных построений и теоретических предвидений. Крах капитализма начался: Октябрьская революция есть тому живое и самое убедительное доказательство. Революционизирование пролетариата, несомненно, было связано с хозяйственной разрухой, последняя—с войной; война—с борьбой за рынки сбыта, сырья, сферы вложения капитала, т.-е. с империалистической политикой вообще; эта борьба, в свою очередь, являлась не чем иным, как воспроизводством в мировом масштабе конкурентной борьбы, где суб'ектами конкуренции являются уже не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а консолидированные «государственно-капиталистические тресты», т.-е. организованные буржуазией «народно-хозяйственные» тела. Но в этот военный взрыв включены, по существу дела, все противоречия капиталистической системы, о которых мы говорили выше. Их можно формулировать и под другим углом зрения, например, как противоречие между производительными силами мирового хозяйства и «национально» ограниченными методами присвоения со стороны государственно разгороженной буржуазии; или как противоречие между обобществленным в широчайшем масштабе производством и частно-хозяйственными или «национально-буржуазно-хозяйственными» имущественными отношениями. Не-

---

захватывают другие классы Либо относительно усиливающаяся убыль числа капиталистов и увеличение благосостояния пролетариата, либо многочисленный средний класс,—такова единственная альтернатива, которую допускает непрерывный рост производства» (цит. по К. Каутскому, «К критике теории и практики марксизма», Книгоизд. Алексеевой, 1906 г., стр. 164). Итак, по Бернштейну спасение в «среднем классе». Если припомнить, что ревизионисты особенно настаивали на живучести мелкого хозяйства в земледелии, то картина сходства становится особенно яркой. Конечно, и «цели», и выводы у Бернштейна и тов. Р. Люксембург прямо противоположны. но характерно, что исходный пункт анализа, постановка вопроса, положение об условиях капиталистического развития—те же: «третьи лица»—conditio sine qua non капитализма.

трудно было бы, таким образом, детальным анализом показать, как взрыв капиталистической системы включает все противоречия капитализма: он есть их развернутая форма in actu.

Теоретически не исключена,—а даже весьма вероятна,—возможность «второго тура» империалистических войн, как об этом говорил—именно в таких выражениях—тов. Ленин.

Но ко всем противоречиям мировой хозяйственной системы присоединяется еще одно кардинальнейшее противоречие: противоречие между капиталистическим миром и новой хозяйственной системой, строящейся в Советском Союзе. Таким образом, новый конфликт будет еще более глубоким, еще более острым, еще более сокрушительным для капитализма.

Величайшей теоретической заслугой тов. Розы Люксембург было то, что она поставила вопрос о соотношении капиталистической и некапиталистической среды. Но она его именно только поставила. Специфические вопросы, относящиеся к этой большой проблеме (о характере обмена, о различии структур, о модификации закона ценности, о добавочной прибыли, об ускоренном накоплении за счет «третьих лиц» и т. д., и т. п.), тов. Роза Люксембург обошла—или почти обошла, молчанием. Но сама постановка общего вопроса заслуживает, несомненно, самого пристального внимания. Величайшей заслугой тов. Розы Люксембург было также то, что она выдвинула на первый план вопрос о воспроизводстве. Точка зрения воспроизводства—как мы это подробно доказывали в других работах [1])—более, чем когда-либо, обязательна теперь. Но тов. Роза Люксембург упустила из виду, что расширенное воспроизводство капиталистических отношений есть в то же время и расширенное воспроизводство всех капиталистических противоречий. Если бы она ясно это видела, ее не мучил бы вопрос об «об'ективной границе» капитализма, которую она думала найти в исчезновении «третьих лиц», приписывая этим последним роль единственно возможных «реализаторов» прибавочной ценности, производимой наемными рабами капитала.

Наконец, величайшей теоретической заслугой тов. Розы Люксембург было то, что она поставила вопрос об исторической необходимости империализма. Перед лицом реформистов, которые с наглой откровенностью предали марксизм, и перед лицом quasi-ортодоксов типа Каутского, который уже начинал жалко лепетать о возможности реформированного на английский «пацифистский» образец капитализма, тов. Роза Люксембург в упор поставила вопрос об империализме, как явлении неизбежном, неотвратимом, обязательно присущем «имманентному» капитализ-

[1]) Ср. Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм; он же, Экономика переходного периода.

му на определенной стадии его развития. Она, правда, как мы указывали выше, не могла теоретически схватить проблему, как специфическую проблему новейшего времени. Она искала обоснование империализма не в необходимой погоне за большей монопольной прибылью, не в необходимом движении финансового капитала по этой линии, а в абсолютной невозможности существования капитализма без «третьих лиц». Но она ставила вопрос о необходимости империализма и правильно, в общем, отвечала на него, хотя и обосновывала свой ответ неправильными теоретическими соображениями. По отношению к жалкой болтовне реформистов обоих направлений—и открытых ревизионистов, и каутскианцев—работа Р. Люксембург стояла на недосягаемой высоте, ибо она была смелой теоретической попыткой, продуктом блестящего революционного ума. Нечего и говорить о том, что историческая часть работы является и до сих пор непревзойденным трудом по истории колониальных подвигов капитала.

Заключение.

Мы подошли к концу своей работы, и в заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о связи теоретических ошибок тов. Розы Люксембург с рядом ошибок практически-политического характера. Пропорции между правильным и неправильным в этой последней области располагаются, так сказать, параллельно соответствующим пропорциям в области теоретической. В теории правилен основной тезис: «необходимость» империализма и крушения капитализма. В области практики, в области норм, правилен основной тезис, который гласит: чтобы свергнуть империализм, нужно свергнуть капиталистический порядок вообще. Но точно так же, как подход к теоретическому доказательству, цепь аргументов, ведущая к подкреплению тезиса о необходимости империализма и его крушения, неправильна в целом ряде своих звеньев, так неправилен и ряд тактических тезисов, долженствующих вести к практическому «доказательству», т.-е. к превращению оружия критики в критику оружием.

Капитализм погибнет от недостатка «третьих лиц», тут его объективный предел, его же не прейдеши. Хотя он и погибнет «задолго» до того, как исчезнут «третьи лица», но все же именно здесь—конечная причина гибели капитала, его крушения, таково одно из основных логических положений тов. Розы Люксембург.

Если это так, то понятно, что картина капиталистического крушения получает гораздо более монотонный одноцветный, гипертрофированно-выраженный «промышленный» характер.

Если это так, то понятно, что проблема «третьих лиц», как возможных союзников пролетариата в классовой войне против бур-

жуазии, уж не столь гигантски важна. Монотонность картины крушения соответствует монолитности борющихся против империализма и свергающих его сил.

А отсюда, в свою очередь, следует и дальнейшая расшифровка этих положений, из которых вытекает:

1) неправильная постановка национального вопроса;

2) недоучет и неправильная постановка колониального вопроса;

3) недоучет и непонимание крестьянского вопроса.

Совсем иное получается при другой теоретической концепции. Капитализм **развивает** свои внутренние противоречия. От этого, в конце концов, он гибнет, а не от недостатка «третьих лиц». «Третьих лиц» может быть еще чрезвычайно много, хоть ¾ населения земли. Но если при этом капитализм необходимо воспроизводит все свои внутренние противоречия до такой степени, что получается подрыв производительных сил, делающий невозможным существование рабочей силы и вызывающий неизбежно рабочий класс на восстание, подрывающий силы метрополий и поэтому развязывающий силы колониальных рабов, обостряющий национальные противоречия; если противоречия капитализма разбивают блок господствующего класса с крестьянством и заставляют значительные его слои поворачиваться против капиталистического режима,—тогда, само собою разумеется, будет иной и **тактика**, будут иными и лозунги борьбы, будет по-иному поставлена и проблема «союзников»; на первый план выступает сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», с колониальными восстаниями, с национально-освободительными движениями вообще.

Именно эту сторону дела с необыкновенной последовательностью и теоретической выдержанностью разработал **ленинизм**. Таким образом, преодоление ошибок тов. Розы Люксембург неминуемо приводит нас снова и снова к теоретическим положениям и практическим выводам нашего покойного учителя.

Беспросветный ревизионизм.

И. Горшенин.

В области марксистской теории... Петр Маслов является беспардонным и тупым наездником, ибо трудно представить себе нечто более невежественное, чем самодовольная „критика" Маркса Масловым.

Ленин, Собр. соч., т. IX, стр. 511.

Благодаря особым условиям развития России здесь, как ни в одной из других стран, распространились и укрепились идеи марксизма. Именно в России, на основе марксизма под руководством ортодоксальных последователей учения Маркса, выковались в борьбе с самодержавием и капитализмом могучая коммунистическая партия и ленинизм. Вместе с тем, здесь же из рядов теоретиков и революционеров, так или иначе связывавших свои воззрения с именем Маркса, выделялись люди другого типа, которые по своему буржуазному или мелко-буржуазному существу не могли принять революционного марксизма до конца. И чем больше обострялась революционная борьба, тем сильнее происходила эта дифференциация. Россия дала не только выдающихся теоретиков революционного марксизма, как Ленин, Плеханов (до 1905 г.), но она выдвинула также такие «классические» фигуры, как Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев. Внося «поправки» в теорию Маркса, эти «марксисты» докатились, в конце концов, до полного его отрицания и закончили свое «развитие» теоретической и практической деятельностью у белогвардейцев. Жалкие остатки бывших «марксистов» ударились в мистицизм и подвизаются, как видно из последних белогвардейских газет, в области распространения и укрепления... истинной христианской религии.

Но, к сожалению, не все из них избрали такой путь. Один из этой «славной» плеяды, дольше всех остававшийся с.-демократом, профессор П. Маслов до сих пор не отказался еще от надежды «поправить» Маркса и в настоящее время продолжает свою деятельность в этом направлении.

Еще в 1923 году «Госиздат» выпустил его книгу «Наука о народном хозяйстве», но до сих пор она еще не получила должной оценки.

Нельзя сказать, чтобы книга не заслуживала никакого внимания хотя бы уже по одному тому, что она представляет из себя «сборник» идей, которые автор «выносил» на протяжении всей его жизни и которые, по словам автора, упорно никто не хотел (надо думать: не хочет и не захочет. *И. Г.*) признавать и на которые мало кто обращал внимания.

Книга не заключает в себе почти никаких новых идей или «открытий». Она составлена из отдельных глав его прежде напечатанных трудов: «Теории развития народного хозяйства», «Капитализм», «Аграрный вопрос», «Мировая социальная проблема» и ставит своей целью ознакомить «слушателей науки» с «экономическими законами потребления», так как они после опыта мировой войны приобретают особенную важность, а в «имеющихся учебниках политической экономии или совсем нет отдела об экономических законах потребления, или, если имеется отдел о потреблении, то в него входит все, что угодно автору, только не законы потребления, которые экономической наукой очень мало выяснены». Должен оговориться, что для полноты картины мне придется пользоваться не только указанной книгой, но и другими, главным образом, «Мировая социальная проблема», где мысли автора выражены ярче и откровеннее и по существу являются логическим выводом из всего «учения» Маслова.

Идеи, мысли, положения, разбросанные по разным работам П. Маслова и проводившие те или иные «поправочки» и «дополнения» к теории Маркса, уже давно характеризовали его, как определенного ревизиониста. Будучи разбросанными, они не так «били в нос». В «Науке о народном хозяйстве» автор собрал все воедино и показал лицом всю свою Масловскую сущность; показал, что от марксизма в его багаже не осталось ни одного грана. Из-под марксистской фразеологии выглядывает самый доподлинный идеолог мелкой буржуазии, ничего общего с марксизмом не имеющий.

В особенности сильно мелко-буржуазная природа автора сказывается во взгляде на общественные науки, как об'ективные, не связанные ни с какими классовыми интересами. «Для того, чтобы разобраться в экономии, приходится **отвлечься** от партийных и фракционных соображений и сделать анализ фактов экономической жизни» (Мировая социальная проблема, стр. 150).

С этим следует сопоставить слова: «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»[1]).

Маслов не признает никакой связи общественной науки с политикой.

Оставаясь на почве «чистой экономики», автор не может иначе рассуждать, как он рассуждал в 1921 году: «Поскольку коммунизм (т.-е. большевики. *И. Г.*) «похитил» лозунги эсеров (социализация земли и уравнительный надел. *И. Г.*) и провел их в жизнь, постольку крестьянское хозяйство и было разрушено» (Мировая социальная проблема, стр. 123).

Ожесточенная политическая борьба, подчинение экономики основной задаче рабочего класса в октябре,—захват власти и обобществление средств производства—это Маслова не интересует; это—политика, а для него важна «беспристрастная экономика»—он «выше» каких-то классовых интересов.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., том XII. ч. 2, стр. 54.

Духом «беспристрастного»—«чистого экономизма», по существу сводящегося к трусливой беспринципности, пропитаны все произведения П. Маслова, в особенности же написанная после революции книга «Мировая социальная проблема», отдельные главы которой с «надлежащими смягчениями», не изменяющими существа, вошли в книгу «Наука о народном хозяйстве».

Став на «внеклассовую» точку зрения в общественной науке вообще, Маслов старательно проводит эту точку зрения и в политической экономии.

Он считает, что «Политическая экономия ставит своей задачей изучение хозяйственной жизни человеческого общества» (стр. 5)[1]. Вопреки Марксу, он не признает взгляда на политическую экономию, как на науку о законах товарно-капиталистического общества. Политическая экономия зародилась с развитием капитализма и станет ненужной вместе с его исчезновением.

Такой взгляд приводит Маслова к тому, что он старается отыскать общие «экономические» законы для всех мест и времен, тогда как в действительности задача политической экономии (и буржуазной) состоит в том, чтобы за явлениями, присущими всякому экономическому строю, а потому и не характерными для данного общества, рассмотреть и изучить особенности, различие форм, отличающих капиталистический строй от других экономических формаций.

Вне-исторический и не-диалектический метод в политической экономии может привести исследователя только к ошибочным выводам, какие и делает профессор Маслов.

Он считает, что «личное потребление при всяких условиях, при всех периодах экономического развития являлось целью экономической деятельности» (стр. 55). «Капиталистическое производство организуется с целью непроизводительного потребления... Хозяйствующий суб'ект ставит целью организации своего хозяйства непроизводительное потребление» (стр. 82).

За плоским, ничего не говорящим положением, что личное потребление всегда являлось и является целью экономической деятельности, П. Маслов затушевывает тот факт, что в капиталистическом обществе производство предметов и необходимого и непроизводительного потребления одинаково превращается в производство стоимости и в первую голову прибавочной стоимости. А этот факт накладывает особый отпечаток на капиталистическое производство, для которого становится безразличным, какие бы предметы ни производить, лишь бы была прибыль.

Непонимание этой азбучной истины приводит Маслова к нелепым построениям и к теории о непроизводительности непроизводительного потребления, на которой нам еще придется остановиться впоследствии несколько подробнее.

Если просмотреть «законы» хозяйственной деятельности людей, выводимые Масловым, то прежде всего бросится в глаза их вневременность и внепространственность.

---

[1]) Отдельные цифры в скобках без указания книги будут относиться к „Науке о народном хозяйстве“.

Основным принципом, которым руководятся люди в своей хозяйственной деятельности, Маслов считает «принцип экономии энергии».

Этот принцип, как и все Масловские законы, имеет универсальное значение.

«Жизнь со стороны экономической (?!) составляет растрату и восстановление энергии. Ее сохранение возможно лишь при планомерной и целесообразной растрате энергии на удовлетворение потребностей... Зачатки такой хозяйственной жизни мы наблюдаем уже у животных. Белка запасается орехами тогда, когда на их добывание она может затратить минимум энергии, осенью, когда орехи поспевают, но еще не выкрашиваются на землю» (стр. 6).

«...Если приведенные соображения правильны по отношению к животной жизни вообще, то они не менее правильны и по отношению к жизни человечества, которое подчинено биологическим законам и принуждено поддерживать свою жизнь постоянным восстановлением своей жизненной энергии» (стр. 7).

Пытаясь распространить «универсальный» принцип на современное капиталистическое хозяйство, автор ставит резонный вопрос:

«Основным мотивом хозяйственной деятельности предпринимателя является стремление к получению прибыли... стремления к получению прибыли ни у ремесленника, ни у крестьянина нет, они стремятся лишь получить наибольшее количество продуктов при наименьшей затрате энергии труда. Откуда же появился новый мотив хозяйственной деятельности у предпринимателя-капиталиста? Есть ли что-либо общее между хозяйственными целями ремесленника и капиталиста, и если есть, то каким образом и почему произошло превращение мотива экономии труда ремесленника в стремление к получению прибыли?» (стр. 8).

Читатель в праве ожидать ответа на этот существенный вопрос, но напрасно. В ответ на поставленный вопрос, он начинает очень туманно и бессвязно рассуждать о значении «орудия производства» камня и дубины, о «планомерном» распределении человеком своих ограниченных сил на производство средств потребления и средств производства и в конце концов заминает вопрос, оставляя его не разрешенным; из принципа экономии энергии здесь ничего не выведешь.

А в разрешении этого вопроса и заключается весь гвоздь. В погоне за «универсальным принципом экономии энергии» Маслов проглядел или нарочито обошел то, что в капиталистическом обществе «человечество», руководясь якобы «принципом экономии энергии», попадает в такое положение, когда на одном полюсе в руках капиталистов имеются на-лицо незанятые средства производства и масса готовых продуктов, которые не могут быть проданы, на другом полюсе—масса рабочих сил, нуждающихся в этих средствах производства и предметах потребления, но не могущих купить. На-лицо факт колоссальной растраты человеческой энергии, который никак не увязывается с «универсальным» принципом экономии энергии.

Вот, если бы профессор продумал вопрос до конца, то он не стал бы, пожалуй, как маниак сотни раз повторять сами собой разумеющиеся пошлые фразы о значении для политической экономии принципа экономии энергии, а в результате с'экономил бы порядочное количество энергии, растраченной совершенно бесплодно.

Такое же «всеоб'емлющее» значение в системе Маслова имеют «экономические законы» потребления.

«Так как законы потребления наиболее универсальны,—говорит П. Маслов,—и господствуют при всех (курсив наш. *И. Г.*) стадиях и формах развития хозяйства, то отдел о потреблении и пришлось поставить впереди других отделов» (ст. 3).

«В человеческом обществе биологический (!) закон экономии энергии принимает более сложные формы, чем у животных, прежде всего, потому, что потребности человека гораздо разнообразнее... Хозяйствующие суб'екты должны распределять (курсив автора. *И. Г.*) свои производительные силы для удовлетворения своих потребностей таким образом, чтобы прежде всего обеспечить свое существование...

«...Поэтому без анализа потребления этого общества нельзя изучать и распределение производительных сил. Между тем, изучение потребления продуктов народного хозяйства до настоящего времени не входило в задачу науки о народном хозяйстве» (стр. 23).

Законы потребления, по Маслову, не только «универсальны», но являются закqнами, определяющими производство и производительные отношения, хотя он не отрицает и обратной зависимости.

«...Производство определяется характером потребления уже произведенных продуктов... Распределение производительных сил находится исключительно (курсив наш. *И. Г.*) в зависимости от характера потребления национального дохода, хотя нельзя отвергать и обратную зависимость характера потребления от организации производства» (стр. 25. Курсив автора. *И. Г.*).

Но... «во всяком случае законами потребления определяется характер распределения производительных сил, и поэтому изучение хозяйства приходится начинать с изучения законов потребления, как общих законов во все периоды развития хозяйства» (стр. 26. Курсив наш. *И. Г.*).

Из вышеприведенного ясно, что законы потребления действительны и для товарного капиталистического общества. Нужно это автору для того, чтобы вывести положение, что и в капиталистическом, как и в натуральном и в индивидуальном хозяйстве, производство определяется потребностями. На это он сам ясно и определенно указывает. «Затрата общественных производительных сил на различные отрасли производства определяется настоятельностью общественной потребности в каждом продукте и затратами труда на его производство и только в капиталистическом обществе затраты труда заменяются издержками производства» (стр. 47).

«...Увеличение настоятельной потребности в каком-либо продукте выражается в повышении спроса, а следовательно, и цены этого продукта» (стр. 53).

Здесь больше всего сказывается метафизический образ мышления проф. П. Маслова. Рассуждает он приблизительно по такой схеме: человек есть организм, который должен жить; чтобы жить, он должен удовлетворять свои потребности, различные в зависимости от климата и других естественных условий, но более или менее постоянные по своему значению: пища, одежда, жилище, увеселение и т. д. При этом автор заимствует для доказательства скалу настоятельности потребностей Менгера. Так как общество есть сумма людей, обладающих определенными потребностями, то от них зависит, как распределяет оно свой труд и средства производства для добывания предметов потребления. Следовательно, законы потребления определяют и характер производства.

Основная ошибка Маслова заключается с одной стороны в том, что он считает потребности данными от природы. Он не принимает во внимание изменяющийся характер потребностей в зависимости от социальных условий в процессе исторического развития. Как и в вопросе о принципе экономии энергии, автор за общим положением — что люди едят, пьют, спят — не разглядел той «маленькой» особенности, что в различное время и в разной социальной обстановке удовлетворение этих потребностей имеет различный характер и определяется состоянием производства. В поисках «универсального закона потребления» Маслов оставил в тени то, что является специфическим для капиталистического строя.

Если в отдельной семье с натуральным хозяйством труд и средства производства распределяются планомерно в зависимости от настоятельности потребностей; если в коммунистической общине непосредственно учитываются общественные потребности, хотя удовлетворение их всегда зависит от степени развития производительных сил, то в капиталистическом обществе потребности принимают особую форму, присущую только товарно-капиталистическому строю.

В капиталистическом обществе потребности не являются фиксированной, раз на всегда данной величиной; ее границы суживаются или расширяются в зависимости от наличия покупательных средств в кармане потребителя и от цены товара. Чем ниже цена товара, тем больше расширяются потребности. А оба фактора: цена товара и покупательная способность потребителя определяются производством.

Выводить «законы потребления» из анализа натурального и индивидуального хозяйства, как это делает Маслов, и потом переносить их на капиталистическое общество, — значит, заниматься пустым делом. Издавать книгу в 700 страниц для того, чтобы читателю преподнести в конце концов т а к и е «законы» потребления, которые не пригодны для капиталистического общества, значит не уважать «слушателя науки».

* * *

Следующим «естественным», «универсальным законом» является «факт убывающей производительности труда». Цели и сред-

ства,—говорит Маслов,—которыми руководствуются хозяйствую щие суб'екты, одинаковы как в земледелии, так и в индустрии «Но в земледелии новые траты труда и капитала на ту же землю менее производительны и менее выгодны. Поэтому земледельческое хозяйство, по мере увеличения потребностей в хлебе, благодаря возрастанию населения, должно стремиться к расширению посевов на большую площадь земли» (стр. 609).

А так как новые дополнительные затраты менее производительны, то люди стараются расширить территорию и вести экстенсивное хозяйство. Количества земли не безграничны, в конце концов приходится переходить, вследствие увеличения населения, к дополнительным затратам труда и капитала на ту же площадь земли, т.-е. к интенсивному хозяйству, которое менее производительно, чем экстенсивное. «Экстенсивное и интенсивное хозяйства различаются нами по количеству издержек производства на единицу площади земли» (стр. 611).

При этом он предупреждает, что нельзя смешивать «производительность» с «доходностью». При убывающей производительности может повышаться доходность вследствие повышения цен на хлеб.

«О б щ а я п р о и з в о д и т е л ь н о с т ь т р у д а в з е м л е д е л и и, б л а г о д а р я т е х н и ч е с к о м у п р о г р е с с у, м о ж е т у в е л и ч и в а т ь с я и, д е й с т в и т е л ь н о, у в е л и ч и в а е т с я (курсив наш. *И. Г.*), но различие между первыми и последующими затратами труда на ту же площадь земли остается. Технический прогресс не может задерживать или уничтожить факта падения производительности последовательных затрат, а, напротив, увеличивает разницу производительности труда» (стр. 619).

«Если первая затрата капитала давала 60 пудов, а вторая 30 пуд., то при развитии производительных сил первая затрата может дать 120 п., а вторая—60 пуд., производительность труда удвоится, а падение последовательных затрат капитала на ту же землю останется неизменным» (стр. 617).

«Закон» или «факт» убывающего плодородия, как у «порядочных» буржуазных экономистов, так и у проф. П. Маслова, отличающегося от них только марксистской фразеологией,—вытекает из того, что в капиталистическом обществе **к а ж д а я** сотня к а п и т а л а, п р и б л и з и т е л ь н о д а е т и д о л ж н а давать о д и н а к о в у ю п р и б ы л ь, т.-е. быть одинаково производительной. А это в свою очередь вытекает из вульгарного представления, что капитал с а м п о с е б е способен производить прибыль. Хотя Маслов и говорит, что нельзя смешивать «доходность» и «производительность», все же и он окончательно не может отрешиться от представлений, навеянных с одной стороны вульгарной экономией, с другой капиталистической практикой, фактами, на которые так охотно, и часто невпопад, опирается Маслов. Но если проф. Маслов признает технический прогресс и изменение производительности затрат во времени, то для анализа остается одно условие: данная, неизменяющаяся техника (это очень условное и неверное допущение, потому что техника изменяется каждую минуту) и применение ее на определенном участке земли.

Посмотрим, что получится. Прежде всего надо предполагать что хозяйствующий суб'ект ведет хозяйство вообще р а ц и о н а л ь н о, т.-е. использует все достижения техники и науки. Это

значит, что на определенном участке земли затрачивается определенное соответствующее количество удобрений, лучшие семена, подходящие по климату и почве, производится определенная вспашка, соответствующая состоянию почвы, посев и уборка производятся с использованием усовершенствованных машин и орудий. Для всех работ у машин и по уходу за скотом требуется определенное количество рабочих.

При этих условиях всякая дополнительная затрата труда и капитала, всякая дополнительная машина, удобрение, всякий рабочий, является не рациональной дополнительной затратой (а на рациональности этих затрат настаивает сам автор, стр. 61), а глупостью, которую могут рекомендовать только буржуазные экономисты, да профессор Маслов. Может быть, скажут, что можно дополнительные затраты производить, взяв в известной пропорции всех средств производства: удобрений, семян, машин, рабочих. Это тоже было бы неверно, потому что земля является также средством производства и определенное количество ее требует вполне определенных, соответствующих ее количеству, материальных затрат при данной технике. Одинаковое положение было бы, если бы на фабрике решили дополнительно затратить труд и капитал и к данной машине добавили бы по одному человеку, когда там больше не требуется, или добавили бы лишнее количество смазочного материала. Если же условием брать положение, когда вначале применяется одна техника—отставшая от последнего слова науки, а при дополнительных затратах вводятся новые, лучшие машины, удобрения и т. д. (что в действительности и бывает), то ведь этот случай сводится к изменению техники во времени, а для данного случая сам же автор признает свой «закон убывающей производительности затрат» недействительным.

Характерно, что, стараясь доказать «факт убывающей производительности», Маслов говорит, что «дополнительные затраты на орудия и средства производства повышают производительность «единицы площади земли», а увеличение «обработки и удобрения» понижает производительность (стр. 64. Курсив наш. *И. Г.*). Вся нелепость этого положения ясна, так как обработка происходит тоже при помощи затрат на средства производства, а удобрения нельзя относить ни к чему иному, как к средству производства. Это показывает, насколько запутался автор в своих «изобретениях».

Вместе с «законом убывающей производительности» у Маслова рушится попытка отрицания абсолютной ренты (стр. 629), как ее понимал Маркс. Разбирать очередную «путаницу» Маслова мы не будем вследствие ограниченности места.

Интересен факт, на который указывает т. Ленин. П. Маслов в немецком переводе книги «Аграрный вопрос в России» «выкинул все», относящееся к отрицанию абсолютной ренты, закона убывающего плодородия и т. д. Перед европейцами Маслов спрятал в карман «всю» свою теорию» (Ленин, Собр. соч., т. IX, стр. 520).

В «Науке о народном хозяйстве» вся теория сохраняется. Или автор убедился окончательно в своей правоте, или он считает, что для русского «слушателя науки» сойдет и так?

*

Но где более всего путает Маслов, так это в вопросе о так называемом «перераспределении производительных сил». На протяжении всех своих трудов он упорно склоняет «перераспределение производительных сил», как будто заклиная или боясь—как бы о них не забыли, тогда как им все явления экономической жизни рекомендуется рассматривать с точки зрения «перераспределения производительных сил».

«Считая главным предметом отдела «о производстве» анализ процесса распределения и перераспределения производительных сил, мы должны каждое явление экономической жизни рассматривать в связи с этим процессом» (стр. 297).

«Задача политической экономии заключается не только в том, чтобы констатировать... но и в том, чтобы установить закономерность смены одних форм производства другими, одних технических приемов производства более производительными, установить причинную связь явлений. Между тем эту причинную связь возможно установить, лишь установивши связь форм производства техники и т. д. с процессом распределения производительных сил страны между различными отраслями промышленности».. (стр. 296).

«Техника производства зависит от распределения производительных сил страны между производством орудий производства и предметов непосредственного потребления: чем большая доля труда в народном хозяйстве затрачивается на орудия производства, тем выше техника, и обратно» (стр. 296).

Но прежде, чем перейти к разбору этих положений, необходимо установить, что же в конце концов понимается под «производительными силами»?

«Процесс перераспределения производительных сил выражается в том, что число занятых рабочих рук в какой-либо отрасли промышленности сокращается, и рабочие перемещаются в другие производства» (стр. 421).

«...Производительными силами общества мы называем сумму затрачиваемого живого труда и средств, необходимых на дальнейшее производство» (стр. 18 «Теорий развития народного хозяйства»).

Какое определение производительных сил дает Маслов?

Под производительными силами он понимает сумму живого и мертвого труда, т.-е. берет одну количественную сторону и опускает качественную, а это не пустяк.

Неверно, что «чем большая доля труда в народном хозяйстве затрачивается на орудия производства, тем выше техника».

При ремесленном производстве, когда ремесленник сам изготовляет для себя инструменты, им тратится колоссальное количество времени на эту работу. Но если усовершенствуется, например, техническое разделение труда, при тех же самых инструментах или измененных, но на производство которых затрачивается не больше рабочего времени, чем прежде,—результаты получаются совсем иные. Количества труда, доли живого и мертвого (овеществленного в орудиях производства) может оставаться неизменным, а техника производства становится выше. Коопе-

рирование процесса производства, организация связи и сообщения, использование достижений науки—могучие факторы в развитии производительных сил остаются для Маслова книгой за семью печатями.

Неверное понимание производительных сил приводит его к неверному взгляду на процесс развития их.

Маслов говорит: «Обыкновенно развитие производительных сил смешивается с развитием производительности рабочих... (стр. 17). Развитие производительных сил населения какой-либо области или страны обусловливается (а не наоборот? *И. Г.*), конечно, развитием производительности труда рабочих, но последнее понятие не охватывает первого. Развитие производительных сил населения возможно и при статическом состоянии производительности труда и обратно, даже при увеличении производительности труда возможна остановка в развитии производительных сил населения какой-либо области или страны. Например, при сильном развитии милитаризма, когда огромная часть населения отвлекается от производства, когда большая часть производимых продуктов потребляется в виде «непроизводительного» потребления на военные потребности, производительные силы населения могут падать, хотя производительность труда (самостоятельных и несамостоятельных) рабочих, занятых в процессе производства, может увеличиваться» (стр. 18).

«...Итак, состояние производительных сил данного населения определяется суммой продуктов, производимых в стране для дальнейшего производства, т.-е. для производительного потребления. Развитие производительных сил выразится в увеличении количества этих продуктов...» (курсив автора. *Ч. Г.*). Развитие производительных сил возможно даже при некотором понижении производительности труда, если увеличение затрачиваемого труда произошло в большей степени, чем падение его производительности, и общая сумма продуктов, производимых каждым работающим, увеличилась» (стр. 21).

Производительность труда при данных естественных условиях (при данной урожайности почвы, при данной плотности населения и т. д.) зависит от количества (курсив наш. *И. Г.*) труда, затрачиваемого на средства производства как в натуральном хозяйстве, так и в хозяйстве капиталистическом» (стр. 309).

Последние цитаты еще раз подтверждают, что сущность вопроса для Маслова состоит в том: «какое количество труда живого и мертвого распределяется по отдельным отраслям производства», в частности для производства средств производства и средств потребления. Здесь он ищет разрешения того противоречия капиталистического общества, которое выразилось в разрушении производительных сил во время войны, несмотря на повышение производительности труда в промышленности.

Прежде всего необходимо принять во внимание, что повышение производительности труда было не во всех и даже не в большинстве отраслей производства, а лишь в тех, которые работали на военные нужды. В большинстве отраслей было понижение производительности труда, хотя бы потому, что миллионы рабочих и крестьян были оторваны от производства; на фабриках и в

сельском хозяйстве труд привычного квалифицированного работника пришлось заменять неквалифицированным трудом женщин, стариков и детей. Повысилась порча машин и материала.

Далее. Для Маслова представляется, что «перераспределение производительных сил», т. е. количеств труда живого и мертвого между отдельными отраслями производства является **определяющим** фактором, тогда как это совершенно неверно.

Для натурального хозяйства, из анализа которого исходит Маслов, перераспределение сил могло являться определяющим фактором (это принять можно с чрезвычайно большой натяжкой), но для товарно-капиталистического хозяйства «перераспределение производительных сил» является **функцией производства**, производной величиной, зависящей от состояния производительных сил, главным образом техники. Перераспределение производительных сил происходит в зависимости не от «потребностей», как думает Маслов, а от изменения производительности труда в различных отраслях производства. Введение новых технических усовершенствований делает ненужной значительную часть рабочих в данном производстве, и они переходят в другие отрасли.

Пресловутый процесс «перераспределения производительных сил» в капиталистическом обществе ничего из себя существенного не представляет и не является **определяющим** фактором в производстве. За деревьями Маслов не видит леса. Для капиталистического общества характерно «перераспределение производительных сил» **не между различными отраслями производства**, это присуще всем эпохам и ступеням развития,— хотя этот процесс происходит различными путями в различных экономических структурах: сознательное распределение в коммунистической общине и стихийное в товарном хозяйстве. Для него характерна **экономическая форма** организации в производстве этих сил. В обществе самостоятельных товаропроизводителей элементы производительных сил не разорваны между собой. Орудия, средства производства, земля, рабочие руки являются собственностью производителя. То, какие продукты он будет производить, заранее известно, потому что для ремесленника, чтобы выучиться другому ремеслу, надо затратить колоссальное количество времени. Вопрос идет только о **количестве** производящихся товаров; отсюда вытекают различные цеховые регламентации.

Иное положение при капиталистическом строе. Производительные силы разорваны. На одной стороне находятся в руках класса капиталистов средства производства и обращения, земля, наука и природные богатства. На другой—вторая часть производительных сил рабочая сила, класс производителей. Превращение денег в капитал, стремление к получению прибыли **освобождают** капиталистов от определенной раз навсегда данной отрасли производства. Машина облегчает приспособление рабочих к различным отраслям труда. Начинается скачка за высокими прибылями, усовершенствование машин, кризисы и в результате этого процесса в капиталистическом строе постоянно имеется на одном полюсе «излишняя» резервная армия, обреченная на голодовку и вымирание. Несмотря на увеличение количества средств производства, остаются «ненужные рабочие силы». «Производительные силы полностью не используются в интересах всего обще-

тва, при наличии такого распределения «производительных сил» не между отраслями, а между основными классами. Вот на что надо было бы обратить внимание гражданину профессору, а не повторять до тошноты ничего по существу не стоящие положения.

До чего доходит Маслов с употреблением своего «перераспределения производительных сил» между отраслями производства, видно из следующего места:

«Процесс концентрации капитала, процесс разорения мелких хозяйств и относительного их сокращения... происходит путем сокращения средств производства. Это сокращение средств производства происходит вследствие того, что они постепенно идут на личное потребление, «проедаются»... Этот процесс потребления средств производства в мелких предприятиях и создает перераспределение производительных сил из мелких предприятий в крупные» (стр. 513).

Каким же образом происходит, по Маслову, этот, с позволения сказать, «процесс концентрации»?

«Производительные силы, это—живой труд и средства производства. Живые рабочие силы передвигаются непосредственно. Средства производства передвигаются другим путем: их потребляют постепенно живые рабочие силы. Таким образом удешевляется стоимость рабочих рук для капитала, т.-е. крупный капитал поглощает мелкий через процесс личного потребления средств производства миллионных предприятий, эксплоатируемыми им рабочими силами в период их воспитания» (стр. 513).

Не говоря уже о чрезвычайно «ученой» путанице (напр., крестьянин-капиталист и употребление понятия «концентрации» вместо «централизации»), Маслов никак не может обойтись без того, чтобы не «изобрести» в «дополнение» к Марксу какой-нибудь фокус, сводящийся фактически в путаному ревизионизму.

Каким образом в действительности, не по Маслову, происходит процесс разорения мелких производителей? Вследствие невозможности конкурировать с низкими ценами на продукты фабричной промышленности (или крупного с.-х. предприятия, если это крестьянин), мелкий производитель обыкновенно попадает в кабалу. Его средства производства, плуг, земля продаются за долги. Лишаясь их, он становится пролетарием. Произошел процесс «перераспределения производительных сил», только не в масловском смысле, т.-е. не между производством предметов личного потребления, с одной стороны, и производством средств производства, с другой,— а процесс раз'единения рабочей силы от средств производства, отрыв средств производства от производителя. Представлять это в виде процесса «перераспределения производительных сил» между личным производительным потреблением может только такой «ученый», как профессор Маслов. От такого «перераспределения» может ничего не измениться в области распределения между отраслями производства—производительного и непроизводительного потребления. Крестьянин в батраках будет вырабатывать также с.-х. продукты и потреблять их не больше, чем потреблял ранее. Средства производства так же идут в ход. И здесь, как и всюду, «процесс перераспределения производительных сил» гражданин профессор притащил за уши.

Но интереснее всего то, что «марксист» Маслов заменил учение Маркса о «стоимости рабочей силы»... «процессом перераспределения производительных сил». «К. Маркс... анализировал норму заработной платы не для выяснения законов, определяющих ее величину, у различных категорий рабочих, а для выяснения источника прибавочной ценности» (стр. 411).

«Господствующие в политической экономии теории, как мы постараемся доказать, совершенно несостоятельны. Следовательно, требуется дальнейшая разработка теории, с помощью которой можно было бы об'яснить различие заработной платы в одной профессии, но в различных районах и в различных профессиях одного района» (стр. 411).

Для «опровержения» господствующих теорий (надо читать: марксистской) зарплаты, он привлекает статистический материал.

Зарплата до войны.

	Наборщиков.	Каменщиков.	Плотников
В Ленинграде	2 р. — к.	1 р. 39 к.	1 р. 53 к
„ Берлине.	2 „ 60 .	3 „ 12 .	3 „ 12 .
„ Нью-Йорке. . . .	6 „ 07 .	9 „ 86 .	8 „ 02 .

«Это различие,—говорит профессор,—относительной платы труда профессий наборщиков, каменщиков и плотников нельзя об'яснить ни «квалифицированностью» труда, ни «стоимостью содержания рабочих». Почему более «квалифицированный» в России труд наборщиков оказывается в Западной Европе или в Соединенных Штатах менее «квалифицированным», чем труд каменщиков и плотников и оплачивается там ниже? Если определять заработную плату «стоимостью рабочей силы», то почему в Западной Европе и в Соединенных Штатах «стоимость рабочей силы» наборщика ниже стоимости рабочей силы каменщика или плотника? «Единственное об'яснение указанному явлению мы найдем в процессе перераспределения производительных сил (!) (курсив наш. *И. Г.*) страны. В России земледелие непосредственно выбрасывает рабочих в строительную промышленность. В Зап. Европе и в Америке строительные рабочие вербуются из городских рабочих. А так как строительная промышленность и в Зап. Европе и в Соед. Штатах очень быстро развивается, то это вызывает передвижение в нее рабочих рук путем относительного повышения заработной платы» (стр. 400).

«Если американский рабочий получает более высокую заработную плату, то не потому, что она определяется стоимостью содержания рабочего, а потому, что более благоприятные экономические условия дали возможность рабочим, благодаря относительно высокой заработной плате, поддерживать удовлетворение своих потребностей на более высоком уровне, чем в Европе или Азии» (стр. 481).

Можно ли что-нибудь придумать банальнее «профессорского» об'яснения этой «состоятельной» теории?!

Если бы гражданин профессор не «козлоумствовал», а действительно изучал явления с действительно марксистской точки зрения, то он смог бы об'яснить вышеприведенную таблицу и «квалифицированностью» труда и что еще важнее «стоимостью» рабочей силы.

Заработная плата каменщиков и плотников в Америке и Германии потому выше, что они являются **сезонными** рабочими. А рабочая сила, чтобы быть воспроизведенной, должна питаться, одеваться круглый год. Так как они вербуются из городских рабочих, то у них нет другого побочного заработка зимой. Если перевести заработную плату на годовую, то получится и у каменщиков и у плотников низшая заработная плата, чем у наборщиков. Вот вам, гражданин профессор, и «квалификация» и «стоимость», потому что квалификация определяется высшей стоимостью рабочей силы, большим количеством труда для ее подготовки—обучения.

В России зарплата каменщиков и плотников ниже потому, что они вербуются,—как вы верно изволили сказать, но не сумели правильно об'яснить,—из деревни, тоже сезонно. Но у них имеется подсобное крестьянское хозяйство, где работают дети, жены, старики, да и сами плотники и каменщики участвуют в запашке и уборке хлеба. Это дает возможность понижать заработную плату, так как она есть не просто «стоимость», а денежное выражение стоимости, т.-е. цена рабочей силы, которая может колебаться около стоимости всякого товара и очень редко совпадает. Закон стоимости Маркса в том и заключается, что стоимость является центром, около которого колеблются цены. Отсюда видно, что стоят следующие рассуждения:

«Если бы эти различные нормы заработных плат обуславливались случайными или временными колебаниями под влиянием спроса и предложения, то можно было бы рассматривать это различие высоты зарплаты, как случайное временное отклонение от какой-то средней нормы. Но это различие заработных плат не является временным колебанием, а постоянное явление, тесно связанное с основами капиталистического строя» (стр. 481).

«Марксист» не дал себе труда понять сущность закона стоимости Маркса, его понимания сложного (квалифицированного) и простого труда и кое-чего много другого.

Маслов считает, что вообще теория зарплаты, определение рабочей силы «стоимостью» и сведение «стоимости» рабочей силы к культурному уровню—неверна. «Высота заработной платы обыкновенно об'ясняется высотой культурного уровня»... Но он не может определять высоту заработной платы. Напротив, высота заработной платы имеет непосредственное прямое влияние на культурный уровень рабочих» (стр. 348).

Маслов, как и его коллега Туган сходятся в этом пункте (только ли в этом?), в отрицании теории зарплаты Маркса. Ошибка заключается в том, что они рассматривают образование зарплаты метафизически, вне исторического развития и не видят того, что сама «ценность» рабочей силы есть величина изменяющаяся, поскольку изменяется ее квалификация с изменением культурного уровня.

Все попытки Маслова «изобрести» свою теорию заработной платы сводятся к плоским положениям о том, что «норма заработной платы» индустриальных рабочих определяется нормой зарплаты, устанавливаемой в районе избыточных рабочих рук. Разница в зарплате может превышать только на стоимость расходов по проезду рабочих из избыточного района до данного места и

так же от того, насколько быстро можно выучиться той или иной специальности.

Гораздо интереснее выводы из «его» теории зарплаты.

«Более высокая заработная плата в развивающихся отраслях промышленности выплачивается не из прибыли, а путем повышения цены соответствующего товара. Повидимому, ее выплачивает потребитель...» (стр. 445).

«...Значительное повышение заработной платы в отдельном предприятии без повышения цены продукта может значительно сократить прибыль этого предприятия и заставить этого предпринимателя остановить производство... При общем повышении заработной платы в той или другой отрасли производства предприниматели даже имеют возможность повысить цены производимых продуктов и таким образом, несмотря на повышение зарплаты, получать в данной отрасли такую же норму прибыли, как и раньше, до повышения заработной платы... Но в большинстве случаев как раз в передовых капиталистических странах, где заработная плата относительно выше, значительное повышение цены продуктов невозможно, вследствие конкуренции стран с более дешевым трудом. Следовательно, значительное повышение заработной платы в каждой отрасли промышленности, без риска перевести ее в другие страны, возможно только путем международного соглашения рабочих отдельных отраслей промышленности и путем пропорционального повышения заработной платы во всех странах, производящих данный продукт на мировой рынок» (стр. 476).

Прежде чем требовать повышения заработной платы, надо считаться с рыночными ценами, прибылью и т. д. «Практически рабочие союзы Англии и Германии считались с необходимостью ограничения своих требований в борьбе с предпринимателями, учитывая рыночную кон'юнктуру и прибыли предпринимателей, но профессиональные союзы всегда были под подозрением теоретиков ортодоксальных социалистов, как опортунисты» (стр. 248 «Мировой социальной проблемы»).

Видите, читатель, как в «профессорской» натуре уживается вместе «революционер», разглагольствующий о необходимости международной организации рабочих, рядом с... буржуазным прихвостнем, который говорит, чтобы рабочие отдельных отраслей не особенно напирали, ибо это может разорить капиталиста и, таким образом, фактически предлагает «воздержание от борьбы».

Больше того, П. Маслов вообще считает, что заработная плата рабочих может быть повышена только за счет производительного потребления класса капиталистов или государства, и сюда, в эту плоскость за более рациональное употребление прибыли капиталистами должны перевести рабочие центр тяжести борьбы.

Вопрос о производительном и непроизводительном потреблении занимает у Маслова одно из почетнейших мест. К этой теории он пришел, изучая «тщательно» и по-профессорски «добросовестно» бюджеты крестьянских и калмыцких скотоводческих хозяйств, а потом окончательно убедился в правильности своей теории после мировой войны и... революции:

Относительно «добросовестности» исследования профессора П. Маслова можно убедиться уже по одному тому, как он считает, «что основывать анализ национального или мирового хозяйства на анализе только меньшей части предприятий, предприятий капиталистических, хотя и играющих руководящую роль в общем развитии страны, было бы нецелесообразно» (стр. 232).

Профессор-меньшевик настолько пропитан «демократизмом», что даже в «чисто-экономическом» исследовании решает вопросы... большинством голосов. О научной ценности такого метода говорить не приходится.

Сущность «идеи» о производительном и непроизводительном потреблении заключается в следующем.

Мотивом хозяйственной деятельности человека является потребление, а принципом, которым руководствуются хозяйствующие суб'екты,—экономия энергии. Человек, исходя из этих «основ», распределяет и перераспределяет производительные силы». В зависимости от того, большую или меньшую часть затрачивает общество на производство средств производства в отличие от средств потребления—будут развиваться или падать производительные силы страны или области.

«Производительным потреблением называется целесообразная затрата продуктов на производство и расширение производства для необходимого потребления. Непроизводительное ведет к обратным результатам, поглощая часть производительных сил общества, которые могли бы быть затрачены производительно на удовлетворение необходимых потребностей» (стр. 84).

«...Капиталисты, целью производства которых является непроизводительное потребление, вынуждены все-таки накоплять капиталы и средства производства и выполняют это и будут выполнять лучше, чем какой-либо другой класс, в каком-либо другом строе».

«...Отрицательная сторона капитализма заключается не в процессе накопления, а в том, что это накопление идет на непроизводительное потребление. Так как развитие производительных сил зависит от количества накопленных средств производства, а капиталистическое накопление больше чем какое бы то ни было способствует этому. Рабочий класс заинтересован в развитии производительных сил, следовательно, и в накоплении. Поэтому они не должны выступать против различных форм заработной платы (сдельной, сверхурочной), повышающей производительность труда («Мировая социальная проблема», стр. 116).

В своих требованиях повышения заработной платы рабочие должны помнить, что их доля может «возрасти или на счет доли, потребляемой капиталистами, или на счет доли, употребляемой на увеличение основного капитала, на расширение производства... Задача экономической политики (какой? капиталистической? *И. Г.*) заключается в том, чтобы массовое потребление происходило за счет сокращения потребления класса капиталистов» (стр. 107). «...Рабочим необходимо улучшение положения, т.-е. увеличение потребления, но при этом нужно иметь в виду интересы хозяйственного развития всего общества, чтобы борьба рабочих не препятствовала этому развитию» (стр. 100).

В этом отношении интересы капиталистов совпадают с интересами рабочих, о чем он чрезвычайно ярко и недвусмысленно говорит в своей работе «Мировая социальная проблема»: «При распределении национального дохода интересы различных классов (напр., рабочих и предпринимателей) противоположны, а в хозяйственном развитии могут быть заинтересованы классы с противоположными классовыми интересами» (стр. 208 «Мировой социальной проблемы»).

При этом он заявляет, что «классовые интересы настоящего суть интересы распределения» (стр. 207) и что «защита классовых интересов рабочих и классовая борьба, поскольку она направлена против непроизводительного потребления, является необходимой» (стр. 209).

Классовая борьба рабочих с капиталистами должна вестись не для того, чтобы изменить капиталистический способ производства на коммунистический, а лишь постольку, поскольку она направлена против непроизводительного потребления своего дохода капиталистами. Так изуродовать теорию классовой борьбы способны только бывшие «марксисты».

Но это еще не все.

Высшей точки оппортунизм Маслова достигает в следующем заявлении:

«Поскольку рабочий класс подчиняет интересы распределения интересам продукции (т.-е. охраняет капиталистическое накопление. *И. Г.*), т.-е. свои классовые интересы настоящего интересам хозяйственного развития, интересам будущего, постольку он может стать носителем экономического прогресса и нового социального строя» (стр. 208 «Мировой социальной проблемы»).

Для того, чтобы дойти до такой наглости, чтобы видеть историческую задачу пролетариата в усилении своей собственной эксплоатации и охране капиталистического накопления, нужно быть «профессором», да еще Масловым.

Но что же делают и к чему призывают социалисты, продолжает профессор. Они, во-первых, не обращали и не обращают внимания на значение непроизводительного потребления. Во-вторых, они считают, что расширение личного потребления рабочих возможно не только за счет непроизводительного потребления, но и за счет накопления капитала.

«В такой же степени (как и эсеры), социалисты-марксисты ставили в основу рабочей политики увеличение доли рабочих не за счет только непроизводительного потребления капиталистами и государством, а за счет вообще «прибавочной ценности», за счет накопления капитала, т.-е. за счет увеличения орудий и средств производств» (стр. 195, там же).

«К Маркс именно так и ставит вопрос... «накопляйте, накопляйте, в том Моисей и пророки»,—вот лозунг капиталистической буржуазии, «накопляйте за счет потребления рабочих». Из этого повидимому (!!) следует логический вывод, что уничтожение язв капитализма требует обратного (!!) лозунга:

расширяйте личное потребление масс за счет накопления» (стр. 118, там же).

Прежде всего приходится обратить внимание на «научные» приемы профессора Маслова. Вместо того, чтобы постараться изучить и понять Маркса, понять, какие меры, какое «лечение» предлагал Маркс от «капиталистических язв»—гражданин профессор «логически» выводит «мнение Маркса» из лозунга... буржуазии.

Как вам нравится этот прием? Для господина профессора недостаточно извратить Маркса, он не может обойтись без того, чтобы еще не налгать.

По существу вопроса только такие, с позволения сказать, «марксисты», как Маслов, в погоне за «универсальными» «вечными» законами могут принимать за одно вещи, ничего общего между собой не имеющие; только такие «Масловые» головы могут думать, что при капиталистическом строе чего-нибудь стоят пустые рассуждения о... (чуть было не сказал: «о вреде курения табака») том, что капиталисты занимаются непроизводительным потреблением, производят «вместо плугов фейерверки и породистых собак» и «разводят оленьи парки». Никакие возмущения профессоров, никакие пацифистские проповеди, никакие громовые речи «социал-демократов», хотя бы «экономически образованных», подобно Маслову, не могут заставить капиталистов производить не то, что им дает высокую прибыль, что им нужно для защиты капиталистического строя, т.-е. пулеметов, газов, пушек, снарядов для непроизводительного потребления. Отсюда понятно, чего стоят его рассуждения о путях проведения его предложения. «Сокращение непроизводительного потребления при капиталистическом строе возможно только путем государственных мероприятий, потому что значительную часть национального дохода тратит непроизводительно государство, главным образом на военные потребности, а также и потому, что только государство путем государственных мероприятий заставит (!!) частных предпринимателей тратить свой доход более производительно» (стр. 101, там же).

Мелко-бурж. профессор никак не может понять, что «государство»-то и есть самая сильнейшая организация самих капиталистов для угнетения трудящихся и для защиты капиталистического строя. Требовать от них того, чего хочет Маслов—это значит «желать», чтобы волк превратился в ягненка. Непонимание сущности государства приводит Маслова к тому выводу, что расходы на содержание Красной армии и государственного аппарата Советской России являются совершенно не нужными, так как это есть «непроизводительное потребление». Заклинаниями, гражданин профессор, не сделаешь социалистической революции, а в этом вся соль, которую вам понять вряд ли когда-нибудь удастся!

Путь борьбы один. Повседневная, упорная борьба во всех, даже отдельных, гражданин профессор, предприятиях за облегчение условий эксплоатации и за повышение заработной платы (не бойтесь, господин профессор, что это сократит накопление средств производства, капиталисты вынуждены «накоплять» капиталистическими отношениями и об этом нечего заботиться рабочим), чтобы избежать вырождения и полнейшего истощения до

невозможности ведения борьбы, с одной стороны,—и организации рабочего класса для вооруженного восстания, захвата власти и социалистической революции, с другой. Как раз этого-то и не желает профессор П. Маслов. Увидев на опыте России, к какому разрушению производительных сил привела революция (по мнению Маслова), а непроизводительное потребление почти не сократилось, если не увеличилось, развитие техники прекратилось совсем и т. д.—он говорит: «Лишь надежда на то, что западноевропейский рабочий класс, имеющий больший социальный опыт, чем в России, сумеет оказать достаточное давление (!) на сокращение непроизводительного потребления и за счет его улучшать свое положение, только надежда на это дает основание думать, что развитие человечества (!) не остановится и оно в конце-концов перейдет (?) на следующую высшую ступень,—уничтожения социальных противоречий. Во всяком случае опыт русской революции показывает, что обнищание и обострение социальных потрясений не благоприятно для решения социальной проблемы («Мировая социальная проблема», стр. 266. Курсив наш. *И. Г.*). Т.-е. никакой социалистической революции не нужно.

Именно для доказательства этого и создавалась вся непроизводительная теория о непроизводительности непроизводительного потребления. Эта теория отвлекает внимание классовой борьбы от действительных революционных задач завоевания политической власти, свержения капиталистического строя, к задачам реформистским, которые сводятся к тому, чтобы в рамках капитализма, не изменяя капиталистического способа производства, установить более «справедливое» распределение дохода.

Маслов предлагает социалистическим партиям пересмотреть «экономические программы в направлении борьбы за сокращение непроизводительного потребления, выяснение значения и возможности накопления при иных, более справедливых формах распределения с участием широких народных масс (курсив наш. *И. Г.*) в экономическом строительстве. Это является первыми и ближайшими задачами для социальных реформаторов во всех капиталистических странах» (стр. 240, там же).

Это для «вождей» реформаторов, т.-е. оппортунистов, типа Макдональда, Вандервельде, Шейдемана и т. д., а вот соответствующее предложение и для капиталистов.

«Производительные силы капиталистических стран развивались очень быстро и интенсивно происходило быстрое обогащение класса капиталистов, увеличивались роскошь и непроизводительное потребление; между тем благосостояние широких народных масс или не улучшалось, или, если и улучшалось в некоторых странах, то очень медленно. Это противоречие—нищета трудящихся и роскошь бездельников—естественно вызывало недовольство рабочих масс, а война повела к революции в России и других странах. Перед капиталистическими странами стоит задача улучшить положение народных масс и произвести соответствующие изменения социальных отношений... (Мировая социальная проблема,

Т.-е., проще говоря, П. Маслов рекомендует капиталистам не жадничать, а поступиться частью дохода и может быть ввести.. демократизм. Но в том-то вся и беда для капиталистического строя, вообще, и профессора Маслова, в частности, что произвести более «справедливое» распределение при капиталистическом производстве капиталисты не смогут, ибо это распределение происходит не по доброй воле капиталистов, а по внутренним, капиталистическому строю присущим (а не «вечным») законам. Изменить и улучшить распределение можно, только изменив способ производства, совершив социалистическую революцию, которой так не хочет П. Маслов.

Какие же пути и формы конкретно предлагает он рабочему классу? Единственное спасение, по его мнению, это мирный переход от капитализма к социализму через кооперацию. По его мнению, кооперативная форма накопления—это наиболее целесообразная форма, и здесь надо искать выхода из противоречий, раздирающих капиталистический строй. «Опыт войны и революции дал достаточные уроки для понимания законов потребления, и для понимания значения процесса накопления. **Этот опыт научит и кооперацию смотреть на производительное накопление, как на единственное средство успешной борьбы с частным капиталом в рамках капиталистического строя»** (стр. 242 «Мировой социальной проблемы». Курсив автора. *П. Г.*).

«Лучшей формой более производительного потребления национального дохода в условиях частно-хозяйственных является организация кооперативного обмена и производства, так как накопляющийся капитал идет исключительно на производительное потребление. Недавно в Англии произошло об'единение кооперации с профсоюзами, давшее огромный размах и капиталы кооперативам. Это указывает на чрезвычайно важный шаг, сделанный по пути рационализации народного хозяйства и **на правильность пути, намеченного английской демократией»** (стр. 128, там же).

Что пути Маслова по «втиранию очков» рабочему классу сходятся с путями английской «демократии», это известно каждому политически грамотному и честному революционеру. Разница только в том, что английские и пр. оппортунисты «опутывают» рабочих на практике в их повседневной жизни, а профессору Маслову приходится помогать им различными «изобретениями» для более «тонкого», «научно обоснованного» «околпачивания».

Переход к социализму через кооперацию—старинная, давно изжившая себя, иллюзия, которую могут проповедывать или заведомые оппортунисты, или люди, ничего не понимающие в классовой борьбе и капиталистической экономике. Кооперативные торговые и производственные предприятия при капиталистических отношениях не могут выдержать длительной экономической борьбы с чисто капиталистическими крупными промышленными и финансовыми предприятиями, в руках которых сосредоточены основные массы капиталов. Они так же, как всякое предприятие при капитализме, подчиняются законам капиталистического производства, законам стоимости и концентрации капиталов в первую очередь. Маслов, неправильно отождествляя процесс накопления

с процессом развития производительных сил, не замечает того, что капиталистическое производство и накопление отжило свой золотой век, и уже не только не способствует развитию производительных сил, а задерживает его.

Картельные и трестовские монопольные цены, охранительные пошлины, борьба за рынки, милитаризм и опустошительные войны—это и есть свидетельство того, что капитализм изживает себя. Производительные силы выросли настолько, что частно-собственнические отношения в производстве стесняют их. Необходимо заменить частную собственность на средства производства общественной.

Занимаясь «изучением» не столько общественных отношений производства, сколько технических отношений общества и природе, профессор Маслов не мог понять специфичности законов капиталистического строя, пытаясь подчинить его «вечным» «универсальным» законам, выведенным им из анализа натурального хозяйства. Кроме путаницы у него, конечно, ничего не могло получиться.

«Одним словом, трудно найти фразу Маслова, заключающую в себе потуги «теоретического» мышления, чтобы не встретить неисчерпаемой массы самой невероятной путаницы и самого удивительного невежества»[1]).

[1]) В. И. Ленин, Собр. соч., том IX, стр. 519

Марксова постановка национальной проблемы в освещении Кунова.

В. Кирпотин.

Маркс и Энгельс неоднократно высказывались и писали относительно национальных проблем своего времени. Но специального определения понятия «нации» они не давали. Кунов знает об этом. «Напрасно было бы искать в писаниях как Маркса, так и Энгельса исчерпывающего изложения процесса развития наций и выведенного на основании этого определения понятия нации и национальности»[1]). В такой категорической форме это заявление однако неверно. В работах Маркса и Энгельса есть достаточно данных для суждения о том, какое бы содержание они вложили в определение понятия нации. Между тем под прикрытием вышеприведенного категорического заявления Кунов приписал Марксу Бауэровское определение нации. В самом деле по Бауэру, «нацию можно определить, как общность характера, вырастающую на почве не простой однородности, а общности судьбы. В этом определении выявляется также значение языка для нации. Я создал себе общий язык с теми именно людьми, с которыми я нахожусь в тесных сношениях»[2]). Сравним это определение с Куновскими формулировками. Уже в «Новой Рейнской Газете» Марксом будто бы «нация определяется, как выросшее на определенном натуральном базисе (местность, т.-е. характер почвы, климат, расовая принадлежность) из исторического процесса развития общества массовое образование с одинаковыми историческими традициями, одинаковым языком (хотя бы и с различиями в диалектах) и одинаковыми общими чертами характера»[3]). Маркс и Энгельс «в нации видели исторический продукт ассимиляции народностей, возникший из определенного процесса становления, отличающийся от других национальных образований определенными особенностями в характере»[4]). И еще: «По марксовым воззрениям французская нация есть возникшее из определенного процесса ассимиляции историческая общность судьбы и культуры»[5]). Их явное совпадение не вызывает никаких сомнений. Да Кунов и не считает нужным заметать следов. Он неоднократно ссылается на Бауэра как на Ersatz Маркса[6]).

Критика воззрений Бауэра не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что Ленин считал теорию Бауэра в основе своей психо-

---

[1]) Cunow, Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, B. II S. 13.

[2]) Цитируем по сборнику «Марксизм и национальная проблема», стр. 70.

[3]) Cunow, B. II, S. 11.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., S. 12.

[6]) См. B. II. S. 8.

логической теорией[1]). Но видимость научной добросовестности все же надо сохранить. Поэтому Кунов «конструирует» определение нации до ссылки на Бауэра, вкладывая его чуть-что не в уста самому Марксу. Доказательство—обширная выписка из статьи в «Новой Рейнской Газете» от 2 сентября 1848 года. Нам придется повторить ее и для нашего читателя.

«Южно-французская национальность была в средние века не в более близком родстве с северо-французской, чем теперь польская с русской. Южно-французская нация, обыкновенно именуемая провансальской, имела в средние века не только «драгоценное развитие»,—она стояла даже во главе европейского развития. Она первая из всех новых наций выработала совершенный язык. Ее поэтическое искусство служило тогда недосягаемым образцом всем романским народностям, да и немцам и англичанам». В образовании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, северными французами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она не отставала от итальянцев. Она не только развила в «блестящей форме» «фазу средневекового существования», она воспроизвела отблеск старинного эллинизма в глубочайшем средневековьи. Таким образом южно-французская национальность приобрела себе не просто большие, но бесконечно большие «заслуги перед европейской семьей народов». Однако она была, как поляки, сперва поделена между северной Францией и Англией, а позже совершенно порабощена северными французами. Начиная с Альбигойских войн вплоть до Людовика XI северные французы,—которые по образованности так же далеко отстояли от своих южных соседей, как русские от поляков,—вели непрерывные завоевательные войны против южных французов и закончили их покорением всей страны. Южно-французская «дворянская республика» (название вполне правильно для периода расцвета) была сломлена деспотизмом (Людовика XI) ihre eigene innerlichste Aufhebung zu vollzuhen, die wenigstens ebenso möglich gewesen wäre durch die Entwicklung der Bürgerschaft der Städte wie die der polnischen durch die Verfassung von 1791.

«Столетиями боролись южные французы против своих поработителей. Но историческое развитие было неумолимо. После трехсотлетней борьбы их прекрасный язык был низведен до уровня местного наречия, а сами они стали французами. Триста лет длился северно-французский деспотизм над южной Францией, и только после этого северные французы искупили свой гнет уничтожением последних остатков южно-французской самостоятельности. Конституанта уничтожила независимые провинции, железный кулак Конвента впервые сделал обитателей южной Франции французами и дал им демократию в вознаграждение за их национальность»[2]).

Отсюда Кунов делает вывод: «По марксовым воззрениям французская нация есть возникшая из определенного процесса ассимиляции историческая общность судьбы и культуры». Как этот вывод Кунов вычитал из вышеприведенной цитаты, остается непонятным. Не об общности культуры в ней говорится, а о разных культурах, передовой и отсталой. Какая это общая судьба, в ко-

---

[1]) Собр. соч., т. XIX, стр. 99.

[2]) Aus dem literarischen Nachlass, B. III, S. 172, У Кунова, B. II, S. 12.

торой одному народу отведена роль поработителя, а другому—роль порабощенного? Можно ли говорить об общности, выражающейся в ожесточенной многовековой борьбе? Да и вообще всю эту огромную цитату Кунов привел зря. Она направлена против речи Руге в Национальном Собрании по польскому вопросу. Имеет она своей целью показать, что вопрос о восстановлении Польши не есть абстрактно-моральный вопрос, а конкретно-исторический. Примером провансальской национальности, вполне могущей претендовать на свое сохранение по тем же мотивам, по каким Руге требовал восстановления Польши [1]). Маркс показывал всю ничтожность абстрактной, не конкретно-исторической, а морально вечной аргументации. И делал из этого вывод [2]):

«В чем же заключается разница между поляками и южными французами? Почему южная Франция была взята северными французами как беспомощный балласт на буксир—вплоть до полного уничтожения ее национальности, в то время как поляки имеют все виды на то, чтобы очень скоро стать во главе всех славянских племен?»

«Южная Франция—вследствие социальных отношений, о которых мы здесь не можем подробно распространяться—была реакционной частью Франции. Ее оппозиция против северной Франции стала очень скоро и оппозицией против прогрессивных классов всей Франции. Она стала главным убежищем феодализма—и до сих пор осталась оплотом контр-революции во Франции.

«Польша—напротив—стала вследствие социальных отношений, которые мы изложили выше, революционной частью России, Австрии и Пруссии. Ее оппозиция против поработителей была одновременно оппозицией против высшей аристократии в самой Польше. Даже шляхта, которая частично стояла еще на феодальной почве, с беспримерным самоотвержением примкнула к демократически-аграрной революции. Польша стала уже тогда очагом европейской демократии, когда Германия еще топталась в плоско-конституционной и чрезмерно изобильно-философской идеологии.

«В этом, а не в блестящем развитии давно погребенной рыцарской сущности, лежит гарантия неизбежности восстановления Польши» [3]).

Мы видим, что Маркс вопрос о существовании нации, о том, обречена ли она на гибель или способна на дальнейшее развитие, ставит не в зависимость от аморфных, как кисель, категорий: судьба, культура, а решает его на основании **общественно-хозяйственной структуры национальной жизни** («главное убежище феодализма»), **на основе политической роли данной нации** («Оплот контр-революции»), **в зависимости от классовых группировок и взаимоотношений** (оппозиция против прогрессивных классов всей

---

[1]) Речь Руге, см. стр. 173, III т.

[2]) «Die Aufhebung Polens ist darum ein schwachvolles Unrecht, weil eine wertvolle Entwicklung der Nation unterdrückt wurde die um die europäische Völkersfamilie sich grosse Verdienste erworben hat und die eine Phase der mittelalterlichen Existenz, das ritterliche Wesen, zu einer glanzvollen Gestalt entwickelt hatte. Die Adelsrepublik ist unterbrochen worden durch den Despotismus ihre eigene, innerliche (!) Aufhebung zu. Vollzuhen die möglich gewesen ware durch die Verfassung, welche in der Revolutionzeit angebahnt wurde».

[3]) Nachlass, B. III, S. 173.

Франции). «Доказательство» Кунова сводится к тому, что он сначала выписал цитату из Маркса, потом без кавычек прибавил к ней несколько строчек из Отто Бауэра—авось простачок-читатель не заметит, не разберет, не станет сличать и разбирать, где же основание для такого вывода!

Но—увы!—читатель пошел нынче недоверчивый, а всякого плута можно вывести на чистую воду.

Проделанная нами утомительная работа не окажется однако зряшной. Она поможет нам разобраться, как нужно сконструировать определение нации действительно по Марксу.

Прежде всего «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки»[1]).

Это не только вытекает из всего характера методологии Маркса. Это видно из критики речи Руге по польскому вопросу, заостренной именно против увековечивания, против абсолютирования характеристик конкретных исторических ситуаций.

Разбираясь в конкретной обстановке, Маркс, при определении нации, оперирует целым рядом признаков: общностью языка[2]), компактным расселением на одной и той же территории, количественной величиной данной национальной группы[3]), он говорит об образе мыслей, характере, нравах[4]) и т. д. Но все эти признаки сами по себе еще ничего не говорят. Поэтому мы сталкиваемся у Маркса с утверждениями, на первый взгляд противоречащими друг другу. С одной стороны, он считает границы распространения языков естественными границами национального размежевания и, с другой стороны, он говорит о «говорящих по-немецки поляках»:

«Положение вещей в Польше яснее ясного. Немецкие горожане, которые живут там уже в течение столетий, причисляли себя политически с давних пор так же мало к Германии, как немцы в С. Америке, как французская колония в Берлине или 15.000 французов в Монтевидео—к Франции. Они—насколько это возможно в децентралистские времена XVII и XVIII столетий—стали поляками, говорящими по-немецки поляками, они давно отказались от всякой связи с родиной»[5]).

Или,—как мы приводили уже выше,—Маркс считал, что венгерские немцы являлись по своей национальности мадьярами.

Таким образом общность одного или нескольких из перечисленных выше признаков еще недостаточна для определения нации. Все эти признаки должны применяться на основе одного решающего признака—экономической связности:

«С конца Средних веков история работает в направлении организации Европы в крупные национальные государства... с развитием торговли, земледелия, промышленности—а с ними—и классовой мощи буржуазии—повсюду росло национальное чу-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 102.

[2]) Ф. Энгельс, Статьи и письма по военным вопросам, «Кр. Новь», 1924, стр. 234.

[3]) Nachlass, B. III, S. 252.

[4]) Nachlass, B. III, S. 239: «Die ungarischen Deutschen sind aber, trotz der beibehaltener deutschen Sprache, nach Gesinnung, Charakter und Sitte echte Magyaren geworden».

[5]) Nachlass, B. III, S. 136.

ство, раздробленные и угнетенные нации требовали об'единения и самостоятельности» [1])... «Тяготение к об'единению «отечества» имело под собой весьма материальную почву... То была вытекающая из непосредственных интересов дела настоятельная потребность практичного купца и промышленника в том, чтобы начисто был выметен весь исторически изжитый провинциальный хлам, который преграждал путь свободному развитию торговли и ремесла,—потребность в устранении всех лишних стеснений, которые немецкому купцу надо было сперва преодолеть у себя дома, если он хотел выступить на мировом рынке, и от которых были избавлены все его конкуренты. Об'единение Германии стало теперь экономической необходимостью» [2]).

Хозяйственные связи и взаимозависимость немцев, эмигрировавших в Венгрию, сделало их мадьярами по нравам, характеру и т. д.—хотя они сохранили еще немецкий язык. С другой стороны, подчинение славянской области в хозяйственном отношении немецкому владычеству, немецкой буржуазии влекло за собой и приобщение ассимилирующегося населения к немецкому языку: «Немецкая промышленность, немецкая торговля, немецкое образование сами привели немецкий язык в страну» [3]).

Определение нации у Кунова, как всякое его определение, приобретает, в противоположность Марксовым определениям, вечный и неизменяемый характер. В вечном же и неизменном определении решающие указания на экономический строй, на классовые соотношения выпадают. Куновское определение нации, как и данное им определение государства, выводится из общества «вообще» и применимо для всех ступеней развития.

Кунов считает существенным в нации характер: характер возникает и видоизменяется под влиянием общей исторической судьбы. Историческая же судьба, при раскрытии ее содержания, оказывается совокупностью разнородных и независимых процессов, положительно или отрицательно влияющих на образование национального характера нации. Вместо монистического и материалистического об'яснения истории, Кунов приходит к теории факторов. «Рядом с национальным сообществом существует, как уже было упомянуто, ряд других сообществ с особыми тенденциями и интересами, последние пролегают не рядом с нацией, но восполняют, усиливают, парализуют и пересекают жизненные тенденции нации. Человек не только член нации, он одновременно член расы, религиозной общины, класса, государства и т. д., и его связь с ними влияет многократным образом на его совместную жизнь с другими членами его нации и на его национальное сознание» [4]).

Как пример действия одного из многочисленных факторов в образовании национальности, Кунов приводит общность религии. На основании рассмотрения особенности национального характера ольстерцев по отношению к ирландцам и сербов по отношению к хроатам он приходит к выводу, что «где нация одновременно образует религиозную общину, т. е. имеет общий культ, и где,

[1]) Энгельс, Сила и экономика в образовании германской империи, «Кр. Новь». 1923, стр 16.
[2]) Ibid., S. 19—20
[3]) Aus dem litter. Nachlass, B. III, S. 255.
[4]) Cunow, B. II, S. 22.

таким образом, нация имеет свою самостоятельную церковь, так, несомненно, к числу факторов, связывающих между собой членов наций и усиливающих их национальное сознание, присоединяется новый фактор: сознание одинаковой веры» [1].

Из многочисленных факторов, влияющих на образование нации, особое значение имеют по Кунову общность расы, класса и государства. Общее расовое происхождение усиливает чувство связи с остальными членами своей нации и усиливает чувство отдельности, обособленности по отношению к другим нациям. Классовая принадлежность, как всякий другой фактор, может тормозить или способствовать выработке национального характера, чувства сопринадлежности к одной и той же нации.

«Там, где в какой-либо нации классовое расслоение очень глубоко и классовые противоречия выражены очень остро, там естественно при конфликтах между различными нациями тот или иной класс одной нации—особенно этот случай будет иметь место, когда этот класс угнетен и принимает ничтожное участие в национальной жизни—будет себя чувствовать с соответствующим классом другой нации настолько солидарным, что он станет против собственной нации. Само собой понятно, это может быть, но это не должно быть обязательно, это не есть просто следствие классового самосознания, но это находится в зависимости от крепости национальных уз»... (Курсив наш. *В. К.*).

«...С другой стороны, классовое сознание может повести к могущественному усилению национального сознания» [2].

Не классовая борьба об'ясняет перипетии национальной истории. Классовая борьба есть только один из факторов, скрепляющих или ослабляющих национальные узы. Это не-марксистское, это буржуазно-либеральное воззрение Кунов старается приписать Марксу и Энгельсу. Как известно, Энгельс об'яснял слабое развитие классового самосознания английского пролетариата после чартизма внутри Англии подкупом со стороны английской буржуазии, монопольно господствовавшей над мировым рынком, верхушек своего рабочего класса. Кунов же толкует Энгельса как раз наоборот». Вытекающее из особенностей классовых взаимоотношений отсутствие в английском пролетариате социалистического движения он об'ясняет крепостью национальных связей [3].

Кунов, отодрав класс от общества, пытается излагать Марксово отношение к национальной проблеме независимо от классовой борьбы, привлекая класс лишь как один из действующих в истории факторов. Что это не имеет ничего общего с марксизмом, вряд ли и нужно доказывать. Сошлемся лишь на блестящее об'яснение Марксом в «Новой Рейнской Газете» превратностей судеб польского народа развитием классовых взаимоотношений в нем [4].

Однако самым могущественным из всех факторов, образующих нацию, является по Кунову государство. Население разных областей и разного происхождения через посредство завоевания и господства завоевателей об'единяется в большие государствообразования, при чем военным гнетом об'единенные мелкие нации

---

[1]) Cunow, B. II, S. 22.

[2]) Ibid., S. 24.

[3]) Ibid., S. 25, 26.

[4]) Aus dem litter. Nachlass, B. III, S. 163.

только после их об'единения под влиянием государственных правительственных мероприятий и одинаковой исторической судьбы смешиваются в единую нацию» [1]).

Классовый интерес есть лишь одна из частей, из которых складывается национальный характер, национальное сознание, национальный интерес. Часть меньше целого, часть по отношению к целому есть лишь ступень. По Кунову, поэтому, целое (национальный интерес) является более ценным, чем классовый интерес.

«Тот, кто достиг национального самосознания, признает национальное своеобразие, как кусок своей собственной сущности, как часть своего собственного типа, а так как ему большей частью его собственная сущность кажется чем-то естественным, в себе самом оправданным и ценным, то он видит также в характере своей национальности нечто ценное, что заслуживает сохранения. То, что соответствует его национальному своеобразию, тем самым оправдано и хорошо; то, что ему противоречит, есть нечто менее ценное». [2]).

Учение о международной классовой солидарности пролетариата Кунов считает «иллюзией» [3]). Основной аргумент, которым оперирует Кунов в данном случае, исходит не от теории, а от факта. «Мировая война и выступившие вследствие нее почти во всех странах—также и в пролетариате—национальные устремления так основательно опровергли это утверждение (речь идет о совпадении интересов международного пролетариата. *В. К.*), что является лишним против них полемизировать» [4]).

Хотя факты великая вещь и ни одна наука не может обойтись без фактов, но куновская аргументация исходит не от науки, а от подлости. Ее общая формулировка, данная им в брошюре «Parteizusammenbruch», гласит: «история всегда права». Вместо научного анализа для об'яснения факта слепое пресмыканье перед ним, вместо теории, об'ясняющей и переустрояющей мир, премудрость архивариуса, регистрирующего события, при том недобросовестного, себе на уме архивариуса, тщательно подбирающего факты предательства пролетарской солидарности и опускающего, забывающего про факты согласованных выступлений отрядов международного пролетариата.

Но Кунов понимает, что одной ссылки на факт мало. О факте можно спорить. Нужно еще свое толкование факта прикрыть именем Маркса. Бесстыдство и развязность Кунова здесь достигают своего предела. Забвение классовых интересов, предательство делу революции, вульгарный ура-партиотизм, всю черную практику II Интернационала, приведшую к 4 августа 1914 года, Кунов приписывает Марксу.

Он пишет: «Ни в коем случае не следует, что Маркс был того мнения, что социалистического рабочего не «трогает» борьба национальностей. Так же мало можно умозаключить из требования: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (для проведения своего освобождения), что Маркс хотел этим сказать, что рабочий стоит вне национального сообщества. Так же мало, как

[1]) См. B II, S. 34.

[2]) Cunow, B. II, S. 17. Самый подход к проблеме с точки зрения «ценности» уже не является марксистским.

[3]) Ibid., S. 27.

[4]) Ibid., S. 31.

лозунг: «журналисты, врачи, филологи и т. д., соединяйтесь для проведения своих задач в интернациональные союзы! говорит, что принадлежащие к этим профессиям не должны чувствовать себя связанными с их национальностью»[1]).

Ребенку видно, что все это рассуждение основано на передержках и вульгарном извращении марксизма. Спор идет о том, превалируют ли национальные или классовые интересы в пролетариате. С одной стороны, Кунов считает сообществами (Gemeinschaft) равного порядка и «класс», и «общество филологов». С другой—Кунов сводит проблему к тому, «трогает» ли, касается ли пролетариата национальная борьба. Конечно, касается. И Маркс—как реальный политик—не обходил, не игнорировал национальных проблем. Именно как пролетарский революционер и именно в интересах пролетарской революции он считал необходимым об'единение национально-раздробленных Германии, Италии, Польши. Но из этого никак не следует, будто Маркс признавал растворение классовых интересов в национальных или хотя бы господство, доминирование вторых над первыми.

Далее Кунов утверждает, что Маркс отнюдь не хотел сказать, что пролетарий стоит вне национального сообщества. Но об этом и спора нет в марксизме. Конечно, рабочий не есть рабочий вообще, а по национальности своей он является рабочим—русским, немцем, французом и т. д. И об этом, и только об этом, говорит письмо Маркса к Энгельсу от 20 июня 1866 г., приведенное Куновым на стр. 29. А вот того, что Маркс сказал: пролетарии не имеют отечества, этого никакой казуистикой не замажешь.

Выпишем относящиеся сюда рассуждения Кунова:

«Но разве Маркс сам не сказал в «Коммунистическом Манифесте» — рабочий не имеет отечества? Верно, это написано в «Коммунистическом Манифесте», но гласит это предложение в связи со следующим противоположное тому, что многократно из него вычитывали, так как дальше написано: «Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться в один национальный класс, конституироваться, как нация, пролетариат еще остается национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия».

Что значит это, что рабочий класс должен организоваться в один национальный класс, конституироваться как нация и т. д.? Для всякого, кто понимает Марксово воззрение на нацию и его гегельянство, ясно без дальнейших рассуждений, что он думает. Маркс хочет сказать: сегодня (1848 год) рабочий не имеет никакого отечества, так как он не имеет никакого собственно участия в национальной жизни, выключен из ее материальных и духовных благ. Но рабочий класс когда-нибудь добьется политической власти, и тогда, когда он определенным способом сам сконструируется как нация, он сам станет национальным и будет национально чувствовать, хотя его национализм будет другого сорта, чем национализм буржуазии» [2]).

Вся эта тирада еще должна быть расшифрована. «Куновский» смысл ее несколько замаскирован. Прежде всего, по Кунову, национально чувствовать, значит чувствовать себя в от'единении,

[1]) Cunow. B. II, S. 29.
[2]) Ibid., S. 30.

в противопоставлении по отношению к другим национальностям [1]). А между тем, по Марксу, «прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными и из многих литератур образуется одна всемирная литература» [2]). Таким образом у Маркса и Кунова «национально чувствовать» значит далеко не одно и то же.

Во-вторых, фразы: «рабочий класс когда-нибудь добьется политической власти», «участие в материальных и духовных благах национальной жизни», говорят—как это явствует из всей развиваемой Куновым концепции—о приобщении к так называемой национальной к у л ь т у р е (см. «Das Werden der Nationen»). Несмотря на ссылку на политическую власть, момент революции, момент низвержения господства своей буржуазии, как мы уже видели из его воззрений о государстве, Куновым исключается. К категории «национальная культура» он не подходит с классовым анализом, употребляя ее «вообще», а «национальная культура вообще» кроет в себе весьма реальное противопролетарское содержание, оперирование же с этой категорией является противомарксистским приемом.

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и—клерикальная)—при том не в виде только элементов, а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, а з б у ч н у ю д л я м а р к с и с т а, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т.-е. на деле вместо вскрытия и раз'яснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. На деле бундист выступил как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в неклассовую национальную культуру» [3]).

Разница между бундовцем Либманом (против которого направлено вышеприведенное суждение Ленина) и Куновым лишь та, что Либман извращал марксизм без злого умысла, а Кунов, великолепно зная Маркса, сознательно извращает его в целях оправдания социал-демократической политики, в целях растворения классового интереса пролетариата в национальном интересе правящих классов.

Буржуа, обращающийся к своему отечественному пролетарию с призывом защиты своего отечества, может удовлетвориться ссылкой на общенациональные интересы. Но Кунов обращается к аудитории международной, к партиям II Интернационала. Ему

---

[1]) См., напр., стр 19: «..eine Nation als ein Besonderes. als ein abweichendes von anderen nationalen Gemeinschaften».

[2]) «Коммунистический Манифест». С введением и примечаниями Рязанова, 2-е изд., стр. 67.

[3]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIX, стр. 43.

мало «убедить» пролетария страны-завоевательницы, он с готовностью услужливого лакея или попа готов проповедывать «смирение» и пролетарию страны покоренной, с цитатой от «писания» доказывать всему международному социалистическому движению марксистски-ортодоксальную правомерность колониального грабежа.

Для этой цели ссылки на национальные интересы или, как Кунов любит выражаться, на национальное самосознание недостаточно. У самой маленькой, самой изобиженной народности может быть так же высоко развито национальное самосознание, как и у любого мирового хищника.

Поэтому Кунов в специальном параграфе (Nation und Staat in ihrem Verhälthiss zueinander) доказывает, что не нужно путать чувство сопринадлежности к государству с национальным чувством, что первое большей частью вытеснило второе, что государство своими правительственными мероприятиями и создаваемой им общей исторической судьбой, создало нацию из насильственно-об'единенного населения своих провинций[1]). Поэтому не всякому народу дается право на самостоятельное национально-государственное существование, а только тому народу, который удовлетворяет условиям «культурного прогресса»[2]). А что кроется у Кунова под выражением «культурный прогресс» — мы вскоре увидим.

В эпоху Маркса очередной политической задачей было об'единение в национальные государства Германии, Италии, Польши, Венгрии. Эти страны вступили в полосу товарного, капиталистического развития. А «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке» (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 98). Маркс и Энгельс прекрасно сознавали эту стоящую перед эпохой задачу.

«С развитием торговли, земледелия, индустрии и вместе с этим социальной силы буржуазии, выросло везде национальное чувство, раздробленные и угнетенные нации захотели единства и самостоятельности[3]). Когда Маркс говорил о восстановлении Польши, он имел в виду ее восстановление именно в виде такой самостоятельной и связной хозяйственной территории:

«Само собой понятно, что речь идет о восстановлении не видимости Польши, а о восстановлении государства на жизнеспособной основе. Польша должна по меньшей мере получить границы 1772 года, должна владеть не только областями, но также и устьями больших рек и должна по крайней мере на Балтийском море владеть большим прибрежным районом»[4]).

За национальными целями они четко видели основную задачу—создание связных хозяйственных территорий, на которых передовые капиталистические хозяйственные отношения смогли бы вытеснить реакционный феодальный уклад.

---

[1]) Cunow, B. II, S. 34.

[2]) Ibid., S. 36.

[3]) «Сила и экономика в образовании современного немецкого государства». У Кунова в B. II, S. 835.

[4]) Nachlass, B. III, S. 150.

Этой основной задаче они соподчиняли остальные, выдвигаемые эпохой, проблемы. Они понимали, что народ, не имеющий экономических предпосылок для самостоятельного национального существования, т.-е. не вступивший на путь самостоятельного капиталистического развития, и не может претендовать на самостоятельное национальное существование.

«Мы закончили вчера указанием, что австрийские славяне никогда не имели собственной истории, что они в историческом, литературном, коммерческом и промышленном отношениях зависели от немцев и венгров, что они уже частью германизированы, мадьяризированы и итальянизированы, что если бы они образовали самостоятельные государства, не они, а немецкая и итальянская буржуазия их городов господствовали бы над этими государствами, и что, наконец, ни Венгрия, ни Германия не могут допустить самостоятельного образования таких нежизнеспособных малых промежуточных государств»[1]).

Поэтому-то Маркс и Энгельс не смущались, если при образовании тех или иных национальных государств приходилось включать в их состав земли, частично заселенные народностями иного языка.

Вопросы размежевания между возрожденными Германией и Польшей Маркс считал второстепенными, могущими быть улаженными путем взаимных уступок, без ущерба для дела национального освобождения, хотя при этом часть поляков оказалась бы в германском государстве, а часть немцев—в польском[2]). Об этом же говорит цитата из лондонского «Commonwealth», приводимая Куновым на стр. 37 своего второго тома. Этой же основной политической задаче Маркс подчинял и всякие военностратегические соображения:

«Никто не станет утверждать, будто теперешняя карта Европы есть нечто окончательно установленное. Все длительные изменения должны иметь конечной целью создание для больших и жизнеспособных европейских наций действительно естественных границ, которые определялись бы общностью языка и взаимными связями. В то же время осколки народностей, разбросанные еще там и сям, но уже неспособные к самостоятельной национальной жизни, попрежнему примыкают к большим нациям или растворяются в них, или сохраняются лишь в качестве этнографических памятников, не имеющих никакого политического значения. Соображения военного характера должны отступить здесь на второй план»[3]).

Но Маркс был не просто за образование национальных государств Германии, Италии, Венгрии и Польши. Он был за разрешение национальной проблемы своего времени революционным путем.

«Мы хотим единства Германии, но лишь из расщепления больших немецких монархий можем мы добыть элементы этого единства, только в военном и революционном штурме они могут быть спаяны»[4]).

---

[1]) Nachlass, B. III, S. 256.

[2]) См. Nachlass, B. III, S. 150.

[3]) Ф. Энгельс, Статьи и письма по военным вопросам: По и Рейн. «Кр. Новь», 1924, стр. 234. Кунов, цитируя приводимый абзац, взятую курсивом фразу опускает.

[4]) Nachlass, B. III, S. 112.

И впоследствии, уже во второй половине восьмидесятых годов, ретроспективно, Энгельс считал, что самый совершенный путь к действительному об'единению Германии лежал не под эгидой Пруссии или Австрии, а через революцию. А в 1848 году «Новая Рейнская Газета» и подавно подходила ко всем политическим вопросам дня с точки зрения революционного их разрешения. Маркс ратовал за освобождение Польши, потому что «со времени краковского восстания 1846 г. борьба за независимость Польши есть одновременно борьба аграрной демократии — в восточной Европе единственно возможной—против патриархально-феодального абсолютизма» ¹), и еще потому, что освобождение Польши развязывало силы революции в Европе, освобождало ее от кошмара царского кнута, который везде и повсюду был опорой реакции.

Благо революции было для Маркса высшим законом. С жгучей ненавистью, которой нам не грех и сейчас у него поучиться, обрушивался он на все препятствия, стоящие на ее пути. Австрийские славяне составили кадры контр-революции в 1848 году. В Праге, Вене, Львове, Кракове, Милане и Будапеште движение было раздавлено славянскими войсками Виндишгреца и Елачича. Поддерживать тогда славянское национальное движение—это значило закреплять раздробление Германии и Польши, стать на сторону Австрийского двора против Италии и Венгрии, выступить против демократии, против революции—за абсолютизм, за феодальную раздробленность, за рабское пресмыкание перед царской Россией; естественно, что Маркс в этом споре, со всем своим огромным темпераментом, со всем блеском своего глубокомысленного публицистического таланта обрушивался на самую мысль об образовании контр-революционных государств и славянских земель Австрии.

«От нас, остальных революционных народов Европы, требуют, чтобы мы гарантировали—вплотную у наших дверей—невозбранное существование очагов контр-революции, право заговоров и вооружения против революции; мы должны в сердце Германии образовать контр-революционное чешское государство и этим выдвинутым к Эльбе, к Карпатам и к Дунаю русским форпостом сломить силу немецкой, польской и венгерской революции.

«Мы об этом не думаем. На сентиментальные фразы о братстве, которые нам преподносятся во имя контр-революционнейших народов Европы, мы отвечаем, что ненависть к русским была и остается первой революционной страстью немцев, что со времени революции к ней присоединилась ненависть к чехам и кроатам и что мы, в союзе с поляками и мадьярами, лишь решительным террором против славянских народов сумеем обезопасить революцию. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских землях Австрии. И никакие фразы, никакие указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не удержат нас от того, чтобы с нашими врагами обращаться как с врагами» ²).

---

¹) Ibid., S. 149.

²) Nachlass, B. III, S. 264.

Из этой конкретно-исторической эпохи образования капиталистических государств) насквозь революционной позиции Маркса Кунов пытается вывести, что лозунг самоопределения национальностей в эпоху империалистического капитализма, в эпоху начала пролетарской революции противоречит марксизму.

Основное доказательство Кунова базируется на Энгельсовской статье, напечатанной в «Commonwealth» от 31/III—1866 г. и перепечатанной в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» (6 Jahrgang, S. 214). В этой статье Энгельс различает между национальным вопросом (Nationalfrage) и вопросом национальностей (Nationalitätsprinzip). Национальный вопрос—это вопрос о восстановлении самостоятельного государственного существования «Италии, Польши, Германии, Венгрии», стран и народов, вступивших на путь капиталистического развития, выступавших революционно против феодализма и крепостничества, нуждавшихся в консолидированной хозяйственной территории для дальнейшего развития. Вопрос национальностей—это демократическая кличка, придуманная Наполеоном III для своей насквозь обманной, жульнической и захватнической политики. В этой конкретно-исторической постановке вопроса Энгельс был за самостоятельное существование Италии, Германии, Польши, Венгрии и против наполеоновских махинаций. При чем, как и в 1848 году, основной задаче создания связных хозяйственно-политических единиц для передовых капиталистических народностей он подчинял побочные политико-национальные проблемы своего времени. Он был против образования самостоятельных государств из славянских земель Австрии, так как это бы разрушало хозяйственную связность уже капиталистических Германии, Венгрии, подобно тому как отделение Бретани от Франции разрушило бы связность французской хозяйственной территории, или отделение Шотландии и Уэльса—разрушило бы хозяйственный организм Англии. Точно так же, для того, чтобы Польша могла получить выход к Балтийскому морю, Маркс и Энгельс соглашались на несовпадение политической и языковой границ между ней и Германией. Все рассуждение Энгельса построено конкретно исторически. И не только во времени, по отношению к эпохе, но и к пространству, так сказать. На Россию, еще не ставшую капиталистической страной, Энгельс не распространяет своей критики принципа национальностей: «Принцип национальностей может быть действительно открыт только в Восточной Европе, где поток азиатских нашествий в течение тысячелетия непрестанно возобновляется и в определенных областях оставил группу перемешанных национальных обломков, которые даже этнолог едва в состоянии различить, и где турок, финский мадьяр, румын, еврей да больше дюжины славянских племен, пестро перемешанные, обитают в неограниченной путанице»[1]).

Отношение Маркса и Энгельса к народностям, стоящим контрреволюционным препятствием на пути об'единения Германии, Италии, Польши, Венгрии, Кунов абсолютирует, распространяет на все эпохи и на все народы. Из тактики, диктующей неукроти-

---

[1]) Cunow, B. II, S. 40. Обширных выписок (38—40 стр.) из Энгельсовской статьи, сделанных Куновым, мы за недостатком места, здесь не воспроизво

чую ненависть и беспощадную борьбу по отношению к врагам буржуазной революции, Кунов выводит вечную максиму, имеющую значение и для нашего времени, и для эпохи империализма и начала социалистической революции. По его мнению, Маркс и Энгельс были **против самоопределения народностей** вообще и раз навсегда.

«Право отделения отдельных частей государственного сообщества против воли большинства из каких-нибудь национальных, политических или религиозных оснований для образования внутри прежней государственной области нового государства или для присоединения по произволу к какому-либо соседнему государству ни Маркс, ни Энгельс никогда не признавали» [1]).

По Кунову, Маркс и Энгельс руководствовались в определении своего политического поведения в соответствующих случаях не принципом самоопределения народностей и не принципом национальностей, а требованиями политического и культурного прогресса [2]). Мотивы порядка самоопределения наций им просто в голову не приходили (dieser Gedanke kommt ihnen gar nicht). «Так называемое «право на национальную самостоятельность» Маркс высмеивал, как реакционное требование, морально, а не политически аргументированное» [3]).

Это верно, что Маркс иногда оперировал с термином «прогресс». Но Марксов «прогресс» имел относительное, конкретно-историческое значение. «Прогрессом» для Маркса было все то, что способствовало преобразованию общественного строя революционным путем. Абсолютизированный же, sub specie aeternitatis рассматриваемый, прогресс у Кунова служит лишь социал-демократическим обоснованием колониальной политики (см. в «Parteizusammenbruch» главу: «Ist der wirtschaftliche Imperialismus eine geschichtlich notwendige Entwickelungsphase?», S. 13) и социал-патриотизма. Классовый интерес должен отступить на задний план перед национальным интересом.

«Утверждение, что классовое чувство исключает без дальнейших околичностей национальное чувство, что истинный социал-демократ не должен поэтому не иметь национальных чувств, это с социологической точки зрения есть никогда не осуществляющийся вздор» [4]).

Маркс подогнан Куновым под свою мерку, чтобы оправдать Носке и Шейдемана, поддерживающих стремя Гинденбургов. О том, что истинный Маркс и в этом вопросе не имеет ничего общего с Куновским лже-Марксом, вряд ли нужно повторять [5]). Как бы ни старались идеологи II Интернационала прикрыть плащем марксизма бряцающую саблю империализма, им не замазать простых и великих слов: «народ, угнетающий других, не может освободить и сам себя» [6]).

---

[1]) Ibid., S. 44.

[2]) См. § Das Nationalitätsprinzip und der politische Fortschritt nach Marxscher Auffassung, S. 24.

[3]) Cunow, Parteizusammenbruch, 1915, S. 33.

[4]) Cunow, Parteizusammenbruch. S. 45.

[5]) Об искоренном отношении Маркса к лозунгу самоопределения народностей см. Ленин, т. XIX, стр. 134: «Утопист Карл Маркс и практичная Роза Люксембург», глава из статьи «О праве наций на самоопределение».

[6]) Ф. Энгельс, Статьи 1871—1875 г.г., стр. 45.

Социальные основы реформизма*) [1]).

М. Рубинштейн.

Борьба между коммунизмом и реформизмом, между революционным марксизмом и переряжающимся в марксистские одежды оппортунизмом в тех или иных формах заполняет собой всю новейшую историю рабочего движения.

Разыгрываясь в ряде теоретических битв («ортодоксальный» марксизм и ревизионизм в Германии, социал-демократия и «легальный марксизм» в России), в то же время охватывая и всю практику рабочего движения (споры «партийцев» и профессионалистов в Германии, борьба с экономизмом, а затем ликвидаторством и меньшевизмом в России), разногласия левого и правого крыла рабочего движения все разрастаются, становятся отчетливее, глубже. Постепенно они становятся все более непроходимыми, несмотря на ряд промежуточных элементов, переходы и изменения тактики отдельных групп и лиц.

Ленин о реформизме.

Ленин, посвятивший значительную часть своей деятельности борьбе с реформизмом и оппортунизмом, во всех его видах еще в 1902 г. подчеркивал международный характер этих разногласий. В своей брошюре «Что делать?» он отметил, что «распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную... Английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики,—все это одна семья». И он говорит о первой международной схватке с социалистическим оппортунизмом международной революционной социал-демократии» [2]). С тех пор эти схватки повторялись не раз.

Пропасть между революционной и реформистской частью рабочего движения с особенной ясностью сказалась во время мировой войны, когда выявилось полное подчинение партий II Интернационала реформистской идеологии, их теснейшая связь с буржуазией своих стран.

Весь послевоенный период рабочего движения в значительной части заполнен борьбой коммунизма с реформизмом, получившей

---

*) *Примечание редакции.* Редакция помещает статью тов. Рубинштейна как дискуссионную в несколько сокращенном виде. Редакция считает необходимым отметить, что 1) т. Рубинштейном обойден совсем вопрос о корнях реформизма непосредственно в среде мелкой буржуазии (а не только известной части рабочих), 2) тов. Рубинштейном несколько сужена в его постановке вопроса та действительная база в рабочем движении, на которую опирается коммунизм и которая отходит от реформизма.

[1]) *Примечание автора.* Статья является отрывком из подготовляемой к печати брошюры под тем же названием.

[2]) Ленин, «Что делать?», прим. к стр. 25.

ясные определившиеся организационные формы. Каждое течение оформило свои международные и национальные центры, и размежевание стало настолько отчетливым и резким, что все попытки создания в международном и национальном масштабе промежуточных образований ($2^1/_2$ Интернационал, независимая с.-д. партия в Германии и др.) неизменно оканчивались неудачей.

Борьба эта получила свои опорные пункты даже в государственных образованиях,—с одной стороны в Советской России, а затем и в Советском Союзе, с другой—в ряде капиталистических государств, где на время приходили к власти виднейшие партии и вожди II Интернационала.

И теперь борьба с реформизмом остается для революционного, коммунистического движения на Западе самой основной задачей для обеспечения возможности победы над капиталом.

Но, как это ни странно, в пылу этой борьбы мы очень часто забываем об исследовании ее социальных корней.

Реформизм, несомненно переживающий глубокий кризис, все же и теперь еще держит в своих руках значительные (количественно или качественно) части рабочего класса. Благодаря этому, ему удается удерживать за собой аппарат широких рабочих организаций, в первую очередь профсоюзов.

Об'ясняя причины этого несомненного факта, мы слишком часто ограничиваемся обычными агитационными трафаретами и упускаем из виду чрезвычайно важное для определения нашей тактики изучение состава пролетариата и его изменений, дающее нам ключ к пониманию происходящих в рабочем движении процессов и сдвигов.

В первую очередь перед нами становятся вопросы—какие слои рабочего класса являются еще опорой реформизма? Что именно представляет из себя теперь рабочая аристократия, на которую, как знает каждый из наших пропагандистов, опирается реформизм? Каковы профессиональные особенности входящих в нее частей рабочего класса, их производственная роль и социальное положение? Как изменяются эти слои количественно и качественно с изменением техники и экономики современного капитализма? С другой стороны, на какие слои рабочего класса опирается коммунистическое революционное рабочее движение?

Мы не пытаемся дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы. Мы хотим лишь наметить несколько основных мыслей, частью систематизировав общеизвестные положения, частью поставив несколько вопросов, остающихся спорными и недостаточно разработанными. А самое главное, мы хотели бы привлечь внимание к этой важной области марксистского исследования, могущей дать представление о ближайших перспективах развития, и материалы как для правильного определения тактики, так и для всей повседневной агитационной и пропагандистской работы зап.-европейских компартий.

Еще в самых ранних своих работах Ленин дал блестящий анализ того крыла рабочего движения, которое, под разными названиями, разумеется, эволюционируя и меняясь в подробностях, выступает на протяжении всей истории рабочего движения. Уже во время войны он писал: «Струвизм—международное стремление взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной

буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Реформизм—«подмена теории освободительного движения пролетариата. Одна из двигательных сил этой подмены—крохи добычи от привилегий и угнетения периода империализма перепадают несомненно известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократам рабочего класса».

В дальнейшем он дает еще более полное и законченное определение [1]):

«Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного количества рабочих коренных интересов массы, или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (бюрократии) рабочего класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней. И, разумеется, силы привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм, и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы, только на время, только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив, так сказать, с основным потоком оппортунизма война слила много новых».

Из кого же состоит этот привилегированный, «обуржуазившийся» слой рабочего класса?

Для того, чтобы нам стали ясны его особенности, необходимо прежде всего обратиться к его производственному положению.

Ведь совершенно несомненно, что социальную основу для появления и развития реформизма давали, на-ряду с другими причинами, определенные производственные особенности капиталистического развития XIX века. Мы не можем здесь подробно останавливаться на огромном вопросе о типах труда, создаваемых капиталистической техникой, который мы пытались осветить в других работах [2]).

---

[1]) Против течения, стр. 163—164. статья «Крах II Интернационала».

[2]) См. М. Рубинштейн, Современный капитализм и организация труда, М. 1923, 2-е изд., гл. «Типы труда».

Мы можем лишь констатировать, что выделение специфической квалифицированной рабочей аристократии основывалось, между прочим, на ряде производственных особенностей, разделявших пролетариат, выделявших из него группы разбитых по цеховому типу профессий, противопоставлявших ограниченный круг этих профессий массам необученных рабочих как в самом производственном процессе, так и в социально-экономических взаимоотношениях.

В то же время ряд тех же производственных особенностей делали квалифицированную верхушку рабочего класса наиболее культурной, развитой и способной к организации по сравнению с отсталой, недавно втянутой в производственный процесс массой чернорабочих. Это делало квалифицированный слой пролетариата инициатором и затем полным хозяином молодого рабочего движения, аппарата его партийных, профессиональных, культурно-просветительных, страховых и др. организаций.

Факт господства квалифицированной верхушки рабочего класса в профессиональном движении XIX и начала XX века неоспорим. Так, количественно ничтожная, часть рабочего класса, которая входила в то время в английские тред-юнионы, в германские союзы, даже в якобы революционные французские синдикаты, состояла в подавляющем большинстве из квалифицированных рабочих.

На это Ленин обращал внимание во время войны, подчеркивая в статье «Крах II Интернационала», что профессиональные союзы охватывают не более трети пролетариата.

Несмотря на грандиозный количественный рост профдвижения после войны, положение в этом отношении изменилось весьма незначительно. Просматривая количество организованных рабочих по отношению к численности пролетариата (включая и с.-х. рабочих) в 1923 году, мы найдем, что в Германии организовано во всех союзах, т.-е. включая христианские, гирш-дункеровские и т. п., около 34%, в Англии—33%, в Чехо-Словакии—около 25%, во Франции меньше 10% рабочих. Только в Австрии и Бельгии организовано несколько более 50% пролетариата. Средняя цифра по всей Европе немногим превышает 25%. Число организованных рабочих в Соединенных Штатах равно приблизительно 14% пролетариата. В других странах этот процент, разумеется, значительно ниже.

Совершенно несомненно, что эта ¼—⅓ рабочего класса, которая в основных промышленных странах входит в союзы, принадлежит к наиболее квалифицированной и лучше оплачиваемой части. Мы в дальнейшем еще остановимся на этом подробнее. Уже это в значительной степени предопределяло состав и характер руководящего аппарата рабочих организаций, делая рабочую аристократию монополистом по поставке кадра их руководителей.

Рабочая бюрократия.

Еще большее влияние оказывал в этом отношении весь характер повседневной деятельности профдвижения.

Мелкая «партизанская» борьба с капиталом и гораздо более распространенная система соглашений с ним, сложные методы тарифных договоров, примирительные камеры и т. п.,—все это

заполняло почти всю деятельность профессиональных организаций, помимо занимавшей еще большее место взаимопомощи.

Эта работа создавала постоянное мирное сожительство с капиталистами и их высшими служащими. Дебри рабочего законодательства, требующие специализации в течение чуть ли не всей жизни, также вызывали постоянное «мирное» соприкосновение с правительственным аппаратом. Все это неизбежно создавало во всех странах старого рабочего движения своеобразную касту жрецов, совершенно специфический социальный слой, все более отрывавшийся от рабочих масс и их интересов.

С классической ясностью этот процесс можно проследить на истории английского тред-юнионизма. Супруги Вебб—сами плоть от плоти этого мещанского слоя, его теоретические выразители, дают нам, в своей «Истории английского тред-юнионизма», конечно, не законченную в своих выводах, но все же достаточно яркую картину этого слоя.

Они подробно описывают, как абсолютная необходимость «действительного управления» привела в союзах к тому, что в них развилось правящее чиновничество, характером, воспитанием и обязанностями все более отличающееся от основной массы членов. Ежегодные выборы генеральных секретарей организаций вовсе не приводили к частой смене должностных лиц, фактически ставших постоянными чиновниками.

Английскими тред-юнионами, разбитыми более, чем на 1000 (1135) цеховых, конкурирующих друг с другом организаций, управляет 100.000-ая армия профработников, из которых 3000-4000 являются платными постоянными сотрудниками центральных и местных штабов профдвижения.

Веббы различают 2 типа профчиновников: 1-й тип—это администратор кассы взаимопомощи. Работа по выдаче пособий, в особенности после закона о национальном страховании 1911 г., поглощает большинство сил и времени профорганизаций. Эта совершенно рутинная деятельность требует (и воспитывает) соответствующих людей.

По характеристике Веббов [1]): «прикованные к своей канцелярии, они становятся в большинстве случаев трудолюбивыми писцами и, в лучшем случае, достигают уровня развития толкового управляющего страховой компании...

Вопросы союзной политики интересуют их главным образом постольку, поскольку они могут увеличить или уменьшить число членов союза, пользующихся пособием на случай безработицы.

Они гораздо больше поглощены конфликтами и размежеванием с соперничающими организациями, чем борьбой с предпринимателями, которой они всячески пытаются избежать».

Эти строки Веббов отражают содержание почти всей работы профсоюзного аппарата в Англии.

Каждый крупный союз платит своим членам десятки разного рода пособий по сложнейшим правилам и инструкциям. Он постоянно занят заботой о выгодном помещении своих огромных фондов в капиталистические банки и об их приумножении. Даже при всем желании у него не оставалось бы времени и сил для организации классовой борьбы. Но этого желания и нет. Все

---

[1]) С. и Б. Вебб, История английского тред-юнионизма, изд. ВЦСПС.

помыслы профбюрократии направлены на предупреждение и торможение стихийного движения масс, отвлечение их внимания в сторону соглашений.

Эта сторона деятельности профсоюзов создает 2-й тип профбюрократии, который Веббы называют «руководителями-экономистами».

Эти руководители являются прежде всего специалистами по коллективному договору.

«Они проводят всю свою жизнь в сложных расчетах по техническим деталям и весьма тонких переговорах с предпринимателями или их официальными представителями».

И Вебб вынужден признать, что «очень скоро он (профсоюзный чиновник) оказывается в положении, которое делает его обязанности несовместимыми с более широким взглядом на вещи. Чувство классовой солидарности, столь яркое в работающем у станка рабочем физического труда, теперь постепенно сменяется узким профессиональным эгоизмом»... «Вовсе не поражает нас поэтому, что руководителям-экономистам свойственна насыщенная, несколько узкая цеховщина».

Между прочим, Веббы констатируют, что т. н. союзы чернорабочих имевшие некогда свой героический период и возникшие в противовес цеховым союзам рабочей аристократии, теперь по существу ничем не отличаются от работы других союзов.

Посты генеральных секретарей союзов—этих основных руководителей главных штабов профдвижения,—по свидетельству Веббов,—носят характер работы управляющего большой страховой компании.

Жалованье этих руководителей (как и др. высших служащих союзов), достигающее 1000 фунтов в год, также часто выплачивается по методу, аналогичному применяемым страховыми компаниями для вознаграждения своих агентов.

Многие профработники живут фактически не на жалованье, а на проценты улаженных ими дел по вознаграждению за увечье и т. п.

Немудрено, что «предприниматели систематически отвлекают от службы профдвижению на службу капитализму наиболее активный и мыслящий элемент пролетариата, разыскивая среди них дельных надсмотрщиков и управляющих», и определенно предпочитая при этом лиц, прошедших школу активной работы в профсоюзе.

А последние в свою очередь не видят в таких переходах на платные должности у предпринимателей ничего особенного. Как пишет Вебб, они считают, что от этого ничуть не меняется их основная работа—«обеспечение единообразия в применении коллективного договора, которую они (а часто и рабочие массы) считают равнозначащей с обязанностью оценщика или бухгалтера».

Вполне понятно. поэтому, что «профработники постоянно находятся перед соблазном уйти со службы в профсоюзах в ассоциации предпринимателей или правительственные департаменты».

Нарисовав эту картину глубокого внутреннего сращения профсоюзного аппарата с капиталистической машиной и соответствующего приспособления руководящего кадра профработников, Веббы утешаются тем, что за последние годы все более выдвигается

новый тип профсоюзного вождя—«политика», с «широким кругозором» и т. д.

Яркое отражение этого типа мы видели в рабочем правительстве Англии. Томас, Ходжес, Клайнс—его эффектнейшие представители. Они лишь завершают сращение рабочих организаций с капитализмом, на этот раз с его государственной машиной, ничем принципиально не отличаясь от прежнего типа.

Но, конечно, с еще большей яркостью и законченностью этот процесс сказался на рабочем движении в С. Штатах Америки, где сращение капиталистического аппарата с профессиональной бюрократией произошло в совершенно ясных, цинично открытых формах.

Это подчеркивал в своих выступлениях еще в самом начале XX века один из немногих американских марксистов—Даниель-де-Леон, которого так ценил впоследствии Ленин. Он впервые пустил в ход знаменитое определение «рабочие лейтенанты класса капиталистов» [1]), еще в 1905 г. подробно обрисовав, как эти верные цепные собаки капитализма начинают лаять и кусаться, как только они слышат слово действительно пролетарской политики» [2]).

Он тогда же подробно выяснял причины появления этих рабочих лейтенантов буржуазии.

Он показал, как самая система цеховых профсоюзов квалифицированных рабочих неизбежно приводит к такому положению, когда в классовой борьбе на поле битвы выступает лишь одна группа, в то время как другие равнодушно смотрят на происходящую борьбу и на деле предательствуют, обслуживая своей работой продовольствие и снабжение буржуазии. Де-Леон дал блестящее описание всего механизма действий рабочих лейтенантов капитала во время стачки, их стараний обеспечить «святость контракта», наладить поставку штрейкбрехеров и т. п.

Он показывает, как профессиональные союзы, на-ряду с прессой и т. п., становятся непосредственной частью буржуазного аппарата, действующего по нажиму кнопки капитала. «Профсоюзные организации,—пишет он,—становятся живыми членами (limbs) капитализма. Их прикрытие словом «рабочая организация» только карикатура, ловкая маскировка для обмана масс». Он показывает, как «в непосредственных интересах профбюрократии и интересах того класса, лейтенантами которого они являются, мешать просвещению и развитию сознательности масс».

Блестящий анализ де-Леона всецело приложим и к современному состоянию американского профдвижения, где все основные черты «рабочих лейтенантов капитала» проявляются еще более ярко, резко и открыто.

Вот как характеризует этот слой, захватывающий многотысячный аппарат Американской Федерации Труда, руководитель революционного меньшинства профдвижения Америки т. Фостер [3]).

«Официальное чиновничество профсоюзов стало как бы особой секцией внутри правящего класса—разновидностью мелкой бур-

---

[1]) Между прочим, взятое им у одного из способнейших организаторов массового сотрудничества в Соед. Штатах—знаменитого Марка Ганна.

[2]) См. его брошюру: «The burning tasks of trade-union movement», доклады в Миннеаполисе и пр.

[3]) См. «Labour Herald»—орган лиги профессиональной пропаганды, Май 1924 г.

жуазии. У него имеется определенный экономический интерес в поддержании статус кво, так же, как у слоя мелких лавочников. Рабочая организация для них только средство для личного обогащения,—для получения доходов без труда. Их интерес к союзу—интерес собственника, и они так же заинтересованы в его организации и поддержке, как лавочник в устройстве полок своего магазина и заполнении их товарами для продажи. Американская профбюрократия невообразимо тупа и невежественна. У нее нет абсолютно никаких мнений о теории и практике рабочего движения. Ее об'единяют только личные материальные интересы. У них нет, как у рабочих, необеспеченности заработка, еженедельной тревоги о сохранении работы. Они получают не зарплату, а жалованье, в котором уверены от с'езда до с'езда. Притом эти с'езды происходят не чаще раза в год, иногда раз в 2—6 лет. Некоторые союзы никогда не созывают своих с'ездов. С'езды целиком контролируются официальной машиной. Жалованье профсоюзных чиновников необычайно высоко—самое высокое в мире. Многие отряды буржуазии получают меньший доход, чем профсоюзные чиновники, жалованье которых превышает оклады ответственных чиновников правительства. Эти королевские оклады редко ниже 5.000 долл. в год, а часто во много раз больше.

Эти оклады прокладывают классовую границу между ними и массой. Многие из них лично очень богаты, умирая миллионерами. Почти вся профессиональная бюрократия от местного агента до президента «международного союза» играет на бирже под любезным руководством предпринимателей, с которыми они якобы борются. Эта форма взятки является совершенно обычной; бывают и более грубые формы. Их быт совершенно иной, чем у массы. Они живут во дворцах, окруженные слугами, или в лучших отелях; обедают за одним столом с предпринимателями, часто принадлежат к тем же клубам и ложам, ходят в те же церкви; вообще братаются с ними на каждом шагу.

Эти братские связи окончательно очищают профессиональных вождей от всех остатков пролетарского духа, заставляют у них улетучиться всякий намек на классовую борьбу.

Когда рабочий лидер сидит с предпринимателем за столом, играя в покер или обмениваясь тривиальной болтовней, с сигарами и бутылкой хорошего вина, ему не до классовой борьбы.

Таким образом профессиональные вожди кровно заинтересованы в сохранении капиталистических классовых отношений, в поддержании классового мира ценой отказа от элементарнейших интересов масс, лишь бы что-либо не помешало им есть, пить, играть в покер, жить в комфорте, подобно хозяевам. Рабочий вождь, согласившийся на стачку, рискует своей репутацией у хозяев. Если конфликт возник стихийно, он должен уладить его возможно более удовлетворительно и скоро, иначе он будет выброшен из «порядочного» общества».

Цифры и факты, приводимые Фостером, в настоящее время значительно превзойдены.

Вот, для примера, председатель одного из крупнейших железнодорожных союзов (братства машинистов) Иосиф Стон, являющийся крупным капиталистом, участвующим в ряде предприятий; ж.-д. братство, во главе которого он стоит, является акцио-

нером крупного горнопромышленного общества, в котором Стон состоит председателем правления. Интересно, что это общество ведет резко антисоюзную политику, нанимая исключительно неорганизованных рабочих и штрейкбрехеров, соглашающихся работать более продолжительное время и за меньшую плату, чем установленные коллективными договорами.

Тот же Стон стал во главе созданного осенью 1924 г. нового радио-треста (American Radio Corporation), об'единившего ряд независимых компаний, не входивших в так наз. Радио-Корпорацию Америки.

Другой виднейший вождь профдвижения Льюис—председатель союза горнорабочих—также является крупным капиталистом и членом фашистской организации Ку-Клукс-Клан.

Председатель другого железнодорожного братства, получает 25.000 долларов в год и является совладельцем крупного банка. Даже небольшой союз стрелочников, получающих жалкие гроши, платит своему председателю 14.000 долл. в год и дает ему возможность быть одновременно председателем крупной компании.

Ясно, что весь этот слой профессиональных бюрократов яростно борется за свои места, всеми мерами противится грозящей сократить количество этих теплых местечек «амальгамации». Мы не останавливаемся здесь на развитии за последние годы профсоюзных банков,—одной из интереснейших тенденций реформистского профдвижения, а также на изумительных по своему цинизму формах «классового сотрудничества», нашумевших теперь в Соед. Штатах под именем «плана Б.-О.» (Балтимора—Огайо) [1].

В Германии, хоть внешне и в менее ярких формах, происходило по существу то же самое. Самый ход работы профсоюзов, приспособленных к мелкой и разрозненной «партизанской» борьбе с капиталом, к попыткам улучшения благосостояния рабочих в рамках капиталистического строя, создавал своеобразный тип профсоюзного «функционера». Формы работы требовали огромного организационного и еще большего финансово-счетного аппарата для выдачи пособий, переговоров с предпринимателями и т. п. Работники профсоюзного аппарата все более специализировались в этих областях, и в то же время суживался их кругозор. Они проводили всю свою жизнь на мелочной работе в своей организации, не зная положения в других областях, не имея охвата даже своего производства. В результате мы имеем, на-ряду с блестящей бухгалтерской техникой и развитой техникой переговоров с предпринимателями, образование замкнутой касты со своей кастовой солидарностью, узким кругозором, той специфической тупостью, которая так характерна для подавляющей массы германских профчиновников.

Втягивание профессиональной бюрократии в аппарат современного капитализма началось еще до войны. Во время знаменитых споров с ревизионизмом, «профессионалисты» стояли на крайне правом крыле и, несмотря на внешнюю победу ортодоксального марксизма, фактическое руководство с.-д. партией находилось именно в руках этого правого крыла, опирающегося на профсоюзную бюрократию.

[1]) См. Кр. Интерн. Профсоюзов № 2—3 1925 г.—М. Рубинштейн, Тенденции реформистского профдвижения.

Во время и после войны мы видим все большую связанность профсоюзной и с.-д. партийной бюрократии с аппаратом буржуазного государства.

Они пытаются сделать находящиеся в их руках рабочие организации основной опорой капиталистического строя, спасающей его от потрясений и гибели. Их работа в государственном, экономическо-политическом и т. п. аппарате буржуазии принимает совершенно систематический и все более широкий характер.

Это сопровождается, разумеется, и многочисленными случаями личной финансовой связи и зависимости вождей рабочих организаций от тех или иных капиталистических групп. Недаром Стиннес считал Легина, виднейшего вождя германского профдвижения того времени, своим лучшим другом и величайшим государственным умом Германии. Его именем, на-ряду с Тирпицем и Людендорфом, он называет первые пароходы, спущенные со своих верфей.

С тех пор мы имеем многочисленные случаи «стиннезирования» виднейших профессиональных и с.-д. вождей. Не говоря уже о таких ярких примерах, как о пресловутом Пауле, Лезше или Штримере—из многолетнего редактора органа фабзавкомов при Всегерманском Совете Профсоюзов превратившемся в руководителя предпринимательской газеты Борзига, мы видим это сращение по всей линии. Один из виднейших профессиональных вождей—председатель союза горнорабочих Хуземанн является членом наблюдательского совета горного общества Hibernia, Август Мюллер—«работает» в крупном кредитном банке. Виднейший профессиональный теоретик Рудольф Виссель состоит (как и покойный Легин) в наблюдательском совете крупнейшего государственного предприятия «Deutsche Werke».

Ряд других с.-д. депутатов и видных профессиональных чиновников сидит в одном или нескольких наблюдательных советах акц. обществ, получая тантьемы и использовывая свое политическое влияние. Крупнейшей фигурой этого рода являлся покойный Парвус, живший последние годы в своем роскошном замке в окрестностях Берлина и бывший одним из важнейших закулисных звеньев, передававших директивы концентрированного капитала аппарату германской социал-демократии и реформистского профдвижения.

Наконец, произведенные в декабре 1924 г. разоблачения «Роте Фане» о теснейшей связи верхушки германской социал-демократии и II Интернационала с спекулянтским концерном бр. Бармат побивают все рекорды в открытом цинизме этого сращения рабочей бюрократии с современным капитализмом. Весь фактический материал этих разоблачений был всецело подтвержден «Форвертсом», взявшим на себя лишь неблагодарную задачу доказать, что Бармат отличается от прочих капиталистов, «активно сочувствуя рабочему движению».

Во всех этих случаях дело, разумеется, не в личностях, а в том непреложном факте, что политика социалистических партий и реформистского профдвижения во всех странах об'ективно является от начала до конца служением концентрированному капиталу, стремлением удержать рабочие массы в повиновении ему, отвлекая их внимание пацифистски-демократическими иллюзиями.

Связи рабочего класса с мелкой буржуазией.

Помимо роли рабочей бюрократии, огромное влияние в том же направлении оказывали на рабочее движение многочисленные и многообразные связи между рабочим классом и мелкой буржуазией. Между ними исторически сложился ряд промежуточных ступеней, и теперь еще остающихся весьма широкими.

Правда в основных промышленных странах образовался за последнее столетие капиталистического развития мощный слой так наз. «чистого пролетариата», порвавшего всякие экономические связи с мелкой буржуазией, из рядов которой пришли несколько поколений назад его предки. Многочисленные массы рабочего класса Англии, Германии, некоторых районов нынешней Чехо-Словакии и т. д., являются, по своему экономическому положению, потомственными почетными пролетариями. Но даже в этих странах относительно долгого капиталистического развития нельзя считать состав пролетариата прочно установившимся.

В частности, как известно, война вызвала значительные изменения этого кадра. Значительная часть пролетариата ушла на фронт, многие миллионы на фронте погибли или вернулись домой калеками. На их место пришли в производство совершенно новые слои. И хотя окончание войны вызвало возвращение части фронтовиков на их прежние места, целиком эта «реституция» (возвращение к прежнему положению) нигде не была завершена. Затяжной послевоенный кризис европейского народного хозяйства гнал в ряды пролетариата все новые отряды нищающей мелкой буржуазии, продолжал «разводнять» состав рабочего класса. Еще в большей степени это относится, разумеется, к странам развивающегося молодого капитализма. В такой мощной капиталистической стране, как Соед. Штаты, в быстро развивающих свою промышленность странах Южной Америки, в Японии и лишь начинающих эпоху промышленного развития колониальных и полуколониальных областях основные кадры пролетариата состоят в значительной степени из элементов, в настоящем или предыдущем поколении пришедших из рядов крестьянства или других частей мелкой буржуазии.

Достаточно напомнить, что в Соед. Штаты эмигрировало в последние предвоенные годы около миллиона человек ежегодно, при чем в XX веке основной поток эмиграции шел из аграрного востока и юго-востока Европы.

И если последние ограничения эмиграции и значительно сократили это количество, очень мало вероятно, чтобы они удержались на сколько-нибудь длительный срок, тем более, что и теперь уже сокращение эмиграции из Европы компенсируется быстро растущей эмиграцией в Соед. Штаты из Канады и Мексики (откуда косвенным путем прибывают и эмигранты из Китая), а также принявшим характер подлинного переселения народов передвижением негров из аграрных южных штатов в промышленные центры Севера. Около 1/3 американского населения состоит из эмигрантов или детей эмигрантов. Несомненно, что большинство американского пролетариата, в особенности же его неквалифицированных слоев, состоит из недавних пришельцев из мелко-буржуазной среды.

Не надо думать, что пролетаризирующаяся мелкая буржуазия, попав в промышленный водоворот, окончательно порывает со своей прежней средой. Бесчисленные нити долго еще связывают эти слои со средой, откуда они вышли. В дальнейшем мы остановимся на бытовой, психологической и т. п. сторонах этих связей. Пока надо подчеркнуть, что для известной части пролетариата они имеют и непосредственно экономический характер. Известная часть эмигрантов лелеет надежды вернуться к крестьянскому хозяйству. Другая часть надеется, подработав в Америке на рудниках или заводах, скопить небольшую сумму денег и, вернувшись на родину, заняться мелкой торговлей.

Огромные массы итальянских эмигрантов ежегодно покидали родину на несколько месяцев для работы по сбору урожая в Южн. Америке, затем возвращались к весне в Италию к своему клочку земли. Еще более широкие слои европейских и особенно китайских эмигрантов известную часть своего заработка отсылают на родину, сохраняя таким образом экономическую связь с мелким хозяйством.

И если фактически, для огромного большинства все эти надежды становятся все более призрачными, каждого рабочего в отдельности они часто связывают крепкими психологическими узами. Его положение является отчасти сходным с положением нищающих крестьян-арендаторов или мелких кустарей на дому. Несмотря на то, что те эксплоатируются капиталом косвенно (а часто и непосредственно) пожалуй еще сильней, чем наемные рабочие, они судорожно бьются всю жизнь, держась за мираж своей хозяйственной самостоятельности. Принадлежащие к вышеозначенным слоям рабочие часто живут в надеждах на эту самостоятельность.

Рабочий быт.

Пожалуй, не меньшее значение, чем все эти факторы, имеют явления бытового и психологического порядка, разумеется вытекающие из предыдущих, являющиеся их «надстройкой».

К ним относится ряд бытовых, культурных и т. п. особенностей и традиций, тяготеющих над рабочим классом и рабочим движением.

Место не позволяет нам остановиться на влиянии жилищного вопроса, семьи, школы, церкви, кино (за последнее время и радио), прессы, спорта и т. п.

Все эти вопросы рабочего быта и изощренные методы психологического воздействия капитализма на рабочий класс требуют особой разработки, представляя собой одну из интереснейших, почти незатронутых областей марксистского исследования [1]).

Изменение состава и характера пролетариата. Социальная основа преодоления реформизма.

Значительное влияние всех явлений, отмеченных нами выше, существует и теперь. И современное производство выделяет верхушечный слой пролетариата, правда, более узкий количествен-

[1]) Некоторые из этих вопросов затронуты нами в брошюре «Концентрация капитала и задачи рабочего движения», М. 1924 г., 2-ое издание, глава: «Концентрация „производства общественного мнения“» и др.

но и другой по типу труда и производственной роли. И теперь значительная часть рабочего класса рядом нитей связана с мелкой буржуазией и еще более широкие слои его стоят под мощным психологическим воздействием капитализма. Поэтому-то реформизм и теперь сохраняет известные социальные корни в самом рабочем классе.

Но основные социальные особенности состава пролетариата глубоко изменились.

Война дала мощный толчек к ускорению и оформлению огромных сдвигов в составе и характере рабочего класса, производимых современной техникой. Мы еще не вполне осознали значение этих сдвигов, которые лишь постепенно оказывают все большее влияние на все стороны рабочего движения и классовой борьбы.

Основной причиной этих сдвигов является тот факт, что особенности современной техники производят настоящую революцию в формах и типах труда.

Мы в другом месте подробно останавливались на изменении типов труда в связи с развитием современной техники. Его основными чертами являлось усиливающееся разделение труда, усиление специализации, ограничение и в то же время углубление круга знаний и навыков, необходимых для какой-либо профессии, вытеснение и механизация тяжелого физического труда, изменение форм прежней квалификации.

Как мы отмечали, прогрессирующее разделение и специализация труда на известной ступени начинают преодолеваться. Специализация с работника начинает переноситься на машину. По английскому термину «человеческое уменье» (humen skill) заменяется «машинным уменьем» (machin skill). Автоматизация станков и их специализация дают возможность новому работнику быстро приспособляться к сравнительно несложным манипуляциям, и поэтому работник может их часто и легко менять, переходя с одного станка на другой, с одной работы на другую.

Труд в технически передовых отраслях производства как бы деквалифицируется. Разные профессии все более сближаются друг с другом. Наиболее распространенным и характерным типом становится, так называемый, «Подученный труд» (Angelernte Arbeit, semiskilled work), не требующий длительной выучки, позволяющий легко перебрасывать работника и втягивать в производство новые слои. Вызывая часто очень значительное напряжение внимания и нервной работы, он не требует физической силы и ловкости. При огромной специализации самих станков и машин, часто приспособляемых к производству лишь одной какой-либо части, формы трудовых манипуляций с этими машинами становятся более или менее сходными, однородными по типу. Разные профессии (в том числе как так наз. «физического», так и «умственного» труда) все более сближаются. Непрерывное и все более стремительное изменение техники так быстро и непрестанно меняет формы труда, что прежняя, установившаяся десятилетиями иерархия и разделение профессий вообще опрокидываются, старые, традиционные их названия перестают отвечать содержанию работы.

Таким образом, мы имеем налицо, с одной стороны—чрезвычайную пестроту и быструю сменяемость работ и профессий, с другой—быструю «унификацию» типов труда, сближение их,

слияние значительного большинства пролетариата в более или менее однородную по производственной обстановке массу.

Разумеется, все эти процессы являются лишь тенденциями, т.-е. в ходе их развития им приходится встречаться не раз и с противоположными явлениями, с многочисленными задерживающими, тормозящими и уводящими в сторону моментами.

Быстро двинутые вперед во время войны, эти процессы после войны в ряде стран пошли назад, вновь заменяясь довоенными формами. Но совершенно несомненно, что общий путь развития остается все же неизменным и все эти задержки и отклонения не могут изменить его общего направления.

Этот процесс роста необученного и подученного труда очень трудно проследить в цифрах, так как официальная статистика в большинстве стран не знала до сих пор такого разделения. Кроме того, издание ее материалов чрезвычайно запаздывает, а в Германии, например, последняя профессиональная перепись населения происходила в 1907 году. Однако кой-какими данными, в частности для наиболее интересной в этом отношении страны—Соед. Штатов Америки—мы все же обладаем.

По данным переписи Соед. Штатов 1920 г. из $32\frac{1}{2}$ миллионов лиц наемного труда (без высших служащих, директоров и т. п.), было: 4.914.651 обученных (skilled), 6.384.567 подученных (semiskilled), 11.072.171 чернорабочих (unskilled), 5.688.144 клерков и лиц сходных профессий, 2.434.123 прислуги и т. д.

Таким образом основной (количественно) категорией лиц наемного труда являются необученные рабочие. Вместе с быстро растущей категорией подученных рабочих они составляют больше $\frac{1}{2}$ лиц наемного труда и больше $\frac{3}{4}$ промышленного пролетариата.

Если к этим категориям добавить известную часть прислуги (особенно в сельском хозяйстве), выделенных в отдельную группу рабочих коммунальных предприятий, и часть клерков, как мы увидим позднее, все более сближающихся по типу труда с группой подученных рабочих, мы получим подавляющее большинство пролетариата.

Среди женщин процент подученного труда и клерков еще больше, так что лишь эти 2 категории составляют больше половины женского пролетариата.

О Германии, как мы уже упоминали, имеются лишь устарелые данные переписи 1907 г., к тому же различающей лишь 2 категории—обученных и не обученных рабочих, не выделяя ставшего в результате войны основным слоя подученных (angelehrte).

Однако и эти данные 1907 г. по сравнению с предыдущей переписью 1895 г. показывают увеличение числа необученных рабочих на 38%, при чем в 1907 г. на 100 рабочих приходилось 73 необученных.

Ряд данных (тарифные договоры и т. п.) показывают, что за истекшие со времени переписи 17 лет число квалифицированных рабочих еще более сократилось, а число необученных и особенно непредусмотренных переписью подученных соответственно выросло.

Мы не можем здесь останавливаться на соответствующих цифрах о составе пролетариата других стран, но все они, включая

даже британскую Индию [1]), свидетельствуют о том же сокращении прежних форм квалифицированного труда и быстром росте числа необученных, вернее, нового типа «подученных», рабочих.

Подвижность пролетариата.

Интересно проследить одно из следствий этих изменений типа труда, именно быстрый рост подвижности пролетариата, все более частые смены отдельными рабочими места работы, профессии, страны.

О переезде рабочих из страны в страну мы уже упоминали, говоря об эмиграции. Но и в пределах отдельных государств то же явление наблюдается во всех странах, несмотря на планомерные попытки капиталистов ограничить его размах посредством ряда мероприятий, на которых мы остановимся в дальнейшем. Наиболее выпукло отражаются эти явления в Соед. Штатах, где неуклонное ускорение так называемого «оборота» рабочей силы» (turnover of labour) привлекает всеобщее внимание.

Работники статистического бюро при министерстве труда Соед. Штатов Брисседен и Френкель [2]) сделали ценную попытку статистического анализа этих процессов, дающую в целом необычайно яркую картину подвижности состава американских рабочих.

По их данным с 1910 по 1919 г. на среднее ежегодное количество в 2.117.682 «полных» промышленных рабочих (считая 3.000 рабочих часов в год на одного рабочего) было ежегодно в среднем 2.564.000 поступлений на работу и 2.481.280 уходов, т.-е. в общей сложности около 5 миллионов перемен работы.

Это соответствует такому положению, как если бы в течение года все наличные рабочие покинули свою работу и на их место пришел совершенно новый состав, а затем такая же смена произошла бы в тот же год еще раз, или, что то же самое, если бы каждый рабочий в среднем 2 раза в год менял свою работу. За последние годы темп этой подвижности еще более ускоряется, достигая в среднем коэфициента 3 : 1, т.-е. для того, чтобы иметь на предприятии 500 человек, надо за год нанять 1.500.

Между тем теоретически необходимая смена рабочих из-за неустранимых производственных и физиологических причин составляет лишь 20—30%, фактически имеющей место, и, таким образом, 70—80% всех этих перемен вызваны лишь вышеотмеченными особенностями современной капиталистической организации труда.

Зависимость этого процесса от изменения типов труда мы можем проследить уже на том факте, что необученный и подученный труд значительно подвижнее квалифицированного—до войны вдвое, в 1917 г. уже втрое. В 1919 году на одном месте необученного рабочего сменялось за год 9 человек.

Обследование приводит подробнейший анализ этих общих цифр по отдельным профессиям и даже предприятиям, а также в зависимости от условий работы и др. причин. Наиболее неподвижными оказываются самые квалифицированные слои рабочих и особенно высоко оплачиваемые специалисты с многолетним опытом.

---

[1]) См. Census of British India, 1921, том I.

[2]) Labor turnover in industry. A statistical analysis by Brissenden a. Fraenkel. New-York, 1922.

Наиболее подвижны чернорабочие и работники на автоматах в массовом производстве. По отраслям производства наиболее подвижны работники химической и металлической промышленности.

В то время, как в среднем 60% обследованных рабочих работали на одном месте меньше 3 месяцев и только 7% больше года, в отраслях производства с наибольшим распространением необученного и подученного труда 80% рабочих работали меньше 3 месяцев (отдельные отрасли химической промышленности), в автомобильной промышленности этот % равняется 73. Во многих крупных предприятиях с тысячами рабочих лишь десятки работают свыше года и единицы—свыше 3 лет.

Правда, в крупных предприятиях отмечается несколько большее постоянство рабсилы, чем в мелких, но это об'ясняется тем, что в них перемена работы часто ограничивается переменой мастерских внутри завода.

Отмечаются неявляющиеся особенной редкостью случаи, когда рабочий за 23 месяца сменяет 87 работ, т.-е. в среднем остается на одной работе 8 дней, попадаются рабочие с средней продолжительностью работы в 3 дня.

Эта подвижность была, разумеется, в огромных размерах усилена войной, вызвавшей во многих предприятиях массовый уход старых рабочих.

Но и после войны сохранилась «эта военная психология»—склонность к переменам. Уходит в прошлое постоянный, преданный рабочий, привязанный к месту работы, цепляющийся за него, связанный с ним квартирой, бытом, психологией. Рабочий без колебаний бросает свое место, уходя на другое с несколько более высокой платой или лучшими условиями, иногда лишь следуя случайному непроверенному слуху о них. Часто даже не это является основным толчком, и переход на другое место вызывается лишь просто желанием перемены от надоевшей монотонности работы. В связи с этим понятно, что большинство уходов имеет место весной и что в подавляющем большинстве случаев (около 90%) смена вызывается добровольным уходом рабочих, причины которого официальным статистикам довольно трудно установить, так как, знающие о взаимном осведомлении предпринимателей, рабочие предпочитают их скрывать.

Сближение зарплаты.

Другим следствием этих изменений в составе и характере пролетариата является неуклонный процесс сближения зарплаты разных категорий труда.

Мы не можем здесь останавливаться на подробностях этого процесса, но его несомненность подтверждается всеми статистиками и экономистами, следившими за изменениями зарплаты в разных странах.

Повсюду в военный, и особенно послевоенный, период шло постепенное сближение зарплаты обученных и необученных рабочих. Такое же сближение можно отметить и в зарплате работников физического и умственного труда. В некоторых странах эта нивеллировка сделала различия зарплаты обученных и необученных рабочих ничтожными, особенно в периоды инфляции,

когда реальная зарплата стремительно падала. Но это явление характерно не только для стран, переживших инфляцию. И в Англии бывали периоды, когда в отдельных производствах ставки необученных и подученных рабочих даже превышали ставки квалифицированных. Вообще в периоды падения зарплаты после войны она падает сильнее всего у квалифицированных слоев. Во время же повышений зарплаты (хотя бы лишь номинальных), эти повышения относительно наиболее велики у необученных и подученных.

Разумеется, и этот процесс является лишь общей тенденцией, т.-е. он неоднократно прерывается и задерживается временными противоположными явлениями. В частности, за последний год мы видим в отдельных странах, в особенности же в Германии, новое расхождение зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих, вызываемое главным образом сознательными усилиями предпринимателей усилить расслоение пролетариата, создав прочную рабочую аристократию по американскому образцу.

Все это, однако, не может надолго изменить общего направления этого международного процесса, вызываемого глубокими изменениями производственного процесса и типов труда.

Взаимосвязанность рабочих.

Наиболее важной стороной всех этих процессов в области интересующей нас темы является неуклонное сокращение прежних форм квалифицированного труда, область применения которых все более суживается и место которых во все более широком масштабе занимает совершенно новый тип рабочего. Мы видим на-ряду с оттеснением прежней рабочей аристократии, квалифицированной верхушки полуремесленного, цехового типа, массовый приход в производство необученных, вернее «подученных», рабочих, втягивание в промышленность совершенно новых слоев с огромной подвижностью, отсутствием оседлости, частыми переходами с одной работы на другую. В то же время мы видим сближение форм, усиление однородности типа труда, а также небывалую и все усиливающуюся взаимосвязанность рабочих в производственном процессе как непосредственно на предприятии, так и в национальном и международном масштабе.

Эта связь на предприятии достигает своего высшего развития в современных американских заводах типа завода Форда с механизированными, главным образом, так наз. «конвеерными» методами внутризаводского транспорта. Там каждый рабочий настолько тесно связан с работой коллектива, что приостановка им работы хотя бы на минуту нарушает всю цепь производственного процесса, находящегося в беспрерывном движении. Для того, чтобы выйти в уборную, рабочий должен там поднять руки и получить от мастера заместителя из специального резерва.

К такой органической, глубочайшей связи неуклонно ведет все развитие современной техники. Предприятие превращается в единый грандиозный механизм, где люди так же тесно связаны между собой, как отдельные винтики машины.

То же по существу происходит и в масштабе всего производства страны, связь отдельных элементов которого все более усложняется и углубляется. В любой машинной части, даже в любом

куске железа заключен теперь труд тех, кто добывал руду, кто ее нагружал на поезда и пароходы, кто эти поезда или пароходы приводил в движение, тех, кто добывал и перевозил топливо (уголь) и вспомогательные материалы, кто строил домны и заводские здания и т. д., т.-е. в них отложилась хотя бы частица коллективного труда многих тысяч рабочих и служащих разнообразнейших производств и профессий.

То же самое мы видим в международном масштабе, где, несмотря на все стремления крупных капиталистических государств к созданию так наз. аутарктного хозяйства, мы видим неуклонное, прорывающее все капиталистические рогатки, усиление производственной зависимости разных стран друг от друга. Колониальное сырье, нефть и др. продукты определенных стран становятся все более необходимыми для производства и транспорта, усиливая связи мирового хозяйства даже вопреки всем преградам капиталистического строя. Это создает неизбежное усиление экономической взаимосвязанности рабочего класса разных стран, в сильнейшей степени отражающейся на международном рабочем движении.

Таким образом на обоих полюсах социального развития, в стане капитала и в стане пролетариата, происходят в этом отношении как бы аналогичные, сходные по типу процессы.

На одной стороне современные формы концентрации капитала, финансовый капитал, акционерное общество, система участий и т. п. создают небывалое по размаху и темпу переплетение всех видов капитала друг с другом. Это проявляется, с одной стороны, в сращении промышленного, торгового и банковского капитала, в своеобразных формах даже не вертикальной, а смешанной концентрации, об'единяющих в одних руках владение самыми разнообразными отраслями производства, торговли и финансов, полном сращении их с государственным аппаратом, органами «производства общественного мнения» и т. д., с другой—эти процессы находят свое завершение в идущей теми же путями, небывалой раньше по широте, интернационализации капитала.

На другом полюсе происходит, как мы видели, «уравнение» разных слоев пролетариата, сближение их положения, их взаимопереплетение как в усложняющемся и, несмотря на все капиталистические препятствия, интернационализирующемся механизме производственного процесса, так и во всех областях социальной жизни, прежде всего в условиях классовой борьбы.

Все это создает социальную основу для преодоления реформизма, постепенно размалывает его между жерновами нарастающих классовых противоречий капиталистического общества.

С неумолимой закономерностью закона природы, разумеется, при активном участии действующих сторон, происходит как бы быстрое накопление разнородных электричеств на 2-х полюсах, неминуемо подготовляющее грандиозный разряд.

Диалектическое понимание природы— механистическое понимание.

И. Степанов.

I.

В начале прошлого года, по предложению издательства «Красная Новь», я пересмотрел для второго издания свой перевод книги Гортера «Исторический материализм». Книга отличается некоторыми несомненными достоинствами, прежде всего—популярностью, которая делает ее пока незаменимой для начинающих читателей. Это достоинство заставляет мириться с ее столь же несомненными недостатками. Но с одним из них нельзя было попросту примириться: нельзя было обойти молчанием многочисленные оппортунистические, социал-демократические элементы, разбросанные в разных местах этой работы, написанной за несколько лет до войны, превратившей Гортера в коммуниста. Необходимые на мой взгляд поправки я внес в своем «послесловии» к книге Гортера. Больше всего я остановился на соотношении исторического материализма и философского материализма, совершенно затемненном и по-социал-демократически запутанном в книге Гортера.

Этот вопрос и сам по себе представлялся мне заслуживающим большого внимания. Среди марксистов, и старых и молодых, обнаруживается большая тяга к естествознанию. Они чувствуют, что своими современными достижениями естествознание роднится с обществознанием, каким оно сделалось благодаря работам Маркса и Энгельса. Но в современной литературе они не находят работ, которые в достаточно популярной форме познакомили бы их с этой стороной дела.

Конечно, этот вопрос много раз ставился в марксистской литературе. Много ценного дал Энгельс в своем «Антидюринге» и в «Людвиге Фейербахе». Плеханов в целом ряде работ часто обращался к различным сторонам вопроса. Очень широко ставится вопрос на многих страницах у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме». Из статей, печатавшихся в разное время в заграничных марксистских изданиях, прежде всего в Neue Zeit, у нас составлялись целые сборники на тему «Дарвинизм и марксизм».

И тем не менее всякий, знакомый с этой литературой, согласится, что здесь лежит перед нами почти непочатая область, к которой мы едва начинаем подходить, что еще остаются широкие

пространства, которыми мы должны овладеть, но еще не начали овладевать, и что во всяком случае совсем мало работ, которые, представляя более или менее широкий охват, давали бы такое изложение предмета, которое делало бы его доступным для сравнительно массового читателя, на первое время хотя бы для наших рабфаковцев, курсантов, народных учителей и т. д.

Содержание моей книжки в значительной степени определилось практическими потребностями нашей пропаганды и агитации. В качестве «антирелигиозника», каковая «профессия» сделалась для меня почти что «главной профессией» в 1920—1922 годах, я на каждом шагу встречался с этими потребностями. Они заявляли о себе и в десятках записок, которые сыпались после каждого доклада на «религиозные темы» в Москве, на Урале и Украине; они осаждали нас почти на каждом совещании антирелигиозников; они прорывались, наконец, в тех вопросах, на которые вынужден отвечать всякий агитатор-антирелигиозник, и перед которыми он часто чувствовал свою беспомощность. На каждом шагу открывалось, что марксист не может уйти от современного естествознания,—что он должен дать хотя бы предварительный ответ на некоторые основные вопросы естествознания.

С эволюцией мертвой материи наши агитаторы еще кое-как справляются: кант-лапласовская теория все еще может считаться приемлемым ответом на вопрос о развитии неорганического мира, и наши агитаторы в общем знакомы с этой теорией, в особенности если в свое время они сидели на школьной скамье.

Но вот с живой материей совсем плохо. Наш агитатор хорошо знает, что он должен дать «естественную историю» возникновения и развития органической жизни, но обычно не знает, как смотрит на дело современное естествознание.

Этот-то пробел я и попытался восполнить своей маленькой книжкой «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм». Взяв за основу упомянутое «послесловие» к Гортеру, я отбросил все, что имело касательство непосредственно к Гортеру, и сильно развернул биологические отделы своей работы.

В каком направлении шла моя работа, и каковы были ее основные задания, об этом ясно говорит «оглавление»: «Представления современного естествознания о возникновении живой материи. Развитие организмов и развитие психической жизни. Ископаемые предки современных животных и современного человека. Данные эмбриологии. Механизм биологического приспособления к различным условиям существования. Происхождение новых видов от общих предков. Расхождение признаков. Почему из современных обезьян не развиваются люди. Выдержанно причинное истолкование всех процессов природы и общественной жизни современной наукой. Расточение сил, характеризующее стихийные процессы природы вообще и естественный отбор в частности... Предустановленная целесообразность в природе» (критика этого рода воззрений).

Всё— вопросы, от которых не может, «не имеет права» уклониться школьный и внешкольный работник, курсант, пропагандист, если он не ограничивается политической областью. Всем им необходимо дать хотя бы предварительное руководство, пока-

зать, в каком направлении должны итти их ответы. Надо их хотя бы несколько вооружить для борьбы со всякими видами поповства.

Но биологические науки оставляют без ответа громадную группу вопросов, с которыми подступают к нам с разных сторон. Хорошо, допустим, мы об'яснили, как естественным путем возник такой зоологический вид, как наш обезьяноподобный предок. Но как из него развился человек? И откуда этот выделяющий его из остального животного мира ум, эти способности, которые обозначают усвоенным от религии словом «душа»? В биологии надо искать об'яснения, как возникла животная психика, но она молчит относительно человеческой психики. Или хуже, чем просто молчит. В современной антропологии есть, напр., очень заметное течение, которое говорит о неандертальском человеке, но здесь же с большим хитроумием делает намек, что он не связывается цепью развития с «Homo sapiens», с «человеком разумным»: последний, видите ли, существовал одновременно и с неандертальским человеком, и с еще более зоологическими формами человека. Хитренько подсовывается тот благочестивый вывод, что наука не в состоянии об'яснить естественным образом возникновение «души человеческой», что весь животный мир, действительно, развивался от низших форм к высшим,—развивалась и нервно-мозговая система,—а вот человек откуда-то готовеньким свалился на земной шар.

Так определилась вторая задача моей брошюры. Она показывает, что там, где биологические науки молчат или изменяют своему методу, их работу продолжает исторический материализм. Исходный пункт его об'яснений таков: «человек—общественное существо, делающее орудия». Основная идея здесь такова: в приспособлении к изменяющимся условиям существования изменяются органы растений и животных. Человек, приспособляясь к условиям существования, изменяет прежде всего свои орудия труда. Изменения органов имеют здесь уже вторичный, производный характер.

К своему прискорбию, не могу сказать, чтобы эта идея была «моя» идея, и чтобы для всякого марксиста она была сколько-нибудь новая. Но к своему утешению я до сих пор думаю, что изложил ее достаточно популярно и систематично (см. в особенности главу VII в моей книжке).

Оглавление дает представление и об этих частях моей книжки: «В чем особая точка зрения исторического материализма. Человеческое приспособление к изменяющимся условиям существования в отличие от биологического приспособления. Природа—мать человека, труд—его отец. Антропология, как соединительное звено между биологическими и общественными науками. Естественный отбор и технический отбор. Развитие человеческого труда и человеческого мышления. Познание развивается из труда. Что такое техника и производительные силы человеческого общества».

Но я еще не считал свою задачу законченной. На худой конец идеалисты могут ответить—и действительно отвечают: хорошо, пусть наука показывает, как с развитием нервно-мозговой системы развивалась психическая жизнь, и как у человека ее осложнение и обогащение связано с развитием орудий труда.

За всем тем психические явления представляют некую «непостижимую тайну», и физиологам с их химическими и физическими методами исследования здесь нечего делать. Эти явления надо принять, как особое «качество», ни на что другое не разложимое.

В своей книжке я привел тот общий ответ, которым современная наука изгоняет мистику из ее последних убежищ. Могу признать, что ответ слишком общ и, что самое главное, в брошюре, популярной по своим заданиям, ему следовало бы придать более конкретные очертания. Все это так,—и все же я до сих пор думаю, что дал читателям правильное представление о тех сокрушительных ударах, которые современная наука наносит идеалистическим воззрениям. Содержание соответствующей IX главы так обрисовывается оглавлением: «Закон сохранения энергии. Отрицание его виталистами и неовиталистами... Закон сохранения энергии остается в силе для всей области мертвой и живой природы, между прочим, и для процессов психической жизни».

Наконец, последние две главы должны увязать то, что узнал читатель на протяжении книжки, должны в частности показать, какое значение приобретает научное познание законов природы и законов общественной жизни. Ответ (по оглавлению) таков: «Расточение сил, характеризующее стихийные процессы природы вообще и естественный отбор в частности. Творческое воздействие человека на процессы природы. Искусственный отбор. Возрастающая разумность в трудовых отношениях человека к природе. Стихийность процессов общественной жизни. От стихийности к сознательности и творческому управлению процессами общественного развития».

Всякий, кто познакомиться с моей работой, легко откроет, что у меня были два главных путеводителя: К. А. Тимирязев—для области биологии, Ф. Энгельс—для области обществознания и естествознания.

Тема: Ф. Энгельс и К. А. Тимирязев заслуживает того, чтобы ею занялись на различных семинариях и в кружках марксизма. Для ее проработки достаточно было бы взять только первый отдел из «Антидюринга» Энгельса и только некоторые статьи из сборника «Наука и демократия» Тимирязева. Сравнительное изучение покажет, с одной стороны, каким замечательным естественником был Энгельс: его главы о развитии органического мира, его замечания о Дарвине (напр., о том, почему он мало обращал внимания на возникновение изменений), о соотношении науки и философии и т. д. производят такое впечатление, как будто он писал «Антидюринга» в контакте с Тимирязевым. Но, с другой стороны, то же сравнительное изучение покажет, что научная методология уже давно роднила Тимирязева с марксизмом, и что после октябрьского переворота он, действительно, должен был сделаться нашим ученым, «нашим Тимирязевым».

Однако, хотя путеводители у меня были достаточно надежные, все же поставленная мною задача представляла большие трудности. Скажу прямо: несмотря на помощь естественников-специалистов, с некоторыми трудностями я так и не справился. Например, я видел, что следовало бы изложить закон сохранения материи. Ту сторону его, которая раскрывает круговорот веще-

ства в мертвой и живой природе, и ту его сторону, которая касается человеческого хозяйства, мне удалось, думается мне, изложить более или менее ясно и отчетливо (первый подход к этому я сделал еще три года тому назад в своей «Электрификации»). Но в настоящее время и популярная книжка не может ограничиваться этими сторонами дела. Она должна изложить новейшие воззрения на строение вещества (электронная теория атома).

Марксист тем более должен был бы остановиться на этом, что здесь подтвердилась догадка, высказанная Энгельсом почти 60 лет тому назад. 16 июня 1867 года он писал Марксу:

«Читал Гофмана. Новейшая химическая теория, при всех ее недостатках, представляет большой шаг вперед по сравнению с прежней атомистической. Молекула, как мельчайшая частица материи, способная к самостоятельному существованию, — совершенно рациональная категория, «узел», как выражается Гегель, в бесконечном ряду делений, не завершающий их, а устанавливающий качественное различие. Атом,—раньше представлявшийся границей делимости,—теперь является всего лишь отношением, хотя сам г. Гофман полностью снова подпадает под власть старого представления, будто бы существуют настоящие неделимые атомы» («Briefwechsel», III. B., стр. 381—382).

В старой химии господствовали, как выразился бы Энгельс, метафизические воззрения на строение атома. Атом был для них некая точка покоя, некая сущность, пребывающая неизменною.

Уже в сороковых годах Маркс и Энгельс начали применять к изучению человеческого общества ту точку зрения, что «все течет, все изменяется», и что покой, это—только частный случай движения. Такие диалектические воззрения на человеческое общество были подготовлены колоссальными экономическими и политическими переворотами (экономический переворот, который к сороковым годам явственно начал захватывать и континент; Великая Французская революция, которую по ширине и глубине действия превосходит только революция 1917 года). Для Маркса и Энгельса было совершенно естественно перенести свои воззрения (свой метод) с человеческого общества на природу. В этом направлении надо искать об'яснения той поразительной чуткости, которую они неизменно обнаруживали по отношению ко всякому поступательному шагу естествознания, вступавшего в то время в период своего бурного расцвета и превращения в современное естествознание [1]).

На наших глазах изучение радиоактивных веществ дало возможность с недостижимою ранее глубиной проникнуть в строение материи. Сначала наука в самом радии увидала разложение атома, а затем она приступила к «бомбардировке», к «разбиванию»

---

[1]) Замечательно в этом отношении письмо Энгельса к Марксу от 14 июля 1858 г. (оно вошло в книгу, составленную В. В. Адоратским: К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма. М. 1922, стр. 72—73). В конце письма Энгельс явственно подходит к тем воззрениям на развитие органических форм, которые в 1859 году были систематически изложены Дарвином в его «Происхождении видов» («Briefwechsel», II. B, стр. 278—280). Возможно, впрочем, что Энгельс успел ознакомиться с той статьей Дарвина, которая дает предварительное изложение воззрений последнего и появилась 1 июля 1858 г. Но и тогда остается чрезвычайно характерным для Энгельса тот факт, что он так быстро ознакомился с этой статьей и оценил ее значение.

атома и других веществ. Она показала, что каждый атом представляет не какую-то «однородную материальную точку», а сложную систему, строение которой можно представить себе по аналогии с солнцем и вращающимися вокруг него планетами. Вместе с тем в принципе открывается возможность покончить с такими метафизическими и по существу антропоморфическими представлениями (или, по меньшей мере, выражениями), как пресловутое «химическое сродство». В то же время надо будет признать, что менделеевская система элементов окажется в историческом развитии химии тем же, чем для органического мира была линнеевская система классификации. Последняя устанавливала «перерывы», «узлы», перегородки между органическими формами. В свете дарвинизма она стала указывать переходы, движение, развитие из одних форм в другие.

Можно сказать, что «диалектика» переживает на наших глазах величайшее торжество, вторгаясь в последние убежища «метафизики». И никто больше Маркса и Энгельса не радовался бы этим успехам новейшего естествознания, неизбежность которых они предвидели за много десятилетий.

До сих пор ни один критик моей книжки странным, но вполне естественным для них образом не заметил, что я ни словом не упоминаю об этом революционном перевороте в современной науке. Уж если где-нибудь и могли бы они сказать, будто мне мстит мое мнимое «пренебрежение к диалектике», так именно в этом пункте.

Но, совершеннейшие представители неосхоластики, они, совершенно естественно для них, просмотрели этот бесспорный пробел в моей книжке, которая как бы «застыла» на тех завоеваниях естествознания, которые с особой силой подчеркиваются у Энгельса (клеточка, как элементарнейшая форма органического мира; дарвинистское об'яснение развития органических форм; закон сохранения энергии и ее превращений).

Я не вижу никаких оснований скрывать от читателей, что в этом пункте я потерпел поражение. Здесь невозможно было ограничиваться такими краткими замечаниями, как в моей «Электрификации», в которой я останавливался на этом предмете. Я несколько раз приступал к этой теме, перепачкал изрядное количество бумаги,—но, увы, не сумел изложить новейших воззрений на строение атома с такой степенью популярности, какая, думается мне, достигнута в других главах «Исторического материализма и современного естествознания». И так как у нас, марксистов, особые воззрения на соотношение читателей и литераторов, так как, в противоположность буржуазным теоретикам, мы не хотим замыкаться в особую касту «жрецов науки», то я иду в своих признаниях дальше. Я до сих пор не могу отделаться от одной огорчительной для меня мысли: я не справился с популяризаторской задачей главным образом потому, что сам для себя еще не справился со многими противоречиями, потому, что сам чувствую себя слишком неуверенно в этой области. А замазывать свое незнание словами,—на что у меня хватило бы уменья при моем литературном опыте, и что у нас быстро начинает входить в моду,—я считаю недопустимым по отношению к читателям.

Я сознавал, что в моей книжке имеются большие пробелы и могут встретиться прямые промахи и ошибки. В предисловии я прямо оговорил, что это—всего лишь «предварительный под-

ход» к громадной задаче. Подзаголовок книжки: «Очерки современного мировоззрения» ясно показывал, что книжка не претендует на исчерпывающий охват предмета. Я выражал надежду, что товарищеская критика поможет мне впоследствии исправить дефекты работы.

Своими указаниями на круг читателей, для которых предназначалась работа, на ее несомненные недостатки и т. д. я вовсе не стремлюсь обезоружить критику. Всякий, кто дерзает приступать к популяризации важнейших идей современного естествознания, обязан помнить о К. А. Тимирязеве и иметь его своим образцом,—пусть недосягаемым, но таким, за которым должен следовать всякий популяризатор. А это значит, что общая научная линия в популярных работах должна быть проведена с величайшей строгостью и последовательностью, и что в этом отношении популяризации должны давать, употребляя выражения Ленина, «не полунауку, а всю науку».

Но критики моей книжки пошли по совершенно иной линии. Они и не ставят вопроса, правильно ли передает моя книжка современные научные воззрения. Они отвергают книжку единственно по той причине, что она не соответствует общей системе их философских воззрений.

II.

Первый и самый основной упрек, который делают мне критики, заключается в том, что я будто бы отвергаю диалектику или по меньшей мере равнодушен к ней. Наиболее убедительное доказательство они видят в том, что во всей книжке ни разу не упоминается слово «диалектика» или «диалектический материализм».

В настоящее время я вижу, что в этом отношении мною сделан крупный тактический промах. Чего бы мне стоило в самом деле заявить в предисловии и несколько раз повторить в брошюре, что я применяю диалектический метод к изучению природы и общества? Это на половину или на все три четверти обезоружило бы критиков.

Но уж такая гадкая привычка у меня выработалась. И более того: эту «дурную манеру» писать я возвел в принцип. Еще в октябре 1921 года в предисловии к своему «Очерку развития религиозных верований» я писал:

«В своих выступлениях на религиозные темы товарищи не должны ограничиваться такими слишком общими и абстрактными формулировками, как, напр., следующие: «в основе всего лежит развитие производительных сил», «религия есть фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над их повседневным бытом, сил природы или сил классового общества» и т. п. Нет спора, такие и тому подобные положения, почерпнутые из «Антидюринга», «Капитала», тезисов Маркса о Фейербахе и других работ Маркса и Энгельса, имеют громадную методологическую ценность. Но всегда следует помнить, что они только указывают, в каком направлении надо вести исследование, но не дают и не заменяют самого исследования. Для той аудитории, с которой имеют дело наши лекторы, они могут получиться

только как вывод, как результат длительной работы, и не имеют в себе ничего самоочевидного. Лектор должен давать конкретный материал, из которого выводы сами собою получались бы у слушателей, но отнюдь не начинать с этих выводов. Словом, он должен правильно, уверенно и свободно... не как ученик, применять метод Маркса и Энгельса, а не просто повторять в голой форме общие методологические положения»[1]).

В основном тексте упомянутого «Очерка» я не повторяю на каждом шагу и даже просто не указываю, что я применяю метод Маркса-Энгельса, историко-материалистический метод и т. д. То же и в своей «Парижской Коммуне 1871 г.». Но это пока не привело ни к каким недоразумениям с критиками. А вот с последней книжкой, в особенности с ее отделом о современном естествознании, случилось иное.

Противники уже пытались и в будущем еще больше постараются найти в ней и другие из'яны. Я не сомневаюсь, что многие их указания будут правильны и полезны. Но пока что спор развернулся не о частных упущениях, а совсем о другом: об общем характере книжки, о приемлемости ее методологии с марксистской точки зрения. И, как читатели еще убедятся в дальнейшем, этот спор в настоящее время приобрел большое принципиальное значение, так как он вскрыл существование в марксизме двух противоположных течений. На моей стороне оказалось подавляющее большинство коммунистов, специальностью которых являются различные отделы естествознания (физика, химия, биология); на другой стороне — пока очень немногочисленные коммунисты, специальностью которых является философия, главным образом философия Гегеля. Но хотя они очень немногочисленны, энергией своих первых литературных выпадов они могли произвести такое впечатление, будто с ними и за ними идет большинство марксистских теоретиков.

В направленных против меня статьях т.т. Вишневского и Стэна много побочного, постороннего, шелухи и скорлупы. Но если выделить самое ядро, самое существо спора, то будет ясно, что развернулась борьба между двумя непримиримыми точками зрения. С одной точки зрения диалектика — метод, который следует применять для познания природы и общества, так как применение его ведет к плодотворнейшим результатам. Для другой точки зрения в готовых положениях диалектической философии Гегеля уже наперед даны все основные соотношения реального мира. Изучение реальных вещей может, самое большее, дать только дополнительную проверку априористических по своему существу утверждений. Но на худой конец, встретившись с очень сложной проблемой, можно вполне удовлетвориться такой, напр., формулой: «здесь перед нами узловая линия, за которой начинается новое качество». Этим «новым качеством» может быть живая материя, могут быть психические явления и т. д.

---

[1]) Ср. у Ленина «Конспект „Науки логики" Гегеля»: «Категории надо вывести, не «рассказывая», не «уверяя», а доказывая (а не произвольно их механически взять)»,—«Под Знаменем Марксизма» 1925 г., № 1—2, стр. 11.

С моей точки зрения, недостаток подобных общих и абстрактных формулировок не в том, что они неверны, а, напротив, в том, что они в своей величайшей абстрактности всегда верны, слишком уж верны, и потому как нельзя более пригодны для того, чтобы чисто словесным способом замазывать величайшие пробелы и провалы в действительном познании мира и обманывать самих мудрецов, заменяя для них это познание.

При таком подходе к делу диалектическая философия превращается в философскую систему, а ряд методологических положений об'является за все содержание познания.

Этим и только этим определяется основное различие в моем отношении к диалектике и в отношении к ней моих противников.

В своей статье, напечатанной в № 14 журнала «Большевик» за 1924 г., я уже показал, каким образом естествознание, по мнению Энгельса, переходило от метафизических к диалектическим воззрениям. Решающее значение принадлежало здесь, по его словам, открытию клеточки, как элементарнейшей органической формы, эволюционной теории Дарвина и закону сохранения (и вместе с тем превращения) энергии. Последовательнейшее сознательное применение этих открытий к изучению природы должно привести диалектику к полному торжеству в естествознании.

Мои критики предпочли просто замолчать эти положения Энгельса из «Антидюринга» и «Фейербаха»: иначе им пришлось бы признать, что моя книжка удовлетворяет этим требованиям Энгельса. И, разумеется, им было бы совсем неудобно признать, что их критические замечания в своей значительной части бьют не только меня, но и Энгельса: самое придирчивое сравнение показало бы, что мое изложение эволюции органического мира ни в чем не противоречит содержанию тех двух глав «Антидюринга», которые посвящены этому предмету.

По Плеханову, наиболее основная характеристика диалектики заключается в том, что она есть учение о развитии, но о таком развитии, которое отличается от вульгарной теории эволюции, уверяющей, будто в природе и истории все изменения совершаются постепенно, без всяких скачков. Для Плеханова «в основе нашей диалектики лежит материалистическое понимание природы», «диалектика опирается на учение о природе». Т.-е. диалектика—не совокупность априорных положений: диалектику надо искать в процессах природы[1]).

Если принять плехановские критерии метафизического и диалектического подхода к изучению природы и общества, то курьезными становятся обвинения меня в «забвении диалектики». Правда, я не последовал за Плехановым в дополнении и исправлении Дарвина мутациями де-Фриза. Но здесь я остался в хорошей компании: с К. А. Тимирязевым и с другими наиболее близкими нам по мировоззрению биологами[2]).

---

[1]) Сравн., напр.: «Основные вопросы марксизма», М. 1923, стр. 31, 104 и многие другие. См. также статьи Плеханова против Струве и немецких ревизионистов. К этой стороне воззрений Плеханова (да и Энгельса) совершенно слеп и тов. Боричевский.

[2]) Из новейших работ см. очень хорошую книжку Б. М. Козо-Полянского, «Диалектика в биологии», изд. «Буревестник», 1925. Она становится в особенности полезной ввиду недавних блужданий тов. Сарабьянова и друг. марксистов, которые, вообразив, что дело со скачками в современных биологических науках обстоит очень плохо, искали спасения у Фриза и Берга.

Но я иду дальше. Я утверждаю, что книжку «Исторический материализм и современное естествознание» составлял совершенно так же, как «Очерк развития религиозных верований» или «Парижскую Коммуну». Было бы проще всего,—так как это избавило бы от хлопотливого изучения предмета,—если бы я с глубокомысленнейшим и важным видом халдея от науки (вернее, от философии) изрекал: «Дарвин показал нам, каким образом количественные изменения, постепенно накопляясь, дают новое качество». «При возникновении живой материи мы имеем перед собою перерыв непрерывности, узловую линию, за которой перед нами будет новое качество, скачок к этому новому качеству». «Количественные изменения определенной меры путем скачка дают новую меру нового качества, количественные изменения которой опять дают новую меру нового качества и т. д.» (ср. статьи тов. Стэна). Да когда же у нас в самом деле появится новый Мольер!

В отличие от моих критиков, я и при составлении последней книжки полагал, что эти общие методологические положения автор должен *держать про себя*. Для читателя они могут «получиться только как вывод, и не имеют в себе ничего самоочевидного... Автор должен правильно, уверенно и свободно применять метод, а не просто, как ученик, повторять в голой форме общие методологические положения... Он должен давать конкретный материал, из которого выводы сами собою получались бы для слушателей, но отнюдь не начинать с этих выводов».

Моим критикам уже пришлось признать за наилучшее—обойти молчанием те цитаты, которые я в подтверждение своих взглядов привел им из Маркса, Энгельса и Плеханова (№ 14 «Большевика» за 1924 г.). Самое большее, они отделываются от них каким-нибудь пренебрежительным замечанием и обращаются за помощью к «самому» Гегелю. Но для меня это вовсе не основание отмахиваться от Энгельса. Напротив, я радуюсь каждый раз, когда вижу, что он является для меня надежной опорой. Так оно и в данном случае. На стр. 141 своего «Антидюринга» (нем. изд. 1904 г.) Энгельс пишет: «Античная философия была первоначальным, непосредственно возникшим материализмом. В качестве такового, она была неспособна справиться с отношением мышления к материи. А необходимость об'яснить это привела к учению об отдельной от тела душе, затем к утверждению бессмертия этой души и, наконец, к монотеизму. Следовательно, получилось отрицание старого материализма идеализмом. Но в дальнейшем развитии философии идеализм тоже сделался несостоятельным и отрицается современным материализмом. Последний, отрицание отрицания, не есть простое восстановление античного материализма, но присоединяет к сохраняющимся основам его все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, равно как и самой этой двухтысячелетней истории. *Это — уже не какая-либо философия, а просто мировоззрение, которое должно сохраняться и проявляться не в какой-то отдельной науке наук* (aparte Wissenschaftswissenschaft), *а в действительных науках*»[1].

---

[1]) Не могу не задать вопроса, над которым я уже давно задумываюсь: не пора ли в наших вузах *историю философии* заменить *историей науки*? В историю науки должна, конечно, войти и история философии,— именно в той связи, которая так прозрачно указана Энгельсом и в только что

Как бы ни хотелось моим противникам затемнить существо наших противоречий, для всякого читателя наших статей ясно, что они лежат именно в этой плоскости. Дело вовсе не в том, трактовать ли общую методологию наук о природе и обществе отдельно от самых наук, или вводить в понимание методологии при изучении этих наук: это—вопрос целесообразности или, еще точнее, вопрос педагогической целесообразности, и из-за этого не стоит ломать копья. Вопрос именно в том, не подменяется ли общая методология философской системой, «наукой наук», которая мнит себя стоящей над науками и претендует на то, чтобы наперед предписывать им результаты, к которым они должны приходить [1]).

Если не для моих противников, которые очень неохотно слушают Энгельса, то для читателей наш спор вполне исчерпывается следующими словами Энгельса, взятыми из его «Фейербаха». Хотя эта работа написана десятью годами позже «Антидюринга», однако отношение Энгельса к философии нисколько не изменилось. Энгельс говорит («L. Feuerbach», Stuttgart 1910, стр. 42): факты, устанавливаемые эмпирическим естествознанием, в настоящее время дают возможность раскрыть не только связь процессов природы в отдельных областях, но и общую связь процессов, об'единяющую отдельные области. «Дать эту общую связь—это входило раньше в задачу так называемой натурфилософии. Она могла достигать этого лишь таким способом, что подменяла неизвестные действительные связи идеальными, фантастическими, недостаток фактов дополняла вымышленными образами, и лишь в воображении восполняла действительные пробелы. Действуя так, она пришла к некоторым гениальным идеям, предугадала некоторые позднейшие открытия, но вместе с тем преподнесла и значительное количество чепухи. Теперь, когда стоит только взглянуть на результаты естествознания диалектически, т.-е. с точки зрения их собственной связи, чтобы притти к удовлетворительной (или достаточной, genügende. *И. С.*) для нашего времени «системе природы», когда диалектический характер этой связи навязывается даже метафизически вышколенным головам естествоиспытателей, вопреки их воле,—в настоящее время натурфилософия (Плеханов везде переводит: «фи-

---

приведенной цитате, и в других местах «Антидюринга» и «Фейербаха». Немного ниже читатели найдут еще более выразительную цитату. Действительно, нет ли чего-то от средневековщины в том, что мы сохраняем историю философии—и не думаем об истории науки.

[1]) Как К. А. Тимирязев обеими руками подписался бы под только что приведенной цитатой из Энгельса, так и Энгельс безоговорочно присоединился бы к следующим мыслям Тимирязева: «В настоящее время под лозунгом «возврата к философии»... обнаруживаются новые течения, которые удобно характеризовать общим собирательным прозвищем нео-обскурантизм» (К. Тимирязев, «Наука и демократия», Сборник статей 1904 — 1919, М. 1920, стр. 268). Чрезвычайно поучительна переведенная Тимирязевым лекция Больцмана, вошедшая в тот же сборник, в особенности стр. 307—311: Больцман развивает те самые воззрения, которые мои противники отвергают, как механистические воззрения. К. А. Тимирязев вполне солидаризуется с ними. Очень характерно заявление Тимирязева в одной статье, написанной в конце 1916 г.: «Прежде у нас была одна забота—спасать от мрака светом науки, теперь рядом является другая—спасать науку от настигающего ее мрака—от «произвола» философов» (стр. 361). Мы еще увидим, каким образом этот «произвол философов» проявился в их отношении к механистическому пониманию мира.

лософия природы». *И. С.*) окончательно устранена. Всякая попытка ее возрождения была бы не только излишня,—она была бы регрессом» (это подчеркнуто Энгельсом. Остальное—мною. *И. С.*)[1]).

Запомним же,—это нам еще пригодится: что такое диалектика природы? Это—результаты естествознания с точки зрения их собственной связи. Что скажут на этот счет мои критики?

Те же мысли Энгельс еще раз повторяет на стр. 56 своей работы о Фейербахе. Резюмируя свои воззрения на судьбы философии, устраненной, с одной стороны, современным естествознанием, а с другой—историческим материализмом, он говорит: «это понимание (марксово понимание истории) точно так же полагает конец философии в области истории, как диалектическое понимание природы делает равно ненужной и невозможной всякую философию природы (натурфилософию). За философией, изгнанной из природы и истории, остается тогда, поскольку еще остается, только царство чистой мысли: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика».

Откуда такие колебания и неуверенность у Энгельса? Философия, говорит он, изгнана из природы и истории. Она, пожалуй, сохранилась,—да и то лишь постольку, поскольку сохранилась,—только как логика и диалектика.

С точки зрения моих противников такая «шаткость» Энгельса заслуживает величайшего осуждения[2]). С моей точки зрения осмотрительность Энгельса уже получила достаточное об'яснение. Фактов эмпирического естествознания достаточно для того, что-

---

[1]) Спрошу еще раз: действительно, не пора ли поставить историю философии в наших вузах так, чтобы она входила, как элемент, в историю науки? Между прочим, в этом направлении—единственное спасение от нового чванства, которое начинает выступать куда претенциознее, чем известное «комчванство»: от «философского чванства», от софчванства. Под историей науки я прежде всего и больше всего понимаю историю естествознания в самом широком значении этого слова.

[2]) «Тов. Степанов, вы наверное очень веселый человек и любите смешить народ, но нельзя быть все-таки столь беспощадным по отношению к читателям. Ведь никак нельзя знать, когда вы говорите правду». (Я. Стэн, в № 15—16 «Большевика» за 1924 г., стр. 124). «Конечно, если марксистская философия тождественна с современным естествознанием, то может быть только один последовательный вывод, что марксистской философии нет».

«В моменты, когда тов. Степанов чувствует благоприятное расположение духа и благоизволит признать существование марксистской философии, он считает ее совокупностью общих выводов наук. Но такая философская «ветренность» и легкомыслие ведет тов. Степанова прямиком от отрицания марксистской философии в царство плоских и избитых определений философии буржуазными философами. Ведь, так называемая буржуазная «научная философия» тоже, тов. Степанов, не признает самостоятельной области философствования, отрицает специфические философские методы исследования (браво, браво, тов. Стэн! По-русски это называется «бухнуть». Я подчеркнул эти места, ибо здесь—действительный фокус наших непримиримых противоречий. *И. С.*) и считает своей задачей, как это прямо говорит Вундт, соединение всех данных, добытых отдельными науками, в одно целое». (Я. Стэн, там же, стр. 123—124) Надо ли после сказанного в тексте добавлять, что тов. Стэн в состоянии запальчивости и раздражения наскочил на маленькую неприятность: он, можно сказать, под орех разделал старика Энгельса с его отрицанием философии, как особой науки наук, и его отождествлением диалектики и «результатов естествознания с точки зрения их собственной связи». Бедный Энгельс с его «плоскими и избитыми определениями философии». Но и бедный же тов. Стэн!

бы понять общую связь процессов природы. Тем самым отрицается философия природы, как самостоятельная область с какими-то своими специфическими философскими методами исследования. К таким же результатам привел Маркс, впервые поставив обществознание на научный базис. Как ни крутись, и здесь придется признать, что диалектическое понимание этой области явлений есть не что иное, как понимание результатов обществознания с точки зрения их собственной связи. Опять отпадает целая громадная область применения каких-то специфических философских методов. Коротко говоря, диалектика—не наука наук, не стоит над науками: ее надо искать в самих науках. Вот это-то и выражает Энгельс словами: от философии осталась, поскольку еще осталась, диалектика.

Но так же обстоит дело и с логикой, с формальной логикой. Может быть, скажут, что категории формальной логики (как и «аксиомы» геометрии)—априорные, прирожденные идеи? Идеалисты так и говорят. Но Энгельс в том же «Антидюринге» достаточно убедительно показал, что источник этих категорий—не вне мира, не вне реальных отношений, а в самих реальных отношениях, абстракции от которых они представляют.

Потому-то Энгельс и не придает существенного значения вопросу, который так волнует тов. Стэна. Хотите логику и диалектику считать остатком философии—считайте; не хотите—не надо. Мне все равно!

Столь «покладистый» Энгельс не пошел бы только за тов. Стэном, который свысока поучает о «самостоятельной области философствования», о «специфически философских методах исследования».

И напишут же этакое в стране, которая один из первых памятников поставила К. А. Тимирязеву, и в которой партия марксизма уже восьмой год является правящей партией!

III.

Второе мое преступление, внутренно связанное с первым, с «равнодушием к диалектике», по мнению критиков, заключается в том, что я подменяю «диалектический материализм» «механистическим пониманием», или «механистическим материализмом». И еще в том мое преступление, что основу последнего я вижу в современном естествознании, а не ставлю его над науками о природе и вне этих наук.

Эта сторона дела достаточно выяснена в предыдущей главе. Остается только рассмотреть, насколько приемлемо для марксиста механистическое понимание мира.

Диалектико-материалистический метод остается по существу один и тот же, применяем ли мы его к изучению процессов природы или к изучению процессов общественной жизни. Но чтобы подчеркнуть специфичность тех явлений, которые мы изучаем во втором случае (и чтобы вместе с тем подчеркнуть особый характер результатов, получаемых во втором случае), мы говорим здесь об историческом материализме.

Итак, по отношению к обществознанию диалектический материализм конкретизируется, как исторический материализм. Нельзя ли его конкретизировать и по отношению к наукам о природе? Мои противники, что весьма характерно, даже не ставят этого

вопроса. Они сели на конька именно самых общих, самых абстрактных формулировок: количество — качество, непрерывность — прерывность, узловая линия, категория меры. Оседлали этого конька—и уже не могут с него слезть, и не испытывают потребности хотя бы беглым взглядом окинуть те области, по которым он ковыляет. Заняли такую позицию, которая, свидетельствуя по меньшей мере о нежелании обратиться к положительным наукам о природе, убивает в дальнейшем всякий интерес к изучению реальных связей природы. Они уверяют, что все уже давным-давно содержится в их философской системе!

Современные научные воззрения на природу я называю в своей книжке сначала «общефилософским» или просто «философским материализмом», так как первоначально они были достоянием известного течения философии; затем я окончательно конкретизирую и определяю эти воззрения, как «механистическое понимание природы», так как современная наука, унаследовав то ценное, что было в философском материализме, претворила его именно в механистическое истолкование мира.

Я не ограничиваюсь словами: в главе IX я показываю, какое содержание в них вкладываю. Резюмируя, я пишу в этой главе (стр. 66—67): «Нигде не находится места для какой-то особой «жизненной силы», представляющей в своем действии из'ятие из закона сохранения энергии. И нигде не удается открыть никакого надбавка к тем количествам энергии, которые усваиваются растением из внешнего мира, и никаких особых таинственных форм энергии сверх тех, которые вообще наблюдаются в химических и физических процессах». Отметив, что для современной науки «так называемые психические процессы, или духовные явления, суть функции, проявления деятельности не какой-то души, а нервно-мозговой системы», я так заканчиваю главу: «механистическое понимание природы, раскрывая, что и область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии, идет к своему завершению и вместе с тем к величайшему торжеству».

Добавлю к этому, что я в нескольких местах упоминаю, каким образом наука приходила к разрешению многих проблем, перед которыми раньше она останавливалась в полном недоумении. Таковы были, напр., процессы, протекающие в живой материи. Научное понимание их сделалось возможным с того времени, когда наука «стала сводить их к более простым явлениям, совершающимся в мертвом минеральном веществе и составляющим предмет изучения физики и химии» (стр. 25. Ср. стр. 65).

Отвечая тов. Стэпу («Большевик» 1924 г., № 14, стр. 83—84, 89 и др.), я указал, что защищаемый мною под названием механистического понимания природы закон сохранения (и превращения) энергии является, по Энгельсу, «основным процессом, в познании которого резюмируется все познание природы». Я писал: «Положительно чудовищно, что человек, мнящий себя теоретиком марксизма, не просто отвергает эти воззрения, но и старается опорочить их в глазах партии». Я упомянул, что «великое дело жизни К. А. Тимирязева, одного из наших величайших ученых, заключалось в развитии и пропаганде этих воззрений», и

что только они и дают науке прочную опору для борьбы с витализмом и т. п. реакционными течениями.

Критики ни одним словом не обмолвились, принимают ли они этот основной принцип естествознания, формулированный мною самым недвусмысленным образом. Но они сделали достаточно для того, чтобы, поскольку это зависит от них, вколотить в него осиновый кол и тем самым расчистить дорогу витализму, имманентной телеологии и т. д.

Мне посчастливилось: моя незамысловатая по заданиям книжка оказалась в центре столкновения двух непримиримых мировоззрений—и постольку сыграет свою роль в разделке с такими осколками средневековщины, как «специфически философские методы исследования». А что это иное, как не попытки «возродить философию природы», о которых Энгельс сказал, что они не только излишни, но и представляют регресс?

Буду справедлив к своим противникам. Мне это дается тем легче, что, если и раньше я не сомневался относительно окончательного исхода нашего спора, то теперь, после того, как Биологический Институт имени К. А. Тимирязева, имеющий в своем составе многих коммунистов, в заседании 7 февраля подавляющим большинством голосов (против двух) высказался за мою точку зрения и против моих критиков, недолго придется ждать этого окончательного исхода.

Я не буду обвинять критиков в сознательном извращении того, что я, следуя принятой терминологии, назвал механистическим миропониманием. Нет, дело для них много печальнее: они не понимают, не могут понять этих воззрений. Хотя я говорю о механистических воззрениях, тов. Стэн упорно приписывает мне механическую точку зрения, т.-е. все время от физики и химии скатывается к механике.

Да и механику он понимает удивительно плоско. На стр. 123 «Большевика» за 1924 г., № 15—16, он спрашивает, например: «можно ли биологический и психический процессы об'яснить, исходя из количественных изменений в разных направлениях однородной материальной точки» и т. д.

В речи, произнесенной в упомянутом заседании Тимирязевского Института (она в переработанном виде появится в одной из ближайших книжек «Под Знаменем Марксизма»), тов. А. К. Тимирязев-сын блестяще показал, что Стэн вышелущивает из механики громадное богатство ее действительного содержания.

Но это я оставляю в стороне. В моей брошюре вопрос поставлен достаточно ясно: заключается ли задача научного познания процессов органической жизни в том, чтобы «открывать в них те общие и относительно простые закономерности, которые установлены физикой и химией»? Не механикой, как хотят приписать мне мои критики, что, впрочем, мало улучшает их положение, а именно физикой и химией. Да или нет? Они не ответили «диалектически» (что для данного случая означало бы «дипломатически»): «и да, и нет» или «ни да, ни нет». Они частью предпочли обойти этот коренной вопрос современной науки, частью постарались косвенным образом опорочить эти воззрения («грубый», «вульгарный», «механический», «старый» материализм).

Они подменяют современный механистический материализм механическим материализмом, каким он был в XVIII

веке. Они просто повторяют возражения, направленные против этого старого материализма и в основных чертах формулированные Марксом и Энгельсом еще в сороковых годах прошлого века. Они отмалчиваются от приведенной мною («Большевик» 1924 г., № 14, стр. 85—86) очень знаменательной поправки Плеханова как раз к этой критике механического материализма: «По этому поводу (по поводу этой критики) можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология, в конце концов, сведутся, вероятно, к молекулярной механике (т.-е. в химических и биологических процессах станут раскрывать «те общие и относительно простые закономерности, которые устанавливаются физикой»,—одной только физикой. *И. С.*). Но читатель видит, что Энгельс говорит не об этой механике, которой не имели, да и не могли иметь в виду французские материалисты» и т. д. А вот мои критики упорно не видят этого, потому что неспособны увидеть.

Основной упрек критиков заключается в том, что, употребляя выражения тов. Стэна, механистическое понимание отрезывает путь к «пониманию качественной определенности процессов природы».

В ламентациях, которым предаются критики воззрений, которые «все сводят к механике», есть нечто родственное тому высокому негодованию, которым некогда обдавали нас за то, что мы «все сводим к экономике», и даже тому расслабленному декадансу, который плачется, будто научное миропонимание «отнимает у жизни все неисчерпаемое богатство ее содержания, ее цветов и красок». И по своей «глубине» это—родственные мировоззрения. Что они несут науке, об этом читатели составили бы ясное представление, если бы они обратились к одной статье К. А. Тимирязева, вошедшей в сборник «Наука и демократия» (стр. 314 и сл.) и сопоставили, с одной стороны, воззрения моих критиков и Лоджа, а с другой- воззрения, противопоставляемые ему Тимирязевым. Получилась бы очень поучительная параллель—и читатель-марксист разом увидал бы, кто прав в теперешнем споре.

Но ведь и Энгельс дает очень ясный ответ. Я уже указал («Большевик» 1924 г., № 14), что для Энгельса закон сохранения и превращения энергии дал очень много. В предисловии к «Антидюрингу» Энгельс прямо говорит, что только этот закон впервые дал возможность с самого начала учитывать качественную сторону процессов природы: ту самую качественную сторону, в тщетных поисках за которой тов. Стэн бросается от отчаянности в об'ятия чистейшей метафизики, последнего прибежища всех отчаявшихся, если прямая и открытая религиозность стала для них невозможной («специфические философские методы исследования», «самостоятельная область философствования»). Тов. Стэн не понял и никогда не поймет этого выразительного указания Энгельса: для его понимания требуется иное, более физическое, менее метафизическое устройство головы.

А ведь так нетрудно было бы понять мысль Энгельса. Одним-двумя годами позже он вновь повторяет ее в «Фейербахе» (стр. 41). «Три великих открытия,—говорит он,—исполинскими шагами двинули вперед наше знание взаимной связи процессов природы». И опять, упомянув о той роли, которую открытие клеточки сыграло для понимания диалектики природы, он продолжает: «Во-

вторых, открытие превращения энергии, которое показало, что все так называемые силы, действующие прежде всего в неорганической природе—механическая сила и ее дополнение, так называемая потенциальная энергия, теплота, излучение (свет, соответственно лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия—представляют различные формы проявления универсального движения, которые в определенных количественных отношениях переходят из одной в другую, так что взамен известного количества исчезнувшей одной появляется определенное количество другой, и так что все движение природы сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую» [1]).

Это-то и показано в моей книжке, в частности в главе IX, на которую зато больше всего и обрушились мои критики.

В самом деле, нужна положительно невероятная придирчивость и совершенно тенденциозное ослепление, чтобы отрицать, что именно эти воззрения и развивает моя книжка.

А теперь дальше. Тов. Стэн костит меня на все корки за то, будто бы я всю жизнь готов уложить в прокрустово ложе механики «однородной материальной точки».

Он проглядел сущую безделицу. Он не понял прямого указания Энгельса: раз наука признала превращение энергии из одних форм в другие, она тем самым учла качественную сторону процессов природы с самого начала.

Да ведь Энгельс не только сказал это, но и постарался разжевать таким образом, чтобы вколотить в головы самых малых ребят от естествознания и самых неграмотных взрослых.

Что такое представляют те действующие в природе силы, о которых говорит Энгельс в только что приведенной цитате? Что такое «механическая энергия», «теплота», «свет», «электричество», «химическая энергия» и т. д., о которых говорит моя книжка? Сообщу моим критикам о новейшем головокружительном научном открытии: да это и есть те самые качества, которые им до сих пор не давались и никогда не дадутся. И можно ли выражаться яснее, чем выражается Энгельс? Он прямо вдалбливает наименее понятливым читателям: это—формы проявления единого всеобщего движения, т.-е., если это вам так нравится, различные качества одного и того же количества.

Но я готов разделить негодование моих критиков, если они обрушатся на Энгельса, который ввел их в такой грандиозный конфуз и скандал. Чего он в самом деле говорит о каких-то там

---

[1]) В начале этой цитаты бросается в глаза некоторая стилистическая несуразность: «силы, действующие прежде всего в неорганической природе». Ну, а где же «потом»? Мы его найдем, если продолжим цитату: «наконец, доказательство, впервые развитое в общей связи Дарвином, что совокупность окружающих нас теперь органических продуктов природы, включая и людей, представляет порождение длинного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей, а последние в свою очередь получились из химически (auf chemischem Weg) возникшей протоплазмы или белка». Теперь все понятно. Указываемые Энгельсом силы действуют (и действовали) прежде всего, конечно, в «неорганической природе». Но они же своим действием дали начало протоплазме, или белку, и затем, естественно, они же действуют и в органической природе. И критики до сих пор воображали, что они разносят—да еще как!—и уничтожают меня и мою книжку.

«формах движения» вместо качеств, столь родных и привычных для «специфически философских методов исследования»?

Вполне определенные качества *уже даны*. Наука должна изучать их превращения и итти к познанию того универсального движения, различными формами которого являются теплота, свет, электричество и т. д.

Увы, но ведь это оказывается точку в точку тем, что я характеризовал, как «механистическое миропонимание».

Те слова Энгельса, которые я привел в последнем примечании, тоже достаточно характерны. Они, ведь, как бы их ни перетолковывать, ясно показывают, в чем Энгельс видит особую заслугу Дарвина: впервые сделав возможной *естественную* историю возникновения органической жизни (протоплазма возникла «*химически*»), Дарвин в принципе и на органическую природу распространил закон сохранения энергии. Понятно?

И вот вам, кстати, новое «качество», в дополнение к тем, которые перечислил Энгельс и которые так упорно не даются моим критикам. Это новое «качество»—протоплазма. Но Энгельс и здесь, и в «Антидюринге» неизменно говорит, что об'яснения этого качества живой материи, и его возникновения наука должна искать «на путях химии» (auf chemischem Weg). То-есть говорит то самое, что я повторил в своей книжке (стр. 14—16).

Здорово же досталось в последние месяцы Энгельсу за его пренебрежение к диалектике», за его преступное родство с механистическим миропониманием.

IV.

Тов. Вишневский («Под Знаменем Марксизма» 1924 г., № 12) выписывает из моей книжки следующие слова:

«Понять какую-нибудь группу явлений означает для современной науки истолковать ее, как непрерывно текущий процесс, в котором одна стадия или ступень (рассматриваемая, как *причина*) неизбежно порождает другую (являющуюся *следствием*)».

Здесь я, по словам рецензента, «обнаружил однобокость и ошибочность своего понимания причинности (опять результат пренебрежения к диалектическому материализму и диалектике). Я дал «очень вульгарное и по существу неверное понимание причинности, ибо оно игнорирует самое основное, что содержится в диалектическом материализме: процесс диалектического *опосредствования*, обнаруживающий различия «сущности» и «явления».

«Точка зрения диалектического монизма,—поучает рецензент,—заключается в том, чтобы в вопросе соотношения между «природой» и «обществом» диалектически сочетать оба момента причинности: *непрерывность и прерывность*».

Сам он дает пример своей «диалектики», беспомощно, спутанно и нудно рассуждая о «влияниях» и «предпосылках», климате и человеческом мозге, эндокринных железах и «природе». Ниже мы приведем несколько образчиков его глубокомысленных построений.

За то же самое, только еще более спутанно, разносит меня и тов. Стэн. Да еще одно: он неизменно подсовывает мне «*механическое*» понимание природы и подсовывает абсурдное утвер-

ждение, которого нет и следа в моих работах: будто бы, по моему мнению, «все качества природы могут быть непосредственно сведены к движению материальной однородной точки» (123, 126 и др. стр. в «Большевике» 1924 г., № 15—16). Он упорно выдает свое отчаянное непонимание за мое понимание природы. Ну, когда обстоятельства так складываются, я могу сказать только одно: тов. Стэн безнадежно болен, и ни я, ни врачи, ни кто бы то ни было другой ему не помогут.

Постараемся распутать вопрос, «безбожно» запутанный моими критиками.

Они с величайшей настойчивостью твердят: количество—качество, непрерывность—перерывы, развертывание одного процесса—узловая линия, новое качество—новый процесс.

В своем софчванстве они и не подозревают, что в настоящее время их подход к делу становится реакционным, является возвратом от диалектического материализма к диалектическому идеализму, от Энгельса к Гегелю.

Кое-кто подумает: сильно сказано! Вот они полемические преувеличения и увлечения.

Ничего подобного! Я утверждаю это только потому, что уже показал это в предыдущей главе. И утверждаю тем смелее, что уже Энгельс хорошо видел, каким регрессом угрожают науке попытки возродить «философию природы». «Регресс» или «реакция»—разница в словах, а не в явлениях.

В самом деле, все «качества», которые мы наблюдаем в природе: механическая сила, теплота, свет, электричество, химическая энергия, все явления, в которых мы видим специфические явления жизни,—все это лишь «различные формы проявления одного универсального движения». Перерывы даны с самого начала, потому что мы с самого начала видим различия, многообразие форм. Основная задача науки заключается не в том, чтобы устанавливать самоочевидное, а в том, чтобы раскрыть связь этих форм между собою и их связь с универсальным движением. А эта связь устанавливается, поскольку науке удается «свести все движение природы к этому непрерывному процессу превращений из одной формы в другую».

Уже тут мы получаем нечто до чрезвычайности близкое к моему «очень вульгарному пониманию причинности».

Но не будем подражать моим критикам,—не станем застывать на голых методологических положениях: покажем на конкретных примерах, что они означают.

Механическое движение молота, ударяющего по наковальне: одно качество. Разогревание молота и наковальни, теплота: другое качество. До половины XIX века между этими качествами пролегала широчайшая узловая линия, большущий перерыв, пожалуй, высокий порог, через который просто перемахивало спекулятивное мышление. Перед исследователем были действительно только «явления», скрытой от него оставалась та «сущность», которая связала бы столь различные «качества», как механическое движение и теплота.

Современная физика говорит: движение не прекратилось. Оно только приняло другую форму. Раньше было механическое движение молота. Теперь—механическое же движение

молекул, из которых состоят молот и наковальня. А еще точнее для данного случая будет сказать: ударами молота усилена та форма движения, которая и раньше была в молоте и наковальне, так как мы взяли их не при абсолютном нуле температуры.

Перерыв, узловая линия, начинает означать здесь не абсолютную границу, за которой идет новое качество, а очень тонкую разграничительную черту, за которой движение, не прекращаясь, приобретает новую форму и потому приводит к усиленному разогреванию молота и наковальни.

Возьмем пример чуточку посложнее. Положим порошок окиси ртути в реторту и поставим ее над огнем. Окись ртути начнет разлагаться на кислород и ртуть. Опять перерыв движения, опять порог, перед которым и за которым лежат столь различные «качества», как физический процесс и химический процесс.

Но Роберт Майер и Гельмгольц и тут дали возможность не разрубить, а именно развязать узел, что было совершенно ясно для Энгельса, который и употребляет поэтому не грубое выражение «качества», а несравненно более тонкое и глубокое «формы движения» и даже еще глубже: «формы проявления одного универсального движения». Всю только что описанную процедуру мы изображаем теперь в таких терминах: нагревание, это—усиление молекулярного движения в окиси ртути. За известным пределом («отношение меры», о котором твердят мои критики, не зная, как применить его к исследованию реальных явлений) движение молекул начинает переходить во внутримолекулярное движение.

«Перерывы», «узловые линии» становятся не абсолютными, а относительными пограничными черточками. И долбить в настоящее время, с величайшей, даже с исключительной, настойчивостью указывать: здесь «новое качество», здесь «перерыв непрерывности», здесь «узловая линия», значит быть реакционером в науке («ретроградом» по Энгельсу)—или играть на руку «черносотенцам» от науки, по прекрасному, правильному, а не только полемическому выражению тов. А. К. Тимирязева.

Конечно, и современная наука величайшее внимание фиксирует именно на узловых линиях. Можно сказать, что именно они больше всего влекут к себе громадное количество современных исследователей. Но влекут как раз потому, что одна из существеннейших задач современной науки заключается в развязывании этих узлов, в снижении этих порогов, в сужении этих полос до размеров тоненьких черточек, в раскрытии непрерывности движения.

Там, где раньше видели неразложимые качества, метафизические сущности, наука увидала только формы проявления единого движения, а эти формы предстали перед нею только как способ осуществления непрерывности движения.

Не начинает ли казаться читателям, что мои противники действительно сделали большой шаг от материалистической диалектики Энгельса к идеалистической диалектике Гегеля? И в сущности еще дальше назад, от диалектики к метафизике: уж очень дрожат они за целость своих узловых линий и перерывов движения.

Я мог бы на этом остановиться. Мои противники уже давно перестали меня интересовать. Мы говорим на разных языках и никогда не можем договориться.

Но я хочу еще на нескольких примерах показать, насколько плодотворна научная методология Энгельса и насколько гармонирует она с решающими завоеваниями науки, имеющими громадную принципиальную важность.

Различные физические и химические процессы в мертвой материи: одно качество. В живой материи мы тоже наблюдаем физические и химические процессы, но этот Степанов упорно забывает, что между мертвой материей и живой материей лежит узловая линия, за которой начинается новое качество, именно живая материя. И только Степанов с его вульгарным пониманием причинности и презрением к философии хочет свести явления жизни к тем относительно простым явлениям, которые мы наблюдаем в физике и химии.

«Браво, браво!»—восторженно приветствуют моих противников виталисты. «Мы уже давно толкуем, что жизнь, это—совершенно новое качество». «Скорей вашу руку,—кричит мистик и оккультист Лодж,—теперь у меня есть союзники и продолжатели!» И он начинает цитировать самого себя: «Если мы утверждаем, что можем все свести к физике и химии, мы сами становимся к позорному столбу, как смешные и узкие педанты, и отказываемся от всей полноты и богатства наших прирожденных человеческих прав». Или, еще короче и выразительнее: «биологи с философским складом мысли должны бы отложить в сторону всякие попытки отдать свою науку в распоряжение физики и химии», ибо нам по всей вероятности надо допустить, что жизнь руководит химическими и физическими процессами», действует, как катализатор»[1]).

Я не скажу, что мои противники сознательно об'единились с Лоджем: они еще не продумали своих мыслей до конца. Во всяком случае они идут в направлении к Лоджу и виталистам, об'ективно являются их союзниками, тем более опасными, что числятся марксистами.

Посмотрим же, остановилась ли наука перед «узловой линией».

Известно, в каких выражениях отзывался Маркс о «бессмертной заслуге» Либиха. Эта заслуга—в том, что он положил начало физиологической химии и таким образом впервые сделал возможной в частности научную физиологию растений.

Всякий, кто знаком хотя бы с классической «Жизнью растения» Тимирязева,—а ее обязан знать всякий марксист, который хочет разобраться в биологических вопросах,—должен знать, что сделано в этой области по части развязывания узлов и величайшего смягчения перерывов: сделано так много, что витализму собственно уже некуда укрыться. И завоевания сделаны физиологией растений не потому, что исследователи, многозначительно подняв палец, восклицали: «Стоп! Здесь узловая линия! За нею начинается новое качество: жизнь!». Так говорят виталисты. А научная физиология говорит: «Да, тут, действи-

---

[1]) См. К. Тимирязев, сборник «Наука и демократия», стр. 318, 319, 322. Тимирязев дал жестокую, местами презрительную критику этих воззрений.

тельно, узловая линия, перерыв непрерывности. Да, именно сю мы должны приложить свои силы, чтобы посмотреть, не явля ли этот перерыв относительным, не раскроем ли мы здесь непрерывного процесса превращений общего движен природы из одной формы в другую, не сумеем ли свести чре чайно сложные формы движения, наблюдающегося в органи к тем относительно простым его формам, которые мы наблюда в физике и химии».

И опять это грубое, плоское, вульгарное механистичес понимание Степанова оказывается пониманием Энгельса и совр менной науки, а понимание противников идет на руку вит лизму.

Еще пример. Пастер дал биологические, по существу вит листические, об'яснения процессов брожения. Бертло, показав, ч мертвые химические вещества дают такие же резул таты, как живые организмы, бактерии, сильно утончи «узловую линию» между химией и бактериологией. А может быть совсем стер эту линию? Она так тонка, что не стоит спорить о этом.

Или известные опыты нашего ученого Кравченко, так ран прерванные его смертью. Или оплодотворение яиц морского еж очень простым раствором минерального вещества. Увы, такое «качество», как жизнь, все больше и все увереннее сводится к относительно простым формам движения,—и вместе с тем идея непрерывности, осуществляющейся через превращения форм движения, все больше овладевает современной наукой.

Но разве это—не величайшее торжество диалектики?

Мои противники видят ее основную характеристику в «узло вых линиях», в «перерывах непрерывности».

Я вижу ее основную характеристику в признании непрерыв ности единого универсального движения, в непрерывности его превращений из одной формы в другую. Это, можно сказать, принцип современной науки, в том—основа диалектико-материа листического метода, это—та общая точка зрения, с которой мы должны оценивать частные факты частных наук. Все, что про тиворечит этим диалектическим воззрениям на природу, должно вызывать нашу сугубую подозрительность, хотя бы и стараюсь прикрываться марксистским флагом, должно наводить на вопрос, не служит ли этот флаг в данном случае просто для прикрытия контрабанды [1]).

---

1) Для содержания этой главы см. упомянутые выше заметки Ленина, напечатанные в предыдущем выпуске журнала. «Все vermittelt=опосредствовано, связано воедино, связано переходами. Долой небо—закономерная связь всего (процесса) мира» («Под Знаменем Марксизма» 1925 г., № 1—2, стр. 17) или (на стр. 23): «Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. обращающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира». Заметки Ленина дают образец того, что значит изучать Гегеля под марксистским углом зрения, т. е. учитывая все последующие завоевания науки. Тогда в диалектике Гегеля надо будет видеть, применяя здесь выражения Ленина (стр. 12) «учение о законах развития всех материальных, природных и духовных веществ», т.-е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. «итог, сумма, вывод истории познания мира». Это те же мысли, которые, как показано во второй главе моей статьи, неоднократно высказывал и Энгельс. Напомню еще раз, что одно из важнейших моих преступлений критики раскрывают в следующих слова

Для моих противников существует только один из двух путей: или с плоским, пассивным позитивизмом Конта, или в об'ятия гегелевской абсолютной системы.

Им невдомек, что Энгельс уже давно указал третий путь, на котором глубоко синтезируется то, что остается ценным у Гегеля, с колоссальными научными переворотами, совершившимися после Гегеля [1]).

V.

После всего предыдущего я могу сравнительно бегло остановиться на критиках. Важно выделить действительное существо спора и не дать запутать его всякими пустяками и мелочами, хотя бы в иной связи они имели очень существенное значение.

Прежде всего—о тов. Вишневском («Под Знаменем Марксизма» 1924 г., № 12). Его небольшая по об'ему статья в особенности богата такими мелочами, способными отвести внимание от основного предмета разногласий. С первых же строк своей рецензии автор дает понять, что общий характер моей книжки ему очень не нравится, с чем, разумеется, ничего не поделаешь. Но он стремится передать свое отношение читателю посредством приемов, которые никак нельзя признать правильными.

Вот несколько примеров из крошечной первой главки рецензии. Она заканчивается такими словами: «В последней главе т. Степанов рассматривает вопрос о роли сознания, теории и, наконец, в нескольких строчках дает формулировку ленинизма. Последний он понимает довольно своеобразно (подчеркнуто мною. *И. С.*): «Марксизм, до конца выработавший теорию классовой борьбы на ее решающих, заключительных ступенях и давший практическое применение этой теории, становится ленинизмом». Точка,—и на протяжении всей статьи ни слова больше об этом предмете.

Но впечатление произведено. Читатель должен насторожиться. Этот Степанов понимает ленинизм «довольно своеобразно», т.-е. по-своему, не так, как другие. Ну, в таком случае надо взять его под лупу.

моей книжки (стр. 57): «для марксистов не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксистов — последние и наиболее общие выводы современной науки» Чем это отличается от «итог, сумма, вывод истории познания мира»? Критики поставили себя в такое положение, что им теперь придется выдумывать отличия, путем выворачивания и переворачивания самых простых положений конструировать эти отличия.

[1]) Едва ли надо особо указывать, что поскольку исследователь остается в пределах одной формы движения (одного основного «качества»), переход количественных изменений в качественные не представляет для него никаких затруднений: с изменением количества звуковых волн изменяется высота звука, с изменением длины световых волн изменяется цвет. Важнейшие проблемы для современной науки—в узловых линиях, отделяющих именно одну форму движения от другой. Этого не видят мои критики, которые не уясняют себе, что одно дело—различие таких «качеств», как красный и оранжевый цвет, и другое дело—различие «качеств», рассматриваемых акустикой, учением о теплоте, оптикой и т. д. Точно так же дарвинизм в принципе уже развязал узловые линии, отделявшие одну органическую форму от другой. Напротив, много больше остается поработать на том узле, который отделяет живое вещество от мертвого. А мои критики, не выделяя этих важнейших проблем, превращают свои «количества-качества» в детские побрякушки

Я решительнейшим образом настаиваю, что всякий, кто бросает подобные заявления (а они в глазах настороженной читательской публики так легко превращаются в обвинения), обязан раз'яснить и обосновать их.

Так как тов. Вишневский этого не сделал, то об'яснять приходится мне.

Верно ли, что ленинизм есть марксизм? Меньшевики и II Интернационал по большей части склонны отрицать это. Мы, напротив, всегда это утверждали и утверждаем. Значит, здесь у меня, увы, нет никакого «своеобразия».

Верно ли, что марксизм дал теорию классовой борьбы? Конечно же, да! Он дал ее и в «Коммунистическом манифесте», и в «Капитале», и в «Антидюринге», и в исторических работах. Следовательно, это—правильная характеристика марксизма.

Но дальше я открываю неправильность. Верно, что ленинизм продолжил разработку теории классовой борьбы. Но большущее преувеличение, если я утверждаю, что он уже довел эту выработку «до конца». Каждый новый год все еще расширяет наш опыт и нашу теорию,—а когда революция охватит одну из промышленных стран Запада, опыт и теория раздвинутся еще шире. Да, я перемахнул!

Но кто же не согласится, что это была бы придирчивая школьная критика, от которой следовало бы пощадить серьезный марксистский журнал? И кто же не признает, что в действительности я и здесь не оригинален: к моему глубокому прискорбию, повторяю то, что является общепризнанным.

Почему ленинизм мог продолжить дело марксизма? Да потому, отвечает моя формула, что теперь есть то, чего не было в эпоху Маркса и Энгельса и на что простыми намеками были 1848 и 1871 годы: потому, что классовая борьба поднялась теперь на ее решающие, заключительные ступени. Удивительное своеобразие!

И по той же причине, что классовая борьба идет теперь на ее решающих, заключительных ступенях, ленинизм, продолжая дело Маркса и Энгельса, дал то, чего они по об'ективным причинам не могли дать, дал практическое применение этой теории: подготовка Октябрьской революции, Октябрьская революция, Советский Союз и т. д.

Где же тут хотя бы один элемент, который не был бы общепризнанным среди ленинцев? Если только тов. Вишневский сколько-нибудь разбирается в ленинизме, ему не подобало обращаться к читателям со своим туманным предостережением. Если он разбирается в ленинизме, его предостережение становится едва ли допустимым полемическим приемом, рассчитанным на «обработку» читателя.

Еще пример из той же маленькой главки. Рецензент цитирует мои слова: «Проследив историю военного дела,—как и развитие мирного производства,—мы придем к выводу, что естественный отбор,—выживание особей, по своему организму наиболее приспособленных к условиям существования,—для человека уже давно сменился техническим отбором: победой тех обществ, орудия которых более совершенные».

К этому тов. Вишневский добавляет следующие строки: «Итак, война, напр., с этой точки зрения выступает в качестве

формы, при помощи которой происходит технический отбор и совершается смена одной общественной формации другой».

Точка—и больше ни слова на этот счет. А впечатление сделано. Рецензент в сущности ничего не сказал,—возможно, прикрыл словами отсутствие у него каких бы то ни было мыслей об этом предмете,—а читатель уже начинает думать: да, должно быть, Степанов вывез такое, явная нелепость чего с первого же взгляда бросается в глаза умному человеку.

Но разберемся в деле. Нам незачем обращаться к древности, где мы найдем множество подтверждений моей мысли. Посмотрим на современность. В чем видит пацифист-Вишневский об'яснение изумительнейшей обороноспособности Германии, которая почти одна боролась четыре года против всей Европы? Разумеется, сравнивать вещи можно «при прочих равных условиях». И неужели надо еще доказывать ту азбучную истину, что «неравенство» в условиях, именно колоссальный численный перевес на стороне противников, Германия уравновешивала только своей превосходной техникой? И надо ли доказывать, что в новой империалистской войне, при прочих равных условиях, победила бы группировка с более совершенною техникой? Чего же так хитренько подмигивает тов. Вишневский? Зачем эта игра в прятки? или он начнет теперь доказывать, что технический отбор совершается и без всякой войны? Но кому он будет преподносить эти бесспорные истины?

Или еще пример, все из той же первой главки. Тов. Вишневский приводит следующие слова из моей книжки: «Каждая ступень в развитии производительных сил предполагает наличность двух, тесно связанных между собою, глубоко соотносительных, но тем не менее различных, явлений: наличность таких-то орудий труда и наличность соответствующего им человека с такой-то нервно-мозговой системой и вместе с тем наличность у этого человека таких-то знаний, по-своему подытоживающих, резюмирующих весь прошлый трудовой опыт».

Я подчеркнул сейчас некоторые слова,—и полагаю, что для всякого читателя ясно, в чем тут дело. Для современной науки психология дана в физиологии нервно-мозговой системы. Это и выражено у меня словами: «вместе с тем»; без них читатель, для которого предназначена книжка,—а в особенности некоторые рецензенты,—не поняли бы, как строится об'яснение, или пошел бы по стопам Енчмена.

Ну, а рецензент комментирует это место так: «Тут, следовательно, проблема развития производительных сил получает своеобразное разрешение на основе взаимодействия, строго говоря, не двух, а трех факторов: орудий труда, биологических свойств человека и его знаний».

Не скрою, очень тяжелым становится положение авторов, когда против них в кару за написание книжек выпускают таких рецензентов.

К этому вопросу рецензент возвращается еще раз, в своей последней главе, и поучает меня следующим образом: «Правильная точка зрения по вопросу о развитии производительных сил в основном следующая. Как известно, производительные силы есть синтез орудий труда и рабочей силы людей. Выдергивать

из этой связи орудия труда или технику значит заниматься пустым абстрагированием».

Вот тут и гоняйтесь за рецензентом! Ведь в моей книжке достаточно вразумительно сказано, что производительные силы «предполагают наличность двух тесно связанных между собой, глубоко соотносительных (значит, перед вами именно синтез, а не механическое соединение) явлений: наличность таких-то орудий труда и наличность соответствующего им человека» и т. д.

Затем Вишневский приводит из Плеханова и Ленина два очень общих методологических положения, имеющих отдаленнейшее касательство к поставленному вопросу. Но у читателя они должны оставить определенное впечатление: этот Степанов чего-то не учел, еще в чем-то ставит вопросы «довольно своеобразно». А в действительности эти цитаты лишний раз свидетельствуют об одном: некоторые рецензенты способны повторять общие формулы, но не способны ни применить их к действительному исследованию или изложению предмета, ни вообще дать что-либо конкретное. Можно вообразить себе, что получилось бы у них, если бы они поставили перед собою такое скромное задание, как поставил я в своей книжке: сделать современные научные воззрения доступными для относительно массового читателя. Они, сыпля своими «узловыми линиями», «перерыв непрерывностей», «количество—качество» и т. д., неизменно оказывались бы в заседании «жрецов философии», происходящем при закрытых дверях. Нашей литературе пора обратить внимание на эту грозную опасность: возрастающий отрыв от масс, не встречающая отпора тенденция все больше забывать о той аудитории, которую в первую очередь должен обслуживать марксист-литератор, тенденция все больше превращать всю литературу в своеобразный дискуссионный литературный клуб для диспутов только между литераторами. И это даже по таким вопросам, которые сравнительно легко поддаются популяризации, если только сам автор разобрался в них и критически относится к своим писаниям.

Я до сих пор думаю, что вполне законно было бы и с такой точки зрения посмотреть на возражения моих противников. Но это между прочим.

Возвращаюсь опять к тов. Вишневскому и опять к маленькой первой главке его рецензии.

«Крайне досадно,—пишет он,—что автор **обходит** вопрос о конкретном соотношении закона сохранения энергии с законами общественной жизни. Из отдельных положений («технический отбор», об'яснение человеческого мышления рефлексами и др.) можно предполагать, что т. Степанов склонен **применить** закон сохранения энергии и к пониманию общественных явлений».

Ну, а как полагает рецензент? «Склонен» ли он «применить» этот закон к пониманию общественных явлений? Странным образом, сам он на этот счет—ни гу-гу! Что же, рука у него отсохла или перо поломалось?

Я знаю, что в некоторых кругах, близких к рецензенту, была мысль «припереть» меня этим вопросом: а ну-ка, мол, отвечай, не дошел ли ты до этаких пределов механистического понимания?

В приведенной цитате рецензент уже совсем разбежался и вот-вот готов был одним скачком плюхнуть в лужу. Но кто-то или что-то его задержало и он постарался обогнуть ее обходным движением.

Итак, говорит рецензент, можно предполагать, что и общественные явления для Степанова охватываются законом сохранения энергии. «Но—и тут рецензент многозначительно поднимает палец—как он себе представляет это соотношение, ясного и понятного ответа в книжке не имеется. А в этом вся суть».

Читатель—весь слух и внимание: слушайте, слушайте, рецензент сейчас даст, хотя бы беглым замечанием, хотя бы намеком, ключ к решению проблемы, перед которой спасовал Степанов.

Но у рецензента опять то ли рука отвалилась, то ли чернила высохли. Точка—и через несколько строк опять оседлан конек самых общих методологических рассуждений.

Не жеманничая, скажу открыто: тут-то, в этой плоскости и лежит «узловая линия» между мною и моими критиками. Они упорно не выходят из области общих предварительных рассуждений. А я давно уже стараюсь давать посильное для меня практическое применение диалектико-материалистического метода, и притом таким образом, чтобы приучить к диалектическому пониманию мира возможно широкие массы. Я это делал в «Очерке развития религиозных верований», в последней книжке, о которой идет речь,—но то же самое делал и в своей «Электрификации РСФСР», и даже в небольшой книжке о «средневековых» процессах против ведьм («О вере в бога и вере в дьявола») и т. д.

В «Электрификации» я уже три года тому назад очень ясно и определенно («конкретно») ответил на часть вопросов, вокруг да около которых ходит тов. Вишневский. Настолько ясно и определенно, что первоначально хотел назвать соответствующую главу «Энергетика человеческого хозяйства», в параллель предыдущей главе, «Энергетике процессов природы». Предположенный мною заголовок очень нравился и тов. Г. М. Кржижановскому, так как он точно характеризовал бы содержание соответствующих глав. Не без сожаления, чтобы не отпугивать массового читателя «страшными» по видимости словами, мы отбросили этот заголовок, и не без колебаний сохранили даже заголовок «Энергетика процессов природы».

Так вот, видите ли, тов. Вишневский, я уже три года тому назад постарался самым понятным образом ответить на вопрос, при подходе к которому вы напускаете на себя такую важность. Я сказал: такая громадная область общественных явлений, как все человеческое хозяйство, строится на законе сохранения энергии и превращения ее из одних форм в другие [1]). И я показал это как по отношению к средствам производства, так и по отношению к работнику. А в своей последней книжке я черным по белому написал: «и область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии». Да и добавил к этому: раскрывая это, «механистическое понимание природы (вернее было бы сказать «мира») идет к своему завершению и вместе с тем к величайшему торжеству».

---

[1]) Указания на это имеются и в последней книжке, на стр. 62.

Почему я сказал это? Да по той простой причине, что энергетика (т.-е. закон сохранения энергии) человеческого хозяйства — азбучное положение для всякого учебника по технике; господство законов сохранения энергии во всех процессах человеческого организма—почти аксиоматическое положение для всякого университетского руководства по физиологии (я попросту взял в свою «Электрификацию» некоторые цифры из Ландуа, «Учебник физиологии человека», М. 1913). Область психической жизни действительно остается последним прибежищем, где еще пытаются укрыться остатки веры в чудо: т.-е. веры в явления, представляющие из'ятие из закона сохранения (и превращения) энергии.

Вся область человеческой экономики; все процессы жизни в самом человеке, в том числе и процессы психической жизни,—все это, сказал я в своих работах, полностью, без всяких из'ятий подчиняется закону сохранения энергии. И не только сказал, но в значительной степени и показал, как это происходит.

А тов. Вишневский все еще раздумчиво твердит: да, Степанов, кажется, склонен «применить» закон сохранения энергии и к пониманию общественной жизни. Склонен-то склонен, «но побаивается открыто сказать».

Да скажите же на милость, за вычетом 1) хозяйства и 2) самого человека, взятого во всей совокупности процессов его жизни,—после всего этого какая область общественных явлений остается, по отношению к которой я «побаиваюсь сказать»? Ничего больше не остается. Обо всех общественных явлениях уже сказано минимально необходимое в данной связи.

А вот рецензент построил свой отзыв так, что по всем этим пунктам он постарался навести туманов на читателей и буквально ничего не сказал определенного. Впрочем, достаточно показал, что он еще не удосужился ответить на целый ряд вопросов даже для себя.

Неужели же редакции журналов не могут пощадить нас от таких рецензентов, которые на нашем брате, на авторе, впервые подходят к уяснению для себя ряда проблем? Неужели мы, посильно осветив эти проблемы для обычных читателей, должны еще в наказание за это заниматься обучением необычных рецензентов элементарной научной грамоте? Не целесообразнее было бы экономить наши силы для положительной работы?

В последней главке своей статьи рецензент пишет: «Тов. Степанов согласен к об'яснению мышления применить механический (гм! гм! *И. С.*) закон сохранения энергии, но побаивается (подчеркнуто мною. *И. С.*) открыто сказать, что этот закон он склонен применять к об'яснению всех общественных явлений, хотя говорит о техническом отборе и механистической закономерности при рассмотрении жизни общества».

Вопросы надо ставить ясно и с необходимым минимумом научной добросовестности. А в таком случае путать незачем, в таком случае мы должны сказать: нет, наука еще очень далека от того, чтобы дать «об'яснение всех общественных явлений» из закона сохранения энергии. Тем не менее уже теперь для нее принципом подхода к этим явлениям служит твердое, непоколебимое убеждение, что область общественных явлений не представляет никаких исключений из закона сохранения энергии.

Здесь вполне законна такая параллель. Учение проф. Па
лова представляет колоссальный шаг вперед в выяснении мех
низма психических явлений. Но отсюда еще далеко до сведени
этих явлений к тем относительно простым закономерностям, к
торые раскрывают физика и химия. Учение об условных рефл
ксах устанавливает много более простые закономерности, че
признававшиеся старой психологией. И потому, хотя оно еще н
решает проблемы, оно представляет громадное приближение
такому решению, которое единственно гармонирует со всем х
рактером современной науки. Оно расчищает путь, устраня
многочисленные помехи, показывает, на каких сравнительно пр
стых явлениях должно теперь остановиться исследование, чтоб
и к этой области применить физико-химические методы.

Так вот как обстоит дело. Я отнюдь не «склонен применя
закон сохранения энергии к об'яснению всех общественных явл
ний». Я считаю, напр., с самого начала осужденными на конф
все попытки выразить стоимость и прибавочную стоимость в к
лорийных единицах; я думаю, что только абсолютно сумасбро
ный человек мог бы приняться за работу, которая должна был
бы показать, будто Антанта победила потому, что она швырнул
на поля сражений двести миллиардов калорий энергии, а
противники всего полтораста.

Однако я не напускаю на себя важности, не отлыниваю
ответа и говорю: а вот наука уже теперь может проследит
как закон сохранения энергии об'емлет все человеческое хозя
ство; и уже теперь отчетливо показывает, насколько пл
дотворен калорийный учет расходования и воспроизводства р
бочей силы; и уже теперь наука отказывается признать так
чудо, будто бы какая-нибудь область общественной жизни пре
ставляет из'ятие из закона сохранения энергии.

Вот это-то я и называю честной, научной постановкой в
проса, в противоположность отвиливанию, выкручиванию и сл
весному замазыванию полной спутанности своего собственног
мышления.

А тов. Вишневский утверждает: Степанов «побаивается о
крыто сказать!». Я давно и очень открыто сказал. Слово за вам
Но как-то не верится, что с этой стороны раздастся достаточ
внятное и вразумительное слово.

Итак, закону сохранения энергии подчинена вся облас
общественных явлений. Но тем не менее, анализируя экономич
ские отношения, мы говорим о стоимости, прибавочной стоимост
цене, прибыли, проценте и т. д. Точно так же мы только ра
смеялись бы, если бы кто-нибудь выдумал выразить соотнош
ние общественных сил в современной Германии в единицах мех
ники или в калорийных единицах. Здесь перед нами такие сло
ные явления, что исследователю нечего и мечтать о том, чтоб
дать им простое количественное выражение в терминах механи
или калориметрии. Законы химии и физики сохраняются,
они составляют, так сказать, только общий фон, глубокую под
плеку. Экономические отношения мы выражаем в экономически
терминах, при анализе соотношения общественных сил прим

няем категории исторического материализма, не помышляя о сведении их к более простым категориям физики и химии[1]).

В этом простое об'яснение одного известного места из «Фейербаха» Энгельса (стр. 19 по нем. изд. 1910 г.), вывихнувшего немало метафизически настроенных голов: «Исключительное применение мерила механики к явлениям, природа которых химическая и органическая,—к явлениям, в которых законы механики, конечно, продолжают действовать, но оттесняются на задний план другими, высшими законами,—составляет специфическую, но для своего времени неизбежную ограниченность классического французского материализма».

Мы уже упоминали, что Плеханов, комментируя «Фейербаха», самым недвусмысленным образом предупредил читателей. Он сказал: этому вполне правильному методологическому положению не следует придавать абсолютный характер; ведь вполне вероятно, что «и химия, и биология в конце концов сведутся к молекулярной механике». Значит, оперируйте высшими, более сложными законами лишь до тех пор, пока это необходимо. Но смотрите, не передержитесь на этом: когда наука даст возможность сводить химию и биологию к молекулярной (мы бы теперь сказали: «к атомно-электронной и молекулярной») механике, производите это сведение.

Чтобы не путаться дальше с тов. Вишневским, приведу несколько примеров его собственных «об'яснений». Получится очень выразительная фигурка педантчванства.

С полной серьезностью рецензент рассуждает следующим образом: «Природа является необходимой *предпосылкой* (подчеркнуто, как и дальше, рецензентом) общества, из которой выключить нельзя. Естественные законы влияют (*но не определяют*) на закономерный процесс общественной жизни. Это—момент *непрерывности*. Напр., *общественное* мышление насквозь об'яснимо из законов общественных (развитие производительных сил, экономика, классовая борьба и т. д.). Никакая ссылка на рефлексы, климат, «природу» тут ничего не поможет. Однако достаточно физически повредить мозг, перерезать рефлекторные пути, как мышление прекратится. Таково значение предпосылки» и т. д.

И страницею ниже: «Развитие производительных сил в качестве своей предпосылки *имеет* «природу», в том числе и биологические факторы. *Но здесь еще нет искомой причины*, а есть только «влияние».

Это образчик обычной манеры сыпать голыми методологическими формулами и, слегка сдабривая их отсебятиной, подменять ими действительное исследование. Этим дешевым путем достигается видимость бездонной глубины. Бездонность-то здесь во всяком случае имеется.

Но приглядитесь к делу поближе. В одну кучу свалены в качестве *предпосылок* рефлексы, климат, функционирование желез с внутренними секрециями, неповрежденность мозга,—или,

---

[1]) Но в коммунистическом обществе категории стоимость, прибавочная стоимость, цена и т. д. утратят все свое совгеменное значение. На виднейшее место выдвинется энергетический учет экономических соотношений.

в общей форме, «природа», охватывающая и «биологические факторы». Форменное столпотворение вавилонское! И все это, с одной стороны, берется в общие скобки «предпосылок», т.-е., по обычному для профанов словоупотреблению, таких моментов, при отсутствии которых ничего не будет, ничего не произойдет. А с другой стороны, все это, изволите ли видеть, всего лишь «влияет». И что выходит еще красивее: «влияют», повидимому, и такие «биологические факторы», как неповрежденность мозга, и такие моменты, как климат и природа Центральной Европы, с одной стороны, или Центральной России—с другой.

Кому нужны такие путаные формулировки, преподносимые с величайшим самодовольством? Что они дают нам для действительного понимания действительного развития?

Нет, наша литература больна, глубоко, тяжело больна неким еще не изученным видом чванства.

VI.

На примере тов. Вишневского я уже показал, насколько утомительно было бы распутывать путаницу, насыщающую рецензии «философов», занявшихся моей книжкой.

Вот, например, тов. Стэн, который в № 15—16 «Большевика» за 1924 г. пишет длинную главу о «марксистской философии» главным образом потому, что в № 14 того же журнала я обидел его одним указанием, попавшим не в бровь, а в самый глаз: я сказал, что для рецензента развитие диалектического метода превратилось в «саморазвитие философии», «саморазвитие идеи». Стэн задался целью показать, что он сумеет связать развитие философии с развитием науки и с развитием общества. Но здесь мы находим у него пресловутое отождествление механистического понимания с механическим и сведение всей механики к механике «материальной однородной точки». Сюда же попали великолепная «самостоятельная область философствования» и «специфические философские методы исследования». А все это совершенно естественно резюмируется в колоссальном заключении той же главы. «Марксистская философия не имеет ничего общего с степановскими «общими выводами наук», что означает: марксистская философия, вопреки утверждению Степанова, не имеет ничего общего с общими выводами наук.

Я не знаю, найдем ли мы у какого-нибудь современного метафизика такое наивное, последовательное и целостное отмежевание метафизики от положительной науки.

С такими положениями не спорят: их просто выписывают. А исследователей специфически философскими методами напутствуют словами: «Нам не по дороге! Доброго пути! Осуществляйте в одиночестве тот регресс, о котором говорил Энгельс!».

И глубоко прав тов. Стэн, когда он обещает развить свои специфические воззрения в особой статье,—но, как он торопится добавить, «не для того, чтобы продлить спор с т. Степановым»: он и сам чувствует, что, провозгласив свое «ничего общего с общими выводами положительных наук», перенес все вопросы в такую плоскость, где всякая аргументация становится бесполезной.

Чтобы дать представление об убийственном остроумии тов. Стэна и его несравненной полемической силе, сделаю [illegible] еще одну выписку: «Да, воистину, веселый вы человек! Если вы до сих пор имели старую и веселую историю о том, как [illegible] заблудился среди трех сосен, то вы, тов. Степанов, позаботились о том, что теперь мы имеем новейшую и веселейшую историю о том» и т. д.

Замечательно тонко! Тонко, как все мышление тов. Стэна.

В заключение приходится отметить еще одного рецензента моей книжки, тов. Н. А. Семашко («Известия ЦИК СССР» за 1924 г., № 286).

Он берет из моей книжки следующую цитату: «человек познает мир посредством своих органов внешних чувств: зрением, осязанием, слухом, обонянием, вкусом». Приводит цитату—и начинает ее разносить.

Я мог бы выйти из разноса самым простым способом. Я мог бы сказать: милейший Н. А.! Вы не догляделиi одного пустяка. На предыдущей и последующей странице (10 и 12) у меня черным по белому написано, что я излагаю воззрения материалистов восемнадцатого века.

Однако я не вижу никаких оснований отрекаться от этих воззрений, хотя бы они и были такими старинными.

Но самое красивое—в том, как уничтожает их тов. Семашко. Он пишет:

«В самом деле, если эмпирик (сенсуалист) говорит: «все знание из ощущений», мир «отображается» в моем мозгу, то кто же воспретит ему продолжить свою мысль и сказать: «значит, я знаю о мире только то, что «отображается» в моем сознании, т.-е. материей мы называем то, что «отображается в сознании» (подчеркнуто мною. *И. С.*), иначе сказать, эмпиризм (сенсуализм) не только еще не материализм, но может прямой дорогой привести (приводил в истории очень часто) к чистейшему идеализму, «поповщине», «боженьке».

Читатели, вероятно, широко раскрыли глаза от изумления. Тов. Семашко, сам не подозревая этого, а потому довольно беспомощно и спутанно, тем не менее подошел к классическому определению понятия материи, принятому Энгельсом, Плехановым и Лениным. И, подойдя к нему, начал уверять, что эти воззрения могут прямой дорогой привести к «поповщине», к «боженьке». Дорогой Н. А.! После этого неприятного происшествия не мешает запомнить, что надо быть хотя бы элементарно грамотным в тех вещах, о которых вздумается написать рецензию.

И весь этот грохот, все эти громы и молнии по поводу утверждения: «человек познает внешний мир посредством своих органов внешних чувств»... А что было бы со мною, если бы я отважился сказать: «Волга впадает в Каспийское море»! Страшно подумать!

Затем тов. Семашко уверяет читателей «Известий», будто благодаря беглости моего изложения у меня получился такой ляпсус. Я пишу: «сначала земля была в составе той туманности, из которой возникла солнечная система. Затем, уже отделившись от общей массы, земля была в огненно-жидком состоянии. А впоследствии на ней появилось живое вещество» (стр. 14).

Здесь рецензент вразумляет меня: «Неподготовленный читатель едва ли что поймет, а подготовленный заметит, что живое вещество появилось вовсе не на «огненно-жидкой» земле».

А между тем в моей книжке буквально семью строками ниже того места, которое привел высокопочтенный рецензент, стоят следующие строки:

«Значит, в эволюции (в развитии, в истории существования) мертвой, неорганизованной материи должно было сложиться сочетание таких физических и химических условий, что из мертвой материи возникла, должна была возникнуть живая материя: температура понизилась до определенного уровня, при котором белковое вещество уже не свертывается» и т. д.

Вот видите ли, дорогой товарищ, вы воображали, что защищаете интересы неподготовленного читателя,—а вместо того дали уже второй пример рецензентской скоропалительности. Как же это такое, в самом деле? Ведь, что тут ни толкуй, а получается большая неловкость! Видите, что вышло, когда вы попытались обойтись без органов внешних чувств в познании книжки!

Наконец, последнее конкретное замечание из трех конкретных замечаний рецензии. Тов. Семашко внушительно заявляет:

«Едва ли теперь можно повторять слова старых материалистов: «психические процессы... суть... функции нервно-мозговой системы».

Это место взято с стр. 66 моей книжки, где дословно говорится: «наука уже с величайшей убедительностью показала, что так называемые психические процессы, или духовные явления, суть функции, проявления деятельности не какой-то души, а нервно-мозговой системы».

Что думает на этот счет сам тов. Семашко?

Он уже сказал, что это 1) воззрения («слова») старых материалистов и 2) что теперь едва ли стоит их защищать.

Простите, дорогой Н. А., но надо прямо сказать вам: вы опять слышали звон, да не знаете, где он. Если сказать, напр., «мысль—такое же простое отделение мозга, как желчь—отделение печени», это будет действительно «старый материализм» половины XIX века. Но от этого материализма я достаточно определенно отмежевался уже на стр. 12 своей книжки.

Но тов. Семашко столь неумолим, что положение: «психические процессы—функции нервно-мозговой системы», вообще представляется для него давно пройденной и превзойденной ступенью.

Положительно жгучее любопытство охватывает при вопросе: да каких это психологов рекомендует тов. Семашко на университетские кафедры, в частности на столь близкие ему медицинские факультеты?

Могу только сказать, что Научно-Политическая Секция Государственного Ученого Совета с самого своего возникновения была единодушна на тот счет, что в наших университетах не место психологам, которые колеблются признать, что «психические процессы—функции нервно-мозговой системы», или, говоря иначе, что ключа к психологии надо искать в физиологии нервно-мозговой системы.

Я разобрал все конкретные указания, которые имеются в рецензии тов. Семашко. И я полагаю, что читатели признают за мной право повторить еще раз: неужели же это необходимо, чтобы рецензенты проявляли такую малую степень продуманности и такие малые знания в областях, о которых они берутся писать? Неужели это необходимо, чтобы рецензии давали извращенные представления о книжках? Неужели это необходимо, чтобы в паре строк они или прямо отвергали или опорочивали элементарнейшие воззрения, общие всем марксистам? («Человек познает мир посредством своих органов внешних чувств»: «это прямой путь к поповщине». «Психические процессы—функции нервно-мозговой системы»: «это старый материализм». «Область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии»: «это механический материализм XVIII века»).

Наша литература больна. В ней много углов с застоявшейся атмосферой, потому что в этих углах литераторы той или иной дробной специальности начинают вариться в собственном соку. Необходимо шире раскрыть все окна и двери, необходимо ограничить эти «заседания при закрытых дверях», необходимо проветрить не окончательно погубленные мандаринским чванством мандариньи головы. И уж во всяком случае необходимо, чтобы рецензенты общими фразами не возмещали своего незнакомства с предметами и книжками, о которых они пишут.

Иначе дело не пойдет.

Чтобы читатели яснее почувствовали всю прелесть тех нападок, которыми метафизики встретили мою книжку, приведу резолюцию, принятую в упомянутом выше заседании Государственного Тимирязевского Научно-Исследовательского Института 7 февраля 1925 года, после продолжительного обсуждения:

«Открытое заседание Совета Государственного Тимирязевского Научно-Исследовательского Института приветствует появление в свет книги И. И. Степанова. Собрание считает, что книга эта, заключая ряд легко исправимых ошибок по частным вопросам естествознания, совершенно правильно освещает основы механистического естествознания и верно намечает его связь с диалектико-материалистическим мировоззрением».

А Тимирязевский Институт об'единяет наших товарищей-естественников, которые одной из важнейших задач признают изучение соотношений марксизма и естествознания. И принята резолюция всеми голосами (несколько десятков) против двух (не членов Института). И при всем том некоторые марксистские издания считают эти воззрения «дискуссионными». Очень хорошо! Не правда ли?

Несколько поправок к статье А. Бер штейна о Лассале.

П. Виноградская.

В № 10—11 журнала «Под Знаменем Марксизма» за 1924 имеется статья Ал. Бернштейна «Основные взгляды Ферди:на: Лассаля», приуроченная к 31 августа 1924 г., т.-е. к 60-ле: со дня смерти Лассаля.

Несомненно, «пора разобраться в оставленном Лассалем нас дии», как это правильно указывает автор статьи (стр. 153).

Эта пора наступила именно теперь. Не только потому, пролетариат, идущий за III Интернационалом, давно уже не шедший через лассальянство, может и должен в юбилейную ту дать об'ективную оценку Лассалю и его роли в рабочем д жении. Лассалем пора заняться еще и потому, что лассаль ство вновь всплывает на историческую сцену и тем самым с новится для нас актуальной проблемой сегодняшнего дня.

В рядах западно-европейской социал-демократии все чащ громче начинает раздаваться клич: «Назад к Лассалю». В од: случаях это делается в замаскированной форме, как, напр., Кунова, который в своей работе: «Die Marxsche Geschichts-Ges schafts-u. Staatstheorie», Band I, H. II, под видом изложения м ксова понимания государства протаскивает на деле лассалевс: взгляды.

В других случаях это делается совершенно не замаскирова Германская с.-д., начавшая свое открытое предательство сон лизма изменой в 1914 году и продолжавшая эту гнусную р палаческим подавлением пролетарской революции и подлым уб: ством ее вождей, не нуждается уже более в маске. Она сов шенно открыто срывает с себя марксистский костюм, достат но ею поношенный, использованный и ставший теперь нену ным. Стоит только назвать работы отдельных с.-д. о Ласса: работы Э. Бернштейна, работу Гениша [1]), статьи Каутского [2] много др., наконец, достаточно просмотреть целый ряд отдель мест по поводу Лассаля, разбросанных в различных работ чтобы убедиться, что открещивание от марксизма и переход лассальянству идет по всей линии. Так, напр., официальн историк немецкой с.-д. Пауль Кампфмайер в своей послед: работе «Geschichte der Modernen Gesellschaftsklassen in Deatschla: доказывает, что германская революция 1918 года совершилась

---

[1]) Konrad Haenisch, Lassalle Mensch und Politiker, Franz Schne Verlag.

[2]) См. «Die Gesellschaft» № 4, 1924, Erster Jahrgang.

ассалю и что так же в духе Лассаля создалось вышедшее из ой революции государство.

Все эти факты требуют от нас основательной и компетентой критики Лассаля. Такая критика может быть сделана лишь перь, когда мы, наконец, имеем полное литературное наследтво Лассаля. Густавом Майером издано уже пять солидных тоов из этого наследства и подготовляется к печати VI том того аследства, который хранился до последнего времени в замке дного из отпрысков графа Гатцфельда [1]). Только овладев всем материалом, относящимся к вопросу, мы сможем справиться с стоящей здесь перед нами задачей. Не надо также забыть, что наши враги из германской с.-д., возвращающиеся теперь назад к Лассалю, достаточно сильны в знании предмета достаточно серьезные противники.

Посмотрим теперь, что же представляет из себя вышеназванная статья Ал. Бернштейна. Приближает ли она нас хоть на дин шаг к правильному пониманию лассальянства и правильой исторической критике его?

Прежде всего необходимо отметить, что автор не знает предета. Об этом нам говорит его следующее утверждение, делаемое м уже в самом начале статьи: в марксистской литературе ниего нет, кроме предисловия Э. Бернштейна к Собранию сочинений Лассаля, да еще того, что писал о Лассале Меринг в своей Истории германской с.-д.» (стр. 153). Наш ученый критик даже е знает того, что у Э. Бернштейна, помимо указанного предисловия, имеются целых три работы, специально посвященных Лассалю. Первая из них относится к 40-летию со дня смерти Лассаля, здана в 1904 г. и содержит 95 стр. «Ferdinand Lassalle und seine edeutung für die Arbeiterklasse» (Verlag «Vorwärts»). Вторая под эм же названием издана в 1919 году и содержит уже 138 стр. (в эм же издании). Третья, тоже изданная в 1919 г., содержит уже 07 стр. и озаглавлена: Ferdinand Lassalle. Fine Würdigung der ehrers und Kämpfer», Verlag bei Paul Kassirer. Berlin. При чем каждая из этих книг ревизует и открещивается от той оценки, которая дана была Лассалю в предыдущей книге.

Но что Ал. Бернштейну до писаний Эд. Бернштейна!

Далее автор упоминает Меринга, но он не знает того, что Меринг очень подробно останавливается на Лассале в своей более поздней работе: «Karl Marx, Geschichte seines Lebens» (Leipzig 1919; имеется и русский перевод. Госиздат 1920 г.). Нельзя пройти мимо этой работы, ибо здесь Меринг делает попытку анализировать взаимоотношения Маркса и Лассаля, а тем самым вопрос о марксизме и лассальянстве. И как раз в этой работе моей Меринг развивает не совсем правильный взгляд на существо вопроса, о чем уж в свое время писал Д. Б. Рязанов в Neue Zeit» [2]). Но если произведения Бернштейна относить к

[1]) См. Ferdinand Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften Herausgegeben von G. Mager. Deutsche Verlag-Anstalt Berlin—Stuttgart, Erster Band 1921, Zweider Band 1923, Dritter Band 1922, Vierter Band 1924 und Funfter Band 1925.

[2]) Мы в другом месте, в статье, посвященной взаимоотношениям Маркса Лассаля, доказываем подробно, почему Меринг мог сделать данную ошибку, указываем также, что если бы Меринг дожил до наших дней, то, вместе переоценкой деятельности германской с.-д., он подверг бы пересмотру и свой взгляд на Лассаля и лассальянство.

марксистской литературе, то такой литературы мы могли бы указать очень много. К подобной «марксистской» литературе пришлось бы отнести, наконец, и ту обильную литературу о Лассале, которая вышла из-под пера буржуазных демократов (не считая нужным перечислять всю эту литературу здесь, я это сделаю в специальной библиографии о Лассале). Впрочем, если наш храбрый критик хочет знать что-либо действительно марксистское о Лассале, мы бы ему посоветовали прочитать переписку Маркса и Энгельса, но—только в оригинале! Ему известно только одно письмо Маркса к Швейцеру, которое он вычитал у Меринга. Между тем подлинную оценку Лассаля Маркс давал не в письмах к Швейцеру и даже не в письмах к самому Лассалю, а в письмах к Энгельсу. Почему так произошло—это другой вопрос, на котором я не могу здесь останавливаться. Но, во всяком случае, в различной связи и в разных письмах разбросаны на протяжении 4-томной переписки Маркса и Энгельса отзывы, замечания и суждения, которые дают основные вехи для оценки Лассаля и всей его деятельности как в области теоретической, так и практической.

Если бы автор имел хоть мало-мальское знание литературы предмета, он бы не делал и следующего сногсшибательного утверждения: «Мало кто представляет себе, что Лассаль (подобно Луи Блану) стоял на точке зрения сотрудничества классов» (стр. 153) («Мало кто представляет себе»! *П. В.*). Успокоим нашего компетентного автора тем, что даже Каутский, который теперь также проделал значительную эволюцию в оценке Лассаля и не находит существенной разницы между позицией Маркса и Лассаля, даже он указывает на связь некоторых взглядов Лассаля со взглядами Луи Блана[1]). Все эти Америки уж давно открыты в Европе!

Но этого всего мало для понимания взглядов Лассаля. Для того, чтобы понять генезис взглядов Лассаля, надо прежде всего изучить самого Лассаля. Этого минимума мы уж во всяком случае в праве требовать от автора, который и «не ставит себе здесь такие широкие задачи», как «в ошибках Лассаля попытаться искать корни дальнейшего оппортунистического перерождения германской с.-д.», а ограничивает свою задачу лишь маленьким «исследованием основных взглядов Лассаля, начиная с философско-исторических и кончая его тактикой» (стр. 153). А изучать Лассаля можно только в оригинале, ибо он не весь издан на русском языке. Судя же по этой статье, мы видим, что автор либо не знает немецкого языка, либо просто игнорировал изучение подлинного источника, потому что цитирует Лассаля по плохому русскому переводу устаревших изданий Глаголева и Звонарева. Кроме того, нужно заметить, что для изучения Лассаля в настоящее время является уж недостаточным Собрание его сочинений, изданное Эд. Бернштейном, а необходимо ознакомиться и использовать также богатый материал, который дает вновь опубликованное литературное наследство Лассаля. Наш ученый критик в предисловии заверяет нас, что он будет отвечать на все вопросы, намеченные им, «основываясь на богатом литератур-

---

[1]) См. Karl Kautsky, Die Proletarische Revolution und ihr Programm 1922, Verlag Dietz etc., и упомянутую статью в «Gesellschaft».

ном наследии Лассаля», но это богатое литературное наследство Лассаля как раз-то и осталось для него книгой за семью печатями. У него либо в сотый раз пережевывается то, что имеется у Меринга в его «Истории», либо повторяется то, что сказал Онкен в своей книге в 1907 году и что он сам исправил в своей переработанной и дополненной книге в издании 1920 года. Там, где автор старается быть самостоятельным, он дает отсебятину весьма невысокого качества.

Первый кавалерийский наскок совершается храбрым критиком на философско-исторические взгляды Лассаля. Кроме широковещательных заголовков, вроде: обще-философский идеализм, исторический идеализм, корни лассалевского идеализма, значение общеидеалистической позиции Лассаля и т. д., следуют плохо склеенные и плохо понятые автором цитаты из Лассаля. Лишь местами автор от себя пересыпает их выкриками: «дух во второй степени...», «дух в четвертой степени» (стр. 154) или «от каждой строчки пахнет Гегелем» и т. д. и т. д. После такой сокрушительной аргументации следует безапелляционный вывод: «Итак, Лассаль—идеалист. Его философско-исторические взгляды — безграничное царство Гегеля» (стр. 157). Конечно, нет ничего легче, чем назвать Лассаля идеалистом и свести его без остатка к Гегелю. Но всякий мало-мальски знающий читатель может осведомить уважаемого автора, что у Лассаля «царство Гегеля» в области философско-исторических взглядов Лассаля было не безграничным, как это кажется автору. Гегельянство Лассаля было ограничено и ограничено в первую голову Фихте. А одно это уже говорит о том, что Лассаль фактически не только не смог проделать путь от Гегеля через Фейербаха к Марксу (поскольку он реакционную сторону гегелевской философии преодолел активизмом Фихте), но и не смог даже остаться т о л ь к о гегельянцем. Ибо своим возвратом к Фихте Лассаль вместе с тем в философском отношении опустился на догегелевскую ступень. А, как известно, от чистого Гегеля к Марксу путь ближе, чем от Гегеля, приправленного Фихте [1]). Лассаль не был целиком и без остатка гегельянцем, он даже кое в чем не понимал Гегеля и часто неправильно применял диалектику последнего. На это уже указывали Маркс и Энгельс в своем отзыве о том самом «Гераклите», которого, не читая, критикует столь смело автор статьи.

Заниматься подробно критикой этой критики, значило бы вместо автора статьи изложить суть вопроса, что я намерена сделать и без данного повода в другом месте (в подготовляемой мной к печати монографии о Лассале).

Здесь я только замечу мимоходом следующее. Еще в 1844 году Лассаль в одном своем юношеском письме-статье из Берлина к отцу развил свою философию истории и понимание социализма и коммунизма. Здесь мы видим Лассаля в основном таким, каким

---

[1]) Сама немецкая партия с.-д. в своем официальном органе «Vorwärts» писала к юбилею Канта: «От Канта текут два ручья, один через Гегеля К. Марксу, другой—через Фихте к Лассалю».

С этой точки зрения прав т. Степанов, когда он говорит: „призывом назад к Лассалю» открывается обще-философский поход, направляемый лозунгами: «назад к Фихте» или «назад к Канту» (см. «Исторический материализм и естествознание», Госиздат, 1924, стр. 8).

он остался и в более поздний период. Эти свои юношеские взгляды он пронес на протяжении 20 лет, не изменив их в главном. В его юношеских взглядах, изложенных в указанном выше письме, очень ярко выражено фихтеанское влияние. На-ряду с Фихте мы можем тут усмотреть очень четко и большое влияние идей французской революции, Сен-Симона и других французских утопистов. Лассаль и позже, как известно, не смог расстаться с этой стороной своих взглядов, которую Маркс называл «зараженностью старым французским либерализмом». Поэтому смешной кажется фраза, где автор о путях развития Лассаля говорит: «...справедливость—у Прудона, свобода и равенство—у Бакунина... Лассалю нечего выдумывать» (стр. 155). Если еще можно говорить о некотором сходстве взглядов в отдельных вопросах у Прудона и Лассаля (Прудон, несомненно, имел влияние на Лассаля, доказательства этому, и весьма определенные, мы находим и во вновь опубликованном наследстве), то смешно, конечно, смешивать понимание свободы и равенства у Бакунина и Лассаля. Они исходили из совершенно различного понимания государства, и поэтому в слова о свободе и равенстве каждый из них вкладывал совсем другой смысл.

Если бы автор имел хоть точное представление о том, каков был путь развития Лассаля, то он не пережевывал бы слова Онкена о том, что бесчисленные процессы, которые вел Лассаль за себя и за других, видоизменяли «умственный облик Лассаля» и, следовательно, определяли некоторым образом характер его деятельности. Мы вполне понимаем такое построение у Онкена, ибо он этим преследует определенную цель. Симпатизируя Лассалю как демократу, Онкен силится доказать, что отдельные случайности и неожиданности могли свести Лассаля с избранного им пути. Он уверяет нас, что ни у кого случайности не играли такой большой роли в жизни, как у Лассаля. Вообще у Онкена все выходит случайно. Мы совсем иначе понимаем случайность, чем Онкен. И в данном вопросе для нас нет ничего случайного. Лассаль еще до гатцфельдского процесса был пропитан насквозь старомодными либеральными французскими идеями и идеями «молодой Германии» в вопросах взаимоотношения полов, идеалистическим пониманием истории (в том смысле, что основные принципы всякой борьбы должны себе найти сначала выражение в праве), наконец, Бруно-Бауэровским пониманием роли личности в истории. При таком своем мировоззрении Лассаль естественно мог в личной драме графини Гатцфельд усмотреть один из узлов социальной борьбы его века,—борьбы, которая олицетворилась в отдельной личности. Совпавшие здесь прогрессивные идеи эпохи и принципиальный смысл борьбы этой отдельной личности должны были, по его мнению, получить прежде всего правовое выражение. Отсюда взгляд Лассаля на гатцфельдский процесс, как на революционное дело. Маркс, конечно, никогда не мог в этом отношении солидаризироваться с Лассалем и выражал только удивление, «как мог хоть сколько-нибудь значительный человек отдать восемь лет жизни такому делу». Лассаль, наоборот, старался и другим привить свой взгляд на этот процесс. В этом он убеждает и Софью Солнцеву в своем письме-исповеди. То же он внушает и самой графине Гатцфэльд в большом письме-статье (теперь лишь впервые опубликованном);

таком же духе он произнес свою речь и на суде. Следователь-
), не занятия судебными процессами влияли на Лассаля и опре-
еляли его ход мысли, а, наоборот, ход мыслей Лассаля был
.ков, что он должен был в этих процессах усмотреть революцион-
ую суть и мог взяться за них [1]).

Наконец, если бы автор действительно был знаком с предме-
м, он бы не проявил столько незнания в ответственнейших
эстах,—прежде всего в вопросе об отношении Лассаля к мар-
изму. Подводя итоги своей статьи, наш критик о философски-
сторических взглядах Лассаля заявляет: «Гегель и Маркс, Маркс
Гегель—вот противоречие, в котором бьется и которое нигде
не может загладить острая мысль Лассаля» (стр. 187). Лассаль
своих взглядах в этой области, как мы видели, колебался не
лько в выборе между Марксом и Гегелем [2]). По поводу эко-
омических взглядов Лассаля и влияния на него Маркса в этой
бласти глубокомысленный автор говорит следующее: «Если в
арстве Гегеля в области философски-исторических взглядов Лас-
аля корни уже были подточены Марксом, то в области эконо-
ических проблем Гегель платит Марксу той же монетой» (стр.
31). Очевидно, этой фразой Ал. Бернштейн хотел сказать, что
сли в области философии и истории Лассаль становился мар-
систом, то в области экономии он остался гегельянцем?! В
аком случае, эта мысль так же верна, как и ясно выражена.
се это неверно! А между тем в другом месте автор заявляет,
то в области экономии на Лассаля не мог не влиять Маркс,
которым он вел переписку в течение 15 лет. Для того, чтобы
удить о том, как влиял Маркс на Лассаля, особенно путем пе-
еписки, надо прежде всего ознакомиться с самой этой пере-
иской, особенно же с письмами Маркса. Автор знает переписку
олько в издании Меринга, а там отсутствуют ответные письма
Маркса. Но если бы автор ознакомился с полным изданием пе-
ереписки в подлиннике (вышедшей лишь теперь и составляю-
щей III том литературного наследства Лассаля), то он увидел
ы, что влияние Маркса на Лассаля было наиболее сильно в
ериод революции 1848 года и первый период после нее, пример-
о до 1854—1855 года,—отсюда и близкие к марксизму взгляды
Лассаля в деле оценки мартовской революции в Германии,
лассовых соотношений и в анализе текущих событий во Фран-
ии, в частности бонапартизма. Как раз годы теоретической ра-
оты Лассаля, выпуск Гераклита, подготовка экономического и
ридического труда происходят в период охлаждения их отно-
ений и минимального идейного влияния Маркса на Лассаля.
Лассаль, как известно, советовал Марксу поторопиться с выпу-
ском своего труда и прикидывался при этом скромницей, заяв-

---

[1]) Попутно я должна тут также заметить, что хотя этих процессов, кото-
ые вел Лассаль, было очень много, но в их числе нет процессов, которые он вел
за старика Гейне», как это утверждает автор (стр. 167). Тут автор, несомненно,
оказывает, что он даже не знаком как следует быть с биографией Лассаля.

[2]) Характерно, что в связи с переходом немецкой с.-д. от взглядов Маркса
. государство к взглядам Лассаля, ей приходится пересматривать, исправлять
дополнять исторический материализм, который несовместим с Лассалевским
ониманием государства. А эта ревизия в свою очередь тесно связана с пере-
смотром тех элементов гегелевской философии, которые были переработаны и
усвоены марксизмом. Поэтому возврат к Лассалю в области политической
означает возврат к Фихте и Канту в области философской.

лии, что он охотно откажется от опубликования своей работы, если окажется, что Маркс в своем труде предвосхитил его взгляды. Несомненно, Лассаль использовал позже появившийся труд Маркса как для своего «экономического Юлиана», так и для выступлений и не всегда указывал при этом источник. Но факт, что это было именно влияние «Zur Kritik etc.». Нельзя, не зная в чем дело, бросать фразу: 15-летняя переписка влияла. Несомненно, и она влияла, но она в различные периоды носила различный характер, затрагивала разные темы—это все нужно знать, чтобы сказать, что к чему.

Касаясь тактики Лассаля, автор считает нужным, конечно, в пяти строках сказать и о понимании Лассалем партии. А между тем, автор не знает фактических взглядов Лассаля по существу этого вопроса. Он нанизывает две цитаты из Лассаля, сказанные им совсем в другой связи. А между тем, у Лассаля (во вновь опубликованном Литературном наследстве, особенно в томе II) имеются письма, где он не попутно оброняет ту или иную фразу о партии, а дает весьма ясное, недвусмысленное, изложение своих взглядов на партию. Исключительный интерес в этом отношении представляет его письмо к члену Союза коммунистов Бюргерсу в связи с отказом Союза принять, по предложению Маркса, Лассаля в число членов Союза; затем письмо к Марксу в связи с дюссельдорфским инцидентом в 1854 году (см. III том Лит. насл.).

Касаясь тактики, автор пускается исследовать «общественные корни тактики Лассаля» и еще в заголовке широко возвещает, что он даст картину «Германии к началу 60-х г.г.» (стр. 175). Однако, выхватив у Меринга те две цифры о численности рабочих, которые он приводит в главе о Лассале, наш автор уже переходит к выводам. При чем, по его мнению: «Выводы из всего этого анализа (вот так анализ! *П. В.*) бросаются в глаза. Совершенно молодой, зеленый и ничтожный по численности класс фабричных рабочих утопает в массах разнообразных классовых группировок, в большинстве почти враждебно к нему настроенных» (стр. 176). Наш молодой и зеленый автор делает здесь первую ошибку в вопросе об «общественных корнях» лассалевской тактики, за которой естественно должны последовать и другие. Эта первая ошибка заключается в следующем. В Германии 60-х гг. пролетариат был уже большой силой по численности и социальному весу. Но он находился посреди д в у х о с н о в н ы х к л а с с о в (а не «массы разнообразных группировок»!): один из этих классов—очень окрепшая экономически буржуазия, а другой—юнкерство, имеющее в своих руках государственный аппарат. Основная борьба идет между этими двумя классами, при чем каждый из них заигрывает с рабочим классом и старается перетянуть его на свою сторону. И если один из вождей пролетариата, Либкнехт, проводил и отстаивал идею сотрудничества рабочего класса с буржуазно-демократической и анти-прусской буржуазией, то другой—Лассаль—тянул пролетариат на компромисс с властью предержащей. И вот, после своего гениального анализа социально-экономической обстановки Германии, наш автор статьи глубокомысленно вопрошает: «Чем же можно об'яснить его (т.-е. Лассаля. *П. В.*) последнюю ставку на Бисмарка, его попытку из рук самого реакционного правительства вырвать

всеобщее избирательное право?» (стр. 185). А между тем несколькими страницами раньше автор, сам того не замечая, дает себе ответ: «Над этой пестротой социальных сил, без труда используя разнообразное классовое противоречие своих противников, крепко стоит мощное феодальное юнкерское государство, возглавляемое одним из лучших государственных людей Европы» (стр. 176). Вот именно Бисмарк был тем умнейшим государственным человеком Германии (сказали бы мы), который понимал, что он лучше всего сможет укрепить господство юнкерства в Германии, если проведет руками юнкерского класса и прусской монархии все то, что нужно было для буржуазного развития страны, в частности для осуществления назревших политических преобразований. В противоположность вышеуказанной линии Либкнехта Лассаль считал правильней тактику компромисса пролетариата с всесильным юнкерством, потому что такой путь обещал больше ощутительных результатов для пролетариата, чем союз последнего с либеральной буржуазией против юнкерства. Далее, только сорганизовав рабочий класс в самостоятельную политическую силу, Лассаль мог разговаривать с Бисмарком как равный и рассчитывать добиться от Бисмарка уступок рабочему классу. Эта тактика несомненно в корне неверна, и Маркс ее достаточно критиковал. Но эта тактика не находилась в коренном противоречии с взглядами Лассаля на государство, как на высшую и надклассовую силу. И когда наш критик заявляет, что «с точки зрения его (т.-е. Лассаля. *П. В.*) собственных общих взглядов нет ни об'яснения, ни оправдания» этой тактике (стр. 185),— то нам приходится здесь снова повторить: если бы автор понимал правильно взгляды Лассаля, в частности его взгляды на государство, то он должен был бы заметить, что Лассалю должен был импонировать больше железный канцлер, создавший из раздробленной Германии единое буржуазное целое, чем бессильные «бабы» из прогрессистской буржуазии. Характерно, что взгляды Лассаля на государство сближали его также и с такими идеологами «государственного социализма» и сторонниками «революции сверху», как Родбертус.

В вопросе о тактике Лассаля автор, с одной стороны, опираясь по его же словам на мысль Волгина, правильно критикует общую политику Лассаля: сотрудничество классов вплоть до демократической буржуазии, соглашательство с Бисмарком, а, с другой стороны, совершенно неожиданно заявляет нам: «Вот любопытнейшая тактическая позиция, порожденная условиями 60-х годов в Германии. Промышленные рабочие не могут действовать одни; они должны вокруг себя об'единить массы «беднейших классов». Но авангардом человечества все же будут именно промышленные рабочие. Как много здесь сходства с основным лозунгом нашей пролетарской революции: «пролетариат — вооруженный авангард всех трудящихся!» (слова Ленина) (стр. 179). Эта удивительная аналогия между Лениным и Лассалем (если Лассаль не дорос до Маркса в области теории, то зато он перерос последнего и равен Ленину в области тактики!) показывает только: либо автор не сумел связать концы с концами в своем понимании Лассаля и лассальянства, что еще с полбеды, либо он не понимает существа тактики Ленина и ленинизма. А это уж гораздо хуже.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. Ф. Асмус. Диалектический материализм и логика Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Издательство «Сорабкоп». Киев 1924 г.

Несмотря на дождь хрестоматий и весьма легких компиляций, который длится у нас, к сожалению, не только 40 дней и скоро грозит окончательно затопить читателя, мы до сих пор все еще чрезвычайно бедны самостоятельными исследованиями в области марксистской теории и ко всякому новому явлению в этой области приходится поэтому относиться с особенным вниманием. Многообещающий заголовок рецензируемой книги неизбежно привлечет к ней всякого занимающегося проблемами философии марксиста. Книга заслуживает того. На протяжении 217 стр автор разбирает важнейшие проблемы происхождения метафизического образа мышления, отношения диалектической и формальной логик диалектику у Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Маркса. Название— «до Ленина» следует признать несколько претенциозным, так как судьбы диалектики после Маркса автором не затронуты вовсе. Значительности и новизна вопросов, разбираемых автором (он ссылается, как на своего предшественника в области истории диалектики, на А. М. Деборина но знает, очевидно, только статью последнего о Фихте в «В. С. А.») заставляют тем тщательнее остановиться на том, что нам представляется неверным или неточно изложенным в этой, в общем чрезвычайно ценной, книге. Возражения наши будут относиться главным образом к первым двум главам.

В предисловии автор сообщает, что свою работу в области истории диалектики он начал с изучения античной диалектики, но это изучение сму доказало, что «диалектическая природа мышления античных греков сильно преувеличена» (стр. 3). То же самое повторяется несколько раз в тексте при чем некоторое значение в истории диалектики из греков Асмус придает лишь Платону. Диалектика греков, с точки зрения Асмуса была метафизической, скорее эвристическим, т.-е. наводящим на истину тревожащим мысль, приемом исследования, и покоилась везде на признании (хотя бы и не формулированном) незыблемого значения логического закона противоречия. В другом месте он пишет, что античная диалектика была диалектикой «только по видимости» (стр. 16). Даже Гераклит утверждавший основной диалектический принцип всеобщего движения с точки зрения Асмуса, был метафизиком, так как искал неизменяемую основу бытия в самом законе его текучести и изменяемости (стр. 35) Надо сказать, однако, что эта точка зрения, определяемая всем последующим изложением, не выдерживает никакой критики. Она неверна по существу, так как сказать, что Гераклитовская формулировка диалектического закона изменения—«абстрактна и всеобща» (стр. 196), а потому метафизична, Гегелевская же и Марксовская—не носят всеобщего и

абстрактного характера, так как опираются на опыт—это значит [illegible] только словесное различие, ибо и Гераклитовское положение опиралось на опыт, хотя, конечно, на значительно более ограниченный, чем опыт современной науки [1]). Диалектическая природа самого положения ничуть не умаляется тем, что она выведена из жизненного опыта античного мудреца, а не из научного исследования капиталистического общества. Дело другое, что у древних мы имеем чрезвычайно ограниченное развитие диалектических категорий по сравнению с тем, как это имеет место у Гегеля и Маркса, но самый принцип диалектического мышления остается тот же, что не раз в отношении к Гераклиту подчеркивал сам основатель новейшей диалектической логики и величайший из ее историков—Гегель. Сказать, наконец, что Гераклит не был диалектиком, так как искал в самой изменчивости бытия его неизменной основы—значит самому быть метафизиком, ибо здесь чисто-формально, словесно, употреблены самые понятия изменчивости и неизменного. Конечно же, сам диалектический процесс вечен и неизменен, но эта неизменность живет не вне изменяющегося содержания, а в нем самом.

Со всем изложенным стоит лишь еще сравнить слова Энгельса в «Анти-Дюринге»: «Древние греческие философы были все прирожденными, естественными диалектиками, и самый универсальный ум среди них—Аристотель—уже исследовал наиболее существенные формы диалектического мышления» [2]).

Неправильная точка зрения Асмуса на природу мышления древних греческих философов вытекает из его недостаточно основательной теории происхождения метафизики.

С его точки зрения метафизика есть наследство древнейших времен человеческого рода, когда примитивное мышление склонно было выдвигать в предметах на первый план их «твердые, устойчивые, неизменные, постоянные качества, их определенную форму и особенность». Эта склонность примитивного мышления об'ясняется Асмусом тем, что такие качества практически наиболее ценны и к ним стремятся при фабрикации вещей и орудий (стр. 27). Склонность эта отражается на природе языка, а отсюда и на мышлении. При этом с точки зрения Асмуса язык оказывается важнейшим посредником в воздействии экономики на духовную жизнь людей. «Религия, философия, наука, поэзия—вырастают из мифотворческой деятельности языка и отражают его строение» (стр. 29).

Это сказано, пожалуй, слишком сильно и этот переход от экономики к языку и идеологиям приобретает в этом контексте несколько мистический характер. Но неправильна и сама основная постановка вопроса тов. Асмусом. Она неверна прежде всего исторически, так как современные исследования мышления первобытных народов вообще очень далеки от того, чтобы рассматривать его, как оперирующее по преимуществу твердыми, неизменными и устойчивыми предметами (пусть читатель сравнит это хотя бы со статьей Р. Выдры о Леви-Брюле в № 12 нашего журнала за прошлый год). Она не верна исторически в развитии философии, так как древнейшие философские системы как раз рассматривали мир в его движении и переходе из одного вещества в другое (ионийцы, Гераклит). Метафизический образ мышления появляется позднее. Еще у Аристотеля его так называемая формальная логика вовсе не тождественна современной метафизической формальной логике. На много более прав

---

[1]) Мы здесь не касаемся Гераклитовской теории всеобщего круговорота, в которой действительно были элементы метафизики.

[2]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1924 г., стр. 28.

Энгельс, когда он пишет, что в противовес античности метафизика все более и более утверждалась—особенно благодаря английскому влиянию—в философии нового времени. Мы должны привести то, как Энгельсу представлялись причины ее распространения: «Если мы будем вдумчиво рассматривать природу, человеческую историю или нашу собственную духовную деятельность, то нам раньше всего представится картина бесконечного сплетения связей и взаимодействия, в котором ничто не сохраняет своего первоначального характера, места и положения, но все движется, изменяется, возникает и исчезает. Это первоначальное, наивное, но по существу правильное воззрение на мир есть воззрение древне-греческой философии, впервые ясно выраженное Гераклитом (курсив наш. *Н. К.*): все существует и в то же время не существует, ибо все течет, все находится в вечном изменении, в процессе постоянного становления и прехождения. Но это воззрение, как бы верно оно ни схватывало общий характер всей картины явлений, оказывается недостаточным, чтобы об'яснить отдельные частности, из которых эта картина слагается, а пока мы не умеем этого сделать, нам неясна и вся картина. Чтобы познать эти частности, мы должны их выделить из их естественной или исторической связи и последовать каждую порознь в ее свойствах, в ее специальных причинах и следствиях и т. д. Такова ближайшая задача естественных наук и исторического исследования,—отраслей знания, которые, по вполне понятным причинам, занимали лишь подчиненное место у греков классической эпохи, так как им, прежде всего, необходимо было собрать материал. Начатки точного исследования природы были развиты дальше лишь греками Александрийской эпохи, а затем, в средние века, арабами; однако настоящее естествознание возникает только со второй половины XV века и с этих пор оно прогрессирует со все растущей быстротой. Разложение природы на ее составные элементы, выделение различных естественных процессов и предметов в определенные классы, внутреннее исследование органических тел в их разнообразных анатомических формах,—все это было основным условием того гигантского прогресса, который принесли нам последние четыре столетия в деле познания природы. Но это исследование оставило нам также в наследство привычку рассматривать вещи и процессы природы обособленно, вне их великой общей связи,—не в их движении, а в покое, не как по существу изменчивые, а как постоянные, не в процессе их жизни, а в состоянии их смерти. Перенесенное затем Бэконом и Локком из области естествознания в философию, это воззрение на вещи привело к специфической ограниченности, к метафизическому методу мышления последних столетий» (курсив наш. *Н. К.*)[1].

Преодоление этого метафизического образа мышления выдвигается тогда, когда в специальных науках начинается процесс их об'единения, отыскиваются переходные ступени, когда разлагаются абстрактные понятия и выясняется лежащее в их основание конкретное, становящееся содержание, когда Гегелем дается новая теория понятия. И в Греции идеализм и метафизика развивались на почве аристократической реакции против вечного беспокойства демократической жизни, на почве противопоставления неизменных абстрактных понятий—материальной текучести вещей, какими они представляются обычному воззрению,—с одной

[1]) Там же, стр. 29—30.

стороны, на почве классифицирующей и расчленяющей, не способной еще к всеобщему синтезу, науки—с другой.

Значительные сомнения вызывает также и самая постановка Асмусом отличия метафизической и диалектической логики. Мы опускаем отдельные неточные выражения, как и во всей работе, вроде того, что «логика Аристотеля оказалась насквозь метафизической, несмотря (?) на ее формальный характер» (стр. 36), и возьмем только существо дела.

Рассматривая основные законы формальной логики, Асмус приходит к следующим выводам. Формальная логика—часть диалектической (это верно). И далее. Принципы тождества и противоречия относятся к ходу доказательства, к логической последовательности мысли (38). Диалектика целиком принимает принцип противоречия (в том виде, в каком его излагает Асмус). Этот закон—элементарный закон мышления и диалектики. Худо лишь то, что в руководствах формальной логики его толкуют метафизически, а не в узко-логическом (?) смысле (43). Асмус соглашается с современными логиками типа Зигварта, что вообще противоречие осуществляется только в мышлении и отрицать возможно лишь там, где имеется разумная (?!) возможность спрашивать. И поскольку вопрошает всегда человек, а не природа, постольку бессмысленно говорить об отрицании и противоречии в самих вещах (45). Беда лишь в том, что сторонники форм. логики из этого принципа делают вывод о вселенной, как о совокупности разделенных друг от друга, замкнутых вещей (46). Школьный закон противоречия гласит: А не есть не-А. Недостаток его в том, что то, что мы считаем первоначально несовместимым, на деле оказывается вполне совместимым при более тщательном исследовании. Наоборот, предметы, которые мы об'единяли ранее в одном общем понятии, оказываются обладающими несовместимыми с ним признаками. «Только в том случае, если образование понятия непогрешимо, если обозначение слоз абсолютно неизменно и если подведение единичного предмета под общее понятие точно так же непогрешимо,—только в этом случае из противоречия между признаком и понятием предмета может быть познана ложность суждения». В этом положении Асмус также опирается на Зигварта. Отсюда Асмусовский истинный «диалектический» закон противоречия: «если я знаю, что А не есть В, то также знаю, что суждение «А есть В» не может быть истинным» (47—48). Если я знаю, что лев не кошка, а Асмус—не Гегель, то тогда и суждение «лев есть кошка» и «Асмус есть Гегель» не может быть истинным. Глубокомыслие этого положения вполне пропорционально его содержательности и далеко превосходит обычное школьное А=А, дубина есть дубина и ничего больше. По сути дела это прикрытое лишь всякими словесными кунштюками возвращение на старые стези формальной логики, столь же близкие для нас, сколь близки древние диалектики для тов. Асмуса. Противоречия действительности превращаются у него в плоское «несоответствие между тем, что мы (?) ожидали (?!) видеть в явлении, и тем, что оказалось в его конкретной реальности». «Свое удивление перед непредвиденной сложностью конкретных явлений бытия наш ум, зараженный еще порядочной дозой древней метафизики, рассматривает, как противоречие, как то, чего не должно быть ни в каком опыте. Неожиданный порядок явлений превращается в призрак (!?) противоречия. В результате получается разрыв между бытием и мышлением, ибо призрак противоречия заставляет нас закрывать глаза на то, что есть и что кажется нам невозможным в силу наших ходячих представлений. Разрыв этот наполняет нашу мысль ложными (?!) антиномиями (противоречиями), которые, как нам кажется, колеблют самые

устои нашего знания» (стр. 52). Эта фраза доказывает лишь устойчивость в нашем историке диалектики формально-логических предрассудков (ложные антиномии!) и все еще неустойчивость на нем его диалектической одежды.

И в заключение: «Быть может, не следовало бы оба эти случая обозначать термином противоречия. Быть может, логика избавилась бы от многих бед, если бы вопрос о формальном противоречии в мышлении был отделен раз навсегда от реального и материального вопроса о совместимости представлений и признаков. Вряд ли, впрочем, можно было бы рассчитывать на успех такого предприятия. Исторически оба эти понимания так крепко переплелись, что их никак не оторвешь друг от друга. Психологически первое понимание постоянно обнаруживает тенденцию распространяться и на такие случаи, где речь идет, в сущности, не о противоречии, но лишь о совместимости признаков. Таким образом, если Гегель и вместе с ним диалектики-материалисты и повинны в смешении терминов, то они все же имеют на это в тысячу раз более прав, нежели метафизики. Свой отказ обозначить термином отрицания реальные определения бытия метафизики покупают слишком дорогой ценой: достигая безупречного употребления терминов (курсив наш. *Н. К.*), они страшно беднеют в реальном познании, ибо истинная природа процессов движения и развития ускользает от их взоров. Напротив, диалектики не вполне сдержанно применяют термины отрицания и противоречия (курсив наш. *Н. К.*), но зато эта широта применения дает им возможность глубоко верного и живого изображения действительной природы, процессов развития. Выигрыш здесь настолько громаден, что ради него не грех (!!) поступиться и терминологией» (стр. 52—53).

Мы думаем, что наш автор избавился бы от многих бед, если бы не торопился с изданием книги и своими рассуждениями, не продумав до конца самых основ того, о чем он пишет, местами—в изложении других, не самого себя,—очень не плохо.

Он не знает, что диалектика и Гегеля, и Маркса признает не только синтез отдельных различных признаков, а именно синтез противоречий. Что «отрицание» не только есть логический процесс, а для диалектика есть и отражение действительных процессов, «душа»—их развития. Что законы тождества и противоречия есть пустая тавтология, как в другом месте цитирует из Гегеля сам же Асмус, пока они применяются к изолированным, отвлеченным предметам, ибо сказать, что дерево есть дерево, значит сказать истину, которая может удовлетворить разве лишь профессоров логики (см. Гегель, Наука Логики, ч. I, кн. 2, стр. 21). Законы формальной логики приобретают значение момента диалектикой постольку, поскольку в развитии, движении они фиксируют относительное самосохранение предмета в его развитии.

Противоречие и отрицание существуют вполне об'ективно. Мы можем здесь просто ограничиться ссылкой на то, что говорил по этому поводу Энгельс[1]). Энгельс не только не утверждает действительности противоречия, но и считает плоским сводить его не только до синтеза различных признаков, но и до учения о силах, движущихся в противоположном направлении[2]).

---

[1]) Там же, стр. 31—32.

[2]) Там же, стр. 141. См. также стр. 139, 62 и др.

Так как рецензия и без того растянулась, нам осталось отметить еще несколько моментов. Изложение диалектики у различных представителей немецкой идеал. философии в общем хорошее. Следует лишь отметить, что автор не знает очевидно иностранной литературы по предмету. Неудачно в главе о Шеллинге замечание о диалектике, что она есть конкретное историческое исследование реальных процессов, протекающих материально, механически (118). Материально вовсе не значит механически.

Неверно, что абсолютный идеализм Гегеля не метафизический, так как в нем основу составляет идея развития (стр. 133). Основной недостаток и метафизичность Гегеля в том и заключается, что у него в основании временного развития природы и общества лежит вневременное, поэтому метафизическое развитие категорий, составляющих законченную в себе систему.

Следует отметить совершенно некритическое отношение Асмуса к Г. Лукачу, о котором писалось уже достаточно, и отсюда недостаточное понимание им, как и у Корша, проблемы философии в марксизме.

В заключение надо отметить, как совершенно неверное следующее положение, касающееся кантовской постановки проблемы мышления: «Конечно, есть в составе нашего знания такие стороны, которые зависят, между прочим, от форм и от организации самого мышления. В этом смысле Кант наметил для «гносеологии» важную и плодотворную задачу. Но эта задача не по силам идеализму. Ее может решить только материалистическая теория знания» (стр. 11). Так нельзя сказать по понятным причинам. Это будет, чтобы далее не писать в об'яснение сему, шагом в сторону кантианства.

Итак, мы имеем интересную, местами (в изложении истории) полезную работу по диалектике, но ни действительной теории, ни действительной истории диалектики все еще нет и с выходом этой книги.

Ник. Карев.

Проф. Н. А. Гредескул. Происхождение и развитие общественной жизни. Том первый. Биологические основы социологии. Коммунизм в биологии. Его роль, как фактора эволюции. Изд. «Сеятель». 1925 год.

Книга проф. Гредескула посвящена разбору первой и наименее разработанной главы генетической социологии—дочеловеческой, животной общественности. В такой работе потребность безусловно назрела. Марксистская социология интересуется по преимуществу вопросами, которые являются специфическими для человеческого общества и тем самым несвойственными общественности дочеловеческой (экономика, идеология, классы и пр.). Но коль скоро безусловно доказано, что человеческая история является продолжением животной эволюции, что она своими корнями уходит в животный мир—перед социологами и особенно перед биологами становится задача—разработать животную общественность, как предпосылку человеческой, выяснить элементы ее, генетически связанные с человеческой общественной жизнью, т.-е. создать генетическую социологию или науку о возникновении и развитии общественной жизни. Проф. Гредескул вносит посильную лепту на разработку этих проблем.

Дочеловеческая общественность в ее развитии делится автором на три основных этапа: 1) общественность органическая (многоклеточные организации), 2) общественность инстинктивная (пчелы, муравьи), 3) общественность стадная (птицы, млекопитающие).

1. Первое, что неприятно бросается в глаза при чтении кни
проф. Гредескула—это слишком усердная универсализация принци
общественности. Общественность, по мнению автора, охватывает поч
всю животную (а также и растительную) природу. Любой многокл
точный организм представляет собой общество, где в качестве индив
дуума, сочлена общества, выступает клетка. «Всякий высший органи
есть сообщество, и его жизнь есть жизнь общественная»,—пишет авт
на стр. 57. И эта общественность есть начальное звено в генетическ
цепи животной общественности. С этими утверждениями согласить
нельзя. Современная идеология учит, что «всякий высший организ
есть, прежде всего, индивидуальность, некое законченное единство. Пр
сутствие нервной системы, внутренней секреции, взаимовлияния во
клеток друг на друга, слитноклетные ткани—синцитии (мускульная, соед
нительная и пр.)—все это отнимает всякое право говорить об организма
как сообществах. К этому автор, наконец (стр. 67), приходит сам,
почему-то роковых для органической общественности выводов не дела
В общем добрая четверть книги, посвященная этому вопросу, как
имеющая отношения к поставленной задаче, может быть смело отброше

2. Второе, что характеризует книгу проф. Гредескула с отр
цательной стороны—это совершенно недопустимое игнорирование дос
жений современной рефлексологии (Павлов, Бехтерев). Все иссле
вание животной общественности (инстинктивной и стадной) веде
автором совершенно сознательно (см. гл. XI) методом суб'ективной п
хологии. Животные самым беззастенчивым образом наделяются автор
разнообразными человеческими суб'ективными состояниями и пережи
ниями. Они у него «любят», «тоскуют», «страдают», «сердятся», «жела
нравиться», имеют чувства «нежности», «почтительности», «благоговен
и преклонения» и пр. и пр. Все это сплошной и безусловный ант
поморфизм, который, между прочим, сам проф. Гредескул вслед
Д. Гексли признает «одним из главных пороков ума». Став на пу
суб'ективной психологии, автор пришел, как и следовало ожидать,
крайне туманным выводам.

3. На чем основана животная (стадная) общественность?—вот
прос, который ставит себе Гредескул. Стадная общественность генети
чески наиболее близка человеческой, а поэтому ответ на этот воп
имеет очень большое теоретическое значение. Основой этой об
ственности, узнаем мы у автора, являются чувства, проникнутые «инт
лектуальными элементами», «чувства привязанности, взаимного распо
жения, любви» (142 стр.). Эти чувства руководят поведением животно
В общественной жизни животных «альтруизм есть двигатель поведе
живого существа в сторону, обратную эгоизму» (стр. 153).
дает автору право говорить об «интеллектуальной основе, с кото
оно (чувство. *В. С.*) связано» (стр. 158).

Основа общественности получается сплошь психологическая. А
же та реальная сирена, которая об'единяет стада в силу био
гической необходимости? По Гредескулу выходит, что живот
сообщества есть «свободные ассоциации» по симпатии, любви, по
зумному выбору («интеллектуальная основа») и никакой биологичес
необходимости в их основе не лежит. Эта необходимость (инсти
действующий в определенных условиях роковым образом, сл
инстинкт самосохранения, ставший здесь социальным инстинкт
замещена у него крайне запутанными узорами эмоциально-интеллекту
ной психологии. А между тем игнорируемая Гредескулом рефлексол
учит, что именно инстинкты являются той реальной основой, на кото

вырастает с течением жизни интеллектуальная надстройка, в том числе и та надстройка, которую произвел в основу слабо подготовленный биологически автор.

4. Когда автор допускает грубые методологические ошибки при анализе биологических по существу проблем животной «социологии»—это ему при большой снисходительности, как социологу, простить можно. Но когда в своем изложении он доходит до человеческого общества и начинает его рассматривать, как стадо, сохранив в незапятнанном виде свою суб'ективно-психологическую методологию—здесь у марксиста-читателя терпение кончается. «Человеческая общественность по своему типу и механизму—это та же стадная общественность, но только в ее высшем развитии»,—читаем мы на стр. 208. Главное— и по типу, и по механизму! Никакой, следовательно, принципиальной разницы между ними нет. И на-ряду с этим мы от Гредескула узнаем, что между обществом муравьев и стадом разница принципиальная (и по типу, и по механизму)—они разделены им в разные категории. Это называется «сомкнуть марксизм с дарвинизмом»! Ведь середняк партшколец может проф. Гредескулу об'яснить, что человеческое общество по своему «качеству», по сравнению с животным совершенно другое, принципиально-новое, ибо у человека техника, экономика, классовая борьба и многое другое, что является специфическим для человеческого общества и резко выделяет его из животных сообществ.

5. Эта «ошибка» ниже воспроизводится автором в еще более рискованных формулировках. Захватив в поле своего зрения только эмоциально-интеллектуальные «верхушки» животной общественности, упустив из виду реальную основу ее, автор совершенно автоматически переносит этот подход и на человека. И по-своему он прав. Ведь человеческое общество «и по типу, и по механизму»—то же, что стадное общество! На стр. 208 мы читаем: «человеческая общественность по своему механизму основана на чувствах и интеллектуальных элементах». «Его (человека. *В. С.*) общественность... не какая-либо иная четвертая по своему типу, а такая же эмоционально-интеллектуальная, как и общественность высших животных (стадная. *В. С.*)». Из этих цитат на нас смотрит все та же суб'ективная психология, тот же психологический метод, при помощи которого уже благополучно загублена животная «социология». Так же, как и там, совершенно упущена из виду об'ективная, реальная основа общественности (в данном случае техника, экономика) и ненормально гипертрофирован эмоционально-интеллектуальный момент, который и здесь выступает, как основа общественности («основана на чувствах и интеллектуальных элементах»). И все это преподносится, как «основная биосоциологическая истина», в которой «заложена основная смычка между биологией и социологией, а следовательно, и между дарвинизмом и марксизмом» (стр. 209)!!

6. К таким же не менее удачным попыткам «сомкнуть» биологию с социологией относится ряд утверждений автора о «биологической сущности общественной жизни», как «общности или коммунизме». «Жизнь... классового общества есть какое-то временное уклонение от вечной основы», т.-е. общности или коммунизма. И дальше: «Требование, которое выдвигает марксизм: уничтожение классов и водворение коммунизма в человеческой общественности, абсолютно правильно не только с социологической, но и с более глубокой—биологической точки зрения» (стр. XI).

Эти приятные для марксизма рассуждения бьют марксизм сразу с двух концов. Во-первых, утверждать, что классовое общество есть «какое-то» (!!) «временное уклонение» (!!) от вечного биологического коммунизма (общности)—значит игнорировать естественную, реально существующую и своеобразную закономерность в развитии человеческой общественной жизни, значит лобозой атакой итти против так возлюбленного проф. Гредескулом марксизма, который эту закономерность установил (исторический материализм). Ибо, если жизнь классового общества, его история—есть «временное уклонение» от вечной основы коммунизма,—тем самым экономика, социология и история, как науки, специально исследующие классовое общество, теряют свое значение и вырастает потребность в создании какой-то более «широкой», «монистической», «биологической» науки, которая должна поглотить в себе, как незначительный эпизод, «временное уклонение»—историю человеческого общества и дать «более глубокую» основу для коммунизма. Хочет этого автор или не хочет, а именно только т а к о е логическое следствие можно сделать из его рассуждений. И чудится нам—уж не генетической ли социологии проф. Гредескула суждено сыграть роль такой «широкой» «монистической» науки?

Во-вторых, автор бьет марксизм и с другой стороны. Его разбросанные по всей книге рассуждения о коммунизме, как о «вечной» «биологической основе» общественной жизни, о биологически высшем типе жизни вообще; рассуждения о коммунистическом строе человеческого общества, как о частной форме проявления этой вечной основы («классовое общество—временное уклонение»)—все эти рассуждения идут против элементарных положений марксизма. Утверждение «вечных» основ, рассуждения «вопче» с точки зрения марксизма «есть вреднейшие пороки человеческого ума». Для марксистов коммунизм не является вечной основой, коммунизмом вообще, а определенной ступенью в развитии общественной жизни, ступенью, которая подготовляется прямо и непосредственно закономерным развитием человеческого общества—его техникой, экономикой, классовой борьбой (тем самым, что, по Гредескулу есть только «временное уклонение»). И эта элементарная, ясная мысль точная перспектива—по вине непомерного усердия проф. Гредескула к коммунизму—безнадежно тонет в болоте его общебиологических рассуждений.

7. Кроме всего вышеизложенного, в книге проф. Гредескула со стороны биологической имеется немало, выражаясь его собственными словами, «более чем возможных... оплошностей» (нет рефлексологии забыта внутренняя секреция, извращены характеристики неоламаркизма и неодарвинизма—стр. 48, фактические неточности и пр.).

В общем книга проф. Гредескула—проблемы наметила, но разрешить их не сумела. Смычка между дарвинизмом и марксизмом в вопросах животно-человеческой общественности осуществлена так, что от нее откажется и марксист-социолог, и материалист-биолог. И тот, и другой будут протестовать против двух узловых методологических пунктов построения проф. Гредескула: 1) Против суб'ективно-психологического метода исследования животной и даже человеческой общественности—в результате чего мы имеем извращенное, поставленное на голову представление о типах, механизмах и основах обществ как животных, так и человеческого. 2) Против «монистически» эклектических попыток автора качественно-различные категории этих обществ свалить в одну общую «универсальную» кучу. Сюда относятся «монистические» попытки слить воедино «и по типу, и по механизму» стадную и человеческую обществен-

ность; методологически родственны этому тенденции представить коммунизм, как «вечную» биологическую основу общественной жизни, а историю классового общества, как «временное уклонение» от этой вечной основы. Наконец, сюда же относится универсализация принципа общественности, который в представлении Гредескула проникает собою **весь** органический мир.

Вас. Слепков.

А. К. Тимирязев. Физика. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те имени Я. М. Свердлова. Ч. I. 1925 г. Стр. 217.

Книга тов. Тимирязева отличается обычными его достоинствами: ясностью, простотой, отчетливостью и необычайной живостью. Она может служжить поэтому прекрасным пособием для самообразования, для **марксистского** самообразования, так как тов. Тимирязев излагает, конечно, предмет строго материалистически. В этом изложении имеется, однако, один пункт, с которым мы не можем согласиться и на который считаем необходимым обратить внимание читателей. Руководясь, очевидно, некоторыми педагогическими соображениями, тов. Тимирязев, вопреки методу классической механики, переносит центр тяжести изложения на силу, работу и энергию. Основоположник классической механики Ньютон, исходя из опыта Галилея над под'емом тел, выдвигает на первый план определение материи и количества движения (определение I и II «Начал». См. перевод Крылова), затем переходит к инерции (определение III) и, наконец, к **силе** (определение IV).

Силу Ньютон определяет так: «приложенная сила есть **действие**, производимое над телом, чтобы изменить его состояние покоя или равномерном прямолинейном движении. **Сила проявляется только в действии и по прекращении действия в теле не остается**». Тело продолжает затем удерживать свое новое состояние вследствие одной только инерции. Происхождение приложенной силы может быть различное от удара, от давления, от центростремительной силы.

Всякий, знакомый с терминологией того времени, сохранившейся у англичан до сих пор, знает, что под действием Ньютон понимает то, что мы называем импульсом, т.-е. сообщением известного количества движения в течение некоторого промежутка времени. Максвелл («Материя и движение», стр. 29) указывает: «Под приложенной силой он (Ньютон) понимает то, что теперь называют импульсом, в котором принято в расчет как время в продолжение которого действует сила, так и величина силы».

Действительно, в определении VIII Ньютон говорит: «движущая величина центростремительной силы есть ее мера пропорциональная количеству движения, которое ею производится в течение данного времени».

Эти определения выясняют смысл II закона движения: «изменение количества движения пропорционально **приложенной действующей** силе (vi motrice impresse) и происходит в направлении той прямой, по которой эта сила действует». Термин «приложенная действующая сила» имеет большое значение для уяснения воззрений Ньютона.

В I законе движения Ньютон говорит только о приложенной (viribus impressis), а не о движущей (vi motrice impressae) силе. Дело в том, что не всякая приложенная сила — движущая. Ибо всякому **действию** всегда есть прямое и равное **противодействие** (III закон), т.-е. в известных случаях действия сил мы имеем

состояние равновесия, хотя бы кинетического. Принцип д'Аламбера отчетливо формулирует, в согласии с мыслью Ньютона, равновесие последнего рода. Таким образом Ньютон статику понимал, как динамику[1]). Что это так—видно из факта отсутствия в «Началах» отдела, называемого обычно статикой. Ньютон формулирует задачу «Математических Начал» следующим образом: (2-я Схолия): «нахождение истинных движений тел по причинам, их производящим, по их проявлениям и по разностям кажущихся движений и, наоборот, нахождение по истинным или кажущимся движениям их причин и проявлений излагается подробно в последующем. Именно с этой целью и составлено предлагаемое сочинение». Читатель действительно легко может убедиться, просмотрев «Начала», что Ньютон, изучая различного рода орбиты, определяет необходимые для движения силы, т.-е. изменения количеств движений и наоборот. Статика, как и равновесие солнечной системы, является для Ньютона равновесием кинетическим. Такой строго материалистический и диалектический метод не мог быть, конечно, по душе адептам идеализма, заинтересованным в сохранении мистифицированного понятия силы. Мы в своих статьях подробно изложили борьбу за «силу», возникшую вместе с появлением «Начал». Эта борьба привела к тому, что механику Ньютона начали обычно излагать с понятия силы, со статики. Лишь Кирхгоф в знаменитых «Лекциях» решительно заявил, что статика частный случай кинематики (в общем смысле слова).

Тов. Тимирязеву все это прекрасно известно. Вот почему мы были очень удивлены тем, что тов. Тимирязев начинает с понятия силы (Лекция II) и статики (Лекция III).

Силу тов. Тимирязев определяет, как «все то, что вызывает движение в каком-либо предмете и что изменяет какое-либо движение уже существующее». Это определение по своей строгости далеко уступает Ньютоновскому, но было бы еще полбеды, если бы тов. Тимирязев немедленно же связал его со II законом Ньютона—тем, который дополняет определение при помощи понятия **количества движения**, т.-е. произведения массы тела на скорость. Но у тов. Тимирязева II закон появляется после «статики»—в 4-й лекции, при чем очень бегло упоминается о том, что является центральным пунктом «Начал»: определение массы, как количества вещества тела.

Словом, метод изложения тов. Тимирязева как раз обратный тому, который лежит в основе творения Ньютона. Можно, конечно, возразить, что авторитет Ньютона не имеет значения, но в рассматриваемом случае этого ни в коем случае не может сказать последовательный материалист

Взяв понятие силы за исходный пункт, тов. Тимирязев переходит (во 2-й еще лекции!) к работе и энергии.

Работу тов. Тимирязев определяет, как **перемещение точки приложения силы**. Энергия же—это «способность производить работу». Против этих определений ничего возразить нельзя, но только в том случае, если они имеют чисто технический характер, т.-е. следуют за кинетическим определением силы. Но метод изложения тов. Тимирязева приводит к тому, что в его определениях работы и энергии смутное понятие силы («все то, что вызывает движение...») возводится в третью ступень и превращается через работу в некую метафизическую способность. В. И. Ленин хотя и не был физиком специалистом, но

[1]) Академик Крылов в примечаниях старается доказать обратное, но анализ сочинений Ньютона не оправдывает этой попытки.

ность; методологически родственны этому тенденции представить коммунизм, как «вечную» биологическую основу общественной жизни, а историю классового общества, как «временное уклонение» от этой вечной основы. Наконец, сюда же относится универсализация принципа общественности, который в представлении Гредескула проникает собою весь органический мир.

Вас. Слепков.

А. К. Тимирязев. Физика. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те имени Я. М. Свердлова. Ч. I. 1925 г. Стр. 217.

Книга тов. Тимирязева отличается обычными его достоинствами: ясностью, простотой, отчетливостью и необычайной живостью. Она может служжить поэтому прекрасным пособием для самообразования, для марксистского самообразования, так как тов. Тимирязев излагает, конечно, предмет строго материалистически. В этом изложении имеется, однако, один пункт, с которым мы не можем согласиться и на который считаем необходимым обратить внимание читателей. Руководясь, очевидно, некоторыми педагогическими соображениями, тов. Тимирязев, вопреки методу классической механики, переносит центр тяжести изложения на силу, работу и энергию. Основоположник классической механики Ньютон, исходя из опыта Галилея над под'емом тел, выдвигает на первый план определение материи и количества движения (определение I и II «Начал». См. перевод Крылова), затем переходит к инерции (определение III) и, наконец, к силе (определение IV).

Силу Ньютон определяет так: «приложенная сила есть действие, производимое над телом, чтобы изменить его состояние покоя при равномерном прямолинейном движении. Сила проявляется только в действии и по прекращении действия в теле не остается». Тело продолжает затем удерживать свое новое состояние вследствие одной только инерции. Происхождение приложенной силы может быть различное от удара, от давления, от центростремительной силы».

Всякий, знакомый с терминологией того времени, сохранившейся у англичан до сих пор, знает, что под действием Ньютон понимает то, что мы называем импульсом, т.-е. сообщением известного количества движения в течение некоторого промежутка времени. Максвелл («Материя и движение», стр. 29) указывает: «Под приложенной силой он (Ньютон) понимает то, что теперь называют импульсом, в котором принято в расчет как время в продолжение которого действует сила, так и величина силы».

Действительно, в определении VIII Ньютон говорит: «движущая величина центростремительной силы есть ее мера пропорциональная количеству движения, которое ею производится в течение данного времени».

Эти определения выясняют смысл II закона движения: «изменение количества движения пропорционально приложенной действующей силе (vi motrice impresse) и происходит в направлении той прямой, по которой эта сила действует». Термин «приложенная действующая сила» имеет большое значение для уяснения воззрений Ньютона.

В I законе движения Ньютон говорит только о приложенной (wiribus impressis), а не о движущей (vi motrice impressae) силе. Дело в том, что не всякая приложенная сила — движущая. Ибо «всякому действию всегда есть прямое и равное противодействие» (III закон), т.-е. в известных случаях действия сил мы имеем

состояние равновесия, хотя бы кинетического. Принцип д'Аламбера отчетливо формулирует, в согласии с мыслью Ньютона, равновесие последнего рода. Таким образом Ньютон статику понимал, как динамику[1]. Что это так—видно из факта отсутствия в «Началах» отдела, называемого обычно статикой. Ньютон формулирует задачу «Математических Начал» следующим образом: (2-я Схолия): «нахождение истинных движений тел по причинам, их производящим, по их проявлениям и по разностям кажущихся движений и, наоборот, нахождение по истинным или кажущимся движениям их причин и проявлений излагается подробно в последующем. Именно с этой целью и составлено предлагаемое сочинение». Читатель действительно легко может убедиться, просмотрев «Начала», что Ньютон, изучая различного рода орбиты, определяет необходимые для движения силы, т.-е. изменения количеств движений и наоборот. Статика, как и равновесие солнечной системы, является для Ньютона равновесием кинетическим. Такой строго материалистический и диалектический метод не мог быть, конечно, по душе адептам идеализма, заинтересованным в сохранении мистифицированного понятия силы. Мы в своих статьях подробно изложили борьбу за «силу», возникшую вместе с появлением «Начал». Эта борьба привела к тому, что механику Ньютона начали обычно излагать с понятия силы, с статики. Лишь Кирхгоф в знаменитых «Лекциях» решительно заявил, что статика частный случай кинематики (в общем смысле слова).

Тов. Тимирязеву все это прекрасно известно. Вот почему мы были очень удивлены тем, что тов. Тимирязев начинает с понятия силы (Лекция II) и статики (Лекция III).

Силу тов. Тимирязев определяет, как «все то, что вызывает движение в каком-либо предмете и что изменяет какое-либо движение уже существующее». Это определение по своей строгости далеко уступает Ньютоновскому, но было бы еще полбеды, если бы тов. Тимирязев немедленно же связал его со II законом Ньютона—тем, который дополняет определение при помощи понятия к о л и ч е с т в а д в и ж е н и я, т.-е. произведения массы тела на скорость. Но у тов. Тимирязева II закон появляется после «статики»—в 4-й лекции, при чем очень бегло упоминается о том, что является центральным пунктом «Начал»: определение массы, как количества вещества тела.

Словом, метод изложения тов. Тимирязева как раз обратный тому который лежит в основе творения Ньютона. Можно, конечно, возразить, что авторитет Ньютона не имеет значения, но в рассматриваемом случае этого ни в коем случае не может сказать последовательный материалист.

Взяв понятие силы за исходный пункт, тов. Тимирязев переходит (во 2-й еще лекции!) к работе и энергии.

Работу тов. Тимирязев определяет, как п е р е м е щ е н и е т о ч к и п р и л о ж е н и я с и л ы. Энергия же—это «способность производить работу». Против этих определений ничего возразить нельзя, но только в том случае, если они имеют чисто технический характер, т.-е. следуют за кинетическим определением силы. Но метод изложения тов. Тимирязева приводит к тому, что в его определениях работы и энергии смутное понятие силы («все то, что вызывает движение...») возводится в третью ступень и превращается через работу в некую метафизическую способность. В. И. Ленин хотя и не был физиком специалистом, но

[1]) Академик Крылов в примечаниях старается доказать обратное, но анализ сочинений Ньютона не оправдывает этой попытки.

быть может по этой именно причине дал великолепное определение работы и энергии, а следовательно силы.

Энергия,—согласно В. И. Ленину,—это **математически удобный способ вычислять движение материи**[1]).

Действительно, действие приложенной движущей силы $\left(F=\frac{d(mv)}{dt}\right)$ можно вычислить двояким образом: 1) принимая во внимание время действия силы,—получается так называемый временный интеграл силы[2]) или **количество движения** (mv), 2) принимая во внимание путь, на протяжении которого действовала сила,—получается пространственный интеграл[3]) силы или энергии $\left(\frac{mv^2}{2}\right)$. Опыт показывает, что второй способ вычисления движения более удобен и поэтому им пользуются чаще всего. Мы могли бы, однако, привести много примеров (хотя бы теорию Бора), где понятие количества движения играет основную роль. Собственно говоря, принцип сохранения энергии и принцип сохранения количества движения выражают собою одну и ту же истину. Планк («Новые пути физического познания») говорит поэтому: «великие общие физические принципы, именно принцип сохранения энергии, принцип сохранения количества движения и т. д. во всех возникавших в последнее время конфликтах оставляли поле битвы за собой».

Метод изложения тов. Тимирязева приводит в конце концов к тому, что действительное понятие энергии, выраженное формулой

$$E=\frac{mv^2}{2},$$

выводится им (в 10-й лекции!) в прибавлении, как результат рассмотрения соотношения **потенциальной энергии** и постулированного закона сохранения энергии! Иначе говоря, совершенно ясное (с материалистической точки зрения) понятие кинетической энергии, слагающееся из основных материалистических понятий—материи и движения,—выводится из «способности перемещать точку приложения силы», «способности», зависящие от положения тела и называемой «энергией положения или потенциальной энергией» (стр. 25). Единственное возражение против нашей критики может заключаться, повидимому, в невозможности итти иным путем, вследствие ограниченных знаний слушателей по математике. Но мы утверждаем, что, если слушатель или читатель способны понимать формулы, приводимые тов. Тимирязевым в его тексте, то никаких затруднений нет в том, чтобы дать читателю простой вывод формул, как количества движения, так и энергии.

Чтобы не быть голословным, мы тут же даем этот вывод.

---

[1]) «Естествоиспытатель смотрит на энергетику, как на удобный способ излагать законы материального движения в такое время, когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли и до электрона не дошли» (стр. 288). «И у самого Оствальда в массе случаев, даже в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется *материальное* (курсив В. И.) движение» (стр. 276).

[2]) Математически: $K=\int_0^t Fdt=\int_0^t \frac{d(mv)}{dt}=\int_0^t d(mv)=(mv)_t-(mv)_0$.

[3]) $E=\int_{s0}^{s'} Fds=\int_{s0}^{s} \frac{d(mv)}{dt}ds=\int_{s0}^{s} d(mv)\,.\,dv=m\int_{s0}^{s'} vdv=\frac{mv'^2}{2}-\frac{mv_0^2}{2}$

1) Из определения силы: $F=\frac{m \cdot v}{t}$ следует, что если сила действовала t секунд, то сообщенное количество движения

$$K=F \cdot t=\frac{m \cdot v}{t} \cdot t=mv$$

Вывод предполагает, что начальная скорость равнялась нулю.

2) Рассмотрим действие силы на пути S. $E=F \times S$; $F=\frac{mv}{t}$, следовательно, $E=\frac{m \cdot v}{t} \cdot S$. Но $\frac{S}{t}$ это средняя скорость: если вначале скорость была нуль, а в конце v, то $\frac{S}{t}=\frac{v}{2}$. Следовательно, $E=m \cdot v \cdot \frac{v}{2}=\frac{m \cdot v^2}{2}$.

Вывод можно сделать более строгим разделением пути на ряд отрезков, что и делает Лоренц в своем «Курсе физики». Собственно говоря, тов. Тимирязев дает тот же вывод, пользуясь лишь формулой пути $S=\frac{1}{2} gt^2=\frac{1}{2} v \cdot t$ (откуда $\frac{S}{t}=v$), но у него фигурирует сложное понятие потенциальной энергии падающего тела ($P \times h$); пользуясь законом сохранения энергии и последним понятием, тов. Тимирязев выводит величину кинетической энергии. Лучше было бы поступить наоборот: из закона сохранения и кинетической энергии вывести меру потенциальной. В этом именно отличие метода изложения по Ньютону (в нашем понимании) от метода изложения тов. Тимирязева. По существу, конечно, мы не сомневаемся, что под потенциальной энергией тов. Тимирязев мыслит некую скрытую форму движения материи [1]. Это видно, хотя бы из главы, посвященной кинетической теории материи, где давление обрисовывается как результат «молекулярной бомбардировки».

Это видно, наконец, из заключительных слов тов. Тимирязева к главе о статике, слов, доказывающих, что сам тов. Тимирязев сознает некоторую противоречивость своего метода изложения принципам диалектического материализма.

«Остановимся,—говорит тов. Тимирязев (стр. 50),—на одном вопросе, который часто не мало смущает начинающих знакомиться с философией диалектического материализма. У нас все время шла речь о равновесии—об отсутствии движения, а ведь материю по учению диалектического материализма нельзя себе мыслить без движения. Противоречие раз'ясняется очень просто. То равновесие или тот покой, который мы изучали, относителен; в наших моделях не было движения, но ведь сами наши модели с этим зданием, со всеми нами, здесь находящимися, вращается вместе с земным шаром и участвует в движении земного шара вокруг солнца.

[1]) Кстати, под редакцией А. К. Тимирязева вышла книга Ф. Содди «Материя и энергия» В главе 5-й Содди дает резкую критику понятия «силы». Эта критика направлена против Ньютона, но в действительности критикуемое понятие силы принадлежит Бенгли-Котсу. Содди в заключение говорит: «Во всяком случае ценность гипотезы (Лесажа—о кинетической природе тяготения. *З. Ц.*) состоит в том, что она дает нам известную идею о потенциальной энергии, как кинетической энергии чего-то такого, что до сих пор остается за пределами известного в науке»

Следовательно, нельзя сказать, что находящаяся в равновесии гиря совершенно лишена движения. Когда часть материи участвует одновременно в очень и очень многих движениях, движения эти непрерывно изменяются, при этом одни виды движения могут прекращаться, другие—могут возникнуть, не бывает только случаев, когда бы движение, где бы то ни было, в какой-либо части видимого нами мира, совершенно прекратилось, т.-е. прекратились бы сразу все виды движения». Если бы это рассуждение дополнить моделью сил упругости Томсона, то получилось бы превосходное об'яснение равновесия, как особого случая движения в соответствии с основным принципом диалектики.

З. Цейтлин.

Б. М. Козо-Полянский. Диалектика в биологии. Пробный очерк контакта эволюционной теории и материалистической диалектики. Изд. «Буревестник». Ростов-Дон—Краснодар 1925 г. Стр. 93.

Превосходная книжка, пожалуй, лучшая из всего, что было до сих пор написано биологом на эту тему. Признаемся, что, будучи под впечатлением книги того же автора: «Новый принцип биологии»,—которую мы рецензировали в одном из предыдущих номеров журнала, мы с некоторой осторожностью и сомнениями брались за эту книгу. И мы рады сознаться, что наши опасения не оправдались: книга отличается подкупающей ясностью и отчетливостью в постановке проблем, четко и верно разрешает основные затронутые ею вопросы «Контакта эволюционной теории и материалистической диалектики». Эрудиция К.-П. в области биологической литературы всегда являлась его сильной стороной. Эта книга создает приятное сознание, что в ней же мы имеем кроме того специалиста-биолога, полностью овладевшего также и марксистской литературой и умеющего сознательно и умело применять диалектический метод.

Книга представляет собою изложение лекций, читанных автором летом 1924 года в Воронеже на курсах по переподготовке преподавателей школ 2-й ступени. Книга последовательно сопоставляет основные положения диалектики с основами эволюционного учения и указывает формы и пункты их полнейшего «контакта», тождество и единство их методов. Уже в этой своей части книга представляет большую ценность, отвечая созревшей насущной потребности сегодняшнего дня. Еще более ценно то, что автор в своей книге смело затрагивает также и те острые и трудные вопросы эволюционной теории, относительно которых существует много ошибочных представлений и предвзятости не только со стороны специалистов-биологов, которые, как правило, вообще ничего не понимают в том, что такое диалектика и какое она имеет отношение к естествознанию, но и среди общественников-марксистов, которые, не владея материалом биологии, часто пред'являют ей требования или приписывают выводы, несовместимые с фактическим положением вещей. И здесь Козо-Полянского можно поздравить с тем, что он нашел наиболее правильные и точные формулировки, определяющие современное состояние вопроса, под которым, как нам кажется, за отдельными пунктами разногласий в деталях, подпишутся все наши биологи-марксисты. Ценно то, что К.-П. с достаточной смелостью и резкостью ставит вопрос о тех неправильных трактовках, которые укрепились в нашей марксистской литературе по отношению к некоторым течениям биологической мысли, как, например, чрезмерная и преувели-

ченная оценка ламаркизма или мутационной теории де-Фриза, или, наоборот, ставшие с некоторых пор «модой» псевдо-революционные лозунги против якобы «консерватизма» и «обскурантизма» Дарвина и об «устарелости» и старомодности основных положений его учения.

К.-П. резко и определенно ополчается против этих уклонов и уродливостей, и, не боясь быть обвиненным в сектантстве и обскурантизме, об'являет себя последовательным дарвинистом.

Особенно много и поделом достается от него т.т. Сарабьянову и Рожицыну, которые попались на удочку таких внешне и формально революционных фраз подлинных обскурантов и черносотенцев в науке, вроде Берга, и взяли на себя сомнительного достоинства задачу поддерживать и пропагандировать стремление разрушить и закопать и самого Дарвина, и в особенности его «зловредную» идею о борьбе за существование.

В этом отношении К.-П. дает хорошее предостережение тем из товарищей-общественников, которые хотели бы самоориентироваться в современной оценке основных течений биологии из уст биолога-марксиста. Эта книжка может послужить в дальнейшем хорошей платформой для дальнейших шагов к взаимному пониманию, но конечно такой платформой не могут служить ни Берг с его поистине реакционными ультравиталистическими тенденциями, прикрытыми привлекательной, оболочкой «физико-диалектических» свойств белков, ни выступления Сарабьянова, наивно попавшегося на удочку «закономерных» слов Берга, ни Рожицын, который из любви к революционной фразе ринулся в низвержение не только дарвинизма, но и здравого смысла.

Таким образом, эта книжка заслуживает внимания как серьезная честная попытка установить взаимное понимание в вопросах, связывающих выводы и обобщения биологии с принципами диалектического материализма, и она окажется не безынтересной для теоретиков-общественников. Она тем более ценна для нашей учащейся молодежи и интеллигенции, которая так нуждается в правильной установке и ориентации в том нагромождении ложных толкований, каким так часто подвергается в наши дни эволюционная теория вообще и дарвинизма в частности. Но она также и с другой стороны очень небесполезна нашим спецам от биологии, которые смогут из нее поучиться тому, что такое диалектический материализм и какую он имеет связь с обще-биологическими проблемами.

Отмечая здесь свою общую удовлетворенность теми формулами, которые дает К.-П. по основным положениям вопроса, мы не касаемся некоторых частных толкований и вариантов в образе мыслей, которые нас, повидимому, разделяют. Это касается главным образом вопросов о причинах и возможных способах изменения видов и следовательно всего процесса эволюции, где мы не имеем пока точных данных и где мы находимся еще до сих пор во власти предположений. Здесь К.-П., как нам кажется, несколько увлекается и преувеличивает значение «суммаций» и симбиогенеза в процессах эволюции, хотя надо ему отдать справедливость, что в этой своей книге он не в пример «Очеркам симбиогенеза» соблюдает полный такт и осторожность, и излюбленная им теория, вопреки нашим первоначальным опасениям, не нарушает нигде равновесия в изложении рецензируемой книги.

Равным образом, скорее чувствуется, чем ясно формулируется несколько враждебное отношение К.-П. к генетике и ее выводам. Нам же кажется, что здесь необходимо делать различие между генетикой, как наукой, которая является огромным приобретением и вносит много

ценного, хотя бы в те же наши представления о путях и способах прерывистости в развитии форм жизни, от тех схоластических наслоений и лже-толкований, которые дают фактам современные генетики, представляющие науку и ищущие в генах некие метафизические и даже мистические сущности. Но мы не станем здесь вдаваться в детали этих наших разногласий, поскольку не в них центр тяжести и интереса книги Козо-Полянского.

Можно было бы, конечно, при желании, также упрекнуть автора, что им далеко не исчерпаны еще все те проблемы биологии, которые требуют своего диалектического анализа, но мы предпочитаем радоваться тому, что К.-П. уже успел дать в этой книге не мало ценного и лишь пожелать, чтобы за этим первым очерком последовали другие.

Б. Завадовский.

В. Мак Лэн и коллегия «Плебса». Краткая политическая экономия. Перевод с английского. Изд. под редакцией и с предисловием В. Гурко-Кряжина. Кн-во «Современные Проблемы». Москва 1925 г. Стр. 190.

В настоящее время, когда мы располагаем сравнительно обширной литературой по политической экономии, появление каждой новой книги, нового «курса» или «учебника» по политической экономии должно иметь, так сказать, свое «оправдание».

Таким «оправданием» для издания, на русском языке книги Мак Лэна был, по словам ее редактора В. Гурко-Кряжина, «особый, не теоретический, а практический подход ко многим вопросам». Отсутствие «подробного анализа», «возмещается (!) «практицизмом» изложения».

Едва ли впрочем велика научная ценность политэкономии, заменяющей теоретический анализ «практицизмом»!

Непонимание элементарных явлений экономической жизни, грубейшая вульгаризация—характернейшие отличия и «достоинства» политэкономии, «возмещающие» теоретический анализ практицизмом, в том числе и политической экономии Мак Лэна.

Как, впрочем, и следовало ожидать от политической экономии «практика» наиболее уязвимыми местами оказались именно основные теоретические отделы политической экономии. Путаница начинается с анализа стоимости и особенно с критики теории предельной полезности.

Вот как «критикует» Мак Лэн теорию предельной полезности.

«Полезность рыбы, выраженная в деньгах, гораздо больше для миллионера, чем для безработного. Напротив, лишения труда, выраженные в деньгах, гораздо меньше для бедняка, чем для миллионера».

«Богатый человек потребует гораздо большую сумму денег для того, чтобы произвести какую-нибудь работу, чем необходимо предложить какому-нибудь бедняку за подобную же работу».

И эту великолепную защиту, то бишь критику, теории предельной полезности автор заключает:

«Мы должны найти другой критерий измерения, чем полезность, выраженная в деньгах, а именно критерий, не зависящий от условий классовой организации».

И это по автору дает Маркс «в своей теории трудовой стоимости».

Итак, теория трудовой стоимости не зависит «от условий классовой организации»! Впрочем, не выясняя различий конкретного труда от абстрактного, сводя общественно-необходимый труд к полезности («не бесполезный, но общественно-необходимый»), совершенно понятно,

что автор оказался бессилен дать критику теории предельной полезности и лишил политическую экономию ее классового характера.

Запутавшись в стоимости, Мак Лэн естественно переносит эту путаницу и в отдел, посвященный заработной плате.

«Плата, которую предприниматели готовы предложить, обратно пропорциональна числу рабочих, которых они готовы нанять».

«Предельная полезность» упорно лезет в окно. И не менее упорно Мак Лэн гонит ее в дверь, чтобы сочетать в «незаконном браке» с теорией трудовой стоимости.

Надо вообще заметить, что глава «заработная плата» дает обилие комического материала.

«Размеры спроса на труд влияют на издержки на рабочую силу. Если в какой-нибудь отрасли заработная плата становится слишком высокой, чтобы эта отрасль продолжала давать прибыль, в ней будут занимать меньшее количество рабочих и создастся безработица.

Тогда представится два случая: или рабочие принуждены будут согласиться на более низкий уровень жизни, в этом случае понизится оплата, но число рабочих останется прежним, или же известное число рабочих принуждено будет уйти с производства—и тогда оставшиеся будут получать заработную плату в прежних размерах».

Мы привели эту длинную цитату специально для того, чтобы показать читателю, до чего может довести увлечение «практицизмом». Здесь что ни фраза, то демонстрирование непонимания азбуки марксизма. Если бы Мак Лэн был способен более логически мыслить, то из своей предпосылки он должен был бы сделать вывод, что чем больше в какой-нибудь отрасли промышленности рабочих, тем меньше их заработная плата. Стоит же только уволить некоторое количество рабочих, как зарплата незамедлительно повысится.

Когда в капиталистическом обществе бывает такое положение, что заработная плата настолько велика, что лишает капиталиста прибавочной стоимости, прибыли? Это возможно только в одном, единственном случае, когда рыночная цена падает ниже издержек производства, когда капиталистическое хозяйство переживает кризис перепроизводства. Как влияет кризис на заработную плату? Производство сокращается, мелкие предприятия разоряются, рынок заполняется безработными, ищущими работу, за гроши предлагающих свой труд, свою рабочую силу. Капиталист использует армию безработных для понижения заработной платы работающих рабочих. Мак Лэн рассматривает движение заработной платы независимо от всего капиталистического производства и потому ровно ничего не понял в законах, регулирующих заработную плату.

Особенно комичны об'яснения Мак Лэна о причинах неравномерной оплаты труда мужчин и женщин.

«Перспективы замужества делают женщин, с одной стороны, менее заинтересованными в своем труде, с другой,—гораздо более терпимыми к плохим условиям труда».

Едва ли подобного рода об'яснение имеет хотя бы косвенное отношение к марксизму. Впрочем, мы не должны забывать, что политэкономия Мак Лэна имеет свой «особый не теоретический, а практический подход ко многим вопросам», в том числе, вероятно, и к вопросу о женском труде. Чем не «практичен» подобного рода подход к об'яснению терпеливости женщин к плохим условиям труда?

Не менее «практичен» подход Мак Лэна и к исследованию денег и их функции.

В течение ряда эпох люди искали (!) способ, при помощи которого они могли бы определить стоимость всякого рода товаров».

В своем увлечении «практицизмом» Мак Лэн должен был бы еще выразить свое удивление по поводу недогадливости людской. Действительно, товары производят, а способ, при помощи которого их обменивают, ищут в течение ряда эпох! И дальше в своем уже чисто английском «практицизме» (политэкономия ведь должна дать практические знания!) Мак Лэн поучает своих читателей:

«Торговцы Востока запрашивают в три или четыре раза дороже той цены, за которую они в конце концов готовы уступить свой товар».

Надо отметить, что обмен по Мак Лэну не есть нечто присущее определенной экономической формации. И так же, как он не представляет возможности существования общества без обмена, товарное хозяйство рисуется ему извечным.

«Если перестанут пользоваться золотом, как деньгами, то смогут ли чем-нибудь заменить его?»,—спрашивает Мак Лэн и отвечает:

«Конечно, возможно, что в будущем обратятся... к системе рабочих квитанций, но трудно точно определить, получится ли от этой замены какой-нибудь выигрыш».

«Люди **всегда** будут нуждаться в определенном мериле стоимости, а поэтому позволительно усомниться в том, чтобы какой-нибудь новый способ вычисления стоимости миллионов товаров был бы столь удобен, как исчисление в золоте».

«Известный вид денег будет, по всей вероятности, необходим при **всякой экономической системе** для того, чтобы служить средством измерения потребностей и **всеобщим** средством обмена, дающим возможность выбирать среди массы разнообразных предметов те, на которые пожелают тратить свои доходы» (Курсив везде наш. *К. Р.*).

Увлечение Мак Лэна «практицизмом», как видим, с неизбежностью привело его к явному извращению марксизма, строго ограничивающего во времени действие законов и категорий политической экономии. Универсализация законов и категорий политической экономии, есть не что иное, как универсализация капиталистического способа производства, утверждение его законов, как законов действительных для всех экономических формаций, превращение категорий «капитал», «товар», «деньги» и т. п. в категории логические.

Там, где есть обмен, стоимость и товар, там есть и эксплоатация и прибавочная стоимость, и капитал, и капиталистический способ производства. Если по Мак Лэну существование обмена, товара и денег действительно «при всякой экономической системе», то при всякой же экономической системе, т.-е. и при коммунизме, будет действителен капиталистический способ производства.

Таков неизбежный итог всех рассуждений Мак Лэна, который он пытается прикрыть грозными окриками на «ортодоксальную» буржуазную политэкономию, противопоставляя ей свою—«не ортодоксальную».

Перлами совершенно невиданных премудростей пестрит вся книга Мак Лэна.

«Разделение труда относится к началу капиталистического производства».

А натуральное и феодальное хозяйства разве не знали разделения труда?

Впрочем, едва ли можно перечислить все то, что **неверным** преподносится в маленькой, но удивительно путаной книжке Мак Лэна.

Например:

«Созданная ремесленниками прибавочная стоимость распределяется между потребителями их изделий, т.-е. эксплоатируется всем обществом».

Если принять марксистское понятие прибавочной стоимости, как ту часть вновь произведенной стоимости, которую рабочий вынужден отдавать капиталисту, как владельцу средств производства, то такой прибавочной стоимости ремесленник не производил, потому что он сам владелец средств производства. Если же ремесленник производит бо́льшую стоимость, чем стоимость его рабочей силы, то, во-первых, этот излишек не будет прибавочной стоимостью, во-вторых, он пойдет в карман ремесленнику и вовсе не обязателен к распределению «между потребителями его изделий».

Совершенно очевидно, что редактор В. Гурко-Кряжин был прав, когда говорил, что «часть теоретическая здесь сокращена до минимума», но мы с ним не можем согласиться ни в малейшей мере, что отсутствие теоретического анализа возмещается «практицизмом» изложения. Совершенно прав Гурко-Кряжин, когда говорит, что теоретическая часть «сведена в сущности к ряду формул необычайно ясных (допустим!) и лаконичных (хотя бы!), но глубоко не прав, если думает, что в книжке Мак Лэн дает «научно выверенное и марксистски построенное пособие».

Если как «марксистское пособие» книжка Мак Лэна никуда и не годится, то как практическое пособие она несомненно имеет известные достоинства. Нам было, например, чрезвычайно ценно узнать, что английский банк

«имеет держателей его акций, совет директоров и обычным путем уплачивает дивиденды (притом очень недурные)».

Недурные дивиденды! О, это нашему рабфаковцу будет не вредно узнать. Недурные дивиденды. (Совершенно очевидная оплошность, что не указаны часы, когда открыт банк и его точный адрес.) Наконец, чрезвычайно важны замечания Мак Лэна по поводу «чеков». Так как книжка Мак Лэна издана, к сожалению, в очень ограниченном количестве экземпляров (всего только пять тысяч), мы полагаем необходимым, считаясь с нашей общей некультурностью и отсталостью познакомить нашего читателя с чековой системой. Вот, что пишет Мак Лэн:

«Чековая книжка состоит из определенного количества листков бумаги (обыкновенно 25), сшитых вместе, стоимостью каждый в два пенса от наклеенных марок; как листки бумаги, без этих марок они не имеют никакой цены и, нашедший чековую книжку, не найдет в ней ничего стоющего. Владелец подобной книги может даже, если пожелает, сжечь ее, и от этого с ним не случится ничего плохого».

И для чего такую книжку нужно было кн-ву «Современные Проблемы» издавать?

К. Розенталь.

Об отделе переписки с читателями.

В редакцию постоянно поступают письма и запросы читателей журнала, особенно из провинции, по различным вопросам марксистской теории. В некоторых из них товарищи просят давать в журнале ответы на темы, по которым они не находят материала в текущей литературе и по которым редакция не всегда оказывается в состоянии поместить целую статью. Поэтому, следуя предложению одного из товарищей, редакция со следую[щего но]мера открывает отдел переписки с читателями, в котором на протяжении нескольких страниц сотрудниками журнала будут даваться ответы и библиографические указания по запросам теоретического характера, получаемым редакцией. Там же редакция предполагает помещать те получаемые ею заметки, поправки и указания по печатаемому в журнале материалу, которые не носят статейного характера и не относятся к отделу трибуны.

Редакция надеется, что товарищи поддержат своими письмами, указаниями и сотрудничеством это начинание, которое должно помочь им в их самообразовательной работе и, с другой стороны, должно помочь редакции быть ближе к тем вопросам, которые интересуют массового читателя и волнуют его марксистскую мысль.

Все запросы, письма и указания редакция просит направлять по ее адресу: Москва, Тверская, 48 (во дворе, 5-й этаж).

Редакция.

Письмо в редакцию.

Государственный Тимирязевский Научно-Исследовательский Институт просит вас напечатать на страницах вашего журнала следующее:

В виду спора, разгоревшегося вокруг книги И. И. Степанова «Современное естествознание и исторический материализм», и большого интереса этого спора для всех естественников-материалистов, Совет Гос. НИТ'а организовал диспут на тему: «Механическое естествознание и диалектический материализм», пригласив на него помимо членов Института ряд компетентных лиц.

В результате прений, в которых приняли участие т.т. Степанов, Тимирязев, Левин, Боричевский, Боссэ, Перов, Понятский, Тер-Оганесов, Местергази, собрание большинством всех голосов против одного приняло следующую резолюцию:

«Открытое заседание Совета Государственного Тимирязевского Научно-Исследовательского Института приветствует появление в свет книги тов. И. И. Степанова. Собрание считает, что книга эта, зак[illegible]д легко исправимых ошибок по частным вопросам естествознания, совершенно правильно освещает основы механического естествознания и верно намечает его связь с диалектико-материалистическим мировоззрением».

В виду того, что на страницах вашего журнала предполагается уделить много внимания критике книги тов. Степанова, Государственный Тимирязевский Научно-Исследовательский Институт полагает, что вашим читателям будет небезынтересно знать коллективное мнение учреждения, об'единяющего научно-работающих естественников коммунистов и близких к ним по духу непартийных естественников материалистов.

Зам. директора Ин-та **Г. Боссэ.**

Условия приема в Институт Красной Профессуры

на 1925/26 уч. г.

В текущем году прием будет производиться на следующие отделения: 1) экономическое, 2) философское, 3) историческое, 4) правовое, 5) естественное и 6) на подготовительные курсы.

Условия приема на основные отделения.

1. На все отделения принимаются члены РКП, обладающие 5-ти летним партийным стажем. Для рабочих в отдельных случаях возможно исключение в виде понижения стажа. [illegible]

В случае удовлетворительного решения вопроса Правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с Приемочной Комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1925 г.

4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 16 сентября, после чего Правление имеет окончательное суждение о кандидате.

5. От поступающих требуется основательное знакомство со следующими проблемами по теоретической экономии в об'еме нижеследующей литературы:

I. Проблемы по теоретической [illegible]

1. Предмет и метод [illegible] экономии. Основные [illegible] экономической науке. [illegible]

день. Этапы фабричного законодательства и его современное состояние.

5. Относительная прибавочная ценность. Кооперация, мануфактура, машина. Проблема сверхприбыли (технической ренты). Производительность и интенсивность труда.

6. Общая характеристика простого и расширенного воспроизводства. Концентрация и централизация капитала.

7. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала и его изменение. Абсолютное и относительное перенаселение. „Железный закон" заработной платы. Резервная армия. Форма относительного перенаселения. „Теория обнищания".

8. Заработная плата и ее формы. Экономическая роль профессиональных союзов и предпринимательских организаций.

9. „Первоначальное накопление". Промышленный переворот. Основные этапы в развитии капитализма в России.

10. Кругооборот капитала. Основной и оборотный капитал. Воспроизводство общественного капитала. Проблема [illegible] ценности [illegible] кризисов. [illegible] по вопросу [illegible] продукта. Народники [illegible] Теория Туган-Барановского [illegible]

11. Учение [illegible]

становкой проблемы воспроизводства общественного капитала, а по 14 м для них необязательно знание теории вексельного курса.

Для поступающих на естественное отделение по п. 3 достаточно общего знакомства с основными функциями денег и их видами. По п. 10-му знакомство с проблемой в об'еме, указанном для философского отделения. По п. 12 только общее понятие о финансовом капитале. Акционерн. о-ва. Роли банков. По п. 14-му. Учение о балансе и вексельных курсах необязательно.

Литература по теоретической экономии: а) основательное знакомство с экономическим учением Маркса по главным произведениям последнего: 1) „Нищета философии", 2) „К критике политической экономии"[1]), 3) „Капитал" (I, II и III т. т.), II том обязателен только для экономистов. б) Знание марксистской литературы, посвященной новейшему развитию капитализма: 1) Гильфердинг — „Финансовый капитал"; 2) Ленин: „Империализм", 3) Бухарин: „Империализм и мировое хозяйство", 4) Бухарин: „Политическая экономия рантье"[3]). в) Знакомство с курсом какого нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.), а также основательное знакомство с экономической географией[4]).

2. По философии.

Проблемы (обязательные для всех отделений):

1. Основные школы древне-греческой философии. (Особое внимание обратить на Демокрита и Эпикура.)
2. Номинализм и реализм средневековой философии.
3. Бэкон, как родоначальник материализма нового времени.
4. Декарт—противоречия его системы.
5. Гоббс.
6. Гассенди.
7. Сенсуализм Локка.
8. Спиноза и его учен[illegible]
9. Беркли и [illegible]
10. Учение [illegible]

12. Французский материализм XVIII-го ст., его исторические корни и его особенности.
13. Ламетри.
14. Дидро.
15. Гельвеций.
16. Гольбах.
17. Кант.
18. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля).
19. Гегель.
20. Фейербах.
21. Марксизм, его исторические корни и основные этапы:
    а) Диалектический материализм.
    б) Теория познания марксизма.
    в) Учение об обществе.
    г) Теория общественных классов.
    д) Учение о классовой борьбе.
    е) Теория диктатуры пролетариата.
    ж) Учение о государстве.
    з) Учение о партии.
    и) Идеология.
22. Борьба философских школ в марксизме.

Литература по философии: Энгельс: 1) „Л. Фейербах", 2) „Анти-Дюринг", 3) „Диалектика в природе (только для естественников); Плеханова: 4) „Основные вопросы марксизма", 5) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", 6) „Очерки по истории материализма", 7) Ленина „Материализм и эмпириокритицизм", 8) Аксельрод „Философские очерки" [1], 9) Деборин—„Введение в философию диалектического материализма" (с дополнением статей о философских воззрениях Л. Фейербаха в № 7—8, 9—10, 11—12, „Под Знаменем Марксизма") [2], 10) Ланге: „История материализма" [3] (т. I), 11) Геффдинг: „История новейшей философии"—от Канта) (обязательно только для философов и естественников), 12) Гом... „Греческие мыслители" ...

(Покровский „Очерк истории русской культуры", I, ч. 1, гл. 3-ья и 4-ая).
2. Спор с Троцким о происхождении русского самодержавия.
(Троцкий, 1905, введение и прилагаемая, начиная со 2-го изд., статья против Покровского).
(Покровский, „Классовая борьба и русская историческая литература" (приложение) и статьи в „Вестнике Соц. Академии", №№ 1, 2 и 4).
3. Внешняя политика эпохи крепостного хозяйства.
(Покровский, „Русская история", т. IV, стр. 30—44; его же „Дипломатия и войны царской России XIX в.", статьи: „Русский империализм" и „Крымская война"; последняя может быть заменена ст. „Крымская война" в словаре Граната).
4. Декабристы.
(Покровский. „Русская история", т. III, гл. XIII).
5. Крестьянская реформа.
(„Очерк" Покровского, ч. 1, гл. 5-ая первого отд.; его же „Крестьянская реформа" в „Истории России XIX в.", изд. Граната).
6. Аграрный вопрос в России после реформы.
(Ленин, „Сочинения", т. IX, ч. 2).
7. Промышленное развитие пореформенной России.
(Ленин, „Сочин.", т. III, гл. V—VIII).
8. 1905 год.
(Ленин. „Сочинения" т. т. VI и VII; для фактической стороны, как минимум—Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке", ч. III).
9. Столыпинщина и война.
(Покровский. „Очерки по истории революционного движения XIX и XX в.в", лекции 7—10; его же—„Как началась война 1914 года", „Пролетарская революция" № 7 (30), 1924 г.; его же—„Как русский империализм готовился к войн ", „Большевик" ...

2. Классические примеры буржуазных революций.

3. Первые шаги рабочего движения.

4. Основные направления в утопическом социализме.

5. I Интернационал.

6. Парижская Коммуна.

7. Основные типы рабочего движения и развитие социализма в последней четверти XIX и первом десятилетии XX века.

8. II Интернационал.

9. Колониальная политика империалистических государств.

10. Кризис международного социализма и зарождение Коминтерна.

Для специалистов историков кроме названных проблем необходимо знакомство со следующими вопросами:

1. Теории экономического развития древнего мира.

2. История аграрных отношений в древней Греции и Риме.

3. Происхождение христианства.

4. Порисхождение и сущность феодализма.

5. Городской строй и гор. движения в средних веках.

6. Крестьянск. войны (XIV-XIV в. в.).

7. Сословная монархия.

8. Конституционное развитие Англии.

Литература по всеобщей истории: 1) „Предшественники новейшего социализма", под редакцией Каутского, 2) Ф. Олар (краткое издание). „Великая Французская революция". 3) Кунов, „Борьба классов во Французской Революции", 4) Исторические работы Маркса и Энгельса („Борьба классов во Франции", „18 брюмера", „Революция и контр революция в Германии", „Гражданская война во Франции"), 5) Стеклов: „Интернационал", 6) Рязанов: „Маркс и Энгельс". 7) Волгин: „Очерки по истории социализма", 8) Лукин: „Новейшая история Зап. Европы", 9) его же „Парижская Коммуна" (для правовиков может быть заменена Степа[нов]...), 10) его же ... „Очерки по истории средневекового общества и государства", 2) Кропоткин: „История Великой Французской революции", или Олар: „Великая Французская революция", 3) Сеньобос: „Политическая история Западной Европы" или Кареев: „История Западной Европы в XX в.". т. VII, 4) Энгельс, „Крестьянская война в Германии", 5) Бутми, „История общественного строя Англии", 6) Конради, „История революции", т I, 7) Зиновьев: „Война и кризис социализма".

в) От поступающих на естественное отделение требуется:

Знание фактической истории в об'еме следующих работ: а) Виппер, Учебник древней истории и средних веков, б) Лукин, „Западная история", в) Покровский: 1) «Русская история», 2) «Как возникла мировая война», г) Ленин: „Развитие капитализма в России".

4. По теории права и государства.

От поступающих на правовое отделение требуется знакомство со следующими проблемами по теории права и государства в об'еме нижеуказанной литературы:

а) Право: (общая часть).

1. Право и классовое общество. Право, как форма господства. Право, как форма, порождаемая разделением труда и обменом.

2. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.

3. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, право, как норма и право как идеология.

4. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.) Смысл этих подразделений и их критика с марксисткой точки зрения.

его уголовная политика. Наказание и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

9. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение „частно правовой автономии". Защита интересов трудящихся и советского государства. Основные начала вещного, обязательственного и наследственного права по Г. К.

10. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договоры. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

11. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

12. Судоустройство и процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

Государство.

1. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и классы.

2. Государство, как организация господствующего класса.

3. Типы государства: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

4. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические и парламентарные государства.

5. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

6. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Теория анархистов.

7. Отмирание государства.

Литература по теории права и государства. Ленин, „Государство и революция", т XVIII, ч. 2, Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства", Стучка, „Революционная роль права и государства", Гурвич, „Основы Советской Конституции", Карнер, „Социальные функции правовых институтов", Гойхбарг: „Хозяйственное право", т. I, Гражданский кодекс Пашуканис: „Общая теория права". Марксизм. Кроме того, требуется основательное знакомство с конституцией СССР и РСФСР и основными кодексами, а также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (напр., Гумплович, Дюги, Ориу, Острогорский) и с политическим строем западно-европейских государств (Англия, Франция, Германия, С.-А. С. Ш. и т. д.).

Примечание. Для всех поступающих на все отделения, кроме подготовительного, желательно знание одного из новых языков.

Все принятые в институт товарищи, согласно постановления СТО от 30 марта 1921 г., снимаются с своей прежней работы и переводятся в Институт.

Слушатели обеспечиваются денежным довольствием и по возможности общежитием.

Правление Института Красной Профессуры.

ОПЕЧАТКИ.

В № 1—2 за 1925 г. вкрались следующие опечатки:

НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
На стр. 88 в статье т. Тальгеймера в заголовке IV главы: религиозное ядро	рациональное ядро
На стр. 126, 2 строка сверху: № 10—11.	№ 12.
На стр. 248, подпись: Г. Зайдельс.	Г. Зайдель.

Редактор: Ответственная Коллегия